

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ
ПЯТЬ ЖИЗНЕЙ
ЧИТЕРА

Annotation

Ты здесь никто, ноль, пустое место, у тебя нет ничего, даже воспоминания отобраны непостижимой Системой. Чтобы вернуть хотя бы часть из них, придется немало поработать, и работа эта будет непростой. А еще тебе придется много умирать, потому что ты слишком слаб и у тебя нет самого главного — информации, без которой выживание в этом крайне неприятном месте невозможно. Ее нельзя получить у безликих *цифр*, нужны тебе подобные, но только опытные, много чего повидавшие. Вот только они не очень-то торопятся делиться знаниями, к тому же для некоторых из них прихлопнуть такого, как ты, — чуть ли не святое дело. Так что умирай снова и снова, отматывая счетчик жизней. Даже основатели не знают, что произойдет, когда он обнулится, но многие уверены — это последняя смерть, больше воскрешений не будет. Ты не первый на этом пути и вряд ли последний. И еще. Много звезд должно сойтись на небе, чтобы удача улыбнулась на старте или хотя бы поблизости от него.

Некоторым она улыбается во все тридцать два зуба — тем, кому повезет найти уязвимость в Системе. Таких называют читерами.

В книге использованы элементы мироустройства вселенной S-T-I-K-S.

- [Артем Каменистый](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)

- [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Артем Каменистый
ПЯТЬ ЖИЗНЕЙ ЧИТЕРА

Глава 1

Жизнь первая. Короткая

Новичок, вас приветствует новый мир. Он красив и сулит вам множество незабываемых моментов, не всегда позитивных. В связи с этим помните, что количество ваших возрождений ограничено, а заработать новые непросто.

Вы вот-вот станете частью Континента. Вы возрождены на кластере 145-33-29. Регион — Западное Побережье. Текущее количество возрождений — 99 жизней (стартовое). Текущие задания: выжить, искать, узнать тайное, помочь, задать правильный вопрос. Текущий статус — старт первой попытки. До

перезагрузки кластера осталось 100 секунд. Подсказка: вызов полноформатного контекстного меню — команда «Меню»; вызов всех или отдельных шкал на активный экран — команда «Показатели» с добавкой «Все» или названиями требуемых шкал. Показатели вызываются аналогично. Все элементы меню масштабируемы, можно изменять их цвета, степень прозрачности, внешний вид и расположение.

Удачной игры.

Сны, как правило, небогаты на логику, вот и этот не стал исключением. Широкая каменная лестница, он куда-то по ней поднимается, потом несколько шагов по плитам из того же камня, впереди раздвигаются двери лифта, а следом все окутывает угольно-черный мрак, в котором ярко горит бессмысленная надпись в несколько строк.

Непонятно, что за лестница, что за темнота такая непроглядная и откуда в ней такая надпись, которая не освещает ничего, кроме себя?

И самое главное — кто он такой?!

Вопрос вопросов, потому что не имеет понятия, как на него ответить. Прекрасно понимает, что у человека должно быть имя, но свое почему-то не знает.

И где он вообще? Вот здесь с ответом попроще — чтобы поискать его, достаточно открыть глаза.

Открыл, но понять, где очутился, не смог. Нет, вообще-то многое стало понятно, но не то, что напрягало больше всего. Он лежит на узкой койке, которая приткнулась к дальней от окна стене небольшой комнаты. Скромные размеры помещения не стали помехой к размещению трех одинаковых по степени неудобства лежанок, пары столов и такого же количества убогих шкафчиков. Оставшееся место отдано на разграбление бардаку — куда ни глянь, обязательно уткнешься во что-то валяющееся, в том числе и в откровенный мусор. Отслаивающиеся пошлые обои, треснувший плафон унылого светильника, пыльные стекла, на которых какая-то малограмотная личность пальцем вывела четыре слова, причем два из них крайне неприличные, а третье с ошибкой.

В общем, местечко на пять звезд не тянет, и он его видит впервые в жизни.

Или забыл, столь же основательно, как и свое имя.

Амнезия уже начала напрягать, но в этом имелся и светлый момент — он не чувствует себя ни больным, ни ущербным и почти уверен, что надо лишь слегка напрячь голову — и все мгновенно вспомнится.

Однако, как ни пытаются напрячь, не вспоминалось. Непонятно, почему так? Что-то в этом неправильное, но что?..

Вообще ничего не вспоминается, только лестница, каменные плиты и еще... Нет, ничего, вообще ничего, лишь неуловимый намек на тень воспоминания, но за тень не ухватишься.

Сел, свесил ноги, обнаружив тапки чуть в стороне. Изрядно поношенные, не первой чистоты, и не помнится, чтобы их туда ставил. По идее ноги без помощи головы должны такие вещи знать, обуваться вслепую, но почему-то не знают.

Или тапки кто-то переставил, или произошло что-то другое, или это не его койка, или мысли потекли в неправильном направлении.

Или ноги отказываются обзаводиться собственной памятью.

Это как он дошел до такой жизни, чтобы забыть абсолютно все?! Интересно, хотя бы говорить умеет?

Проверил простейшим способом — набрал в грудь воздуха и, решившись, произнес:

— Привет.

Куча шерстяных одеял на дальней койке зашевелилась, из-под них высунулась голова, украшенная безумной всклокоченной прической, и хриплым голосом ответила:

— И тебе привет.

Увидев, что в комнате кто-то есть, не удержался от удивленного вопроса:

— Ты кто?!

— Да ты что, совсем уже? Меня не узнаешь? Я же Серый.

— А я кто? — уточнил уже вдумчиво, весьма заинтересованный в ответе.

Серый высунулся чуть больше и уставился странно. Брюнет лет двадцати с небольшим, на лице заметны красноречивые следы вчерашней неводержанности, да и характерный душок в комнате намекает на то, что кто-то из присутствующих накануне употреблял не одну лишь ключевую воду.

— Рок, ты под чем? — спросил наконец, хоть как-то обозначив личность.

Вряд ли это имя, но за неимением альтернативы — сойдет.

— А под чем я должен быть?

— Да откуда мне знать? Ты вроде вообще дурью не увлекался никогда, спортсмен и все такое. Хотя... я же тебя сто лет уже не видел. Как сам-то? Дела идут?

— Дела у прокурора, а у меня все плохо.

— Что так?

— Не помню я ничего. Даже как звать, не помню.

— Рок, да ты ведь реально под чем-то. Глаза нормальные, а сам какой-то вообще не такой. Может, тебе таблетку дать?

— Травануть захотел? Что за таблетка?

— Да тут хрен поймешь, чем закидываться надо, первый раз вижу, чтобы человека так накрыло. Ты это... ты не придуриваешься?

— Дураком меня назвать хочешь?

— Да нет, просто никогда не видел, чтобы людей так...

— Тогда поаккуратнее с выражениями, — перебил Рок Серого. — Давно, говоришь, меня не видел? Когда это было в последний раз?

— Да тут разве вспомнишь. Вроде у манежа перекинулись парой слов недельку назад, ты тогда нормально выглядел, хромал куда-то, на ногу опять жаловался. Но это не базар был, несерьезно.

— А сейчас я как выгляжу? За нормального сойду?

— Да ты вообще не похож на нормального, выглядишь так, будто тебя пыльным мешком пришибли. Как вообще здесь очутился?

— Не понял?

— Вообще-то до аспирантской общаги отсюда две остановки.

— Аспирантской?

— Ну да, ты же у нас почти без пяти минут кандидат наук, большой человек стал, все в шоке.

— Почему?

— Что — почему?

— Почему все в шоке?

— Рок, без обид, но на кандидата наук ты никак не тянешь. Не твое это.

— И что со мной не так?

— Да все пучком, просто доцентом быть — реально не твое. Как сам-то? Решил по старой памяти в родном углу нарисоваться?

— Слышь... ты... чертей по углам рисуй, давай уже в темпе начинай следить за языком, а то я раздражительным становлюсь. С нервами что-то не то.

— Да ты не просто нервный, ты нереально накрытый. Это ведь комната твоя старая, не помнишь разве? Вот эти койки чуть ли не всех первокурсниц перевидали, а уж сколько кубов спирта через вашу с Семой берлогу прошло, мама моя родная! — Серый сокрушенно покачал головой, показывая, что алкоголя было немало. — Забыл, что ли? Как такое вообще

забыть можно. А как от ментов в окно отсюда сигал, тоже забыл? Ты ведь из-за того случая ногу до конца доломал, две операции потом делали, а может, и больше. Футболом не убил в ноль, так тут разнес. Что, вообще не помнишь?

— Сколько раз тебе еще нужно повторить, чтобы дошло?

— Рок, да не заводись, ты же человек, а не мопед китайский. Я же и сам не все помню, вчера вообще никакущий вернулся. Ты даже не представляешь, я Дубине зачет сдал с первого раза, вот прикинь, какая пруха пошла. После чего мы с Максом и Чайкой завалились для начала к Балде, а ты Балду знаешь, у него всегда что-то есть, он, вообще, в доску свой. Убей не помню, что потом делал, как добирался, походу, на бровях поползал. И тебя я здесь вроде бы вчера не видел. А Макс где?

— Не знаю. Я вообще ничего не знаю. Давай ты как-нибудь попроще будешь говорить, у меня уже винегрет в голове из общаг, Максов и Чаек.

— Да уж, ты реально плывешь. А ведь непохоже, что накатывал. Приторчал? На чем сидишь?

— Глаза разуй, я на койке сижу.

— Да я не о том. Ну, в том смысле — принимал что-нибудь? Как называлось, у кого брал?

— А ты что, из Госнарконтроля, чтобы такие вопросы задавать?

— Да ну, Рок, я ведь просто разобраться хочу. Вот ты часто видел, чтобы человек все забывал?

— Я и тебя-то впервые вижу, или это до сих пор не дошло?

— Рок, как-то ненормально вообще. Говоришь вроде по делу, голимую пургу не несешь, но сам ничего не помнишь. Интересно получается, не знаю, под чем ты, но это точно что-то тяжелое. А ну-ка, сейчас гляну, может, в сети что-то нарою. Слышал, что колеса недавно такие появились, от них реально память отшибает, скорее всего, ты ими и закинулся. Совсем ничего не помнишь?

— Лестницу помню.

— А еще?

— Плиты каменные, еще лифт там был, по-деловому выглядел: двери четкие, внутри полный фарш, все блестит, ни разу не ободраный. И еще костюм на мне был. Серый. А где мое барахло? Только не надо втирать, что я в трусах и майке сюда заявился.

— Ищи, должны быть. Вон, на стуле, не твое?

Говоря это, Серый не выбирался из-под одеяла и суетливо водил пальцем по экрану здорового планшета. Лицо его чуть нахмурилось, он недовольно произнес:

— Че за фигня, вай-фай отвалился. Рок, будь другом, жамкни роутер.
— Тебя мама не учила по-человечески разговаривать?
— Так нормально же все, роутер, говорю, перезагрузи, Интернета нет.
Ну, в смысле шнур выдерни, потом вставь, бывают у него заскоки. Да вон же он, слева. Забыл, что ли? Сам же его подогнал, мы еще пакет к нему вместе оформляли.

Упорное непонимание ситуации со стороны собеседника начало Рока напрягать, о чем он и сообщил:

— А может, тебе в голову разок оформить?
— Ты че?!
— Сколько тебе, непонятливому, можно повторять, что с памятью у меня не все в порядке? Какой, в задницу, роутер с пакетами, если я даже имя свое вспомнить не могу?!

— А, ну да, извини, никак не могу вкурить, каково это — не помнить ни фиги. Просто выдерни шнур, потом назад вставь.

— Вот так и надо было говорить... пакет мы с ним вместе оформляли... ну да...

Выполнив просьбу Серого, Рок с сомнением спросил:

— А это нормально, что фигня не светится?
— Ты о чем?
— Да роутер твой. Ни одного огонька на нем не наблюдаю.
— Не, это вообще ненормально. А ну-ка. — Серый протянул руку, клацнул выключателем, недовольно заявил: — Света нет. Может, у всех выбило, сходи в коридор, разведай.

— Я тебе что, мальчик, по коридорам разведывать?
— Да я не в напряг, тебе к двери два шага сделать, глянь одним глазом.
— И на что мне там смотреть?
— Есть там свет или нет.

Электричество Рока сейчас интересовало меньше всего, но почему бы не посмотреть, ведь до двери и правда рукой подать. Она оказалась незапертой. Чуть потянув створку на себя, он обнаружил за ней сумрачный коридор, с другой стороны которого выглядывал зеркально похожий на Серого парень — как внешностью, так и возрастом один в один.

Уставившись на Рока, тот спросил:

— У вас что, тоже света нет?
— А разве похоже, что есть?
— Да тут, походу, ни у кого света нету. А телефон работает?

Отвернувшись, Рок спросил у продолжавшего терзать планшет Серого:

— Тут население интересуется насчет телефона. Пашет?

— У меня в планшете своя симка стоит, но ни хрена не показывает. И смарт сеть не ловит. Спроси там, вода хоть есть или мы в каменный век попали?

Выглянув в коридор, Рок доложил:

— Можешь свой телефон выбросить, поговорить не получится. А как обстановка с водой? Имеется в кране?

— А я откуда знаю? Только глаза продрал, у бати день рождения, поздравить хотел, а хрен дозвонишься. У него все строго, если не позвоню вовремя, придется до конца семестра жить на стипендию.

Прикрыв дверь, Рок заявил:

— С водой вопрос неясный.

— Я слышал.

— Вот думаю... Может, мне к врачу сходить?

— На кой?

— А к кому еще идти, если память отшибло? К пожарным, что ли?

— Так ты реально не придуливаешься?

— Я тебя реально по черепу сейчас ударю.

— Рок, да просто в такое не верится, да и на тебя не похоже вообще. И мрачный ты какой-то.

— А ты бы не был мрачным на моем месте?

— Ну да, реально мрачно, когда ничего не помнишь. Барыг этих тоже не помнишь? Ну, в смысле тех, кто подогнали эти колеса.

— Очень хотелось бы вспомнить. А ты не в курсе, у кого такие достают?

— Я не в теме, но можно с народом пообщаться. Только зачем они тебе нужны?

— Головы хочу кое-кому проломить. Товар не понравился.

— На таких темах серьезные ребята сидят.

— Такие серьезные, что у них даже голов нет?

— Не, ну головы, конечно, должны быть, как без них.

— Значит, есть что проламывать. Ты поспрашивай.

— Это дело небыстрое, — предупредил Серый.

— Схожу к врачу, а ты пока узнай, кто это, где их искать, чем дышат.

Ну ты меня понял.

— Если тебя после колес так накрыло, нельзя врачам показываться. Они же с ходу тему веществ просекут и кровь на анализ возьмут, химия долго в ней держится. Хотя тебя вряд ли выпрут даже за такие дела, ведь Паровоз к тебе неровно дышит, а он без пяти минут ректор, с такой

мохнатой лапой главное — не ширяться в паховую вену на парадном входе, все остальное сойдет.

— Так что мне тогда делать, если не к доктору идти? Серый, я себя реально овощем ощущаю, в голове космос.

— В смысле — вакуум? У меня бывало, но на память жалоб не было. Я тебе точно скажу, что перед врачами светиться не надо, а то мало ли. Паровоз может и выводы сделать... нехорошие. Да ты лежи, расслабься чуток, до вечера эта гадость сама должна рассосаться, башка опять варить начнет. И больше этим не закидывайся, тебя торкает ненормально, заagneшься, как Пашка в прошлом году. Чего тебя вообще на это дело потянуло, ты же спортсмен и все такое? Из-за того, что со Светкой разбежались?

— Кто такая Светка?

— Реально забыл?! Ну тебе точно повалиться надо.

— Да не могу я лежать, места себе не нахожу, ты даже не представляешь, каково это — имя свое не помнить. Кто я вообще? Рок — это ни хрена не имя.

— Да-а, небось ты двойной дозой закинулся. — Серый покачал головой, а затем лицо его озарилось. — Слушай, а давай ты поспишь?

— Ты издеваешься? В голову выпрашиваешь?

— Да я реально дельное советую, здоровый сон всем помогает. Ну что ты как неродной, я ведь помочь хочу.

— Серый, спать мне совсем неохота, да и как уснуть при таких делах. Что ты вообще несешь?!

— Не грузись, сейчас все будет. — Вытащив из-под кровати картонную коробку, Серый, покопавшись в шуршащем и позвякивающем содержимом, протянул начатую упаковку таблеток. — Закинься парой, поспишь до самого вечера, тебя из пушки не разбудят.

— Тоже гадость какая-то?

— Да не, просто снотворное. Нормальное, крутое, его только по рецепту достать можно. Мишку из меда помнишь? Ну, это тот, который губной помадой себя изрисовал, а потом голый носился по коридору и орал, что он индеец. Не помнишь? Блин, да ты реально поплыл, как такой цирк вообще можно забыть? Вот Мишка и подогнал. Давай-давай, вон водички возьми, запьешь и через пять минут храпеть начнешь. Тебе это реально нужно.

Уверенности в том, что ему нужно именно это, у Рока не было. Но сидеть здесь не пойми с кем и до вечера ждать, когда в голове проявится хоть что-то...

Нет, на мозговую пытку он не согласен.

Серый ошибался, продержался Рок больше пяти минут. Но никакой выгоды от затянувшегося бодрствования не получил, потому как за это время не узнал о себе ничего, что стоило узнавать. Аспирант двадцати четырех или около того лет от роду, известная в городе личность — незаурядная звезда местного футбола, покинувшая спорт надолго или навсегда из-за травмы колена и пытающаяся найти себя на научном поприще. Благо в последнем вопросе многие охотно пошли навстречу, ценя былые заслуги. В этой комнате он жил во времена затянувшегося студенчества, его здесь знают как облупленного, считают своим в доску парнем, может заходить в любое время дня и ночи.

Что за науку Рок изучал — разузнать не успел.

Как не узнал и свое имя. Серый всеми правдами и неправдами избегал его называть, будто опасался, что, услышав его, а не вспомнив самостоятельно, Рок окончательно закроет себе дорогу к возвращению памяти.

Мутный он какой-то.

Пробуждение было кошмарным — на него навалилось что-то тяжелое и живое, от повышенного веса заметно прогнулась койка, между шеей и плечом уткнулось непонятно-мокрое, омерзительное, причмокивающее, и Рок тут же вскрикнул от острой боли.

Да его же кусают!

Нет, не кусают! Его, твою мать, грызут! Грызут жадно и кроваво!

Положение было неудобным, да и застигнут врасплох, спящим, ничего не соображающим, одуревшим от немалой дозы убойного снотворного. Но противник не сумел реализовать преимущество внезапного нападения, Рок ухитрился извернуться, с криком выдирая свое мясо и кожу из злобных челюстей, выгибая руку, упираясь локтем в нападающего, отстраняя его.

А тот противно урчал, резво пытаясь подтянуть себя назад, чтобы еще раз пустить в ход зубы. Дудки, Рок, сумев правильно выгнуться, пустил в дело вторую руку, сжатым кулаком с силой врезав во что-то одновременно жесткое и сочное.

Судя по приятно прозвучавшему треску — попал в те самые зубы, размозжив при этом губы.

Противника удар ошеломил, он чуть отстранился и перестал проявлять опасную настойчивость в уменьшении дистанции. Рок, развивая успех, крутанулся, уперся плечами и затылком в стену, отпихнул гада ногами с такой силой, что тот не удержался, слетел с койки и шумно завалился на пол, где уже через полторы секунды заработал удар стулом по корпусу.

Рок перед этим от души размахнулся, несчастный предмет мебели при этом разлетелся, хлипковат он для таких делишек. В руках остались две ножки, которыми продолжил дубасить урчащее брыкающееся тело.

— Сука! Сдохни! Сдохни, урод! — орал он, все больше и больше зверя.

Боль в укушенном месте и стекающие из раны горячие струйки крови нисколько не способствовали успокоению. Да и псих, едва не вцепившийся зубами в шею, похоже, отоваривался у тех же барыг, которые оставили Рока без памяти. С ним явно что-то не так, после такой обработки он должен в три секунды вырубиться, ну или калачиком скрутиться и жалко поскуливать, а этот, как робот, упорно рвется встать и продолжить.

Ярость добралась до последних остатков разума, Рок не сдержался, с добротного замаха залепил по поднимающейся голове, очертания которой едва угадывались во мраке.

Врезал как следует, даже хруст слышался, причем хрустело не дерево. И пусть после такого, возможно, придется серьезно объясняться с правоохранительными органами, все равно этот звук пролился на сердце успокаивающим бальзамом.

Так тебе и надо, тварь урчащая.

Даже столь убойный аргумент не поставил точку в противостоянии с непонятно кем, но заставил оппонента вести себя куда скромнее. Он уже не пытался подняться, вместо этого шумно заворочался, молотя по полу руками, заурчал противно, с нотками, заставившими волосы на затылке зашевелиться.

Будто в ответ, загудел целый хор похожих звуков. Мгновенно сориентировавшись, что доносятся они из коридора, Рок рванул к двери, нащупал ручку, потянул ее на себя, другой рукой пытаясь отыскать замок, засов, хоть что-нибудь.

В этот миг что-то шумно навалилось с другой стороны и тут же еще раз, с такой дурной силищей, что, несмотря на темноту, стало понятно — с замком или без, но эта преграда и минуты не продержится.

А другого выхода из комнаты, между прочим, нет.

Ухватившись за ручку обеими ладонями и панически озираясь в попытке разглядеть что-нибудь обнадеживающее, Рок едва не заорал — кто-то вцепился ему в ногу, после чего голень вспыхнула огнем. Обдолбавшийся до звериной невменяемости урод даже с проломленной головой не стал предаваться отдыху, вместо этого отпрыск тупого дебила сумел подползти и пустить в ход те зубы, которые ему еще не выбили.

Не выпуская дверь, Рок врезал второй ногой, метя в затылок. Раз,

другой, третий и еще. На! Получай! Сдохни уже! Достал! Еще получи! Что?! Твердый череп поддается? Похоже, сильно врезал по зашибленному деревяшкой месту, теперь там уже не точечный пролом, все куда серьезнее.

С натугой отодвинул расслабленное тело — вроде не показалось, и правда уgomонился? Ну да, отоваривал его на совесть, без оглядки на разборки с полицией, в горячке ничего не ощущается, но вскоре пятка начнет болеть конкретно, такими делами полагается в крепкой обуви заниматься.

И что теперь? В коридоре, судя по хоровому урчанию, минимум десятка два насквозь одичавших нариков собралось, и все они почему-то мечтают сюда вломиться. Что ты ни делай, непременно вломятся, хлипкая дверь спешно дописывает завещание. Отскочить назад, нашарить ножку от стула и принять бой? Принять, конечно, можно, почему бы и нет, но имеется вероятность, причем значительная, что бой этот окажется последним, а Року такие расклады вообще не нужны.

Плевать, что он себя не помнит, жить-то все равно хочется.

Вот чем надо было вмазаться, чтобы с голыми зубами на честных людей бросаться?! И чем им Рок не понравился? Он пахнет не так или урчать не умеет?

Кстати — реально не умеет. Звук непроизносимый, чем-то похожий на тот, который издают до жути голодные коты, когда им предлагается нечто вкусное.

Вот только коты эти должны быть из тех, которые всему на свете предпочитают сырую человечину, да и весят куда больше.

Уничтожен зараженный. Уровень — 0. Вероятность получения ценных трофеев — 0. Получено 3 очка к прогрессу физической силы. Получена 1 единица гуманности.

Омерзительно-красная надпись, зажегшаяся перед глазами. Рока не поразила и вообще никак не заинтересовала. Сейчас не до изучения галлюцинаций, все внимание сосредоточено на одном — он лихорадочно размышляет, как бы половчее выкрутиться из непростой ситуации.

Да ладно, можно и не очень ловко, надо хоть как-нибудь отсюда свалить.

И побыстрее.

Между тем альтернатива честному бою лишь одна — окно. Если верить Серому, один раз Рок через него уже выходил, и пусть не без потерь, но не убился. Так что путь не самый лучший, зато проверенный. Несмотря

на то что день проскочил за время действия снотворного, кромешной тьмы за стеклом не наблюдается, а наблюдается нездорово-красноватый сумрак. Освещение он почти не дает, но хотя бы понятно, в каком направлении следует прорываться.

Где-то не так уж далеко, за дверью, заурчали по-новому, как никто до этого не урчал, заставив душу молнией рвануться в направлении отбитой о проломленный череп пятки.

Человек так точно урчать не сможет, для этого ему придется вырасти до габаритов уссурийского тигра, не говоря уже о тренировке глотки — звук совершенно невообразимый.

Рок понял — если обладатель этой глотки подойдет к двери, случится что-то совсем уж паршивое. И потому отбросил в сторону всякие раздумья, разжал ладони и, прихрамывая из-за ставшего непослушным колена, ринулся к окну, по пути нашаривая еще один стул.

Открывать нет времени — пока нащупает шпингалеты или что там вместо них, у него появятся другие заботы, сталкиваться с которыми не хочется.

Размахнувшись, Рок с ходу врезал стулом. Он оказался столь же хлипким, как и первый, рассыпался, но и стекло постигла та же участь. По-хорошему надо бы тщательно оббить края рамы, утыканные острыми осколками, но времени нет вообще ни на что — за спиной со скрипом и радостным урчанием распахивается дверь.

Игнорируя битое стекло, режущее ступни и ладони, Рок вскочил на подоконник, на кратчайший миг замер и расчетливо сиганул в направлении надежных с виду веток неведомого дерева, росшего под зданием. Красноватый сумрак оказался на удивление проницаемым для глаз, позволил оценить, что до земли лететь этажа четыре и там, похоже, асфальт, так что падать, как зря, бессмысленно, лучше уж тогда дать последний бой, шансы в котором, возможно, повыше будут.

Но все равно низкие, и потому пришлось лететь расчетливо.

Замысел не так уж и плох, вот только ветки подвели. Рок, успев за них ухватиться, с предсмертным ужасом убедился, что они слишком тонкие, нечего даже мечтать о том, что выдержат вес тела. Перебросил с них одну руку, пытаясь вцепиться во что-нибудь понадежнее, но лишь клочок листвы вырвал.

Полетев вниз, потащил за собой удерживаемую одной ладонью ненадежную опору, та на какой-то миг спружинила, замедляя падение, но следом раздался нерадостный треск, и на этом все — больше Рока ничто не задерживало.

Асфальт под ним оказался или что-то другое, он так и не понял. Врезался в сокрушающе-жесткую поверхность плашмя, лицом вниз, с хрустом, с нестерпимой болью, с оглушением и слабостью, охватившей все тело, заставившей престать ощущать руки и ноги. Голова почему-то резко запрокинулась вбок, несмотря на то что перед глазами стояла пелена, не позволяющая ни на чем сфокусироваться, разглядел неподалеку что-то большое и яркое, колышущееся, даже сумел осознать, что видит здание, охваченное пламенем.

И догадался, что именно по этой причине сумрак за окном казался подсвеченным красным.

Боль, терзавшая лютым зверем, отступила, стало легко и тепло, можно и подумать, поразмышлять.

Но думать не хотелось, хотелось забыться.

Оказывается, потеря памяти — это не так уж и плохо. Иногда о ней мечтаешь.

В следующий миг на Рока что-то навалилось — тяжелое, громко урчащее, с силой вдавливающее в землю, рвущее клыками и когтями сразу в нескольких местах, с треском переламывающее кости. Боль вернулась стократ усиленной, он застонал, задержался, но изломанное тело даже не пошевелилось, все, на что оно сейчас способно, — реагировать на неудержимую силу, его терзающую.

А потом боль исчезла, как исчезли все ощущения. Рок погрузился в крошечный мрак, в котором вновь вспыхнула бьющая по глазам неприятно красная надпись.

Внимание, вы погибли. Потеряно одно очко прогресса физической силы. До возрождения осталось 174 секунды.

Цифры начали меняться — 173, 172, 171...

А Рок смотрел на них и продолжал ничего не понимать.

Кто он? Где он? Что тут за чертовщина творится?

И самый главный вопрос — как отсюда выбраться?..

Глава 2

Жизнь вторая. Еще короче

Новичок, вы вот-вот станете частью Континента. Вы возрождены на кластере 434-09-62. Регион — Западное Побережье. Текущее количество возрождений — 98 жизней (минус 1 от стартового). Текущие задания: выжить, искать, узнать тайное, помочь, задать правильный вопрос. Текущий статус — старт игры. До перезагрузки кластера осталось 99 секунд. Подсказка — вы можете узнать дополнительную информацию о некоторых объектах, посмотрев на них и мысленно пожелав увидеть скрытое (на стадии адаптации, возможно, поможет прищуривание). Внимание! Вы потеряли первую жизнь, не достигнув прогресса ни в одной из основных характеристик. Минимальное количество очков прогресса, требуемых для повышения какой-либо основной характеристики на вашем уровне развития, — 10. Постарайтесь, чтобы подобное не повторилось, не допускайте обнуления количества возрождений. В качестве компенсации и помощи ваша удача получает 10 очков прогресса и становится равной 1. С вашим невезением удача не будет лишней. Удачной игры.

Обои выглядели знакомо: та же расцветка, такой же убогий узор и такие же облезлые. Вся прочая обстановка принципиально от уже увиденной не отличалась, даже количество коек совпадало, лишь их расположение чуть изменилось. Светильник был такими же треснувшим, пол захламленным, а вместо неприличной надписи, выведенной пальцем по стеклу, там же красовалось «от сессии до сессии живут студенты весело».

А вот Року весело не было. Сел, снова не попал ногами в тапки, их вообще не оказалось. При этом куча одеял на койке у окна зашевелилась, из ее недр высунулась светловолосая непричесанная голова с заплывшими глазами. Парень лет двадцати, если не считать явных следов недавних возлияний, ничуть не похож на единственного знакомого, но все же на автоматизме поинтересовался:

— Серый, ты?

— Дрон, ты что, глаза потерял? Это же я, Годя.

— Я не Дрон.

— А кто ты?

— Рок. А Дрон — это от Андрей? Я что, Андрей? — напрягся Рок, ожидая, что догадка подтвердится, что собеседник наконец озвучит настоящее имя.

Увы, тот сказал другое:

— С хрена ли ты Андреем стал? Дрон, чего чудишь? Не проснулся, что ли?

Ответил тупым голосом, погрузившись в себя, пытаясь даже не то чтобы осознать происходящее, а хотя бы не слететь с катушек:

— Проснулся я. Доброе утро, Годя.

Назовись новый знакомый Серым, Рок бы, возможно, начал биться в припадке от столь ненормально зеркального повторения уже прожитого дня.

— Дрон, с тобой точно все нормально?

— Еще раз Дроном назовешь, я тебя огорчу. Бегом планшет доставай.

— Зачем?

— Затем, что я так сказал. Посмотри, что надо делать, если у тебя потеря памяти и одновременно «день сурка». В смысле почти «день сурка» — что-то слегка меняется, ну а так повторяется один в один.

— Дрон, ты это что, серьезно?

Рок, тяжело вздохнув, поднялся и выразительно хрустнул кулаками. Годя, все осознав и резко вспомнив предшествующие слова, с виду не особо испугался, но благоразумно пошел на попятную:

— Ладно, хочешь быть Роком, будешь Роком, мне-то какая разница.

— Вот и лады. Доставай уже планшет, не тяни резину. Заодно глянь, есть ли вообще связь. И свет. А, нет, забей...

— На что забить?

— Не будет связи, этот хлам опять не горит. Симка в планшет заряжена?

— Ну да.

— Попробуй через нее. И телефон не помешает глянуть.

— А с роутером чего?

— Я так думаю, что он без электричества не работает, — ответил Рок и, вспомнив безумно странную подсказку, уже вторую по счету, не раздумывая над дичью происходящего, прищурился, после чего пожелал увидеть в роутере некие скрытые от несведущего взора тайны.

Удалось разглядеть лишь подсохшую тушку таракана в пластиковой щели, сомнительно, что это можно отнести к даже не самой великой

загадке человечества. Рок перевел взгляд на достававшего из-под подушки планшет Годю и повторил то же самое, не ради второй попытки, а просто заиклившись на этом в высшей мере странном действии. Уж очень был озадачен всем происходящим, включая тот же красный текст, который только что читал второй раз в чуть измененном виде.

Отличия настолько же непринципиальные, как и обстановка в этой комнате.

Годя вдруг мигнул, будто он не живой человек, а изображение на мониторе высочайшего разрешения, причем трехмерного, после чего сбоку от его фигуры вспыхнул ядовито-зеленый квадратик, испещренный белым, чуть светящимся текстом, от его уголка к телу парня тянулась изломанная указующая стрелка.

Вот стрелка и все прочее, возникшее вдруг, уже не походили на реальное изображение, это нечто откровенно чуждое, ненормально неестественное, будто из мультфильма сюда попало.

Пожалуй, у Рока проблемы не только с памятью, сухой язык медицины все явления такого рода называет одинаково — галлюцинации.

А галлюцинации — крайне нехороший симптом.

Хреновые дела.

Несмотря на все более и более крепнущую уверенность в том, что справку о психической полноценности получить будет непросто. Рок не стал игнорировать надпись в зеленом квадрате, внимательно изучил ее до последней буквы.

Объект — человек, потенциальный зараженный, ID 197-529-341-832-272, идентифицировал себя как Годя, предположительно безоружен, умения Континента не выявлены.

Стоило перестать прищуриваться, как «мультипликация» покинула комнату, но это Рока ничуть не успокоило. Он был твердо уверен, что, стоит чуть напрячь глаза, и она мгновенно вернется, причем не исключено, что на этот раз ее будут сопровождать зеленые черти.

Может, он и правда принял что-то излишне сильнодействующее и теперь не может выбраться из непрекращающегося кошмара, навеянного убойной химией?

— А связи и правда нет, — озадаченно протянул Годя, не догадываясь, что в свете только что произошедшего Рок и про связь позабыл, и много про чего еще. — Откуда ты знал, что ее не ловит, я же видел: ты проснулся и ничего не делал?

Рок, сам от себя не ожидая, решил поиграть в предсказателя:

— Годя, а давай забьемся, что, если выглянуть в коридор, дверь по другую сторону окажется открытой и оттуда будет тарашиться какой-то тупой чувак, задавая вопросы на тему света и телефона.

— Даже спорить не буду, скажи лучше: откуда это узнал? Я ведь не сплю уже полчаса, лень подниматься было, видел, что ты даже не шевелился.

Проигнорировав вопрос, Рок, терзаемый самыми яркими и одновременно самыми негативными воспоминаниями, с замиранием сердца спросил:

— А у вас тут не бывает, что на спящих какие-то психи наваливаются и грызут заживо, а потом на тебя кто-то тяжелый налетает, в лепешку сдавливает, ломает кости и рвет на куски?

— Рок, ты сейчас под чем? Поделись с другом, не жадничай.

Странно, этот Годя на Серого вообще не похож, а лексикон, интонация, сонно-безразличное выражение лица и тяготение к теме наркотических веществ — все один в один. К тому же смотреть на него неприятно, при всей его внешней безобидности есть что-то необъяснимо пугающее, напоминающее о чем-то крайне нехорошем, но, как ни тужься, вспомнить, в чем тут дело, не получается.

Продолжая игнорировать вопросы, Рок стащил со стула тяжелые джинсы и, начав одеваться, деловито поинтересовался:

— Больница далеко?

— А тебе зачем?

— К врачу надо.

— Не, ну это я понял. Что болит?

— Ничего.

— Зачем тогда идешь?

— Обрезание хочу сделать.

— Да куда уже тебе короче, — ухмыльнулся Годя и серьезным тоном спросил: — Ну а правда, зачем тебе больница?

— Пока у меня ничего не болит, но есть подозрение, что если останусь в этой койке, то болеть начнет вообще все. Сталкивался уже, ну его на хрен.

— Док... то есть Рок, ты меня пугать начинаешь.

— Я тебя спросил насчет больницы. Что, так тяжело ответить? Дурака включил? Может, тебе и правда голову отбить?!

Что-то неприятное, неуловимое, хитро скрытое в собеседнике заводило Рока все больше и больше, вызывая то же агрессивное состояние, при котором он проламывал голову ножкой от стула и доделывал это

нехорошее дело голой пяткой.

Годя покачал головой:

— Да не заводись ты так, тебя же хрен поймешь. Если студенческая нужна, так это под вторым корпусом. В смысле — студенческая больница.

— А где второй корпус?

— Рок, да ты скажи, что с тобой? Давай я тебе таблеток дам? Дать? Они хорошие.

— Снотворное? Миша подогнал?

— Ну да, снотворное. Что за Миша?

— Из медицинского.

— Ну да, из меда, только не Миша, а Ленка. Ну ты ее помнишь, вечно красится под цветную ворону и губы, как две сосиски.

— А голой по коридору она не бегала?

— Я бы посмотрел, она такое запросто может учудить, вообще без тормозов. Да и без мозгов. Дрон, так ты что, реально в больницу?

Не обращая больше на него внимания и даже не реагируя на возврат к «неправильному прозвищу», Рок вышел из комнаты и замер, только сейчас осознав, что именно его напрягало в Годе.

Он чем-то неуловимо напоминал того нарика, который его чуть ли не только что едва не загрыз, набросившись на спящего. Разглядеть агрессора в темноте не получилось, но отдельные штрихи, моторика и что-то неуловимое свидетельствовали об их схожести.

Да и Серый хорошо вписывается — не похож на Годю лицом, но фигура один в один.

Рок еще раз потрогал прокушенное место, убедился, что там не осталось ни малейшего намека на рану. Возникло почти непреодолимое желание вернуться в комнату, подойти к койке Годи, нехорошо улыбнуться, поглядывая сверху вниз, затем разломать об него все стулья, а следом и ножки от них. Со всей дури, одну за другой, в щепки, до кровавых брызг, с непередаваемым удовольствием ощущая, как кости ненавистного черепа вминаются в мозг.

Искушение было почти непреодолимым, но Рок устоял, сделал шаг, другой и, ускоряясь, поспешил прочь. Логика кричала во всю глотку, что, раз в этой комнате все настолько поразительно похоже и события развиваются по близкому сценарию, закончиться они могут аналогично.

То есть полным непониманием происходящего, урчанием, навалившейся живой тяжестью и разрываемым телом — его телом.

Повторения такой «радости» не хотелось, хруст сокрушаемых костей до сих пор в ушах отзывается.

Разумеется, Рок пошел не в ту сторону, быстро уткнулся в тупик, пришлось разворачиваться, искать выход на лестницу, по пути игнорируя однотипно тупые вопросы от юношей и девушек возрастом от семнадцати до двадцати с небольшим. Всех интересовали исключительно три вещи: куда подевался свет, почему отсутствует связь и есть ли в кране вода. Складывалось впечатление, что самостоятельно они не способны выяснить даже последнее.

Правда, в этом Рок от них не отличается, потому как понятия не имеет, где в этом здании можно найти хотя бы один кран. Все двери однотипные, ничего похожего на вход в туалет или душевую по пути не заметил.

Спустившись по лестнице, ухитрился промахнуться мимо первого этажа, попав в мрачно выглядевшее преддверие темного подвала. К счастью, догадался не забираться в его глубины, осознал ошибку, вернулся на лестницу, выход отыскал без труда, устремившись за студентами, вышагивающими в одном направлении.

Улица встретила ударом ярчайшего солнечного света по глазам, на небе не было ни облачка, солнце стоит чуть ли не идеально над головой, жарит немилосердно, на глазах разгоняя жалкие остатки тумана, который каким-то образом сумел дотянуть до этой явно не утренней поры. А Рок вырядился в зимние джинсы, теплую куртку и шерстяную шапочку, да и остальные одеты ему под стать — погода откровенно аномальная для такого сезона. Вон на деревьях и кустах только-только почки набухают, а вон за деревом светлеет кучка грязного ноздреватого снега. На дворе весна, причем ранняя, при этом небеса откровенно летние, мартом там даже не пахнет.

Не только Рок заметил несообразность, выходявшие из здания студенты останавливались, начинали бурно обсуждать погодный феномен, некоторые с ходу стягивали шапки, расстегивали куртки и пальто.

— Подскажи, где тут второй корпус? — спросил Рок у одного, на вид не самого тупорылого.

Тот, не задумываясь, указал вдоль улицы:

— Прямо иди, первое здание за башней.

— Что за башня?

— Ну башня, ты что, не знаешь?

— Я похож на идиота, которому делать нечего? Знал бы, зачем спрашивал?

— Да ты ее узнаешь, ни с чем не перепутаешь, просто прямо шагай. Видал, какая погода? Лето наступает, ну и дела. А чего это кислым воняет? Чувствуешь?

Не горя желанием общаться на тему погоды с кем бы то ни было, тем более с прыщавым очкариком в замызганных штанах, Рок поспешил в указанном направлении, на ходу пытаясь понять, что вообще происходит и имеет ли смысл обращаться к докторам.

Вся проблема в том, что он не представляет, каким образом с ними общаться, с чего вообще начинать разговор, что можно говорить, а что нежелательно.

Он вообще ничего не понимал. Да твою же мать, даже имя вот уже второй раз осталось тайной, не догадался у Годи выпросить.

Хотя сильно подозревал, что вряд ли сумел бы получить от него ответ, даже применив физическое насилие (на что тот напрашивался).

Размышляя о необъяснимости ситуации, Рок не забывал посматривать по сторонам, иногда прищуриваясь в сторону других пешеходов, почти исключительно симпатичных девушек, и это слегка радовало, ведь благодаря анализу своего поведения удалось выяснить, что наклонности у него нормальные.

Ему настолько мало о себе известно, что даже столь специфически узкую информацию можно считать великим открытием.

Между тем, ничего не зная об этом городе, Рок не мог не отметить, что с ним что-то не ладно. Похоже, «электрический коллапс» охватил обширный район, ни на одном из перекрестков не встретился работающий светофор, местами из-за этого возникли заторы, дважды наблюдал аварии, причем в одном случае водители подрались. Он подоспел к тому моменту, когда их разнимали, а к месту событий торопливыми шагами приближались два полицейских, один из которых что-то говорил по малогабаритной рации.

Судя по всему, связь у него есть, а вот с обычными телефонами, очевидно, всеобщая беда. Куда ни глянь, можно заметить людей, тщетно пытающихся разобраться со своими трубками. У некоторых из жаждавших позвонить или войти в сеть был такой вид, будто наступил конец света и их при этом не взяли в царство небесное.

Ну да, так и есть, с точки зрения рабов сотовых сетей и прочих безнадежно подсевших на блага цивилизации недоумков неработающий смартфон — это событие такого же масштаба.

Столбы дыма, поднимавшиеся в трех местах, не могли быть вызваны ничем, кроме как пожарами. Возможно, произошли аварии на электрических подстанциях, в таком случае без освещения может остаться весь город, в том числе и больница. Будут ли принимать врачи в таких условиях? Тяжело пострадавших — несомненно, но Рока вряд ли можно к

ним отнести.

Голову себе кирпичом проломить, что ли? Или как?

Хотя, по логике, в таких местах должны держать источники аварийного электроснабжения. Вот как иначе будет работать та же аппаратура для реанимации? Получается, нуждающиеся в ней больные должны умирать при любых неполадках, а это вряд ли.

Навстречу вынеслась собака: мелкая, уродливая, неизвестной породы, с волочащимся за ней тонким поводком. Вид у псины был сильно обеспокоенный, она стремглав бросилась через дорогу, едва не угодив под завизжавшие при торможении автомобиля.

Рок успел навестись на нее взглядом и получил зеленую информационную панель, схожую с теми, которые до этого наблюдал у людей.

Объект — собака, размер безопасный, ID 354-423-127-732-811.

Какая-то совсем уж мизерная информация, по девушкам куда больше пишут, почти один в один, как в ситуации с Годей.

Сколько еще нужно ползти до этого корпуса? Кого ни спрашивал по пути, одни недоумки попадались, никто не понимал, о чем речь, спасибо, что при упоминании башни обычно указывали в одну и ту же сторону. Рок уже около часа туда шагал, знал бы, в самом начале расспросил, как туда можно доехать.

Дело не в том, что устал, с этим проблем пока нет. Колено забарахлило — сперва начало покалывать, затем заболело, нехорошо отзываясь на каждый шаг. Чем дальше, тем хуже, еще час такого времяпрепровождения, и Рок завывать начнет.

Впереди показалось столпотворение, его причиной являлась еще одна авария, причем глупейшая. Машина ухитрилась на приличной скорости выскочить из плохо просматриваемого заезда во дворы и врезалась в бок другой, проезжавшей по главной улице. Той обе двери смяло, к бордюру отбросило, в общем — серьезное столкновение, но не из тех, которые заканчиваются гибелью или инвалидностью.

Тем не менее водитель пострадал, лицо его было окровавлено, к рассеченному лбу он прикладывал небрежно скомканный носовой платок и вовсю костерил виновника столкновения, загибая столь изощренные обороты с применением ненормативной лексики, что люди поневоле стремились подойти поближе. Даже с другой стороны улицы торопливо

семенили, боясь пропустить хоть словечко от виртуоза художественного мата. Впервые за все время встретился человек, который говорил живым, насыщенным языком, остальные чем-то неуловимо походили друг на друга — поголовно механические куклы (причем выпущенные с одного конвейера).

Не удержавшись, Рок навел на матерщинника «пристальный взгляд».

Объект — иммунный, гуманность — ноль, не идентифицирован, предположительно безоружен, умения Континента не выявлены.

А это еще что такое?! Написано не меньше, чем по Годе, но при этом совершенно иначе. Вот где вездесущая пятнадцатизначная цифра? Она ведь даже у собаки наличествовала, не говоря уже о девушках. И почему квадратик абсолютно белый с черным текстом? Ведь во всех остальных случаях он был зеленым. Что значит «иммунный» и как гуманность может быть нулевой?

Очередная загадка без разгадки.

Рок тоже остановился, надеясь, что вот-вот появятся полицейские. Захотел проверить на них «пристальный взгляд»: отобразится ли в описании то, что отображается у других людей, а именно — вооруженность?

Увы, дождаться было не суждено. Он не стремился пробиться в передние ряды, скромно встал чуть в сторонке, поглядывая вокруг, высматривая служивых, и поэтому сумел разглядеть, как грузовая машина, стоявшая мерах в ста, после негромкого стеклянного звона вспыхнула ярким пламенем, одновременно тронувшись с места. Похоже, водитель, прежде чем захлопнуть дверь, что-то бросил назад и вверх, но уверенности нет, Рок заметил это, поворачиваясь, самым краешком поля зрения.

А еще он вдруг вспомнил, что мимо этой машины проходил около минуты назад и обратил внимание на то, что какой-то одетый в ярко-оранжевую спецовку тип, присев возле кабины, затыкал горловину грязной бутылки такой же грязной тряпкой и при этом скалился, будто жаждущий большой крови псих, только что обнаруживший большущий чемодан, набитый тротилом.

И еще Рок обратил внимание, что машина была загружена баллонами с газом.

Сопоставив одно с другим, он поспешно развернулся, бросившись прочь, резво пробиваясь сквозь толпу беспечных зевак, безжалостно

работая локтями, отпихивая людей в стороны, сбивая с ног и бесцеремонно топчась по возмущенно орущим телам. Теперь ругался не только водитель на водителя, Року тоже доставалось со всех сторон, но грубые слова пролетали мимо ушей, не оставляя ни тени негатива.

Да пусть хоть до костей на ругань изойдут, ему сейчас нет дела до таких мелочей.

Здесь нельзя резво умчаться в одну или другую сторону — два длинных здания улицу поджигают, причем жилые, на фасадах с этих сторон дверей нет, а окна располагаются высокомерно. Если он не прорвется через толпу до того момента, когда в нее врежется горящий грузовик, нагруженный взрывоопасным содержимым...

Выскочить из человеческого скопища Рок не успел, мир вспыхнул огнем и болью, вмиг заставившей заорать не своим голосом, завывать, теряя зрение и слух.

А затем все плохое стремительно сошло на нет, после чего он оказался в окружении знакомого угольно-черного мрака.

Внимание, вы погибли. Потеряно одно очко прогресса физической силы. Внимание, при гибели вы теряете очки прогресса основных характеристик в количестве от 5 до 50 % от текущего требуемого значения, и эта цифра не может быть меньше 1. Теряя уровни характеристик, вы рискуете потерять прогресс основного уровня и лишиться связанных с ним достижений... До возрождения осталось 101 секунда.

Рок начал догадываться, что именно ему напишут дальше. Знал если не все, то немалую часть.

И то, что случится после прочтения надписи, тоже не является великой тайной.

Дело почти привычное.

Научен.

Вот кто бы мог подумать, что студенческие общаги можно настолько возненавидеть...

Глава 3

Жизнь третья. Опыт — великая вещь

Новичок, вы вот-вот станете частью Континента. Вы возрождены на кластере 252-88-26. Регион — Западное Побережье. Текущее количество возрождений — 97 жизней (минус 2 от стартового). Текущие задания: выжить, искать, узнать тайное, помочь, задать правильный вопрос. Текущий статус — старт игры. До перезагрузки кластера осталось 98 секунд. Подсказка — многие потенциальные зараженные страдают психологическими проблемами различной степени тяжести, ввиду чего способны на совершение различных опасных поступков: создание аварийных ситуаций на дорогах; немотивированные хулиганские действия; нападение с целью убийств и нанесения травм; и даже террористические акты с массовыми жертвами. Опасайтесь неадекватно выглядящих потенциальных зараженных и избегайте мест массовых скоплений потенциальных зараженных и иммунных. Внимание! Вы потеряли вторую жизнь, не достигнув самостоятельного прогресса ни в одной из характеристик. Постарайтесь, чтобы подобное не повторилось, не допускайте обнуления количества возрождений. В качестве компенсации и помощи ваша удача получает 20 очков прогресса и становится равной 2. С вашим затянувшимся невезением удача не будет лишней. Удачной игры.

Рывком подскочив, Рок опустил ноги на холодный пол и, обведя взглядом то, чего до этого уже навидался в двух почти не отличимых вариациях, с бессильной злобой рывкнул:

— Суки хитрожопые, да вы даже не представляете, что я сделаю, когда доберусь до вас! Серый, Годя или как там тебя, баран тупой! Не прикидывайся ветошью, я знаю, что ты не спишь! Бегом забрался в сеть, нужен такой запрос: «Похоже, я торчу в виртуальной реальности, где меня все время валят. И я тут ни хрена не понимаю!» Шевелись, тормоз, вот-вот вырубят свет и связь! В темпе давай! В темпе!

Может, с памятью у Рока и нелады, зато все прочее работает, в том числе и наблюдательность. В прошлый раз, приходя в себя, он успел

заметить зеленые огоньки на роутере, но вскоре они потухли.

Сопоставить упоминание о близкой перезагрузке непонятно чего с исчезновением электричества — смелая идея, но Рок, скорее интуицией, чем разумом, уверовал, что именно этот срок проходит с момента его пробуждения до отключения света и связи.

Вот только «Серый-Годя или как его там» шевелиться в темпе не торопился. Не очень-то поспешно выбравшись из-под теплого одеяла, он первым делом продемонстрировал, что на этот раз не брюнет и не светловатый шатен, а рыжий (и такой же непричесанный), в остальном принципиальных отличий не наблюдается, даже голос, который студент подал после долгого пристального взгляда, был схож с голосами его предшественников:

— Пеле недоделанный, чего орешь?

— Слышь, отставить тупые вопросы, у тебя вообще-то последние секунды тикают, вот-вот связь вырубится и больше не появится. Так что давай шевелись, у нас тут вопрос жизни и смерти. — Рок, понимая, что грубым напором вряд ли заставит собеседника быстро и качественно, чуть не скатился до самоунижения, одновременно с легким недоумением вглядываясь в информацию по парню.

Там ни слова не говорилось о его имени или прозвище. Очень может быть, что оно отображается, только если тот сам его назовет или его узнают каким-нибудь другим способом.

Рок сейчас узнает.

А ведь это идея...

— Давай-давай, не косись на меня, слово в слово вводи: «Похоже, я торчу в виртуальной реальности, где меня все время валят. И я тут ни хрена не понимаю». Это и правда вопрос жизни и смерти, все очень серьезно, — подгонял Рок студента, торопливо роясь в карманах своей одежды.

Ну хоть что-нибудь, он ведь не с луны сюда свалился, что-то должно быть: паспорт, билет читательский, квитанция из частной венерологической клиники или справка об освобождении из мест не столь отдаленных. Да что там справка — в столь печальном состоянии можно даже согласиться найти у себя почетный пропуск постоянного клиента дешевого борделя для самых неприятных извращенцев.

Даже больше — сойдет клочок туалетной бумаги из этого клуба, но с условием, чтобы на нем непременно наличествовали данные Рока.

Много не требуется, всего лишь имя, почему-то он почти не сомневался, что, если узнает его, узнает и все остальное.

Или, по крайней мере, что-то очень важное. То, что позволит ему не

загнуться в очередной раз или не пойми от чего, или в пламени взрыва груза газовых баллонов.

В случайность смертей не верилось совершенно, как и в то, что он сумеет вытащить что-то полезное из вот уже третьего по счету соседа по комнате. Предшественники ничем не помогли, очень похоже, что так просто в этом сумасшедшем месте ничего не добьешься, оно откровенно не рассчитано на долгий срок пребывания, когда неспешно разгадываешь одну загадку за другой.

Очень может быть, что Рок всего-навсего псих, на это прямо указывает то, что он принимает законы своего бреда за истину. Но ведь нельзя не признать, что его бред выглядит чертовски убедительным. Да что там говорить — он абсолютно реален на вид, в нем чувствуется своя, пока еще непонятная система.

Но он ее поймет. Обязан понять. Он теперь не позволит прикончить себя так просто.

Двух раз с Рока — более чем достаточно. Он пока что понятия не имеет, во что влип, не знает даже своего имени, зато точно знает, что умирать с нестерпимой болью и криками, вырывающимися из пожираемых огнем легких, ему не нравится.

Мягко говоря.

— Слушай, Поляк, а ведь связи и правда нет. Вообще никакой. Вай-фай...

— Отвалился, — помрачнев, перебил Рок студента. — И не надо рассказывать, что планшет и телефон не видят мобильную сеть.

— Откуда ты... — поразился тупой тормознутый бездельник, по полчаса валяющийся в койке без движения, начиная постигать глубину прозорливости странно себя ведущего Рока.

— Оттуда, откуда знал, что тебе, печальному придурку, шевелиться надо, — вновь перебил Рок и спросил: — Если света нет во всем городе, как можно забраться в Интернет?

— Да ну, даже если так, сервера какие-то на автономке должны оставаться, да и мобильная связь так просто не отваливается. А почему во всем городе?

— А по кочану — раз я сказал, что во всем, значит — во всем.

— Что-то тут не складывается, ты как-то неправильно себя ведешь, и вообще, все неправильно. Что за дела?

— Да что ты говоришь?.. Ну надо же, неправильно себя веду, а я-то, наивный, думал, что это у вас обычное дело.

— Поляк, ты еще что-то интересное знаешь?

— А разве без вопросов непонятно? Да я, блин, пророк, вещающий истину за бесплатно, не пропускай ни слова, мотай на ус все, что я говорю. Прямо сейчас по всему городу начнутся аварии по перекресткам и даже без перекрестков, водилы примутся набивать друг другу морды и словесно выражаться, вокруг задымятся пожары, а в собравшиеся толпы тупых дебилов будут заезжать психи на грузовиках, набитых баллонами с газом.

При этих словах за окном что-то гулко грохнуло с такой силой, что стекла жалобно зазвенели, а парень напрягся, уставившись на Рока с таким выражением лица, будто тот и правда прямо сейчас свалился с небес без парашюта и, поправив над головой сияющий нимб, начал вбивать свет высшей истины в недалекие простонародные массы.

— Поляк, да откуда ты...

— Муж твой Поляк и жертва сифилиса, а меня зови Рок. Пока что Рок, а там посмотрим. Значит, насчет Интернета ты ничего умного сообщить мне не хочешь?

— Да надо малехо подождать, не может связь надолго пропасть, это просто сбой какой-то. — Голос студента был полон уверенности, несмотря на то что тридцать секунд назад он лепетал, как мелко нашкодивший школьник.

Ему будто мозги успели перезагрузить за это время.

А может, он из тех самых, зловещих неадекватных, о которых в подсказке предупреждали? По указателю к нему написано, что он потенциальный зараженный, а психи как раз из таких получают.

Рок и без того планировал держаться как можно дальше от места, которое так легко и внезапно превращается в ловушку, но теперь был заинтересован свалить отсюда побыстрее. Пусть все, за единственным исключением, встреченные им люди относились к тем же самым «потенциальным зараженным», именно в этой комнате он не хотел допускать даже намека на рискованную ситуацию с личным участием.

Первая смерть слишком свежа в памяти.

— Одежды полегче в этой хате не водится? — спросил Рок и, повернувшись к стулу, опешил от легкого изумления.

— А разве бывает еще легче? — удивленно спросил студент в унисон его мыслям.

Никаких тебе джинсов из плотной материи, теплой куртки, свитера и шерстяной шапки. Цветастые легкие шорты ниже колен, такая же легкомысленная рубашка (естественно, с короткими рукавами) и темные очки. К пляжному гардеробу и обувь соответствующая полагается: покосившись на дверь, Рок обнаружил под ней искомое — растоптанные

черные шлепанцы приличного размера, как раз под его лапищи.

— Поляк, чего там с одеждой не так? — Студент не унимался, сыпал тупыми вопросами, это раздражало все больше и больше.

— А ничего. У вас, недоумков, что, лето посреди зимы настало?

— У нас? Смеешься, что ли? Какое лето, конец мая, еще не все отцвести успело.

— А одеваетесь, как негры в Африке.

— Ну так жара уже третий день стоит, антициклон какой-то или не знаю что. Девки почти голяком ходят, нравится мне такая погода. Поляк, а ты меня реально удивляешь, что это с тобой, вообще какой-то пришибленный. Заболел, что ли?

Поспешно застегивая рубашку, Рок ответил невпопад:

— Что-что... да ничего хорошего... И это... понятия не имею, кто ты такой, но постарайся успеть свалить отсюда до вечера.

— А чего так?

— А того. Я знать не знаю, что тут за дела начнутся, но тебе это вряд ли понравится.

— Поляк, ты...

— И к толпам людей не стоит приближаться, если жить не надоело, — добавил вместо слов прощания уже в дверях.

Уверенно продвигаясь в направлении лестницы, расположение которой теперь знал, Рок напрягал голову, вспоминая невразумительные подсказки, которые неведомые кукловоды ему давали при каждом старте новой жизни.

Вытащив из глубин небогатой памяти самую первую, тихо произнес:

— Меню.

Перед лицом тут же вспыхнули россыпи цветастых прямоугольников разного размера, напрочь заглушив поле зрения и заставив остановиться. Рок, поспешно выхватив взглядом несколько слов, только и сумел понять, что перед ним светится нечто, напоминающее небрежно скомпонованный интерфейс компьютерной игрушки, где в одну кучу с перехлестами, заслоня друг дружку, свалено все что можно и нельзя без малейшего намека на продуманный дизайн, подразумевающий удобство для пользователя (в том числе отсутствовало интуитивное понимание управления всем этим хозяйством).

Вновь произнес то же слово:

— Меню.

Сработало, все тут же исчезло, а то ведь в подсказках не было способа отключения этой нечитаемой мешанины. По-хорошему, конечно, надо бы разобраться, с чем имеет дело, но нет сомнения, что это займет время, а он

не собирается даже лишнюю минуту задерживаться в общежитии.

Воспоминания о первой встрече — самые яркие и отвратительные. Рок, пусть и скрипя зубами, готов согласиться еще раз сгореть во вспышке пламени, а вот вновь слушать, как трещат его кости и рвется мясо под клыками...

Увольте от такой радости.

Только было шагнул на лестницу, как стремительно промчавшаяся друг за дружкой парочка хохочущих молодых людей заставила дернуться, потерять равновесие, ухватиться за покрытый облупившейся краской поручень. Пришлось неловко опереться на правую ногу, колено ответило на это вспышкой острой боли, Рок с трудом удержал равновесие и крикнул в спины бегущим вниз:

— Куда вы так торопитесь, дебилы, в гей-клубе сегодня выходной!

Оба придурка проигнорировали обиду, или вообще не услышали, или даже все сказанное охотно признали, а жаль, уж очень хотелось объяснить им некоторые аспекты правил культурного поведения.

Что бы ни происходило, при всех трех вариантах пробуждения с ногами у Рока всегда нелады. И пусть бы там шрамы, жить они не мешают, но ему кажется, что колени никакие, опасно хрупкие, стеклянные. Особенно с правым плохи дела, один неудачный шаг — и рассыплется на мелкие осколки.

Такая же неизменная здешняя стабильность, как лохматый сосед под грудой одеял.

Кстати, а ведь в общежитии на этот раз жарко, как в добротной натопленной парной. Вот зачем этот балбес под слоями шерсти парится?

Ну да — ради все той же стабильности обстановки, ничем другим эту тупость не объяснишь.

Может, Рок и правда ненормальный, но мир, который с ним играет в непонятную и крайне жестокую игру, тоже не без огрехов.

Оказавшись на улице, он остановился, не представляя, что делать дальше и куда, собственно, следует податься. Ситуация непередаваемо бредовая, полностью непонятная, и надо как-то с ней разбираться, но только как? Может, стоит забиться в тихое местечко и хорошенько изучить это чертово меню? Глядишь, в нем найдутся полезные подсказки.

Знать бы еще, где здесь можно найти тихое место...

Кстати, здание выглядит чуть иначе, чем в прошлый раз: совершенно другой окрас, конструкция входа иная, даже этажность меньше. Оно явно другое, просто архитектура схожая. И улица не такая — нет ни одного тополя на противоположной стороне, а в тот раз они там до такой степени

разрослись, что даже при отсутствии листвы перекрывали обзор.

Да тут все не так, начиная от ширины проезжей части до роскошно-зеленых, непонятно откуда взявшихся газонов, рекламных щитов, сетевого супермаркета в отдалении и прочего-прочего.

Это другое общежитие, другая улица и другой город, а Рок что старые не знал, что с новыми незнаком. Понятия не имеет, куда идти, но в голову настойчиво стучит одна мысль: ни при каких обстоятельствах нельзя приближаться к скоплениям людей. Если верить собственному хронически печальному опыту и последней подсказке — это излюбленные мишени полностью безумных маньяков.

Значит, в идеале следует держаться в одиночку, шарахаясь от прохожих.

Он по-любому за, все эти туповатые рожи с однотипно примитивными разговорами его только раздражают.

Обернувшись по сторонам, заметил многообещающий проход между высокой бетонной стеной, за которой невдалеке возвышались обшарпанные здания явно нежилого назначения, и коробкой недостроенной высотки, возле которой застыл башенный кран и не наблюдалось рабочих. Толп пешеходов тоже не видать, а чуть дальше зеленеет что-то похожее на парк, причем запущенный. Вряд ли в нем стадами мамы со своими личинками выгуливаются, из всего, что Рок заметил, это самое перспективное направление для тех, кто предпочитает тишину и одиночество. Детали не разглядеть, туманная дымка, ненормальная для столь ясного дня, скрывает, но вряд ли он ошибается, не может такое место оказаться многолюдным.

Не задумываясь, направился в ту сторону, но мимо стены не пошел, потому как там бодро, будто спеша удалиться от смерти, шлепала парочка старушек. Не понимая, во что вляпался, Рок предпочитал дуть на воду — мало ли, вдруг какой-нибудь не умеющий считать, окончательно чокнувшийся дегенерат сочтет эту морщинистую рухлядь скоплением народа, достойным его внимания. Поэтому чуть повернул, направился напрямик через стройку, благо проход в заборе открыт, шлагбаум поднят, ни охраны, ни рабочих не видно — может, выходной у всех, может, дружно на стаканы попадали. Глядишь, при таких порядках и на другую сторону не придется перебираться через препятствия, а если и не так, за безлюдность можно и не такое простить.

Рок нарвался практически сразу, как мальчик, только-только забравшийся в чужой сад и даже не успевший к незрелым яблокам прикоснуться. Едва дошел до угла недостроенной коробки, обогнул стопку бетонных плит, чуть удивленно покосился на странноватый

уазик-«буханку», непонятно зачем обшитый сеткой-рабицей и сваренными из арматуры решетками. Очень похоже на такси, специализирующееся на перевозке самых немытых бомжей, никто попримечнее на километр к такому драндулету не приблизится. Необычная колымага заинтересовала настолько, что уделил ей повышенное внимание и потому, как последний ротозей, едва не столкнулся лбом с парочкой сурового вида мужиков — в последний момент остановиться успел.

Обоим лет по тридцать с хвостиком, с ног до головы в слегка затасканном камуфляже, и это явно не форма, а какая-то партизанская самодеятельность — ни о какой армии, полиции или хотя бы частной охранной фирме не может быть и речи. У одного в руках монструозная винтовка странного вида — явно не пневматика для отстрела ворон-недоростков, что-то подчеркнуто мощное, неподъемно тяжеленное, для нанесения ущерба самым внушительным целям, с огромным оптическим прицелом и сложенными вдоль длиннющего цевья сошками. Да уж — из таких по пивным банкам лупить не принято. Второй тоже не с пустыми руками, при узнаваемом по всему миру изделии от Михаила Калашникова, простом и функциональном, как и все, что связано с фамилией этого конструктора. Облик незнакомцев дополнялся разгрузочными жилетами, ножами, пистолетами, гранатами, запасными магазинами и прочими предметами немирной направленности, включая какой-то жутко хитроумный гибрид топора, тесака и кирки на поясе у одного и черную рукоять самого натурального короткого меча, выглядывающую из-за спины второго.

Оба выглядели однотипно — ничуть не похожи на престарелых студентов из оставленной за спиной общаги или на праздных пешеходов, зато похожи на людей, для которых смертоубийственное оружие в руках — рабочий инструмент, причем привычный. И есть в их облике что-то неуловимое, неопишемое: достаточно посмотреть на таких, и сразу понимаешь — они явно не из пятизвездочной гостиницы заявили и вообще не страдают тягой к роскошной спокойной жизни. Эти мужики могли провести ночь под кустом, а предыдущую в каком-нибудь сарае с протекающей крышей, а до этого вообще в волчьем логове похрапывали, готовые вскочить в один миг и без раздумий открыть огонь из всех своих стволов.

Секунды две или три все молча и пристально таращились друг на друга, причем Рок совершенно произвольно напрягся и что по одному, что по другому незнакомцу получил две светло-зеленые таблички с одинаково коротким текстом:

Объект — иммунный, гуманность — низкая положительная, не идентифицирован, хорошо вооружен, умения Континента не выявлены.

Почти как у того матерщинника, вокруг которого собралась толпа, ставшая мишенью для психа.

Обладатель автомата повел стволом в сторону и без угрозы, но твердо выдал:

— Парень, шагай в сторону, мы тебя не видели, ты нас не знаешь. Бегом шагай, тут тебе задерживаться не нужно, уж поверь.

Тип с винтовкой при этих словах погладил роскошные усы и покачал головой:

— Дюбель, это не цифра. Ты посмотри на него — новый совсем, нулевой, ни разу не поцарапанный. Небось заблудился, мамку ищет, сисю хочет.

Автоматчик уставился на Рока, прищурился и удивленно повел бровью:

— А ведь и точно. Парень, ты тут давно?

Не представляя, как ответить на такой, казалось бы, элементарный вопрос и отчетливо понимая, что у этих опасных с виду людей наверняка имеется информация, нужная до зарезу, Рок, с превеликим трудом стараясь выглядеть образцом вежливости и покладистости, пожал плечами:

— Вы, наверное, не поверите, но я знать не знаю, что на это можно сказать.

— Знакомо, все такими были, — не проявляя ни намека на хоть какую-нибудь эмоцию, кивнул усатый. — Удачу на сколько приподнять успел?

— А понятнее нельзя спросить?

— «Бла-бла-бла, всякая хрень, и в качестве компенсации за пережитые унижения ваша удача получает хрен знает сколько очков прогресса и становится равной хрен знает чему». Слышал когда-нибудь что-то подобное? В смысле читал красные слова? Сколько тебе в последний раз капнуло?

— Два, — автоматически брякнул Рок, пораженный тем, что его догадка по поводу повышенной информированности странной парочки не просто угодила в цель — она эту цель разнесла на мелкие осколки.

Они знают даже то, что пишется ему при оживлении, а такая осведомленность не может не впечатлять.

— Ну это всем нулевкам нулевка, — протянул Дюбель. — Ему еще качать ее и качать, даже жалко бедолагу, натерпится.

— Может, прихватим его с собой? — Усатый выразительно указал на коробку недостроенной высотки.

Автоматчик медленно покачал головой:

— Дог на такое сильно огорчится, а это нехорошо.

— Да ладно, это ведь нулевка, не бросать же его вот так.

— А ты знаешь, что бывает, когда Дог становится огорченным?

— Да что тут такого? Ну посидит паренек тихонько, потом подкинем его к стабу, хорошее дело сделаем, маленько к человечности заработаем, всем от этого будет хорошо.

— И чем он там, наверху, заниматься будет? Нас и так уже пять рыл набралось, Урюку прикрывать такую ораву непросто, у него умение хреново прокачено. Это ведь нулевка, получается, у него вообще все по нулям, светиться будет на километр при таких характеристиках, даже мелочь его засечь сможет, спалит и себя и нас. Рябой, ну разве я не человек? Я все понимаю, но расклад ты сам представляешь, а Дог знает его получше и тебя и меня, у него все четко продумано, нулевые никак не вписываются в такие дела.

Усатый кивнул:

— Ну да, не подумал. — Повернувшись к Року, он поспешно затараторил: — Парень, тебе прямо сейчас отсюда рвать когти надо. Давай разворачивайся и сваливай. В темпе сваливай, тут вот-вот такое начнется, что единичку к удаче влет прибавишь.

— Развернуться мне недолго, но, может, скажете, что здесь и как? Если сами такими были, должны понимать, каково это. Я вообще без понятия, как это разгребать, что делать, куда и чего.

— Не грузи, все мы понимаем, но тут и за день не рассказать, а времени немного осталось. В общем, смотри сюда и запоминай слово в слово. — Собеседник начал показывать на пальцах. — Вот это река к западу отсюда, а вот с востока такая же река. Обе широкие, на юге они сливаются, а сам город начинается чуть севернее слияния. Мы его так и называем — Междуреченск, хотя на самом деле он ни хрена не Междуреченск. Ну да никому здесь это не интересно, как окрестили, так и прижилось, все ведь понятно. Сам город — отдельный кластер, плюс маленько земли чистой вокруг к нему относится, а вот тут, перед слиянием, но не добираясь до городской окраины, стаб мелкий начинается. Когда подходит перезагрузка, местные зараженные разбегаются отсюда кто куда. В том смысле, что оседлые, которые торчат до последнего любят. Воду они любят, как грешники адскую смолу, поэтому часто тащатся вдоль нее, и на слиянии их скапливается столько, что друг у дружки на головах сидят.

Как только туман сходит, сразу возвращаются, без задержки, как обычно бывает, потому что рядышком отсиживаются, на виду у города, дальше ведь хода нет, а это самый быстрый вариант для сволочей. Вот здесь, где мы сейчас засели, как раз одно из самых узких мест, излучина подпирает, плюс цепь прудов при парке, плюс канал. Куда ни посмотришь, везде вода, проход всего один, не считая мостов и дамб, и по нему примчится большая часть засевших на слиянии. Короче, парень, вали отсюда резче, здесь вот-вот те еще дела закрутятся.

— Благодарю за ценное указание, но куда мне валить? Что за оседлые? Что за стаб? Не, ну мужики, я вообще знать ничего не знаю, меня тут уже два раза грохнули ни за что, с такими делами и в третий раз влегую грохнут, даже понять ничего не успеваю.

— Верно, но, если останешься тут, еще раз грохнут, — напряженно пояснил автоматчик и указал стволом в сторону: — Туда беги, четко по самой широкой улице, которая эту пересекает чуть дальше. Там, слева, ниже по ней, мост стоит. Успеешь перебраться на ту сторону, считай, малость времени выгадал, это уже за рекой будет, а там расклады совсем другие. Только возле моста долго не трись, мост — это вода и узость, рановато тебе в таких популярных местах отсиживаться.

В разгрузочном жилете усатого захрипела рация, искаженный голос прогудел:

— Вы там что, взасос целуетесь или как это понимать? Где вас черти носят? А ну резче наверх, самые голодные мимо озера проскочили, уже спортсменов по парку ловят, там у них теперь спринт вместо бега трусцой.

Усатый вскинул тяжеленную винтовку на плечо и скорчил чуть виноватую мину:

— Извиняй, парень, что успели, то рассказали. Если нарвешься, лупи их в голову или по хребту.

— Кого? — Подсказка избить кого-то в голову и по хребту Рока заинтересовала сильнее всего прочего, но он продолжал ничего не понимать.

Ничего удивительного — более отстойные объяснения невозможно было вообразить.

— Ты клиентов сразу узнаешь, не сомневайся, — ухмыльнулся Дюбель, протягивая Року уплощенную фляжку. — На вот, залейся на дорожку. Хорошенько хлебни, лишним не будет, на денек нормальной житухи должно хватить, а больше ты вряд ли протянешь.

— Пей, — поддержал его усатый. — Дюбель прав, вряд ли поможет, ну а вдруг. Считай, что на удачу.

— Только не нюхай и вообще, носом не крути, — строго добавил автоматчик. — Просто резко выпей, уж поверь, это самое главное, что тебе нужно, без живчика тут долго не протянуть.

Пребывая в расстроенных чувствах по причине того, что осведомленная парочка гонит его, не желая ничего объяснять и при этом заявляя о великой опасности, ему угрожающей, Рок отхлебнул, почти не задумываясь над своими действиями, и тут же закашлялся — вкус у неведомого пойла оказался отвратительным: неприятно-кисловатое, отдающее чем-то затхлым, раздражающе-приторное и, похоже, сдобрено какой-то совсем уж дешевой сивухой, выгнанной из опилок гнилого заплесневелого пня.

Усвоена порция спорового раствора. Споровый баланс 90 %.

— Не плюйся! Глотай! Глотай давай! — на разные лады затараторили оба, посмеиваясь, как люди, отмочившие славную шутку.

Что в общем-то так и было.

Когда Рок чуть отдышался, Дюбель с фальшивой участливостью осведомился:

— Ну и как тебе наш компот?

— Вы его что, из шахтерских портянок варите? — вопросом на вопрос ответил Рок, стараясь, чтобы голос не звучал откровенно злобно.

— А парнишка-то не из тупых, влет секретный рецепт срисовал, — ухмыльнулся усатый. — Вот только тут даже не портянки, тут куда хуже дела, рановато тебе знать подробности, зеленый совсем, нулевка полная, жизни не видал.

— Беги уже, — посуровел автоматчик, указывая в ту же сторону. — Пора нам, Дог вот-вот икру начнет метать, в парке уже веселье начинается, а мы тут с тобой треплемся.

— Помни, у моста не оставайся, если получится, как можно быстрее уходи на север, обязательно найди какое-нибудь оружие, хоть трубы кусок, хоть палку потяжелее, бей им в головы или хребты, не слоняйся по открытым местам и никому не верь, — добавил усатый. — Давай-давай, беги уже, времени и правда нет с тобой нянчиться, что-то они на этот раз какие-то резкие, не к добру это.

Поняв, что больше от этих людей помощи не дожидаться, а приставать к ним и дальше — это риск ухудшить относительно доверительные отношения с непредсказуемыми последствиями, Рок развернулся и быстрым шагом направился назад к общежитию.

Мчаться со всех ног, как ему настойчиво советовали, счит ниже своего достоинства, но никто не стал подгонять его в спину. Или такая скорость приемлема, или...

Или этой странной парочке абсолютно все равно — избежит он неведомой опасности или нет.

Глава 4

Жизнь третья. Бордель во время пожара

Раздавая Року советы, странная парочка не догадалась подсказать главное — в двадцать первом веке ходить или тем более бежать только лишь для того, чтобы попасть из одной точки в другую, вовсе не обязательно.

Особенно если ты находишься в городе.

Телефона у Рока нет, и это почему-то удивляло, потому что какая-то тень воспоминаний подсказывала, что такая штукавина должна быть обязательно. Да и, глядя, как люди на улицах повсеместно пытаются чего-то добиться от своих ставших бесполезными трубок, можно сделать вывод, что они имеются если не у всех, то у очень многих. Однако отсутствие этого предмета вообще не напрягало, зато волновало кое-что другое, тоже связанное с личным имуществом.

То, что бумажник у Рока имеется, он обнаружил еще в общежитии, когда пытался разузнать о себе хоть что-нибудь. Его тогда тоже перерыл, кроме денег в нем обнаружилась дисконтная карта магазина спортивных товаров, билет на фильм, название которого ему ничего не сказало, и безвкусно оформленная реклама стрелкового клуба. Никакого намека ни на имя, ни на фамилию, ни на род занятий — вообще ничего.

В данный момент Рока сильно интересовал финансовый вопрос. На вид в бумажнике денег немного, где взять еще, он понятия не имел, кредитки у него не нашлось (да и была бы, какой от нее прок при отсутствующем электричестве).

Такси, которое он приметил, еще выходя из общежития, стояло на прежнем месте — на полпути к супермаркету. Потасканная машинка отечественного автопрома, без изысков, простая рабочая лошадка, где с комфортабельностью туго и местами грязновато. Ну да ему абсолютно все равно, лишь бы ехать могла.

Водитель оказался на месте, он занимался тем же, чем и многие другие, — ожесточенно терзал смартфон, будто искренне верил, что тот, испугавшись или смирившись, заработает как прежде.

Постучав в наполовину опущенное стекло, Рок вывел таксиста из мобильной нирваны и задал вопрос, понятный всякому работнику этой профессии:

— Шеф, свободен?

Тот, не мигая и ничего не произнося, изучал потенциального пассажира секунды четыре, что явно многовато, после чего лаконично ответил:

— Допустим.

— Хочу за мостом оказаться. И побыстрее.

— За каким мостом?

— Мост — это такая штукавина, которая соединяет берега реки.

— Я в курсе. Тебе какой именно мост нужен? — голосом человека, терпеливо втолковывающего дебилу основы квантовой физики, уточнил таксист.

То, что нужный Року мост не является единственным, стало сюрпризом — об этом его не предупреждали. Но известие не выбило из колеи, начал объяснять, как мог, показывая при этом рукой:

— Тут вроде улица должна быть, широкая, она ведет влево, внизу по ней и будет этот мост.

— Ты что, неместный?

— А это проблема?

— Да нет, просто интересуюсь. Тебе куда за мост?

— Просто за него куда-нибудь на километр увези. На сколько это потянет?

— По счетчику набежит где-то под девяносто. Только подождать придется, связь не работает, даже навигатор ничего не показывает, счетчик не пашет.

Рок, ничуть не обманувшись подробными объяснениями водителя и обрадованный тем, что, оказывается, он финансово способен потянуть несколько таких поездок, предложил свой вариант:

— Машина работать должна, а я ехать, ничего не ждем, плачу две сотни. Только давай без героизма и по тихим улицам, где ни толп обезьян, ни движухи плотной, не хочу в пробке стоять. Норма?

— Мост нам никак не объехать, а там движение всякое бывает.

— Я в курсе, что мосты — узкие места, но ты постарайся.

— Всегда стараюсь.

— Ну так что, едем или общаемся дальше?

— Запрыгивай.

Едва начали выруливать на дорогу, как таксист произнес:

— Почему сказал, что неместный? Я ведь вспомнил тебя, ты футболист.

— А зовут меня как? — спросил Рок с замиранием сердца.

Неужели наконец получит ответ на столь простой и одновременно запутанный вопрос.

Увы, не все так просто, водитель покачал головой:

— Я по футболу не очень, мне больше бокс нравится.

— Да меня здесь все с каким-то футболистом путают, — соврал Рок, прикрывая правое колено левым, а левое ладонями.

Шрамы там знатные, приметные, из-под шорт выглядывают, видно, что хирурги резали безжалостно. Не хочется ни об амнезии рассказывать, ни о надписях перед глазами, а хочется просто перебраться на другую сторону реки, пока его в очередной раз не прикончили.

Возможно, мучительной смертью.

— Да, лицо похожее, даже я тебя вспомнил, — продолжил словоохотливый водитель. — У тебя в телефоне навигатор есть? Ну, в смысле спутниковый? Может, работает.

— Я трубу дома забыл, — снова соврал Рок.

Не хотелось признаваться, что телефона у него вообще нет, а то, глядишь, дойдет до того, что первому встречному придется рассказывать, что документов тоже нет, к тому же он сам себя не помнит и регулярно видит странные вещи, каким-то непостижимым образом связанные с кошмарными событиями.

— Ерунда какая-то. У меня смарту сеть вообще не нужна, лишь бы спутники летали. Но ничего, собака, не показывает, будто в подвале сижу.

— Накрылась твоя труба.

— С чего ей накрываться, вроде все работает. Просто ни связи нет, ни спутников не видит, и такое у всех.

— Перезагрузи, вдруг поможет.

— Уже пробовал — не помогло. И навигатор в машине тоже ничего не видит. Не могло же все сломаться одновременно, тем более с виду работает как обычно. Такое дело глушить могут?

Рок пожал плечами:

— Вообще-то я без понятия, но, наверное, военные что угодно заглушить могут, у них такое за просто.

В этом момент таксист коротко выругался, резко выворачивая руль. Мимо, не притормозив и не просигналив, с непозволительной скоростью пронеслась гроыхающая разбитым бампером машина.

— В дурдоме сегодня день открытых дверей, — неприязненно произнес водитель. — Носятся все подряд, и на ржавых ведрах, и на дорогих тачках. Куда они сегодня все торопятся, один черт — главные улицы сейчас непроезжие, светофоры потухли, машины следом становятся,

на центр без вертолета не вырулить.

— И что теперь делать будем? — напрягся Рок, чуть ли не презирая себя за то, что забыл такую немаловажную подробность.

— Так мы же не к центру, а наоборот. Прорвемся как-нибудь, дворами, потихонечку. Тут пару неприятных мест объехать надо, а дальше не должны встрять. По идее.

Мимо пронесся еще один безмозглый лихач, вызвав очередную вспышку недовольства водителя и едва не снеся зеркальце слева. Причем далеко не уехал, всего-то через пару сотен метров обнаружился в наказанном состоянии: перевернулся кверху колесами, вокруг начали собираться зеваки, самые смелые уже пытались проникнуть в салон.

Таксист, не притормозив, проехал мимо, прокомментировав:

— Стадо придурков. Если не знаешь, что там и как, вообще не трогай. Может, у человека позвоночник в труху, такого чуть шевельнешь неправильно, и в лучшем случае — калека на всю оставшуюся жизнь. Но нет же, лезут и лезут, все им неймется. Рай на Земле наступит, только когда безрукие вымрут, но мы такого счастья не дождемся, потому что эта публика умеет правильно делать только одно — из мамок выбирать.

Рока слова таксиста почему-то неприятно напрягали, и, анализируя их, он понял, в чем дело — проскакивали те же самые неестественные перепады интонаций, как у всех трех студентов, с которыми ему приходилось общаться при пробуждениях. Не настолько, возможно, яркие, но в сочетании с замедлением и убыстрением речи без причины, постановкой фраз и самой манерой общения все эти четыре человека чем-то походили друг на друга.

И одновременно отличались от пары мужчин, по совету которых Рок сейчас ехал к мосту, о существовании которого до встречи с ними не подозревал.

Эх, поговорить бы с ними подольше и поподробнее, а еще лучше — закорешиться. Ведь проскакивали намеки, что можно податься с этими мужиками в места, где все не настолько паршиво, как здесь. Очень уж не хочется и дальше делать то, что они называли «поднимать или качать удачу», потому как, судя по их высказываниям, заниматься этим придется и дальше — такие, как Рок, по непонятной причине должны умирать снова и снова.

Ну и сколько раз? На какой цифре должен остановиться счетчик смертей, чтобы хотя бы начать понимать — куда именно его занесло?

Этим утром Рок уже начал подозревать, что за некие, напрочь забытые прегрешения он угодил в оригинальную разновидность ада, но встреча со

странной парочкой уверила в обратном — похоже, здесь нет ничего потустороннего, эти мужики совершенно не ассоциировались с чем-то мистическим, оба предельно приземленные, несмотря на откровенную странноватость. Жаль только, что главные вопросы так и остались безответными.

Да и не уверен, что сумел бы задать их правильно.

Хотя... Уже имеющейся информации достаточно, чтобы высказать обоснованное предположение. Да, это не ад (и прочая мистика), но и не реальность в привычном понимании — это игра. Странная, жестокая, абсолютно непонятная и неинтересная, но всего лишь игра. Рок не очень-то увлекается такими способами убийства свободного времени, но совсем уж ничего не знающим его не назовешь (и самое смешное — при этом уверен, что о подобных никогда не слышал, знание будто само собой в голове нарисовалось). Повернутые на таких делах ребята сутками сидят у пыльных мониторов, наживая близорукость и туннельный синдром в запястьях, а не бегают непонятно где, пытаясь узнать хоть что-нибудь о себе в перерывах между насильственными смертями.

Нет тут никаких мониторов, есть очень даже убедительная реальность, одобренная ритуальными пожеланиями удачной игры и...

Ну какой же он болван! Вот как можно быть таким тупым!

— Меню, — произнес Рок тихо-тихо, скорее изобразил слово движением губ, чем озвучил.

Это чтобы с таксистом не объясняться, ведь разговаривающий сам с собой пассажир может его насторожить. Рок и без того напряг его просьбой избегать скоплений людей и транспорта, не нужно усугублять.

Итак, что ему сейчас требуется больше всего? Он ведь не какой-нибудь там великий киберспортсмен, но в вопросе разбирается достаточно, чтобы осознать самое главное — в каждой игре имеется кнопка «Выход», и где ей еще отыскаться, если не в меню.

Остается пустяк — найти ее, нажать, оказаться в нормальном мире, где как можно быстрее выяснить крайне важный вопрос: кто загнал его, лишенного памяти, в игровое пространство и столь жестоко издевался? Не может быть, что в случившемся беспределе нет виноватых, уж одного как минимум надо как следует подержать за горло (да и попинать ногами не будет лишним).

Увы, не все так просто: не прошло и минуты, как Рок окончательно убедился — именно это меню создано исключительно с целью запутывания таких, как он. Вот скажите, например, зачем нужно многостраничное окно под заголовком «Умения», если в нем пусто, как в дырявом кармане

нищеврода. Или вот еще — семь полосок разного цвета, очевидно, шкалы, которые должны о чем-то говорить, но ничего не говорят, потому что поясняющие подписи отсутствуют.

И не наблюдается самого главного — нет ни намека на возделенную кнопку. Конечно, не исключена вероятность, что она мастерски укрыта за множеством перекрывающих друг друга окошек, свернуть или убрать которые невозможно, получается лишь продвигать их вперед одно за другим, чтобы рассмотреть все. Путаница при такой каше неизбежна, но Рок подозревал, что дело вовсе не в этом.

Из места, где ты даже имя свое узнать не можешь, свалить не так просто.

Таксист тем временем и правда продвигался дворами, мимо старых пятиэтажек, рядов ржавых металлических гаражей и скопищ мусорных баков. Это Рок мог разглядеть через участки чистого пространства, не загроможденного разноцветными окошками разделов меню. Затем машина уткнулась в забор школы, повернула, объезжая ее, направилась в переулок, выходящий на широкий проспект, движения на котором не просматривалось.

— Видал? — самодовольно заявил водитель. — Пробка выше осталась, народ так и стоит там в очереди, нехорошее место, худшее в городе. А мы сейчас одни, как короли, проскочим.

— А почему снизу никто не показывается? — недоверчиво уточнил Рок, когда до проспекта осталось не больше пары десятков метров, и заодно тихонечко прошептал «меню», расчищая себе поле зрения.

Таксист ничего не успел сказать — ответ показался во всей красе. Слева выскочила целая колонна разнообразной техники, преимущественно негражданского назначения, включая бронетранспортер. Видимо, для ее прохода улицу где-то ниже перекрыли, а разглядеть машины не получалось до последнего момента, они выскочили из-за угла с дурной скоростью, недопустимой, когда едешь такой оравой.

— Ого! — заявил Рок, не представляя, что тут еще можно сказать. — И часто у вас здесь такие покатушки устраивают?

— Восьмой год, как в эту деревню перебрался, и впервые такое вижу, — озадаченно ответил таксист и, выворачивая голову, добавил: — К южной развязке сворачивают, похоже, где-то рядом вся каша заварилась.

— И что за кашу там варят?

— Света нет, связь легла наглухо, навигаторы спутниковые — и те скопытились. Я, парень, одно тебе скажу — на ровном месте такое не случается. Тут или какое-нибудь наводнение с землетрясением, или теракт.

Ты видишь здесь воду или развалины? Землю под ногами трясет, а? Значит, сам понимаешь, что за дела завертелись. А ведь спокойный город был, никто никогда сюда не лез.

— Как они вообще без связи такую банду согнали, — указал Рок на продолжавшую тянуться колонну.

— Так это же полицаи да силовики всякие, у них на такой случай и рация, и проводная связь. Наверное, обычные телефоны работают, да только у кого они сейчас в домах остались, все давно при мобилках. О, ты только посмотри на это! — Водитель вытянул руку, наводя палец на тяжелую гусеничную машину. — Серьезная штука, такой можно стены сносить или сквозь дома проезжать. Как-то даже странно, что они так быстро выбрались на дело, обычно власти у нас пока пошевелиются, уже и не нужно ничего.

Последняя машина, обычный с виду микроавтобус, миновала переулок. Таксист воровато оглянулся и решительно придавил газ:

— Если и перекрыто, мы знать ничего не знаем. Я тебя со двора подобрал и ждал там долго, если что, лады?

— Как скажешь.

— Знал бы, не поехал, из-за пары соток с гиббонами объясняться кому охота. Вот черт!

— Что? — не понял Рок.

— Да прорвало затык. Ну, пробку в смысле, нам в корму несутся. Не вовремя их черти дернули.

Сзади надвигался поток машин, причем первые не ехали, а почти летели, будто дело происходило не на проспекте посреди города, где скорость ограничена, а на финишной прямой экстремальных гонок. Таксист начал поспешно выворачивать вправо, пытаясь прижаться к бордюру, что, на взгляд Рока, бесполезное занятие. Эти лихачи мчались по двум рядам в три колонны, плюс еще пара нагло вынеслась на встречную, проигнорировав две сплошные линии и тот факт, что армада техники силовиков еще не скрылась из виду.

В последнюю секунду у кого-то сдали нервы, сразу две машины с визгом затормозили, одну понесло юзом, с пассажирского сиденья не получилось рассмотреть подробности, как Рок ни извивался, и поэтому даже не понял, кто с кем в итоге столкнулся.

Но заскрежетало знатно — это явно не слегка помятое крыло или побитый бампер.

А затем врезались в такси. Не сказать чтобы сильно, но Рока дернуло прилично, а так как в этот момент голова некстати повернулась в попытке

увидеть, что творится позади, шее пришлось несладко — от рывка она выдала острую вспышку боли, отступившую неохотно и оставившую после себя саднящее, крайне неприятное ощущение.

— Ну, блин, паразит тупой! — выругался водитель. — Приехали! Да в гробу я видал твои сотки, парень.

С этими словами он решительно распахнул дверь машины, но лишь затем, чтобы тут же ее захлопнуть и трясущимся голосом заявить:

— Да что же это такое... да ты только посмотри на это... Черт! Черт! Черт!!!

Рок был занят шеей — разминал, то в одну сторону голову наклоняя, то в другую, пытаясь вернуть ее в прежнее состояние. Но после этих слов, высказанных со своеобразной интонацией, не смог не уставиться вперед, куда вовсю таращился водитель.

Секундой-другой больше — и Рок с высокой степенью вероятности получил бы очередную невнятную подсказку и пожелание удачной игры. Его спасли таксист, даже в такой момент не сумевший держать рот на замке, и какая-то невероятная реакция. Всего один мимолетный взгляд — и он, ни о чем не рассуждая и ни в чем не сомневаясь, плечом распахнул дверь, вываливаясь на газон, благо водитель перед этим прижался к бордюру впритирку, прокатился по короткой, сильно замусоренной травке, вскочил, скривившись от боли: во время исполнения незатейливого трюка ухитрился зацепиться распроклятым коленом, и оно отреагировало на грубость в своей обычной манере — весьма болезненно.

По всем полосам проспекта, игнорируя чуть ли не полный перечень правил дорожного движения и заодно здравый смысл, неслись машины таких же лихачей, только со встречного направления. И больше всего Рока напрягал возглавлявший гонку тяжелый грузовик — разогнался он так, как водители подобного транспорта на пустынных загородных трассах себе не позволяют. Надсадно гудящий монстр играючи снес малолитражку, которая, также с нарушением правил, неслась в сторону моста по встречной, то же самое повторил с громоздким джипом, даже не вильнув при этом, а вот автобус оказался чересчур крепким орешком.

Или, скорее, — увесистым.

Грузовик врезался с тем еще грохотом, разбросав в стороны центнеры искореженного металла, разобрав автобус до середины, и, резко уйдя вправо, задел одну из обгоняющих машин, которая из-за этого пошла юзом, столкнулась со второй, отбрасывая ее, та стукнулась о третью, четвертую, и вот уже по проспекту понеслась волна раздираемого металла — разгорелась цепная реакция столкновений.

У Рока хватило ума и времени откатиться чуть дальше за миг до того, как грузовик, расшвыривая в стороны все, что подворачивалось ему под бампер, мимоходом задел такси, в клочья разнеся левую сторону от переднего колеса до багажника, помчался было дальше, но тут ему подвернулся достойный противник — несущаяся навстречу фура с идеально белым, будто игрушечным прицепом. И то и другое было чересчур чистеньким, прилизанным, что большая редкость и выглядит неестественно.

Тяжелые машины столкнулись лоб в лоб столь шумно, что Рока слегка оглушило. Хотя, скорее всего, в этом виновата железяка, прилетевшая в голову в тот момент, когда такси превратилось в печально выглядевший металлолом, похоронивший в своих недрах так и оставшегося на своем месте водителя.

Сидя на дальнем краю газона, Рок ошеломленно наблюдал, как на дороге стремительно разворачивается эпичная картина столкновений и гибели десятков самых разных машин. Причем доставалось как излишне разогнавшимся нарушителям правил, так и стоявшим на месте, абсолютно ни в чем не виноватым, ведь далеко не все так целеустремленно торопились умереть или покалечиться, основная масса законопослушно плелась позади, и при виде такого бедлама водители, как это у них принято, дружно начинали тормозить, сами превращаясь в неподвижные мишени и другим перекрывая пути к спасению.

Сразу в нескольких местах вспыхнуло пламя и взметнулся дым, на все лады кричало множество людей, мимо Рока, постанывая, проковыляла немолодая женщина, почему-то одетая лишь в сексуальное нижнее белье, она баюкала неестественно вывернутую руку. Мужчина, который, сильно хромая, плелся вслед за ней, вдруг присел прямо на тротуаре и заскулил, будто побитая собака. Еще один бухнулся на колени чуть дальше, едва уйдя с дороги, видок у него был тот еще — в космонавты такого точно не возьмут: сплошная кровь от головы до ног, хрипит нехорошо, в лицо основательно воткнулся здоровенный осколок стекла.

Чувствуя себя не очень хорошо, Рок потрогал голову и нащупал быстро наливающуюся в объеме шишку, слегка мокрую. Повезло, что прилетевшая железяка оказалась небольшой, будь на нем та самая шерстяная шапочка, как в предыдущие два раза, мог вообще без последствий проскочить. И оглушило знатно, в ушах звенит, перед глазами плывет, частично выпал из реальности, вид продолжающей биться техники не вызывает ни малейшей реакции, будто скучный фильм перед отстраненным взглядом проходит. Даже когда красный юркий спорткар,

вырываясь из механической бойни, выскочил на газон и пронесся в десятке сантиметров от него, не дернувшись.

Мозг почти отключился, а ведь не так уж и сильно стукнуло.

Кто-то подхватил Рока под руку, сдернул с места с такой легкостью, будто он ребенок лет десяти, а немолодой широкоплечий мужчина немаленького роста оттащил на край тротуара за миг до того, как по нему, даже не подумав притормозить, пронеслась еще одна машина.

В ухо при этом грубым и возбужденным голосом прокричали:

— Олух, у тебя имя есть?! Имя?! Вот ведь балбес! Язык потерял?! Давай, говори уже, как тебя звать, не молчи, родной! Совсем оглох, что ли?!

Повернув голову, Рок, борясь с пеленой перед глазами, разглядел мужика лет сорока: плотное, рыхлое телосложение, рожа красная, черты лица грубые, будто его из кирпичей построили, глаза неприятные, нагло-слащавые, такому что в долг давать, что выбрасывать — одинаково. Легкая серо-зеленая рубашка расстегнута чуть ли не наполовину и не скрывает прилично развитую мускулатуру, а также серьезно заросшую грудь, на которой болтается простенькое украшение — сильно вытянутый черный кристалл с двуглавой вершинкой, прикрепленный к незатейливому шнурку.

Может, физиономист Рок так себе, но в других обстоятельствах даже не подумал бы общаться со столь явно прожженным субъектом.

Но мужик основательно зациклен на его имени, а это кое-что меняет.

Борясь с дурнотой, накатившей после удара по голове, Рок разлепил внезапно ссохшиеся губы и, перекрикивая грохот автомобилей, продолжавших с упоением биться по всей улице, пролепетал не своим голосом:

— А ну бегом убрал грабли. Нет у меня имени, без него кручусь.

Красномордый довольно ухмыльнулся, подмигнул заговорщицки и, не обратив внимания на прокатившееся в шаге от него оторванное колесо, заявил:

— Все мы нулевыми когда-то были, это не запахло. Ну и как житуха, братан? Удачу прилично приподнял? Сколько накапало?

Опасливо покосившись на такси, в остатки которого в этот миг под душераздирающий крик врезался каким-то чудом добравшийся до эпицентра событий мотоциклист, Рок ответил:

— Пока до двух.

— Что-то не впечатляет, как-то по-детски.

— А я не тороплюсь, вырасти успею.

— Вот это грамотно, Континент торопливых любит наказывать, а оно

никому не надо. Значит, получается, ты вообще свежий, а это, я тебе скажу, очень хорошо, встреча с тобой и есть настоящее везение. Прокачанная удача — ерунда, ничего не стоит, десять она у тебя или пять — разницу никому не докажешь. Примета известная есть: если новая жизнь с везения пошла, дальше тоже попрет. В смысле у меня попрет, у тебя — не факт, если сам по себе будешь болтаться по таким местам. Тебе, братан, надо к кому-то бывалому хотя бы на чуток прислониться. Меня, кстати, Слепнем звать.

— А меня... я не знаю. Пока Роком зовусь.

— А чего Роком?

— Меня какой-то чмырь общажный так назвал, когда это дело только началось.

— У тебя нулевой доступный вариант общага, что ли?

— Не знаю, но я всегда в студенческой общаге оказываюсь.

— Ага, Незнайка, такое бывает. И как там студентки? Пухлые попадают?

— Пока не примерялся, не до студенток было.

— Ну да, понятное дело, по-быстрому не всякую цифру уломаешь, а без спроса тащить — человечности вредить, да и нет интереса. А как вообще? Чем это ты здесь занимаешься?

— На траве сижу.

— А до этого чем жил?

— До этого к мосту ехал.

— И на хрена тебе мост?

— Да мне тут нашептали, что за ним будет безопасно.

— Заруби себе на носу, Незнайка, — нигде не бывает безопасно. А кто такое сказал?

— Люди вроде тебя. Только они покруче выглядели. — Рок все больше и больше приходил в себя и наконец осознал, что этот человек чем-то неуловимо похож на тех мужиков, из-за которых он оказался на этом проспекте, — просматривается поведенческое однообразие. — Они сказали, что вон в той стороне стаб с оседлыми, которые вот-вот сюда придут.

— Оседлые? — напрягся мужик. — Много их? Серьезные?

— Я даже не знаю, кто это такие.

— Счастливый ты человек, хоть бери да начинай тебе завидовать. Слышь, а пошли со мной, я тебя выведу, куда ты хотел, заодно и пару полезных советов по пути дам, тебе это сейчас нужно, по себе помню, не забыл еще. Со мной не пропадешь, я тоже не из последних, просто своим

ходом выхожу, что привязанное было, еще не маякнуло, да и хлам там, почти голяк, не стоит за таким ходить. Бедно жил в последнее время, а потом завалили меня с час назад, на крутую элиту нарвался, не свезло, такое у нас случается. Слышь, Незнайка, а в какую сторону тот мост?

— Вниз по этой трассе для психов.

— Ну пошли, пока тут всерьез не завертелось.

Рок, с заметным недоумением окинув взглядом побоище из десятков машин, очаги пожаров, лужи крови, стонущих и кричащих людей, не задумываясь, спросил:

— А разве это не всерьез?

— Что? — Слепень ухитрился не понять простейший вопрос.

Указав на заваленный металлом проспект, Рок пояснил:

— Ну это... Все это... Разве несерьезно?

— Это?! Да ну, смеешься, что ли! Это, братан, всего лишь бордель во время пожара. — Слепень ухватил Рока за руку, увлек за собой, с места набрал солидную скорость и сосредоточенно-обеспокоенным голосом добавил: — Если не успеем выбраться, тут начнется горящий бордель с пьяными матросами, а вот это, Незнайка, уже серьезно... охренительно серьезно.

Глава 5

Жизнь третья. Первая фаза

Слепень Року не приглянулся с первого взгляда, идти с ним ему тоже не понравилось. Во-первых, он чуть ли не волоком за собой тащил, заставляя шагать со скоростью, которую раскапризничавшееся колено считало неприемлемой, о чем непрерывно и крайне болезненно напоминало. Во-вторых, не очень-то заботился о безопасности, даже не попытался уйти в более спокойное место, например — в ближайший двор или хотя бы тихий переулок. А ведь бедлам на проспекте все еще продолжался, сместившись к перекресткам, через которые на безумной скорости пытались проскочить машины, двигавшиеся с направления, в котором располагался тот самый загадочно-непонятный стаб со зловещими оседлыми. Складывалось впечатление, что водителей оттуда гнала незримая сила, заставляющая напрочь позабыть об инстинкте самосохранения и заодно превращающая в тормознутых бестолочей, слишком медленно реагирующих на изменения дорожной обстановки. Ну или то, что их гнало, напрягало куда больше, чем риск разбиться вместе с автомобилем. Слепень не обращал ни малейшего внимания на близко проносившуюся смерть, его пренебрежение дошло до такой степени, что он погрозил кулаком трамваю, сошедшему с рельсов и несшемуся через забитый остановившимися транспортными средствами перекресток:

— Куда прешься, цифра тупая!

Трамвай не застопорили преграды из битых и чудом уцелевших автомобилей, снес их все под крики гибнущих людей и запертых в нем пассажиров, безумно таращившихся в окна. Так и погнал дальше под их хоровой вой и грохот стальных колес, разгромив напоследок стоявшую в заторе машину, из которой молодая женщина только-только вытащила раскладную коляску и уложила в нее ребенка. Она до того была увлечена своим делом, что слишком поздно заметила опасность, только и успела — оттолкнуть дитя.

Коляска вроде бы не пострадала и, потихоньку ускоряясь, поехала под уклон. Рок было дернулся в ее сторону, но Слепень ухватил его за руку с поразительным проворством и грубо рявкнул:

— Ты куда это намылился?!

— Там ребенок! В коляске! — бестолково вырываясь из невероятно

крепкого захвата, ответил Рок.

— Да уймись уже, спасатель хренов. — Тон Слепня стал поразительно равнодушным. — Некого тут спасать, кроме нас с тобой.

— Да отпусти ты, debil отмороженный! Тебя что, не мать рожала?! Это же ребенок!

— Сказано — уймись, никакой это не ребенок, а мать его — не баба, а кукла мясная.

— Но...

— Никаких «но». Все, проехали, резко расслабься и слушай, что я говорю, не отвлекайся на этих манекенов. Все, кого ты вокруг видишь, — это не люди, это просто мясо. Обрати внимание, они какие-то не такие, у большинства из них несколько шаблонов. Вон старик, а вон еще один, у обоих одинаковые взгляды и походка, в одежде что-то общее, говорят они тоже похоже. Вон девка лет восемнадцати, вон дальше еще одна, видел, какие обе сочные? Страшных среди баб почти не бывает, Континент в красоте толк знает, у него вообще на романтических делах бзик какой-то непонятный, слишком много правил, без бутылки в них хрен разберешься.

— Так это что?! Роботы?!

— Если разрезать, внутри ты найдешь то же самое, что и у нас, такую же требуху.

— Но ты сказал... я думал...

— А ты слушай, что я говорю, а не думай. Вон, сходи ту деваху уломай, взгляд у нее шальной, значит, штучка горячая. Ты даже не поймешь разницы с нормальной бабой, или даже лучше покажется, чем с иммунной, подмахивают такие шлюшки получше, чем языком мелют. Думаю, тот, кто грузил в них мозги, заодно и постельные дела напихать не забыл, уж больно ловкие они в этом. Мы всех их называем цифрами, если не полный дурак, сам поймешь почему. Даже присматриваться к коляске не нужно, забудь, младенцев среди игроков не бывает. Считай, что все это просто фигуры из картона, разговаривающие под копирку, не обращай на них внимания. От нулевых цифр толку нет, только вечные подставы, а помогать им — все равно что муравьев через дорогу переводить. Тупая биомасса, основной корм для Континента, как освоишься, будешь их влет вычислять, даже не прищуриваясь, они почти все ведут себя по-тупому и говорят одними словами, на всю ораву несколько вариантов разговора, скучно с такими. С игроками их только совсем уж печальные новички вроде тебя путают.

— Игроки? Так это всего лишь игра?

— Это, Незнайка, не игра, это не пойми что. Но, если хочешь, называй

игрой, так многие делают. Слушай, а может, я тебя и правда Незнайкой окрещу? Как оно тебе? Ничего так, оригинально получится.

— Ты о чем? — ответил Рок, стараясь не коситься в сторону разогнавшейся коляски, чудом ухитрившейся до сих пор не врезаться ни в одну из разбитых или остановившихся машин.

Несмотря на слова и поведение спутника, не мог смириться с тем, что рядом с ним мелкий ребенок попал в непростую ситуацию, а он при этом притворяется, будто ничего не происходит.

— Да ладно, забей. Рано тебя крестить, для начала хотя бы вывести надо, тут это делать нельзя, тут как бы место рождения, да и опыт перед крестинами придется разделить, правила на такой счет строгие. В общем, ты насчет Незнайки подумай, не так уж оно и плохо, не всем везет на хороших крестных, а тебе вот повезло так повезло. А чего хромаешь?

— Я вроде как бывший футболист, колено расквасил, все в шрамах, плохо работает. Каждый раз такое происходит: то одно колено никакое, то оба.

— Это дело временное, если, конечно, перестанешь помирать в первый же день. Ты вроде не совсем тупой, должен освоиться.

— Вряд ли это временно, разбито серьезно.

— Да забей ты на него уже — фигня полная.

— Я бы забил, вот только колено против этого. Болит, зараза, ни согнуть, ни разогнуть.

— А вот это, Незайка, плохо, — напряженным голосом произнес Слепень через секунду после того, как где-то правее, в отдалении, густо загрохотали выстрелы.

Рок так и не понял, к чему относились эти слова — к его скверно работавшей ноге или к вспыхнувшей не так уж близко стрельбе.

А она между тем стремительно усиливалась, как по частоте, так и по шуму, работали десятки разнообразных стволов, и работали на совесть.

Слепень, даже не подумав сбавлять темп ходьбы, повернул голову в направлении источника настораживающих звуков и уточнил:

— Это ведь оттуда оседлые должны прискакать?

— Вроде да.

— Похоже, патроны не жалеют. Это кто там такие бодрые?

— Не знаю, но туда целая колонна ментов и не пойми кого ушла.

— Что, серьезно?

— Я ее встретил перед тем, как здесь машины начали друг дружкой в бильярд играть.

— Интересные дела, обычно цифры не очень-то расторопные, туго на

такие дела собираются. Наверное, у них учения какие-то вовремя случились или что-то в этом роде, у кластеров самые разные сценарии бывают, вот и оказались наготове в правильный момент. Артиллерии у них не заметил?

— Не видел. Бронетранспортер был.

— С пушкой?

— Вроде вообще без оружия.

— Ну тогда, если оседлые серьезные, надолго этот салют не затянется.

Подтверждая его слова, стрельба начала затихать так же быстро, как и вспыхнула.

— Ну вот, — довольно осклабился Слепень. — Я же говорил — дистанция в ноль ушла, а на ней стволы уже ни разу не рулят, начинается время главного веселья. Сейчас еще маленько постреляют, и на этом спектакль закончится. Кстати, финал там будет грустным и тихим. Ну разве что одиночки иногда будут разряжать все, что у них осталось. Это я про тех, которые догадываются спрятаться, а не лезть вперед всех. Нулевые цифры нереально тупые, прячутся они хреново и не так уж часто. Да у них все через одно место делается, на то они и цифры. Слушай, Незнайка, а где вообще этот мост? Нам бы побыстрее к нему, нарываться неохота.

— Откуда мне знать, я тебе не городской справочник.

— Шагаешь туда, куда не знаешь?! Да ты кто тогда вообще?! Осел на двух копытах?!

— Направление знаю, а километраж не догадался у таксиста спросить.

— Ты на такси, что ли, ехал?

— Попробовал бы ты с моей ногой пешком походить.

— Рисковый парень. На будущее тебе бесплатный совет от Слепня: хоть на сломанных зубах ползи, но к цифрам в машины не садись. Видал, как нереально они чудят?

— Такое не заметить не получится.

— Ну да, согласен, даже слепой поймет, что дела его плохи. То, что ты сейчас видишь, называется первая фаза, на ней они еще не обращаются, но у некоторых в головах мозги закипают, плывут, оттого разные номера отмачивают: могут газом хату заполнить и закурить; могут тебе на макушку жену с восьмого этажа выбросить с ребенком вместе; могут и сами следом сигануть, лететь и посмеиваться во всю ширь ртов. В общем, держись подальше от тех мест, где неадекватный цифра может снять с тебя еще одну единичку.

— Что значит «обращаются»?

— А то и значит. Ты видишь этот город? Он только-только загрузился,

но неадекватов уже хватает. Еще через сутки здесь нормальных цифр вообще не останется, только кучка ничего не соображающих и толпы голодных зомбаков повсюду.

— Зомбаков? Ты сказал — зомби?! — Рок недоверчиво-пренебрежительно ухмыльнулся.

— Чего скалишься, знаешь что-то, чего не знаю я? Вот только это вряд ли, вы, новички нулевые, вечно тупите в самом простом. Да, братан, тут будут зомби, такие вот дела. Вообще-то мы их называем не так, да и не зомби они, все куда серьезнее, ну да какая нам с тобой разница, пускай будут зомби. На второй фазе почти все, кого ты сейчас видишь, станут медленными, тупыми и жадными до человечины, если, конечно, доживут. Причем медленными они будут только поначалу, до третьей фазы. Но ты не думай, что сейчас тебе нужно бояться только шизиков на машинах. Слышишь стрельбу?

— Нет, конечно, я ведь глухой как пень.

— Ха-ха, шутник. Перезагрузившийся город — это сладкий леденец на тонкой палочке, и ты станешь вкусным орешком в этом леденце, если вовремя не свалишь. Знаешь ведь, чем заканчивают леденцы на палочках? Ну ты понял, о чем я. Тут до того доходит, что даже пятидесятих уровней выносят так, что те и «мама» сказать не успевают, а ты полный ноль, ты всего лишь Незнайка, на тебя дунуть, и все — сразу минус жизнь оформляется, никакой волокиты. А жизни терять — это хреновое занятие, об этом тебя не просто так при каждой загрузке предупреждают.

— Слепень, давай меньше текста, лучше скажи: как отсюда выйти?

Рок сформулировал волнующий его вопрос слишком поспешно, непродуманно, но, похоже, собеседник все понял правильно, отреагировав неожиданно бурно — остановился, рассмеялся искренне, по-детски, чуть присев, хлопнул себя по бедрам:

— Ну я не могу! Ну Незнайка, ну конь смешной, ну ты меня уморил! Я уж начал думать, что ты не такой, как остальные нулевки!

— Ты о чем?

— Да о самом любимом вопросе всех желторотиков. Вы все такие смешные и всегда одинаковые. Я, конечно, и сам первым делом об этом справки наводить начал, но все равно на ржач пробивает, когда смотрю на ваши изумленные физиономии и слышу писк на тему выхода из этой жопы.

— Я так понимаю, с ответом на мой вопрос что-то не так?

Слепень, вновь сорвавшись с места и привычно грубо увлекая Рока за собой, подтвердил:

— Ну да, я так думаю, что все охренительно сложно, раз никто до сих

пор не может на этот вопрос ответить.

— Хочешь сказать, что отсюда не выйти?

— Не знаю. Никто не знает. А если знает, помалкивает. Только не надо спрашивать меня — «как играть», «какой в этом философский смысл» и всякую чепуху в таком духе. Я тут просто выживаю, как могу, а объяснять, что и как устроено, не мастак. Вот доберешься до стаба, потрешься с разговорчивым народом, может, брошюрку умную прочитаешь, там и понимать маленько начнешь. Тут все запутано, с ходу въехать в ситуацию не получится, некоторые делишки придется на своей шкуре отработать, без такого опыта будешь моргать как баран на самые смешные вещи. Слышишь, уже почти не стреляют, отвоевались здешние цифры.

Стихшая стрельба Рока сейчас волновала меньше всего, он завел речь о другом:

— А зачем вообще в стаб идти? Он в другой стороне, да и, как я понял, эти оседлые не очень-то положительные ребята, от них полагается подальше держаться.

— Тут ты в самую точку угодил, они все до одного плохие, исключений никогда не бывает. Вот только стаб стабу рознь, я сейчас о другом говорил. Этот просто местный и, наверное, мелкий, я так понял — просто отстойник, куда оседлые от загрузки к загрузке на часок сваливают, чтобы кисляк переждать. А почему тебе те ребята ничего не растолковали?

— Какие?

— Те, которые вроде меня. Ты о них говорил, что крутые, мол, надоумили к мосту выдвигаться, а не ждать, пока тебя на мясо определяют.

— Они на недостроенную высотку хотели забраться, сказали, что мне туда нельзя — их бугор чужих не одобряет. Спешили сильно, мало что успел узнать.

— Охотнички, наверное, кому, как не им, по крышам лазить. Вечно занятые и, как по мне, — те еще психи. В таких местах охотиться — это значит без конца и края нарываться на проблемы.

— Ты тоже нарвался.

— Когда?

— Я так понял, что ты тут появился после смерти. Насильственной.

— А, ну да, верно. А быстро ты схватываешь. Говоришь, удачу до двух качнул?

— Разве мало?

— Да это вообще ни о чем, считай, что только за дело взялся.

— Мне это качание не нравится.

— Тут тебе не бабушкина деревня, у нас так не говорят, выражайся

правильно — кач. Но в остальном верно, это никому не нравится, разве что извращенцам каким-нибудь. С интерфейсом разобраться сумел?

— С чем?

— Значит, не сумел, это обычное дело у таких, как ты. Эх, жаль, пустой я. Брошюрки у нас тискают для новичков, очень даже удобная штука. Дашь нулевому, и за это сразу чуток на гуманность капает — дескать, здорово выручил начинающего бродягу, Континент это одобряет. Халява считай, я всегда штуки три-четыре таскаю, но в этот раз, сам понимаешь, никак. Да где уже этот конченный мост? За это время до луны можно было успеть дошагать. Незнайка, ты не мог бы шевелиться побыстрее?!

— Да я только за, но у моей ноги другое мнение. Колено... мать его.

— Совсем пахать не хочет?

— Все хуже и хуже. На лестнице чуток подвернул, и пошло-поехало, мне кажется, оно рассыпаться начало.

— Бракованный ты экземпляр, таким обычно чем-то компенсируют, но это всегда сюрприз. Тебе бы сейчас живчика глотка два, а лучше больше. У меня маленько есть во фляжке мелкой, в привязанной ячейке таскаю на такие случаи, но это неприкосновенный запас, мало ли, воскрешалки у меня только городские открыты, а город — это тебе не сахар, лучше поберегу. Хотя... Да ты только посмотри! Туда посмотри! Да смотри же ты, олух! Видишь?!

— Дома и деревья вижу, ты об этом?

— Да какие, в пень, дома?! Ты вон туда смотри! Туда! Теперь видишь?! Бегут, твари шерстяные!

— Ты о котах, что ли? И что тут такого?

— Незнайка, коты пошли! Коты — это наше все! Это значит, что мертвяки уже близко! Ах вы, котики, бегите-бегите, пока от вас один пух не остался, они вас быстро оформят. О! А это видишь?!

— Еще один кот побежал. У них тут прямо март-месяц.

— Какой, в задницу, кот?! А, ну да, тебе такое не увидеть. У нас тут особо дерзкий оседлый мчится к родному переулку, остальных обогнав. Фортуна, Незнайка, сейчас ты маму звать начнешь, когда его увидишь, а уж штаны прямо сейчас стаскивать начинай, потом благодарить будешь за такой совет. За мной в темпе, не отставай, охотиться будем. На мост еще успеем, спораны нам сейчас куда важнее. Это кто же у нас такой шустрый, дай только глянуть на тебя нормальным взглядом, чуйка рисовать не умеет...

Все это Слепень орал уже на бегу, оставив хромающего спутника, он

понесся на другую сторону проспекта, где зеленел небольшой, густо заросший сквер. У Рока мелькнула мысль махнуть рукой на этого ненормального, идти дальше в одиночестве, уж очень сильно колену не хотелось ускоряться, оно и в таком темпе нагрузку едва держало, через страдания и слезы. Но как можно потерять единственный источник информации? Пусть он и мало ее выдает, но где найти альтернативу?

Опыт и некоторые намеки подсказывали, что попытки разобраться в происходящем самостоятельно будут приводить к повторяющимся плачевным результатам.

Болезненным.

В общем, Рок оставил всякие сомнения и припустил со всей возможной скоростью, закусив губу и пытаясь себе внушить, что колено не болит, а просто чешется, что нога гнется прекрасно и что он хоть сейчас готов выступить на легкоатлетических состязаниях.

Внушалось плохо, но он продолжал стараться.

Слепень тем временем оторвался метров на пятьдесят и бежал быстро, придерживаясь широкой аллеи, разделенной посредине узкой полосой газона, кое-где украшенного цветами и декоративными кустарниками. Только то, что он не сворачивал на тенистые тропинки, позволяло удерживать его на виду.

Резко остановившись, Слепень заорал:

— Незнайка! Хана твоим штанам! Сейчас ты такое увидишь, что!.. Эй! Урод одноглазый, я здесь! Давай! Давай ко мне! Команда была — ко мне! Мой ты умница, мой ты хороший!

Да он что, собаку зовет? Или, может, кота? Решил с животинкой понынчиться? Окончательно на ум забил?

Рок, догоняя, собирался высказать ему все, что думает по этому поводу.

Перейдя с неловкого бега на шаг, он, тяжело припадая на стреляющую вспышками боли проблемную ногу, продолжал путь в прежнем направлении. Снижение скорости снизило и степень его концентрации исключительно на спине Слепня, Рок начал больше внимания уделять округе, пытаясь в том числе разглядеть шелудивого пса или блохастого кота — мохнатого виновника, из-за которого сверх всякой меры напряг колено.

Это оказался не пес.

И не кот.

Рок заподозрил неладное, еще не разглядев виновника изменения маршрута — через кусты ломилось что-то нешуточное, габаритами никак не меньше человека, причем взрослого и не обделенного комплекцией.

Затрепетали, сдаваясь, последние ветки, на аллею выскочил...

Выскочило...

Ситуация из настолько абсурдных, что неизвестно, как это вообще можно назвать. Что можно сказать? А то, что это оказался не человек, пусть даже телосложение один к одному: руки и ноги на месте, прямоходящий и по пять пальцев на руках.

В остальном имелись нюансы.

Очень уж большой, возможно, за два с четвертью метра ростом, и это при том, что сильно сутулится, выдвинув ненормально развитые плечи вперед и слегка их склонив, из-за чего чрезмерно длинные руки болтаются чуть ли не на уровне колен на небольшом расстоянии от тела.

То есть должны были болтаться в расслабленном положении, потому как в данный момент они были напряжены, скрючены, нацелены на Слепня массивными когтями длиной со спичечный коробок. Деформированная голова будто перетекла в область челюстей, заставив их раздуться, из-за чего образовалась пасть — всем пасть. Один укус такой «хлебобрезкой» обеспечил бы любого обжору и завтраком, и обедом, и ужином, частоколы сплошных клыков недвусмысленно указывали, что тягой к вегетарианству это существо не страдает.

И вообще, мирным оно ни разу не выглядит.

Ну что еще можно сказать? Кожа морщинистая, нездорово-желтоватая; растительность заметна лишь на макушке, но и там ее чуть-чуть — несколько свалывшихся клочков; узкие глаза окружены выступающими дугами, по виду костяными; бляшки из той же кости местами усеивают голову и раздувшуюся до богатырского состояния грудь, на которой — вот уж сюрреализм! — просматриваются искаженные изображения христианских культовых сооружений (те самые купола, которые в незатейливых песнях определенного жанра якобы золотые, но на самом деле синие).

Да ведь это же и правда татуировки.

Только очень уж странно выглядят на такой образине и к тому же сильно исказились, будто их перенесли с совершенно другой фигуры, не отличающейся столь впечатляющей комплекцией.

Только сейчас до Рока дошло, почему Слепень первым делом призвал беречь штаны. Тут все предельно просто — при виде такой твари они просто обязаны пострадать в первую очередь. И дело здесь не в жутких когтях, клыках и прочих устрашающих элементах. В этом монстре просматривалось слишком много человеческого, а каждый создатель очередного мира ужасов в книге или в фильме прекрасно знает, что больше

всего почему-то пугает то, что похоже на нас, но при этом откровенно чудовищно.

Да и на съемках можно сэкономить — старый добрый грим обходится куда дешевле навороченных спецэффектов.

Слепень, вместо того чтобы заорать от ужаса, сидя на глазах, деловито махал рукой, бесстрашно подманивая страшилище к себе:

— Ну давай, дорогой! Давай! Подходи, не нужно так стесняться! Незнайка, вот же фарт попер! Сейчас при спорах будем, этот урод далеко от своих вырвался, за это мы его накажем! Со старта спорами разжиться — хорошая примета!

Мы?! Ну уж нет, такие дурно пахнущие вопросы пускай решает без участия Рока, шансы наказать чудище голыми руками откровенно отрицательные. Да что не так с этим мужиком? Он вроде не выглядит на всю голову ушибленным, так какого черта его понесло выяснять отношения с непонятно чем?

Псих ненормальный...

Чудище утробно заурчало, стремительно разгоняясь. При этом урчание временами переходило в клекот, заставив Рока похолодеть — он вспомнил звуки, которыми сопровождалась его первая смерть. Те, которые услышал сейчас, очень похожие, но не настолько жуткие, будто это младший брат того существа, которое добралось до выпавшего из окна тела, перед этим подав голос в коридоре общаги.

Что?! Всего лишь младший брат?! Не хочется даже думать, как выглядит старший...

Не добежав десятка метров, разогнавшееся чудище взмыло в воздух, ловко вытягиваясь в полете. Еще миг — и оно снесет безрассудного человека с ног, сомнет, покатится вместе с ним по асфальту, давя всем телом, разрывая когтями, терзая клыками.

Слепень, не сходя с места, вскинул руку. С его выставленной ладони сорвалось что-то неуловимо-стремительное, будто сгусток марева, колышущегося над разогретой солнцем землей. Разглядеть столь призрачный объект было до того непросто, что Рок не увидел, как это нечто попало в чудище, но результат не прошел мимо его внимания.

Больше всего это походило на то, будто к месту событий подоспел великан-невидимка с теннисной ракеткой, которая весит не меньше тонны. Ее размашистым ударом он и встретил летящее тело.

С предсказуемым результатом.

Чудище отлетело назад куда быстрее, чем направлялось вперед. Его стремительно смело, жестоко отбросило метров на пятнадцать, заставило

покатиться по асфальту, шлепая по нему болтающимися руками и ногами — выглядело это так, будто из них все кости удалили, расслабило до последней степени расслабления, что говорило о крайней силе принятого удара.

Оглушило, должно быть, конкретно.

Но нет, монстр, остановившись, начал подниматься с неловкостью изрядно перебравшего пьяницы, и по его роже было заметно, что весь боевой запал бесследно улетучился. А когда увидел, что к нему, небрежно насвистывая незатейливый мотивчик, приближается Слепень, развернулся и неловко потрусил прочь по аллее.

— А ну стой! Стоять, тебе сказано! Не, ну, Незнайка, ты это видел?! Только что такой смелый был, и вдруг на тебе, даже «до свидания» не сказал! Во невежливый какой! Стоять говорю, не то хуже будет!

Но чудище, видимо, имело основания предполагать, что хуже будет как раз в том случае, если оно позволит Слепню подойти, и потому, хромая на обе лапы, поступило наоборот — начало ускоряться.

— Блин! Незнайка! Догоняй! Быстрее догоняй! Обязательно его догони! Стукни! Врежь гаду! Кинь хотя бы камнем! Может, чуток за это тебе капнет, опыта для новичка тут прорва, от нуля уйдешь, тогда и окрещу, как выберемся! Давай-давай, не отставай! Опыт разделить надо! Обязательно надо! Не теряй нас, я за ним! Пати лови! Прими пати! Да шевелись ты уже! Да что ты за баран?! Ну и хрен с тобой! Догонишь — твое счастье, а нет, так извиняй, я тебе в няньки не нанимался!

С этими словами Слепень тоже начал ускоряться, аллея превратилась в беговую дорожку с парой участников, причем вырвавшийся вперед, даже дико хромая, ухитрялся поддерживать приличную скорость. Невозможно сказать, кто же победит в этом сюрреалистичном забеге.

Одно можно заявить точно — не Рок. Если этот сумасшедший и одновременно невозможный Слепень будет и дальше преследовать не добитого его фокусами монстра, он, все сильнее и сильнее припадая на отказывающее колено, очень быстро потеряет обоих из виду.

Глава 6

Жизнь третья. Живущий на крыше

Неизвестно, догнал бы Рок Слепня или нет, если бы все оставалось без изменений: хромоногий монстр, то и дело теряя равновесие и припадая на передние лапы, бежит впереди; злобно покрикивающий на него преследователь отстает метров на сорок-пятьдесят; ну а дальше печально хромает последний участник событий, и хотя пытается изобразить стремительное движение, разрыв увеличивается с каждой секундой — лидеры гонки слишком уж сильно его превосходят.

В какой-то момент разрыв увеличился настолько, что Рок потерял обоих из виду. Это произошло посреди квартала, застроенного пятиэтажками, с видимостью в нем дела обстояли плохо. Предположив, что надо и дальше придерживаться выбранного покалеченным чудовищем курса, направился через стоянку, и это, возможно, спасло его от очередного посещения студенческого общежития — успел присесть за удачно подвернувшимся автомобилем в тот миг, когда впереди, невдалеке, через дворовую спортплощадку пронесся еще один монстр. Даже пострашнее первого: размеры солиднее, совсем уж уродливо-корявый, местами даже угловатый, вместо костяных бляшек на тех же участках располагаются уродливые многоугольные щитки, да и на макушке их хватает, причем волос не наблюдается вообще. Тело уродливо выгнулось, ноги нелепо вывернутые, тварь бежала, суетливо подпрыгивая и звонко цокая.

У нее что, подковы на ступнях?

Рок, проникшись зрелищем, не стал торопиться выбираться из укрытия, а, наоборот, залег за машиной, втиснулся под нее, благо клиренс позволял. Не слишком удобная позиция для наблюдения, зато как укрытие — нормально. Такая тактика оправдала себя чуть ли не через секунду — по той же площадке пронеслось еще одно цокающее чудище, а за ним другое, поскромнее и потише. Судить об их облике и размерах получалось лишь по ногам, все остальное в поле зрения не попадало. Разве что попробовать подобраться поближе к краю, но это означает рисковать, попав монстрам на глаза, а он был уверен, что никакое зрелище не заслуживает такой подставы.

Он ведь не Слепень с его нереальной чертовщиной, своей выставленной пустой ладонью Рок разве что насмешить сможет.

Несколько минут ничего не происходило, уже было собрался выбираться, как вдруг неподалеку, в той стороне, куда помчалась тройка чудищ, торопливо затрещали выстрелы, вроде бы пистолетные.

Это будто сигналом послужило, Рок вскоре со счета сбился, настолько много разных монстров промчалось в направлении пальбы.

И, странное дело, вместе с ними нередко пробегали люди, ведь никому другому такие ноги принадлежать не могли.

Вот только с этими людьми дела такие же непростые, как и со всем остальным.

Начать с того, что все замеченные ноги были грязными, а некоторые еще и голыми, даже трусов не наблюдалось (не ради наслаждения эротическим зрелищем, а лишь для того, чтобы в этом убедиться, Рок рискнул чуть-чуть сдвинуться в сторону «тропы чудовищ»). Мужчины и женщины, худые и толстые, как явно старые, так и совсем молодые, некоторые совсем уж подросткового возраста.

По одним лишь ногам, разумеется, не так уж много можно определить, но Рок, перевидав их не меньше трех десятков, обратил внимание, что выглядевшие старыми, возможно, принадлежали далеко не старикам. Просто кожа на некоторых приобрела нездоровый оттенок и чуть сморщилась, будто пораженная какой-то крайне несимпатичной болячкой.

Сложить два плюс два не составило труда. Обрывочные сведения, полученные от Слепня, покалеченное им чудище, на груди которого синели искаженные татуировки, а теперь странные люди — быстрые, грязные, с неприглядно меняющейся кожей.

Похоже, Рок наблюдает разные стадии процесса, при котором обычные горожане, безликая массовка, или, как их называл Слепень, — цифры, преобразуются из рядовых зомби в нечто куда более опасное. Он ведь так и говорил, что надолго они медленными не остаются, жаль, не пояснил, что с ними происходит потом. Третья фаза вроде, но чем она отличается от последующих — загадка.

А Рок какую наблюдает? Что творится в городе? Он до сих пор на первой?

Ответить мог бы Слепень, но он убежал куда-то вперед, туда Року дорога закрыта, он ни за что не станет перебираться через местность, где то и дело носятся монстры. В случае чего даже убежать не сможет, нога ни на что не годится.

Да и, если вспомнить чудище, за которым увязался его спутник, до определенного момента оно демонстрировало столь завидную прыть, что даже со здоровым коленом от такого рекордсмена далеко уйти не

получится.

Лежать под машиной, слушая, как там и сям кто-то стреляет, бьются машины, что-то взрывается, истошно орут люди и урчат монстры, — не то занятие, о котором Рок мечтал всю жизнь. Отсюда надо уносить ноги, но вот куда? Как намеревался изначально — за мост? Но где он? Ни доехать, ни дойти до него не получилось, как ни вглядывался вдоль проспекта, так и не разглядел реку. С равным успехом до цели может оставаться два километра или десять, причем даже первая цифра сильно не нравится.

Мало того что пробираться придется по местности, кишасей чудовищами, колено беспокоит все больше и больше, у Рока уже руки зудят перевязать его хоть чем-нибудь, зафиксировать, чтобы вообще не сгибалось. Чуть не так шевельнешься, и болеть до слез начинает.

Что это за садистская игра со столь негативными ощущениями? То вынуждают в окно сигать и кости ломают, то сжигают заживо, то старыми травмами мучают. Рок всегда полагал, что подобные развлечения должны приносить исключительно позитивные эмоции — это ведь логично и коммерчески оправданно.

Впрочем, чего еще можно ожидать от игрушки, в которой даже кнопка «Выход» отсутствует.

Если и пробираться к мосту, то не сейчас. Не исключено, что ночью монстры видят не так хорошо, как при дневном свете, или обстановка может измениться в лучшую сторону. Вон то и дело в отдалении вспыхивают перестрелки, глядишь, и сюда спасатели или кто-то вроде них подоспеют. А до этого момента надо как-то дотянуть, причем машина не кажется надежным местом — достаточно пригнуться, чтобы рассмотреть Рока во всей красе.

А если издали посмотреть, и пригибаться не придется.

И куда же ему, загнанному в угол, податься?

Рок перестал все внимание уделять исключительно спортплощадке, превращенной в тропу монстров. Теперь его куда больше интересовали другие направления, благоприятные для того, кто подыскивает надежное убежище на ближайшие часы.

По поводу надежности найденного убежища у Рока имелись веские сомнения, но так уж получилось, что ничего получше в ближайших окрестностях не наблюдалось, а исследовать дальние перехотелось. После того как он стал свидетелем крайне неприятного события. На бегущего куда-то пожилого мужчину напала тварь, очень похожая на ту, за которой умчался Слепень. Догнала его играючи, взмахнула лапой, разнесла часть головы, набросилась уже на упавшего, грубо подмяла агонизирующее тело

и, жадно урча, начала рвать шею клыками, торопливо давясь кровоточащим мясом.

В общем, отбросил планы поискать варианты получше — интуиция подсказала, что надо хвататься за доступные, пока под машину не заглянул кто-нибудь большой, страшный и голодный.

Рок выбрал подъезд, причем оставаться в нем не стал. Нет, стучать в двери, моля о помощи, — занятие не для него, просто поднялся на верхнюю площадку, а оттуда забрался на крышу, благо замок оказался лишь декоративным украшением.

Крыша — хорошо просматриваемое место, но на ней имеются укрытия: бортики по всему периметру и выходы системы вентиляции. Бортики прекрасно могут прикрыть человека с трех сторон, а вот с четвертой, обращенной к проспекту, — нет. Если в этом и соседнем квартале здания одной высоты, то там возвышалось два строения поприличнее, с их верхних этажей могут заметить, что кто-то решил поиграть в Карлсона.

Так что Рок засел за выходом вентиляции, не рискуя высовываться, и почти всю информацию о происходящем вокруг получал при помощи ушей. Этого вполне хватало, чтобы понимать большую часть.

То и дело стреляли в самых разных направлениях, как скромно — по одному или два раза, так и всерьез, торопливо и безжалостно расходуя патроны, растягивая это дело на десятки секунд или минуты. Крики тоже не смолкали; слыша их, он невольно вспоминал момент, когда тварь догнала пожилого мужчину. Похоже, подобное происходит снова и снова, повсеместно и массово, если не по всему городу, то по этому району — точно. Также продолжали с грохотом биться машины, они визжали тормозами и гудели двигателями с такой интенсивностью, что нет ни малейших сомнений — водители от души вдавливали педали газа в пол. Временами где-то гремели взрывы, пару раз после этого в поле зрения поднялись дымные столбы. И они были не одиноки, что-то серьезно полыхало в десятках мест, особенно сильно напрягала черная туча, взметнувшаяся не так уж далеко на западе. Шума при этом не было, но ее масштабы поражали и заставляли подозревать обширный пожар на опасном химическом производстве или чем-то в этом роде.

Если ветер переменится и эта зараза, не желающая уходить в небеса, поползет в сторону Рока, приятного будет мало.

Где-то за полдень он начал костерить себя нехорошими словами — на солнцепеке навалилась лютая жажда, а утолить ее, естественно, нечем. Мысль спуститься в подъезд отбросил — ему сейчас нужна вода, а не

опасные приключения, которые Рок рискует там обнаружить с высокой степенью вероятности. Звон то и дело бьющегося стекла в сочетании с отчаянными криками людей и довольным урчанием тварей подсказывал, что квартиры — не настолько уж надежные укрытия, как он предполагал изначально.

Солнце, перевалив через зенит, начало с раздражающей неспешностью приближаться к горизонту. При этом его лучи выжигали убежище Рока, а он при этом не торопился никуда перебраться, потому что в таком случае его смогут разглядеть из домов, которые возвышаются возле проспекта.

К тому же страха прибавлял шум прямо под ним. В подъезде кто-то кричал, то с одной, то с другой стороны разбивались стекла, однажды гроыхнул выстрел.

А уж как урчали на разные лады — хоть уши затыкай.

Когда разгром в подъезде затих, Рок ничуть не успокоился, подозревая, что твари на этом не остановятся и примутся за планомерный обыск дома. Дошло до того, что он принял решение в случае обнаружения сигануть головой вниз на асфальт. Старый пятиэтажный дом не очень-то высок, но понадеялся, что этого окажется достаточно для легкой смерти.

Ждать, когда его основательно изжуют, не хотелось, а как защищаться от таких образин, если нет ничего, кроме голых рук, — он не представлял.

А ведь та парочка дважды посоветовала вооружиться хоть чем-нибудь.

Знали ведь, все знали, но ничего не объяснили.

Гады позорные.

Да ладно бы только оружие, ведь Рок вообще пуст, проклятое колено перевязать нечем, как беспечный ротозей себя повел, даже воду прихватить не догадался. Если вспомнить, сколько торговых точек видел, как поблизости, так и возле общежития...

Ну вот что ему стоило купить хотя бы одну бутылку?

Тупой недотепа, правильно Слепень насмехался — Року еще умирать и умирать, качая удачу до того момента, когда начнет хоть что-нибудь соображать.

Глава 7

Жизнь третья. Город чудовищ

Крышу Рок рискнул покинуть только в сумерках. К этому моменту жажда достигла столь серьезной величины, что он даже о колене думать забыл, и более того — смерть в пасти чудовища уже не казалась такой уж нежелательной.

В подъезд, естественно, спускался с немалой опаской. Здесь нехорошо пахло, а под ногами то и дело хрустело непонятно откуда нападавшее стекло. Видимой картины нет, но и сомнений в том, что здесь тот еще разгром учинили, тоже нет.

Несмотря на полумрак, Рок разглядел выбитую дверь на площадке пятого этажа. Металлическая, солидная, ее вывернули с мясом, разворотив проем, и почему-то казалось, что неведомые вандалы проделали это быстро и с легкостью.

Не верится, что здесь прибегли к помощи средневекового тарана, тут и места-то нет подобными штуковинами работать. А вот туша весом килограмм на пятьсот-семьсот, быстрая и сильная, запросто могла управиться.

Остается надеяться, что владелец туши к этому моменту подъезд покинул.

Прежде чем спуститься, Рок решил обыскать квартиру на предмет попить воды. Непросто было этим заниматься в сгущающемся сумраке, местами пришлось действовать исключительно на ощупь, сильно мечтая найти фонарь или хотя бы спички. Но, может, оно и к лучшему, что без них, не хватало еще выдать себя светом в окнах.

Удивительно, но вода обнаружилась — кран на кухне выдал тонкую струйку. Лишь холодная, и качество сомнительное, но Рок был в том состоянии, когда из унитаза лакать согласен.

Утолив жажду, спустился вниз, по пути ступая по стеклу и чему-то твердому, иногда характерно хрустящему. Возможно, под ноги подворачивались человеческие кости, не было ни малейшего желания в этом убеждаться наверняка.

Улица встретила тьмой, лишь в той стороне, где днем нещадно дымило, небеса озарялись багровым заревом. Где-то поблизости и вдалеке временами постреливали, кричали от боли и страха, плотоядно урчали и

ревели моторами, причем звуки эти слышались совершенно иначе, чем на высоте крыши. Рок около минуты просидел в кустах у подъезда, прежде чем решился выбраться. С направлением движения вопросов не возникло, ведь пока что он знал всего одно — вниз по проспекту, к вожделенному мосту (который располагается неизвестно где).

Нет, по проспекту, разумеется, Рок идти не стал. Слишком уж он широкий, лишенный укрытий, прекрасно просматривается с двух сторон. К тому же именно на нем шумело чаще всего. Так что двигался дворами, параллельно, благо чем дальше, тем сильнее ощущался уклон к протекающей где-то неподалеку реке. Даже если выйти в стороне от нужного места, найти его будет нетрудно, ведь берег — лучший ориентир.

До воды Рок, к великому сожалению, не добрался. Очень может быть, что идти оставалось всего ничего, он уже чувствовал характерный запах озера или реки, нос у него не самосвалом отдавленный, работает без ошибок.

Увы, о надвигающихся проблемах обоняние не предупредило. Как и уши, которым Рок во мраке доверял больше, чем зрению, — они не раз уведомляли его о близкой угрозе, заставляя замереть за первым попавшимся укрытием, пропуская всяких разных: цокающих, грубо топающих, мягко шлепающих и самых неприятных — передвигающихся абсолютно бесшумно, выдающих себя лишь сгущающимися там и сям пятнышками мрака.

Самые серьезные хищники вышли на охоту — вот кто это.

Машина появилась внезапно. Нет, Рок слышал рев двигателя заранее, но был уверен, что вскоре он затихнет, удаляясь, или смолкнет резко, после звонкого удара, выстрелов, визга тормозов и нечеловеческого рева — самые разные варианты случались, успел послушаться. При таких делах нужно на бронетехнике кататься, гражданский транспорт монстров не смущает.

Эта машина вынеслась со стороны проспекта на узкую улочку, где Рок, засев за разбитым об угол дома автомобилем, алчно поглядывал на другую сторону, изучая подсвеченный заревом далекого исполинского пожара магазинчик. Очень уж хотелось обзавестись запасом воды, да и перекусить чем-нибудь не помешает — после утоления жажды желудок начал настойчиво напоминать о своем существовании. То, что дверь закрыта и продавцов не видать, его несколько не смущало, ведь, судя по всему, товарно-денежные отношения в этом городе решительно упразднены, платить не обязательно, бери, что хочешь.

Если до тебя раньше не доберутся.

Размышления на тему перспектив мародерства прервал визг тормозов — на улочку, резко разворачиваясь, влетела машина, и одновременно с ее крыши загрохотал пулемет. При свете его вспышек Рок разглядел, что транспорт знаком — очень похож на «буханку», которую он видел возле новостройки, где повстречался со странной парочкой. Те же стальные пластины, та же сетка-рабица по всем стеклам. Оружия наверху в тот раз вроде не наблюдалось, но, возможно, оно было укрыто от посторонних глаз.

Вслед за машиной на улочку ворвалось нечто. Рок не видел подробности, увы, вспышки пулеметных очередей освещали местность лишь в крайне ограниченном радиусе. Просто какая-то огромная темная масса, для таких габаритов неправдоподобно быстрая, ловкая, шумная, несомненно, смертоносная. Несмотря на то что огонь велся на дистанции метров сорок-пятьдесят, что даже для неопытного стрелка — ерунда, неведомая тварь мчалась за уазиком, не замедляясь ни на миг. Нет ни малейших сомнений, что машину вот-вот догонят, это дело нескольких секунд, слишком медленно она движется в сравнении с чудовищем. Водитель, похоже, совершил фатальную ошибку, излишне сбавив скорость, резко притормозив на крутом повороте. Да, это позволило сохранить управляемость, но с такой динамикой разогнаться ему уже не успеть.

И вдруг позади «буханки», перед перекрестком, ярко полыхнуло, из эпицентра вспышки вылетело что-то поразительно-быстрое, похожее на здоровенный трассер. Это нечто с неотвратимостью карающей молнии догнало монстра, после чего озарило всю улицу, а по ушам ударил грохот взрыва. На миг стало так светло, что Рок наконец разглядел тварь в подробностях и вынужден был признать, что мог бы спокойно обойтись без такого жизненного опыта.

Настолько страшная образина, что готов еще раз память потерять, чтобы ее позабыть.

И эта образина сейчас заваливалась, пораженная из чего-то очень приличного. Сопоставив все, что увидел, Рок предположил, что торможение уазика было продуманным — скрывшись от взглядов преследователя за углом, он сбавил скорость и высадил отмороженного парня с солидным гранатометом. Чудовище, преследуя машину, в азарте погони это не осознало и получило неприятный сюрприз в спину.

«Буханка» начала притормаживать, пулемет на ее крыше затих, зато вспыхнул мощный фонарь, осветив рухнувшую тушу. Должно быть, намереваются подобрать смельчака, управившегося с монстром, рядом с которым машина вообще не смотрелась — габариты чудовища

зашкаливали, будто слона-переростка скрестили с носорогом, после чего жестоко переделали в совсем уж невообразимого урода.

Тварь, словив гранату, очень может быть противотанковую, пролежала всего-то секунды две — не больше, после чего начала неспешно и зловеще уверенно подниматься, многообещающе при этом заурчав. Рок был уверен, что она сейчас бросится на машину, ведь той теперь не скрыться, узик с его печальной динамикой разгоняется в час по чайной ложке, все равно что стоячего догонят. Но чудище решило соригинальничать и, резко развернувшись, бросилось назад.

Очевидно, обида на выстрел в спину затмила все прочее.

Вновь загрохотал пулемет на крыше машины, но тварь, не обращая внимания на пули, стучащие по ней и даже, если глаза Рока не обманывают, высекавшие искры, рванула назад. Фонарь светил не так уж и хорошо, в пляске теней он мало что позволил разглядеть, да и слишком быстро все случилось. Вот кто-то метнулся, пытаясь скрыться да домом, вот его догоняют, вот раздается крик, в воздух взмывает скорченное человеческое тело и, пролетев не меньше полутора десятков метров, катится по асфальту, то и дело позвякивая по нему чем-то металлическим.

А монстр, остановившись, протяжно заурчал и нездорово медленно, тяжело переваливаясь с боку на бок, направился к лежащему телу.

Люди в машине осознали, что они вот-вот получат свою порцию боли. Взревел двигатель, пулемет напоследок выдал длинную очередь, фонарь погас, узик нырнул во дворы, где тут же опять затрещали выстрелы — на кого-то там навалились.

Но Рок в ту сторону даже не косился, все его внимание было приковано к человеку и чудовищу. Монстр приближался как-то слишком уж неуверенно. Он то и дело останавливался и, казалось, пытался заглянуть себе за спину, затем начал припадать на передние лапы, хотя до этого передвигался исключительно на задних. Добравшись до тела, громко заурчал и, присев, отвесил обидчику такой шлепок, что тот отлетел еще на десяток метров, почти докатившись до укрытия Рока.

Вот это совсем никуда не годится, не хватало еще, чтобы чудовище его заметило.

Но нет, монстр, похоже, в этот удар вложил последние силы. Гранатомет это был или что-то другое, но отоварило его конкретно, потрепыхавшись в горячке, он начал резко сдавать. Скособочившись, попытался встать, но завалился набок, потом на живот, начал шумно скрести огромными когтями по асфальту, будто ползет, но при этом остается на месте.

А затем все стихло — чудовище не издавало ни единого звука, даже урчать перестало.

К сожалению, после того как машина уехала, здесь стало настолько же темно, как прежде. Наблюдая за последними событиями, Рок их временами скорее угадывал, чем видел, поэтому уверенности в том, что монстр уgomонился окончательно, не было. Вдруг он просто прилег отдохнуть на пять минут и прямо сейчас косится в сторону его убежища?

В общем, выбираться он не торопился.

— Эй... парень... — голосом, переполненным страданием, прохрипели со стороны валяющегося грязной кучей человеческого тела.

Рок ушам своим не поверил — вот как после таких приключений можно разговаривать?! Это ведь просто кусок мясного фарша, перемешанного с тряпьем, ничего другого там остаться не могло, слишком чудовищна сила ударов, да и про когти кинжальных размеров не следует забывать.

— Парень... я знаю... ты там... — продолжили тем же страдальческим голосом.

Мать честная, ведь это ни хрена не мерещится — пропитанный кровью фарш и правда решил пообщаться.

— Ты это... подойди... Поближе подойди... Сказать надо... тебе сказать... пожалуйста... иди... надо важное сказать...

Нервно сглотнув и бестолково подумывая умчаться во тьму со всех ног, Рок выпрямился и направился к говорящему мертвецу, будто кролик, загипнотизированный зверски голодным удавом. Отказать этому голосу он не мог, и это при том, что ноги сами рвались свалить куда-нибудь подальше, пусть даже отдельно от тела.

— Ближе... Присядь рядом... ближе надо...

В прорехе густой пелены туч, затянувших небо после заката, как по заказу показалась красноватая луна, осветив то, что язык не поворачивался назвать живым человеком.

Ноги изгибаются под неестественными углами, явно сломанные в нескольких местах; рук нет вообще — их или оторвало, или выломаны из суставов и придавлены спиной, в этом месиве такие подробности не разглядеть; через обрывки разгрузочного жилета и одежды кошмарным частоколом торчат обломки ребер; голова смята; из багровой маски, в которую превратилось лицо, на Рока таращился выдавленный из орбиты дочерна налитый кровью глаз.

Как такое может жить и тем более разговаривать?!

В кошмарном месиве раскрылась кривая щель, послышался все тот же

хрипящий голос:

— Нулевка, это ты?.. Живой?.. До моста, значит, не добрался?.. А я вот отстрелялся... Кто же знал, что там волна поперет... Не было здесь элиты с такими свитами... никогда не было...

Рок понял, что это один из той парочки странных мужчин, встреченной возле недостроенной высотки, но, хоть убивайте, сказать, кто именно из них, — не мог.

Да этот огрызок мать родная сейчас не узнает.

Кивнул и мрачно выдавил из себя:

— Пока живой, иду к мосту, как кое-кто советовал. Ты уж извини, но я тебе ничего не должен, так что сваливаю. Вы сильно на шумели, на это дело кто угодно может заявиться.

— Тут элита... лежит... Серьезная элита... Только другая элита подойти сможет... мелочь лезть не станет. Не бойся... не бывает много элиты в этих краях. Парень... помоги...

Рок даже не знал, что на это сказать, случай явно не из тех, где помогают зеленка и пластырь. Но разговаривающий труп, похоже, умел соображать относительно здраво, понимал, что к чему, знал нечто неведомое, потому как добавил:

— Я минуту продержусь точно, может, две... Надо успеть. Нож возьми в разгрузке, сходи к мертвяку, достань из него... Там все твое, кроме жемчуга... жемчуг мне принеси... скорее принеси его...

Ничего не понимая, Рок покачал головой:

— Ты о чем вообще? Какой мертвяк? Что за жемчуг?

— Вот зараза... да ты же нулевка...

— Я это уже слышал.

Захрипев, умирающий выпучил единственный глаз, нездорово напрягаясь, и поспешно зататорил почти нормальным голосом:

— А ну взял нож и бегом к элитнику. На затылке у него грибок, как на березе растет, сверху и с боков прикрыт костью, снизу остался доступ. Разрежь его до пустоты, вытащи все, что там есть. Там будет разное... поймешь. Выбери шарики, блестящие, похожи на жемчуг, круглые и теплые они, когда потрогаешь. Красивые, черные, красные и зеленые бывают... в элите ведь... Принеси... мне... В рот их положи... Только все положи, что найдешь. Остальное... Остальное — твое... забирай... по-честному давай, по-человечески... Там много разного будет... и тебе хватит, и мне. Давай же... парень... шевелись...

Напряжение, в котором он успел сказать так много, забрало остатки сил. Очевидно, эти слова крайне важны, раз именно их пришлось

произносить в столь непростой ситуации.

Покосившись на изломанную грудь человека, отказывающегося смириться со смертью. Рок еле-еле покачал головой:

— Ножа нет. Здесь вообще ничего нет.

— В левом... в левом берце второй... В правом фонарик... — сказано было настолько тихо, что Рок скорее угадал слова, чем расслышал.

Оба берца уцелели, из высокого голенища одного достал короткий нож, из другого крохотный фонарик, тонкий, как карандаш, после чего поднялся и, стараясь не лязгать зубами по причине крайней степени нервного напряжения, направился к мертвому чудовищу.

Уверенности в том, что оно действительно мертво, у Рока не наблюдалось.

Тварь была огромной, что, в принципе, он знал и до этого. Вот только вблизи она казалась впятеро больше прежнего, это сильно напрягало, а Рок и без того был напряжен, как перетянутая гитарная струна за неумовимый миг до звонкого разрыва.

Угловатая башка, будто холодильник не самого маленького размера, не скажи умирающий, где искать этот проклятый гриб, пришлось бы час на это убить. Обнаружив искомое, Рок положил на асфальт ножку от табурета — единственное оружие, которое сумел нащупать в затемненной квартире, где утолил жажду.

Подсвечивая, попытался взрезать оболочку темной массы, прикрытой толстым костяным капюшоном. Ничего не получилось, она не поддавалась, лишь царапалась. Сунул фонарик в рот, пустил в дело обе руки. Очень уж неудобно располагалась эта штука, мало того что доступна лишь снизу, так еще острые роговые пики, местами торчащие из головы, сильно мешали.

По наитию ткнул в канавку, одну из многих, разделяющих «гриб» наподобие намеченных долек, по которым кто-то собирался разрезать этот «арбуз», да так и не собрался. Острие, пусть и с немалым усилием, но наконец углубилось.

Дальше дело пошло веселее, Рок вскрыл оболочку в несколько секунд, продлевая надрез все по той же канавке. Несмотря на то что ни крови, ни неприятного запаха не наблюдалось, руку в пустоту он запускал, брезгливо морщась. Нащупал там спутанную волокнистую массу, абсолютно сухую, скомкал, вытащил.

В этот миг туша мелко задрожала, из развернутой пасти монстра исторгся звук, похожий на зычный всхлип. Рок отскочил назад столь резво, что колено на это отреагировало крайне нехорошо, из-за чего он потерял равновесие и чувствительно приложился копчиком об асфальт.

Но даже не поморщился — здесь такие дела проворачиваются, что болезненные ощущения ушли даже не на второй план, а куда-то не ближе пятого, и очень хочется свалить за ними следом, пока не начались настоящие неприятности.

Но тварь, чуть не перепугав Рока до разрыва сердца, на этом успокоилась. Причем он почему-то мгновенно понял — на этом все, это навсегда. И наконец-то осознал, что именно его беспокоило сильнее всего, когда занимался затылком чудовища.

Едва слышные отголоски стука могучего сердца. Еле-еле доносились, на пределе возможностей слуха, а теперь их не стало.

Умиравший, будто подгоняя, захрипел, нехорошо забулькал. Выйдя из ступора, Рок вывалил комок черной паутины прямо на асфальт и начал отодвигать в стороны высыпающиеся из него мелкие предметы. Какие-то овальные грязно-зеленые штуковины, похожие на мелкие виноградины, их было больше всего, на глаз — сотня или две, на жемчуг они не походили совершенно, да и невозможно представить, как их высыпать в рот полутруп, туда ведь столько не поместится; десятки шариков размером с горошину совпадали с искомым формой, вот только слишком уж невзрачные, будто желтоватый спрессованный сахар; какие-то увесистые зернышки и орешки, шершавые звездочки, похожие на крохотное фигурное печенье и...

И еще кое-что. Шарик черный, блестящий, и правда теплый на ощупь, а вот похожий на него, но только красный, а следом из черного клубка выкатился зеленый. Разве бывают жемчужины таких цветов? Без понятия, Рок в этом вообще не разбирается, но очень похоже именно на них, в отличие от всего остального.

Поиск непонятно чего, скрывавшегося в выросшем на затылке монстра грибе, навел его на нехорошие подозрения о личных умственных способностях. Говоря проще — Рок заподозрил у себя наличие тяжелой стадии кретинизма.

Черт знает чем занимается, вместо того чтобы поискать нормальное оружие, наверняка ведь где-то здесь валяется хотя бы пистолет, сорванный с разгрузки изломанного человека. Так и придется бегать по городу с ножкой от табуретки, но зато при каких-то недозрелых виноградинах и желтых шариках.

Великое богатство.

Нет, без шуток, Рок догадывается, что все это или почти все — некие ценности сумасшедшего в своей жестокости мира, вероятно, весьма дорогие штуковины, раз даже умирающий думает только о них. Но как-то

это несвоевременно.

Урчание, раздавшееся, как показалось, прямо над головой, заставило позабыть обо всем, кроме осознания бренности бытия. Даже не стал поднимать взгляд, и без того понятно, что к Року, всему из себя красивому, светящемуся на всю улицу, подкрался один из тех комков мрака, которые ухитрились перемещаться практически бесшумно, несмотря на всю серьезность своих габаритов.

Если умирающий прав, этот монстр — братецдохлого, все прочие опасаются приближаться даже к их смиренным тушкам.

Не раздумывая ни мгновения, Рок перекатился через спину, бросив при этом фонарик в направлении новой напасти, после чего нырнул под стоявший возле магазина грузовик. Опять копчиком задел край прицепа, злосчастным коленом приложился так, что искры из глаз, должно быть, все окрестности на миг осветили, но задуманное получилось — он оказался под днищем тяжелой машины.

Пускай не спасен, но хотя бы выгадал время.

Жесточайший удар едва не заставил грузовик улететь в дальние дали, что подсказало Року очевидную мысль — выгадал он всего ничего. Если у неведомой твари не хватит сил перевернуть машину, она ее запросто разберет, разорвет в клочья, ей это все равно что в зубах поковыряться, извлекая застрявшие куски мяса.

Человеческого, между прочим, мяса.

И что же теперь делать?! Вот что?! Выскочить из-под прикрытия днища? Это означает — сдать без боя. Но как воевать, если в одной руке у тебя всего лишь короткий нож, а в другой...

В другой три шарика — зажал их рефлекторно: черный, красный и зеленый. С одной стороны, эти штуковины походили на оружие меньше всего на свете, с другой — искалеченный до невозможности, каким-то чудом удерживающийся на краю небытия, кое-что знающий человек настойчиво попросил Рока забрать себе все что угодно, но принести ему эти штуковины и вложить в разодранный рот.

Похоже на пусть и мизерный, пусть откровенно ненормальный, но все же шанс. Этот мир — полностью сумасшедшее творение невменяемого жестокого психопата, так почему бы здесь не царить совсем уж невероятным законам.

Если это и правда игра (в чем Рок очень сильно сомневается), то он не удивится, когда поблескивающий шарик излечит все травмы и болезни, наделит неуязвимостью на какое-то время или даже перенесет в безопасное место. Не зря ведь он скрывался на голове столь опасной твари, это явно

ценный приз.

Грузовик содрогнулся от нового удара и начал крениться — урчащий монстр, поднатужившись, его переворачивал.

Да твою же мать, что теперь делать?! Какой из этих чертовых шариков глотать?!

Пожалуй — сразу все. Возможно, это чрезмерно, зато подействует наверняка.

Если вообще должно подействовать, вдруг умирающий бредил, а его единственный слушатель, как и полагается недоумку, наивно повелся.

Грузовик начал заваливаться набок, а Рок, решительно закинув все три шарика в рот, зажмурился, и в голове его почему-то забились лишь одна глупейшая мысль: «Ну дела, они ведь грязные, тошно подумать, откуда их пришлось доставать».

Ничего не происходило, вообще ничего, он уже сжался, готовясь к тому, что его сейчас начнут рвать, кромсать, давить, тонким слоем размазывать по асфальту.

Но вместо этого тело свела непереносимо жестокая судорога, и последнее, что Рок услышал, перед тем как провалиться в привычно кромешный мрак, — треск костей, ломаемых своими же, сведенными в жесточайших судорогах мышцами.

Внимание, вы погибли. Потеряно одно очко прогресса физической силы. Внимание, при гибели вы теряете очки прогресса основных и дополнительных характеристик в количестве от 5 до 50 % от текущего требуемого значения, и эта цифра не может быть меньше 1. Теряя уровни характеристик, вы рискуете потерять прогресс основного уровня и лишиться связанных с ним достижений. До возрождения осталось 102 секунды.

Что это было?..

Глава 8

Жизнь четвертая. Чудо-мост

Новичок, вы вот-вот станете частью Континента. Вы возрождены на кластере 197-33-91. Регион — Западное Побережье. Текущее количество возрождений — 96 жизней (минус 3 от стартового). Текущие задания: выжить, искать, узнать тайное, помочь, задать правильный вопрос. Текущий статус — старт игры. До перезагрузки кластера осталось 97 секунд. Подсказка — трофеи бывают разные, в том числе и не всегда полезные, их необходимо принимать с предосторожностями, выдерживая определенные временные промежутки. Никогда не пытайтесь употребить сразу несколько сильнодействующих трофеев, это с высокой степенью вероятности приведет к негативным последствиям. Внимание! Вы... вы потеряли... потеря... поте... пот... по...

На этот раз что-то новое, надпись будто «заело», затем окончание разорвало на куски, пошли какие-то сбои с мерцанием строк, а затем прокрутка вообще остановилась. Раньше текст четко и быстро вырисовывался до самого низа, ничего подобного ни разу не наблюдалось.

Бракованная игрушка, если, конечно, этот беспредел можно назвать таким безобидным словом. Мало того что здесь убивают и люди и монстры, так еще и сам себя запросто отправишь на тот свет, причем с самыми благими намерениями.

Никому доверять нельзя. Вообще никому. Даже умирающие с их последними просьбами пусть идут лесом.

Да что там умирающие — тут, оказывается, и себе доверять нельзя.

Хотя при чем здесь умирающий? Он ведь не уговаривал Рока давиться этими шариками, он для себя их выпрашивал, остальное — глупая личная инициатива.

Зачем опытному мужику понадобилось себя травить? Хотел легко и быстро уйти на новое возрождение? Непохоже...

Надпись тем временем «оживла» и бодро, строка за строкой, в прежнем темпе пошла расползаться вниз.

Внимание! Вы потеряли третью жизнь, не достигнув самостоятельного прогресса ни в одной из характеристик. Постарайтесь, чтобы подобное не повторилось, не допускайте обнуления количества возрождений. В качестве компенсации и помощи ваша удача получает 30 очков прогресса и становится равной 3. С вашим затянувшимся невезением удача не будет лишней. Также надо отметить, что вы оказались в уникальной ситуации, она требует нестандартного разрешения, разработка которого только что стартовала. Особые достижения заслуживают особых наград и поощрения в удачливости, поэтому ваша удача получает 4000 очков прогресса и становится равной 28. Поздравляем! Сумма ваших дополнительных характеристик достигла тридцати, ваша опытность поднялась до отметки 3, теперь вам доступны новые опции. Принятые вами жемчужины повышают Грани Таланта на 288 очков прогресса, дополнительная характеристика Грани Таланта становится равной 7. Подсказка — учтите, что вы до сих пор не подняли свой уровень, ваши основные характеристики не прогрессируют, без этого вы не сможете использовать преимущества повышения Граней Таланта. Помните, повышение уровня — крайне важная задача. Не пренебрегайте ею, иначе будете крайне разочарованы.

Удачной игры.

Ух ты, сразу две подсказки, из которых одна, по сути, лишняя, потому как Рок и сам догадывался, по какой причине улетел навстречу четвертой жизни, а вторая непонятная и к тому же для него бесполезная.

Что такое Грани Таланта, с чем их едят и съедобны ли они вообще — великая загадка, и вряд ли он сумеет ее разгадать, вытаращившись в облупившийся потолок комнаты очередного общежития.

И да, помимо подсказок ему, похоже, угрожали чем-то непонятным. Никак иначе окончание сообщения назвать нельзя.

Наехали за то, что он бездарнодохнет раз за разом, не повышая уровень.

Знать бы еще, что это такое и как его повышать...

И почему Рок, лишенный памяти о прошлом, твердо уверен в том, что у него хватало друзей-игроманов, но сам при этом в вопросе совершенно не ориентируется?

Сплошные непонятности.

Да и что это за игра, где так жестоко обращаются с потребителями? С

таким отношением к клиентам владелец проекта обязан разориться в считанные дни, если не часы. Засудят так, что потомки будут десять тысяч лет расплачиваться.

Несмотря на надпись, выдаваемую при каждом воскрешении, в то, что это действительно игра, не верится совершенно.

И удачей здесь тоже не пахнет.

Вскочив, одним глазом засек мерцание зеленых светодиодов роутера, другим — свечение монитора на ближайшем столе. Включенный и к тому же не спящий компьютер — именно то, что Року сейчас нужно. Он по опыту знал, что пытаться расшевелить соседа на предмет выхода в сеть — бесполезно. Пока тот въедет в тему, пока начнет совершать хоть какие-то телодвижения, электричество исчезнет, как и связь.

И больше вроде как не появится.

Таковы правила игры, играть в которую совершенно не хочется, но выбора у Рока пока что нет.

Он не помнил, доводилось ли ему когда-нибудь иметь дело с компьютерами, но, похоже, еще как доводилось — с легкостью разобрался.

Да там и разбираться-то не с чем — все элементарно.

Успел ввести в поисковике два запроса, жадным взглядом выхватывая заголовки результатов поиска.

И не заметил ровным счетом ничего полезного.

Третий запрос повис, высветилось предупреждение об отсутствии сети и переключении на аварийный источник питания, заряда которого хватит очень ненадолго, и поэтому компьютер рекомендуется немедленно выключить, иначе потеряются результаты работы.

Еще разок пробежав взглядом по заголовкам открытых страниц, Рок понял, что терять там нечего — откровенно бесполезный хлам.

На будущее надо бы продумать запросы почетче, может, в этом все дело. Вот так, спонтанно, с бухты-барахты, при остром дефиците времени рассчитывать на удачу неразумно.

Ну да ничего, у Рока еще куча жизней осталась, отработает процесс.

Кстати, а что будет, когда они израсходуются? Вдруг это и есть выход? Может, ему не стоит вообще трепыхаться? Допустим, прыгать вниз головой в окно сразу после очередного воскрешения — много времени это не займет, за несколько часов спокойно управится.

Пожалуй, экспериментировать не станет. Не верится, что из настолько хитроумной западни получится выбраться столь простым способом.

Да и страшновато, ведь запросто можно свихнуться: убивать себя снова и снова чуть ли не сотню раз — это нешуточное испытание для

самой железной психики.

Телодвижения Рока не остались незамеченными для соседа по комнате. Куча одеял традиционно зашевелилась, оттуда высунулась черноволосая голова, уставилась сонными глазами, задумчиво произнесла:

— Что-то не помню, я сдал или нет?

Рок даже слегка растерялся — вопрос неожиданный, не вписывается в прежние сценарии. Но размышлять над этим не хотелось, какое ему дело до какого-то искусственного типчика. Как он уже понял, это не люди, это их правдоподобные имитации, что-то вроде запрограммированных биороботов, причем программы у всех однотипно несложные.

Поэтому, проигнорировав вопрос, задал свой:

— Деньги есть?

— Лось, а зачем они тебе?

— Чтобы тратить. Ну так есть?

— Да откуда у меня?

— А если поищу?

— Да вообще голяк, может, сотка осталась, надо как-нибудь пару дней перекантоваться.

— Не будет у тебе пары дней, — заявил Рок, уже одеваясь.

— Лось, ты чего? Ты всегда с утра такой плохой?

— Как звать меня, хоть помнишь? — уточнил без малейшей надежды.

Правильно делал, что не надеялся, ответ был выдержан в стандартном, уже набившем оскомину, увиливающем от правды стиле:

— Ну ты ж же ж, да было бы что помнить. Лось, куда это ты?

— Не знаю. Думаю, не грабануть ли мне банк...

— На кой оно тебе?

— Да так... думаю вслух. У тебя оружие есть? Ружье, пистолет?

— Издеваешься, что ли? Откуда у меня такое?

— А у кого-нибудь здесь есть?

— В общежитии если и есть у кого, светить не станет. Кому охота с полицией потом вопросы решать, да и попробуй такое реши.

— А где-нибудь можно купить ружье или винтовку? Только быстро. И сколько это будет стоить?

Парень вытаращился изумленно:

— Лось, ты бы лег и поспал, у тебя до сих пор крыша едет, после того как...

— Знаю, я со Светкой разбежался.

— Да какая Светка, это же Танька была.

— Да хоть, мать твою, Афродита из пены морской, да в задницу всех

баб и футбол заодно.

— А футбол-то за что?

— А за то... Говори уже давай: так можно купить или нет?

— Иди к ментам, справки оформляй, месяца через два, может, и купишь.

— Нет у меня пары месяцев, тут уже через час будет сложно без пулемета прожить... — заявил Рок, открывая дверь.

В коридоре знакомая обстановка — сумрак и взволнованные студенты. Даже рожи одинаковые по омерзительности, еще пара таких приключений — и будет чувствовать себя как дома. И лестницу нашел с первой попытки, вообще здорово освоился.

Век бы не видеть эту общагу...

Настроение ни к черту, а все потому, что не видит цели пути. Разве что поискать, попробовать встретить кого-нибудь, вроде той парочки или Слепня, пусть или поведут куда-нибудь, или подскажут, в какую сторону податься, потому что сам Рок не представляет.

Стоп, а почему это не представляет? Что здесь начнет происходить в ближайшем будущем? Судя по всему, для Рока существует единственный сценарий — студенческое общежитие, располагающееся на пути следования стаи опаснейших существ, охочих до человеческого мяса, плюс сходящие с ума водители и прочие неуравновешенные личности, а дальше город окажется во власти чудовищ. Людей будут рвать и пожирать на улице, доставать из квартир и прочих укрытий.

Как там Слепень называл горожан? Биомассой? Очень может быть, что именно за этой самой биомассой сюда приходят монстры. Да и с монстрами не все так очевидно, как минимум некоторые из них в прошлом были людьми, та татуировка, с куполами синими, еще не забылась. А что, если и все прочие, даже те бронированные шипастые носороги, поднявшиеся на задние конечности, когда-то являлись обычными студентами, водителями, учителями и дворниками?

Пусть это и ненастоящие люди, но мысль крайне неприятная.

Однако, если так и есть, почему бы не развить мысль? Твари не просто так в город прибегают, твари хотят вдоволь пожрать, а пищи для них здесь хватает.

Отсюда вывод: города — это опасность.

Не факт, что на природе отсутствует риск, но не просто так опытная парочка гнала Рока прочь. Да и Слепень не горел желанием оставаться, тоже помчался к мосту после первого намека.

Значит, надо уходить, причем неизвестно в какую сторону. Скорее

всего, одна не годится, оттуда заявятся те твари, если Рок направится туда, окажется на пути передвигающейся резни. Насмотрелся, лежа под машиной, как монстры бодро бегают.

Да и не только на это насмотрелся.

Итак, что ему сейчас необходимо? Первое — обзавестись хотя бы водой. Второе — найти карту города и понять, в какую сторону перспективнее всего уходить. Третье — свалить отсюда побыстрее и подальше.

Студенты — народ общительный и много знающий, но, увы, на вопросы по поводу карты все однотипно отвечали, что надо посмотреть в компьютере, а где взять бумажную — неизвестно. Один очкарик был столь любезен, что показал ее на экране планшета, посетовав, что из-за проблем со связью не определяется местоположение. Но он и без этого ткнул пальцем куда надо.

Рок буквально проглотил карту глазами, запоминая. Нет, не до мельчайших деталей, на такие фокусы его память была неспособна, но общие очертания и ситуацию в окрестностях мысленно срисовать сумел.

Просмотр карты убедил его в том, что все воскрешения проходят по одинаковому или, по крайней мере, схожему сценарию.

На этот раз город оказался зажат между морем или огромным озером и широкой рекой, подходящей к побережью под острым углом, оставляя под застройку узкую полосу суши, выклинивающуюся к устью.

Рок готов был поспорить, что именно там, в острое клина, располагается непонятный стаб или что-то другое, откуда вот-вот компактной массой хлынут толпящиеся там монстры, жестоко вычищая вытянутый в струну город от биомассы. То, что он встретит волну тварей не накачанный снотворным по макушку — уже неплохо, но, как показывает практика, это не гарантирует спасение. Оно, если доверять той опытной парочке, дожидается по другую сторону реки. Там, за россыпью промышленных объектов, начинаются поля и леса, гибрид карты и космоснимка на мониторе продемонстрировал это в цветах и красках.

Проблема в том, что Рок находится в приморском районе, чтобы добраться до реки, придется пройти или проехать через весь город.

Пройти — вряд ли. Даже если беречь ногу, она начнет ныть уже через час ходьбы, а ему шагать все три, если не больше. Плюс к мосту надо точно выйти, плюс уйти за него и удалиться от реки.

А если рвануть к морю? Найти лодку и водой добраться? Руки у Рока не покалеченные, и на веслах куда хочешь сумеет добраться, а если с мотором — тем более.

Уверенности в том, что на море найдется лодка, нет. А если и найдется, кто ему ее даст? Решать такие вопросы силой, конечно, можно, но где взять гарантию, что сила окажется на его стороне?..

На такси поехать? Ну уж нет, покатался в прошлый раз — не понравилось.

Ему бы сейчас что-нибудь более мобильное, на чем можно где угодно проехать. Мотороллер, мопед, мотоцикл или...

Обернувшись все к тому же студенту, озадаченно тыкающему пальцем в планшет, Рок спросил:

— Тут где-нибудь поблизости можно напрокат велосипед взять?

— Только под залог.

Рок понятия не имел, хватит ли денег в бумажнике и часов на руке, ведь других ценностей при нем нет. Но готов все до последних штанов снять, лишь бы его незатейливый план удался.

Но для начала надо разжиться хотя бы водой, хрен уже с ней — с едой. И обязательно заглянуть в аптеку.

Если сравнить воскрешение с рождением, Рок, несомненно, крайне невезучий младенец или откровенно дефективный. Ну что за дела — раз за разом приходить в себя с правым коленом (а то и с обоими), испещренным шрамами, и испытывать крайне неприятные ощущения, если слегка не так на ногу оперся. А уж согнуть-разогнуть ее — целая история.

Прохожие, еще не понимая, что безмятежной жизни им осталось всего ничего, косились на Рока с недоумением, а то и с подозрением. Ну еще бы, расселся на скамейке посреди бульвара, закатал штанину и туго перематывает колено приобретенными в аптеке бинтами.

Ну не нашлось местечка потише, заниматься этим в подворотне не получилось, он тут же вызвал пристальный интерес тамошних любопытных старушек.

Не уверен, что столь нехитрая мера, призванная сковать подвижность коленного сустава, поможет. Да и крутить педали будет неудобно.

Ну да Рок потихонечку, в основном постарается работать левой, а правой так... помогать.

Теперь бы еще с велосипедом срослось, глядишь, и получится наконец вырваться из этого сумасшедшего города.

То, что пока здесь спокойно, ничего не значит. Уж он-то знает кое-что о ближайшем будущем.

Странно, но, похоже, пророческие таланты Рока подводят. Он уже добрался до спуска, тянувшегося к виднеющейся вдали реке, а город как

жил спокойной жизнью, так и продолжал жить.

Хотя, если придраться, не совсем спокойной. Излишне вытянутая конфигурация и игнорирование со стороны властей транспортной проблемы приводили к закономерным результатам — то и дело натыкался на заторы и пробки. Но чем удобен велосипед — даже в самом безнадежном случае можно спешиться, взвалить его на плечо и пройти там, где ничто другое не пройдет.

В общем, он справлялся, несмотря на неудобства.

Главным из них являлось то, что власти, помимо всего прочего, напрочь игнорировали проблемы и чаяния велосипедистов. То есть для них здесь не обустроили хотя бы намека на инфраструктуру. Знай Рок город, мог бы попытаться объехать трассу, но он не знал и потому в основном двигался с краешку транспортного потока, регулярно нарываясь на гудки клаксонов в его честь и даже отборную ругань. Пару раз порывался ответить, но сдерживался.

Какой смысл спорить с биороботами? И вообще, очень скоро они столкнутся с такими проблемами на дорогах, что им можно лишь пособолезновать.

И не только на дорогах.

Пока что за весь путь Рок ни одной даже самой пустяковой аварии не заметил. Водители, может, и лихачили где-то, но в рамках приличия, самоубийц, несущихся на таран, не было. Даже светофоры работали, пусть и не везде, то есть местами в городе имелось электричество.

Странно, ведь времени уже прошло немало. Пока колено замотал, пока дошел до пункта проката велосипедов, пока молотил языком, умоляя поверить, дать воспользоваться их транспортом без приличного залога. Очень уж сложно было объяснить, почему у него нет ни документов, ни хотя бы телефона, пусть даже недорогого. Чудом добился своего, и лишь потому, что был опознан сотрудником. Оказывается, Рок и здесь известен как футболист.

Видимо, известен с хорошей стороны, раз в итоге вообще залог брать отказались.

Нога, конечно, беспокоила, но ехать все же удобнее, чем идти. А уж как спуск начался, так вообще раздолье — правой практически не шевелил, свесил ее, не прикасаясь к педали.

На последнем отрезке боковые улицы с так некстати выскакивающими из них машинами закончились, слева на сотни метров протянулась высокая бетонная стена со спиралью колючей проволоки поверху, движение вдоль нее не отличалось интенсивностью, а дорога была роскошно широкой.

Рок этим воспользовался, почти перестал терзать тормоза, разогнался до гудения ветра в ушах. Вошел в пологий развороте такой скоростью, что дух захватило.

Зрелище за поворотом заставило захватить не только дух — еще и сердце остановилось, провалившись куда-то крайне глубоко.

Дорога продолжалась и дальше, протягиваясь к долгожданному мосту, вот только проезда по ней не было. Десятки машин сгрудились в кучу: автобусы, грузовики, обычные легковушки, полицейский транспорт, какие-то городские службы и даже бронетранспортер, на этот раз с вооружением. Люди стояли, глядя в сторону реки, бегали, ходили, кто-то молча, кто-то кричал или громко обсуждал увиденное, ожесточенно жестикулируя.

В общем, имело место скопище техники и взволнованного народа, компактно размещенное на асфальтированном пятачке.

Рок чуть было не совершил огромную глупость, рефлекторно начав выжимать ручной тормоз. Здорово бы кувыркнулся, заблокируй переднее колесо на такой скорости. Удалось остановиться без последствий, но это далось непросто — пару раз, выкручивая руль, проскакивал на волосок от столкновения, дошло до того, что ребром правой стопы чиркнул по бамперу грузовика.

Слез с велосипеда и, придерживая его, замер, уставившись туда же, куда таращилось большинство самых спокойных людей (да и беспокойные в этом недалеко от них отстали).

Все смотрели на реку.

Ну и что там такого интересного? Да, не из последних, широкая, явно глубокая, вон какая громадная баржа на ней стоит, чуть ли не лайнер для круизов по штормящим океанам. Но это всего лишь река, она не может привлечь всеобщее внимание, да и заставить немаленькую толпу стоять с самым растерянным видом — тоже не в ее власти.

А вот мост на ней — запросто. Очень уж он необычный.

Рок бы даже сказал — невероятный.

С виду он вообще-то самый непримечательный — на две широченные полосы, что прилично, но не рекордно, добротный, из железобетона и металлических конструкций, очень надежный на вид.

Вот только тянулся мост не до конца, его будто обрезало за несколько пролетов до противоположного берега, целый участок, лишившись опоры, склонился к воде, упершись...

В другой мост.

Да-да — именно так, вдали он был другим. Строители, конечно, могли начудить, но не настолько, чтобы начать сооружать автомобильный мост, а

под конец сделать его железнодорожным, не говоря уже о том, что ширина не совпадала и конструкции откровенно разные.

Мало того — в точке соединения никакого соединения не произошло, концы обоих участков мостов свесились до водной глади, где уперлись в подозрительную мель. Очень похоже, что она образовалась из упавших машин и фрагментов конструкций.

Проехать на другой берег теперь невозможно, но столпотворение автотранспорта объясняется, конечно, не этим. Людей привлекает необычное, а тут не просто необычное, тут нечто откровенно невероятное.

Пожилой мужчина, опираясь о дверцу машины, покачал головой:

— Чертовщина какая-то.

С одной стороны, он прав, с другой — Рок просто-напросто столкнулся с очередной странностью мира, из которого ни выбраться не получается, ни вспомнить что-нибудь о себе. В амнезию совершенно не верилось, недоступность памяти — не какая-нибудь там патология, так изначально задумано кем-то, кто заслуживает самой жестокой порки, совмещенной с мордобоем и действиями, подпадающими под определение «нанесение тяжких телесных повреждений».

Решившись, стронулся с места, вновь заработал педалями, вырываясь на мост. Один из полицейских крикнул вслед:

— Эй, парень, ты куда?!

— Подальше от вас, — буркнул Рок, твердо уверенный в том, что преследовать его не станут.

Ничего ведь не нарушил, да и не выглядят служивые серьезными, готовыми кого-то хватать — больно уж растерянный вид.

Даже если не угадал, погоня не продлится дальше места, где сходятся два моста, там даже на вездеходе не проехать. И на велосипеде, кстати, тоже.

А вот пронести его на руках, пробираясь через исковерканные конструкции и шагая по смятым машинам, — запросто.

Глава 9

Жизнь четвертая. Нескучный лес

Мост, состоящий из двух разных частей, — не единственная странность, которую Рок подметил, выбравшись к реке. Разглядывая карту, он в том числе изучал и то, что ждет его на другом берегу. От правого тот отличался отсутствием городской застройки, но все же был прилично освоенным, там находилось что-то вроде порта, какие-то промышленные объекты, компактные поселки из частных домов, сложная дорожная развязка и прочее в таком духе. Ничего этого на самом деле не оказалось — только однопутная железная дорога, ведущая непонятно куда по дремучему с виду лесу.

Ни домов, ни фабрик, ни порта, только лес, куда ни глянь.

Перебрался с трудом, место соединения двух мостов оказалось не настолько проходимым, как казалось изначально. К тому же, пересекая его, Рок столкнулся с неожиданным сюрпризом — мир мигнул, будто потух на кратчайший, почти неуловимый миг, после чего по центру поля зрения появилась ярко-красная надпись:

Внимание! Вы покидаете кластер 197-33-91. Это исходный кластер вашего текущего перерождения, покинув его, вы активируете шкалу спорового баланса. Ваш показатель спорового баланса начнет снижаться с различной скоростью в зависимости от физических нагрузок, интенсивности применения умений Континента и состояния здоровья. Не допускайте опасного снижения уровня спорового баланса, это может привести к потере одной попытки возрождения.

Остановившись, Рок повернул голову в одну сторону, затем в другую. Не помогло — надпись не исчезла, она раздражала и мешала. По наитию произнес «меню» дважды, вызвав его и тут же закрыв. Помогло — непонятные слова пропали.

Какое ему дело до спорового баланса, если он понятия не имеет, что это такое?

Зато прекрасно знает, что за веселье вот-вот завертится в городе, так что возвращаться не намерен, пусть хоть все поле зрения красным испишут.

Добраться бы до тех, кто придумал такое развлечение. Уж Рок нашел бы, о чем с ними поговорить.

И не только поговорить...

Несмотря на злобные мысли и неудобства преодоления преграды, о надписи все же подумывал разное. Она интересна хотя бы тем, что впервые проявилась не в момент своей или чужой смерти, возрождения, приема неведомой гадости и прочих специфических действий, а в самый разгар очередной здешней жизни, по-будничному. К тому же сообщает о непонятном — о какой-то шкале спорового баланса.

Разного вида шкалы в команде меню имеются, но, как и все прочее, расположены они неудобно, и Рок понятия не имеет, что там к чему. Даже разбираться не видел смысла, потому как не сомневался, что для начала следует найти людей вроде Слепня, чтобы в спокойной обстановке все дотошно растолковали. А пока нечего время впустую тратить, надо шевелить ногами, ведь чем дальше он уберется от города до начала веселья, тем приличнее шанс выжить.

Или хотя бы прожить подольше.

При ближайшем рассмотрении лес оказался не таким уж и дремучим. Светлый сосняк, разве что опушки богаты густым кустарником, да и то не везде. К тому же параллельно железной дороге тянулась на совесть накатанная грунтовка, колдобины на ней теснились лишь местами, луж почти нет. Сильно по такой не погоняешь, но для велосипеда проходима.

Идти пешком категорически не хотелось, нога давала о себе знать все больше и больше.

Прежде чем начать крутить педали, разобрался с оружием. Да-да, Рок теперь не с пустыми руками, Рок серьезный чувак с куском арматуры — подобрал, когда перебирался через мост, там внизу разного хлама хватало. Держать в руках во время езды — плохой вариант, пришлось примотать вплотную к раме, пропустив через багажник и зафиксировав жгутами из скрученных пучков высокой травы.

Только было собрался ехать, как издали, со стороны реки, донеслись отголоски нескольких выстрелов.

Все понятно — в городе что-то начинается, очень удачно получилось, что Рок успел выбраться так быстро. Глядишь, и дальше удача его не оставит.

Поначалу так и было, пусть ехал медленно, привычно оберегая хворое колено, но зато без приключений. На него не мчались автомобили с бешеными водителями и не выскакивали охочие до человеческого мяса

чудовища. Вокруг такая тишь да благодать — даже не верится, что те монстры вообще существуют. Нормальный с виду лес, деревья, кусты да трава, из признаков человеческого присутствия наличествуют лишь дороги — грунтовка и железная, старые пни и редкий мусор по обочинам.

Километра через четыре наткнулся на машину — малолитражка засела в грязь среди заполненных водой колдобин. Остановившись, огляделся, прислушался, ничего подозрительного не заметил, решился приблизиться. Машина оказалась запертой, складывалось впечатление, что она находится здесь уже не одну неделю — ее и птицы загадить успели, и запачкана характерно, и колея, проделанная в жиже, затянулась.

Закралась мысль отмотать арматуру и вломиться, но какой в этом смысл? Даже если Рок сумеет ее завести без ключа, как поедет? Водитель, похоже, дятел уникально тупой породы, загнал свое ведро с разгона — потихоньку в такое знатное дерьмище никак не заехать. При желании вытащить можно, но на это уйма сил и времени уйдет, даже при наличии всех необходимых инструментов.

Если не ехать, так зачем вламываться? По виду машины можно сделать вывод, что ничего сильно интересного в ней не найдется.

Нет, не нужно терять время и нарываться на неприятности, а то вдруг в разгар попытки кражи заявится водитель с кучей плечистых помощников на внедорожнике. Зачем искать новые приключения, если не знаешь, что делать с уже имеющимися.

Дальше дорога ухудшилась, получается, машина, оставшаяся за спиной, остановилась, чуточку не добравшись до настоящих проблем. Доходило до того, что приходилось выбирать на железнодорожную насыпь, по сто-двести метров шагать пешком, толкая подпрыгивающий на шпалах велосипед.

На неприятности нарвался как раз в один из таких моментов.

Будто по заказу — подловили «удачно».

Краем глаза Рок заметил подозрительное движение, обернулся влево, увидел, как дорогу наискосок пересекают двое бегущих мужчин. Явно не спортом занимаются, и вообще подозрительные. Начать с того, что перемешаются не по-людски, ненормально раскачиваются с боку на бок, ссутулились нездорово, мчатся как-то дергано, с резкими движениями там, где без них принято обходиться. Будь такой чудик один — еще куда ни шло, можно списать на последствия осложненной беременности и рождения вперед ногами, но сразу пара — как-то ненормально.

Также следует отметить грязную одежду, такую далеко не каждый бомж согласится надеть. Один вообще нудист недоделанный — без штанов

забег устроил (точнее, они за ним волочатся, удерживаясь каким-то непонятным образом за ступню).

По виду — грибники какие-нибудь или местные колхозники, потому как оба в затасканных сапогах, обувь явно не для прогулок по бульварам, да и одежда примечательно-скучная, но при этом практичная, в городе такая на глаза попадает нечасто и не везде.

Сто из ста, что это цифры, только-только начавшие путь, в конце которого превратятся в тех еще страхолюдин. Но это пустые мысли, сейчас следует срочно подумать о том, как бы опять не улететь во тьму, уменьшив отсчет жизней на единичку.

Два противника — не так уж и много, но и не сказать, что бой обещает стать равным. Нечеловечески резкие движения напрягали, слишком быстро шевелятся, а это чревато. Хорошо бы вообще не связываться с этими ненормально торопливыми зомби, ну а какая альтернатива? По этим шпалам на велосипеде разве что циркач-виртуоз за повышенный гонорар сумеет шустро промчаться, путь к дороге прикрывает нехорошая парочка, да и участок там непроезжий. Пешком рвануть? Ну и далеко ли он уйдет на разваливающемся колене?

Арматурина покинула свое место; крутанув увесистую железяку в руке, Рок почувствовал в себе твердую уверенность быстро расправиться пусть даже с тройкой таких тварей. Обычные мужики, просто выглядят отстойно и двигаются ненормально. Летать они вряд ли умеют, так что обоим придется забираться на насыпь из щебня, она не такая уж и низкая, заставит сбавить темп.

Ну а Рок, поджидая этих товарищей наверху, встретит их, как полагается, благо позиция этому благоприятствует — удобная.

В теории звучало неплохо, на практике, как это нередко случается, могут возникнуть непредвиденные осложнения. Но Рок умел обдумывать разные варианты и принял меры против главной угрозы — не позволил атаковать его одновременно. Ради этого подхватил велосипед, швырнул его в первого из противников, едва тот добрался до насыпи. Убить таким «снарядом» непросто, а вот замедлить — запросто.

Так и получилось — зомби потерял пару секунд, отстав от товарища. Тот с довольным урчанием потянулся было к Року, но резко обломился — добыча коварно ускользнула в сторону в последний миг, одновременно взмахнув вооруженной рукой.

Врезало четко в правый глаз, сочно вдавив его в недра черепа. Некрасиво брызнуло, ошеломленная тварь, вскакивая наверх, запнулась о первый рельс, грохнувшись, с треском приложившись лбом о второй.

А Рок занялся отставшим, но уже не пытаясь уклониться, колено в первом случае отреагировало на маневр столь болезненно, что напрягать ноги перехотелось.

Без затей рубанул сверху вниз, и это сработало — зомби оказался настолько туп, что даже рукой прикрыться не догадался. После сопровождавшегося разбросом багровых ошметков удара по темечку, обиженно заурчал, продолжая упорно взбираться навстречу неприятностям.

Они не заставили долго себя ждать — Рок врезал дважды почти без размаха, превратив лоб противника в печальное зрелище и дезориентировав тварь потоками заливающей глаза крови. А затем отвел руку в сторону, одновременно разворачиваясь, после чего с дурной силой ударил сбоку в область виска.

Несмотря на все предосторожности, нога на случившееся отреагировала негативно, но результат того стоил — зомби скатился вниз и, валясь на траву, едва сучил ногами. А вот первый, неуклюже ворочаясь, не оставлял попытки дотянуться до Рока, но получалось плохо, что-то с ним явно не так, похоже, парализовало ниже пояса или даже груди. Только руками шевелить может, причем неэффективно, и урчит непрерывно.

Примерившись, Рок, мстя за перенесенные испытания для нервов, безжалостно разнес твари одну ладонь, затем другую. Не удовлетворившись, переломал обе руки в локтях и лишь затем тремя сильными ударами, наносимыми в одно место, как следует покалечил череп.

Этот даже сучить ногами не стал, спокойно подох.

Поморщившись из-за боли в колене, Рок оценил последствия содеянного. Оба ходячих мертвеца по-настоящему мертвы, совет долбить им по головам оказался не пустым. Сам он не пострадал, колено можно не брать в расчет, как и забрызганную кровью одежду.

Хотя последнее, конечно, неприятно. Надо бы при первой возможности сменить.

Оглядываясь по сторонам, не заметил, чтобы кто-нибудь заинтересовался «полем боя». Ни нормальных людей не видать, ни этих неестественно дергающихся фигур, лишь ветерок раскачивает верхушки сосен да птички беззаботно чирикают.

Присев и вновь поморщившись по уже изрядно задолбавшей причине, Рок без малейшего намека на угрызения совести обследовал карманы куртки первого противника. Он не понимал, чем именно хотел разжиться, действовал на голом автоматизме. Сам от себя не ожидал, что вот так, запросто, без веских причин, способен устраивать обыск покойника.

Мятая пачка сигарет да зажигалка — вот и все трофеи. Курево отбросил в сторону: или травиться не приучен, или забыл, как это делается (вместе со всем прочим). Ну да ладно, хоть чем-то разжился, мало ли, вдруг костер захочется развести.

Уничтожен зараженный. Уровень — 2. Вероятность получения ценных трофеев — 22 %. Получено 5 очков к прогрессу физической силы. Получено 1 очко к прогрессу ловкости. Получено 2 единицы гуманности.

Уничтожен зараженный. Уровень — 2. Вероятность получения ценных трофеев — 26 %. Получено 5 очков к прогрессу физической силы. Получено 1 очко к прогрессу выносливости. Получено 2 единицы гуманности.

Внимание! Ваша физическая сила равна 1. Поднимайте основные характеристики, от их количества зависит ваш уровень.

Ну вот, подоспели очередные «красные новости», как обычно мало что говорившие. Если верить написанному, непонятно почему, но силенок должно прибавиться, вот только это совершенно не ощущается.

Нет, это определенно не игра, это бред какой-то. Вот что порядочным зомби делать в лесу? Тут даже рельсы добротнo заржавленные, то есть поезда не ездили давненько. Безлюдное место, следовательно, для этих ребят сплошная бескормица.

Да тут все бредом пахнет, ничего не понять, но как-то ведь надо выпутываться.

Сильно припадая на правую ногу, спустился с насыпи и обыскал второй труп. У этого обнаружилась связка ключей и, что наводило на некоторые подозрения по поводу личностных особенностей усопшего, — богатая косметичка, украшенная цветными стразами. Посмотрев на щетину недельной давности и покосившись на замызганные резиновые сапоги на переставших подергиваться ногах, Рок понял, что в данном случае лучше не вдумываться в имущественные вопросы, иначе крыша поедет.

Кстати, а ведь оба выглядели одинаково нехорошо, тогда почему за них нарисовали разные цифры? Там выносливость, там ловкость какая-то, да и процент ценных трофеев отличается.

Впрочем, процент этот явно не сработал, потому как зажигалка копеечная, а косметичка вообще ни в какие ворота не лезет.

Похоже, это тоже пустые вопросы — самостоятельно на них не ответить, а объяснять некому. Нужно срочно найти кого-нибудь знающего, а

то чувствует себя слепым котенком, нечаянно забравшимся в псарню с очень голодными волкодавами.

Сейчас хлебнет воды и покатит велосипед до следующего проезжего участка.

Жажда какая-то нездоровая.

Уничтожен зараженный. Уровень — 3. Вероятность получения ценных трофеев — 33 %. Получено 6 очков к прогрессу физической силы. Получено 1 очко к прогрессу выносливости. Получено 3 единицы гуманности.

— Сволочь корявая, — злобно прошипел Рок, перематывая разодранное предплечье левой руки.

Лес, примыкающий к железной дороге с двух сторон, на первый взгляд казался пустынно безопасным, но это впечатление не выдержало испытания временем. На самом деле он, увы, являлся популярным местом для урчащего племени. Не считая первой схватки, Рок прикончил уже пятого зомби в трех стычках и избежал нескольких нежелательных встреч благодаря скорости велосипеда и удобно подвернувшимся качественным отрезкам дороги. В первых двух столкновениях все прошло как по маслу, если не считать однотипных жалоб от напрягшегося колена, а вот сейчас ходячие мертвецы задали жару.

Впервые сумели потрепать.

А все потому, что Рок не соизмерил возможности этой пары. Один зомби оказался нормальным, а вот второй полон сюрпризов — неожиданно быстрый, ловкий, с завидной реакцией и внешне заметно отличающийся от обычного человека. Черты лица изменились, оно неприглядно обмякло, как бы поплыло, будто плаваясь от неощутимого жара; ногти стали уродливо-толстыми, это уже скорее когти, спасибо, что короткие; волосы скатались в монолитную безобразную массу, неохотно расступавшуюся над хаотично проявляющимися залысинами; вытянувшиеся пальцы с раздувшимися суставами походили на лапки рекордно уродливого паука.

В общем — тот еще красавчик.

Но Рок почему-то проигнорировал всестораживающие признаки, заиклившись лишь на двух вещах — состоянии одежды и чистоте страшилища. Штаны этот кадр где-то посеял, как и туфлю с левой ноги, длинная рубашка была изгваздана сверху донизу, но надо отметить, что подолу досталось больше всего. Амбре фекалий нос уловил, когда до противника оставалось не меньше десятка шагов, что однозначно

указывало на внушительные проблемы с личной гигиеной.

Рок сгруппировался, побрезговав устраивать бой на короткой дистанции, постарался достать грязнулю издали, сделав подобие фехтовального выпада. Подразумевалось, что «укол» в солнечное сплетение выведет из строя минимум на несколько секунд, дав время без помех разделаться с более опрятным зомби, после чего добить не успевшего очухаться вонючку.

Это был плохой план — изменившийся мертвец даже урчать на такое не стал, молча стерпел обиду, надавил всем весом, легко сминая сопротивление давящего куска арматуры и полностью игнорируя боль. Рок был вынужден уклоняться от протянутых лап, не жалея заскрипевшее от натуги колено, затем ему повезло, вывел из схватки второго домчавшегося гада удачным ударом, но при этом сам пострадал — опасный зомби успел дотянуться своими запущенными ноготками, цапнуть за предплечье.

Спасибо, что оружие оставалось в другой руке, а противник оказался настолько туп, что не успел развить успех. Року пришлось дважды врезать ему по темечку, чтобы заставить хотя бы перестать рвать кожу и мясо, после чего стукнул еще несколько раз без каких-либо изысков, будто пыль из ковра выбивая.

Поначалу показалось, что руке досталось очень и очень сильно. На деле не все так плохо, возможно, повезет обойтись одними лишь перевязками. Хорошо бы, конечно, показаться врачу, причем немедленно, пусть хотя бы раны зашьет, но вряд ли это получится, придется обходиться тем, что есть.

Вот ведь болван, ну почему не догадался в той же аптеке купить что-нибудь для обеззараживания? Тошно подумать, сколько самых разных бактерий своим прибежищем выбрали эти уродливые ногти. Вот что теперь делать? Подорожник поискать, чтобы приложить?

Покосившись на все еще сучащее ногами тело. Рок злобно на него плюнул. Этот кадр, грязный до омерзения, за руками вообще не следил. Не хватало еще копыта отбросить из-за столбняка или чего-то в этом роде.

А это что такое?!

Преодолевая брезгливость, Рок присел переддохлым противником. Нет, вовсе не для того, чтобы обыскать, прикоснуться к вонючке хотелось меньше всего на свете. Тут дело в другом — обнаружилась причина, по которой физиономия гада столь безобразно оплыла. На затылке у зомби выросло нечто откровенно чужеродное, будто гриб-трутовик на приболевшей березе. Похоже, укоренился на костях черепа и, увеличиваясь в размерах, рвал и раздвигал кожу, из-за чего и пострадала «красота» вонючки.

Обратив внимание на линии, разделяющие странный нарост на подобия долек, Рок вспомнил чудовище, из затылка которого извлек смертоносные штуковины — там ведь тоже наблюдалась похожая структура. Да и, если вспомнить наблюдения за сильно изменившимися зомби, у некоторых на головах сзади можно заметить аналогичное образование, просто чуть поскромнее.

Интересное, конечно, открытие, вот только проку от него не наблюдается. Трупы полностью бесполезные, Рок даже перестал их обыскивать — к ним противно прикасаться, эти твари поголовно не дружили с гигиеной.

Поднялся, направился было к лежащему на обочине велосипеда, на ходу повернул голову, краем глаза уловив движение. И тут же еще раз мысленно проклял последнего мертвяка, из-за которого потерял кучу времени.

По дороге мчался зомби, против которого арматура вообще не смотрелась. Из одежды ни тряпки не осталось, тело деформировано, руки уродливо удлинились, сильно перегнав в этом туловище, которое тоже вымахало — вряд ли при жизни в этом человеке было два с лишним метра роста.

Но самое главное — скорость. Этот монстр, похоже, ставит мировой рекорд по спринту, даже по хорошей дороге смыться при помощи кручения педалей будет непросто, а уж по этой...

Рок, поставив велосипед на колеса, вскочил на него и заработал ногами как бешеный. Надо хоть немного времени выгадать, вон впереди поворот дороги, глядишь, за ним обнаружится шоссе с роскошным асфальтом или хотя бы затяжной спуск без колдобин и прочих препятствий для быстрой езды.

Если ничего подобного не подвернется, в лучшем случае жить останется минуты две, в победу не верилось совершенно — с таким противником даже свою жизнь подороже продать не получится.

Поворот приближался неохотно, в какой-то миг показалось, что до него не успеть, Рок уже слышал, как отрывисто урчит нагоняющий его монстр.

Но нет, не такой уж и быстрый, не нагнал — перед глазами предстал скрытый до этого отрезок дороги. И Рок едва не застонал, отчетливо осознав, что поездка закончилась — призрачный шанс решил подвернуться кому-нибудь другому.

Да что за дела — над ним будто злобно подшутили! Дальше лес расступался, отодвигаясь от вклинившейся в него полоски зеленеющего

овсяного поля, дорога тянулась по кромке пашни и потихоньку взбиралась наверх, на пологую горочку.

Почти спуск, вот только наоборот.

Сворачивать некуда, а то, что скорость на подъеме упадет до смешной, не вызывало сомнения. Рок, затормозив, перехватил велосипед, намереваясь швырнуть его в подбегающую тварь, после чего пустить в дело арматуру и бесславно подохнуть.

— Давай!!! Бегом сюда!!! К ноге, скотина корявая!!! — заорал он какую-то нелепицу, морально готовясь читать уже порядком осточертевшие надписи во мгле.

Монстр заурчал, как бы отвечая, ритм его бега изменился, он явно готовился к прыжку. И почти тут же послышался новый звук, он походил на то, будто по говяжьей туше от души врезали тяжелой кувалдой. Зомби при этом дернулся, его повело в сторону, на полной скорости крутанувшись вокруг своей оси, он рухнул в лужу и, разбрызгивая грязь, прокатился по ней. Попытался вскочить, но не тут-то было — левая половина тела начала жить своей жизнью, нога и рука бесконтрольно сокращались, причем это были конвульсии, а не осознанные движения.

Струя крови, бьющая из раны посреди груди, мимо внимания Рока не прошла. Поверить в то, что зомби прямо на бегу стал жертвой комара с жалом диаметром миллиметров десять, — сложно.

Кто-то жестко вмешался в еще не начавшуюся схватку.

Краем глаза опасливо контролируя бьющегося в грязи уroda, Рок чуть обернулся и увидел, что из-за гребня холма, на который взбиралась дорога, показалась колесная бронемашина, опознать которую он не смог. Вроде иностранщина, причем несовременная, но уверенным в этом быть нельзя. Кто-то на совесть поработал, нагрузив технику дополнительными стальными решетками, пластинами и шипами, понять, что там было изначально, теперь непросто.

Украшенный ржавым хламом броневиk приближался неспешно, но и не сказать, что совсем уж медленно — где-то в районе пятнадцати километров в час. И это не мешало паре мужиков мчаться по обе стороны от него с непринужденным видом, держа автоматы на изготовку. Что один, что второй одеты одинаково — камуфляжные штаны, зеленые майки и легкие разгрузки, набитые запасными магазинами, даже банданы на головах той же раскраски и выглядят одинаковыми. Если бы не бросающаяся в глаза разница в обуви, можно принять за униформу.

Зомби, свыкаясь с ситуацией, ухитрился ползком, сражаясь с взбесившейся половиной тела, преодолеть с десятков метров в сторону

несостоявшейся добычи. Даже сейчас он оставался опасным, Рока его приближение нервировало, поэтому, показным жестом вонзив в землю на обочине арматуру, показал пустые руки и двинулся навстречу спасителям.

Нет сомнений, что это знающие ребята, кто-то вроде той парочки, от которой впервые узнал хоть что-то. Так что Року наконец улыбнулась удача.

Даже если эти товарищи свалят так же быстро, как первые, он хоть что-нибудь в плане информации от них урвет, а она сейчас нужнее всего.

Поэтому, отбросив в сторону мрачность настроения, объяснимого тем, что только что чуть было не попрощался с жизнью, Рок попытался скорчить добродушно-благодарную гримасу, дабы еще до начала речевого контакта вызвать в потенциальных источниках ценных сведений хотя бы мизерную симпатию.

Парочка резвых автоматчиков, обогнав машину и не реагируя на спасенного, с прежней завидной скоростью помчалась дальше. Судя по целеустремленности, они направляются к покалеченному уроду. Там и одного такого вооруженного хватит, чтобы добить калеку, зачем двоим ноги утруждать?

Броневик начал замедляться, не дожидаясь полной остановки, из распахнутой дверцы ловко выскочил еще один мужик, от прежних двух отличающийся лишь кожаной жакеткой вместо майки. Что-то интенсивно жуя на ходу, он направился к Року, а тот, не скатываясь до заискивающих ноток, ухитрился небрежно поблагодарить без намека на заискивающие слова благодарности:

— Вовремя выручили, я уже великом отмахиваться собирался. Хорошо, что...

Договорить наспех состряпанную заготовку Рок не успел: проходя мимо, мужик шумно сплюнул то, чем был занят его рот, и одновременно врезал по голове прикладом автомата.

Темнота обрушилась столь молниеносно, что даже боль не почувствовалась.

Глава 10

Жизнь четвертая. Няша

Получен негативный эффект — оглушение. Вы находитесь на кластере 197-33-96. Регион — Западное Побережье. Текущее количество возрождений — 96 жизней (минус 3 от стартового). Текущие задания: выжить, искать, узнать тайное, помочь, задать правильный вопрос. Текущий статус — возврат в игру. До окончания действия оглушения осталось пятьдесят девять секунд, срок может измениться в случае внешнего воздействия. Подсказка — не все люди дружелюбно настроены, опасайтесь врагов.

Совет полезный, но моральный садист, который его сейчас написал, определенно издевается — и без него ситуация понятна, ценные слова слегка запоздали.

Кстати, количество жизней почему-то не изменилось, и вообще, процедура существенно отличается от предыдущих воскрешений. Темнота и текст совпадают, как и ощущение отсутствия тела, но вот содержание, форма подачи материала и прочее — радикально разнятся.

Он всего лишь оглушен, это еще не смерть, причем понятия не имеет, радоваться ему по этому поводу или не стоит.

Ну и зачем было это делать?! Косяков перед ударившим у Рока нет вообще, братъ с него нечего, так что о гоп-стопе и речи быть не может.

Тогда на кой?

Ответа не невысказанный вопрос не последовало, но в голову полезли мысли одна мрачнее другой. Возможно, было бы даже лучше, изменись счетчик смертей на единичку — так хоть какая-то определенность.

Появилось ощущение тела, и это тоже не походило на предыдущие воскрешения. В те разы Рок подсакивал бодрячком, чувствуя себя заново родившимся, полным сил, но с идеально-пугающей чистотой в голове, а сейчас даже о последнем можно не упоминать. Нет, память не вернулась, но в черепушке тот еще сумбур, плюс мысли намертво путаются, напрягать мозг не хочется.

А еще мутит, подташнивает, в висках пульсирует острая боль, многострадальное колено превратилось в Везувий, вместо лавы

извергающийся болью, и что-то жестко стянуло руки за спиной, не позволяя ими пошевелить.

Из всех пробуждений нынешнее — самое неприятное, изрядно опротивевшая студенческая общага сейчас казалась чуть ли не раем.

Несмотря на почти полное отсутствие жизненного опыта, Рок сумел сообразить, что торопиться открывать глаза не стоит. И без помощи зрения можно догадаться, что в данном случае о студенческой общаге не может быть и речи. Одни запахи чего стоили — ядреная смесь смолистого аромата обработанной древесины хвойных пород и содержимого канализации. Что то, что другое легко узнаваемо и с бытом учащейся молодежи совершенно не ассоциировалось.

Уши запутали ситуацию. Кое-какие звуки они улавливали, но все несерьезные. Складывалось впечатление, что Рок находится в полузамкнутом помещении, потому как угадывался легкий уличный шум, будто подходишь к распахнутому окну в разгар не слишком ветреного летнего денька.

И еще ощущалось присутствие кого-то живого и непонятного. Этот некто время от времени занимался непонятной деятельностью, сопровождавшейся потрескиванием, скрипом и еле слышным неровным сопением. Ни малейшей угрозой происходящее не пахло: кто бы ни шумел под боком, он, вероятнее всего, безобиден.

Но полной уверенности нет, и это напрягало.

Решившись, Рок открыл глаза, тут же их прищурил из-за светового удара. Он угадал с тем, что и правда находится в незакрытом помещении, на это прямо указал солнечный луч, будто специально именно в этот неудобный момент приласкавший физиономию.

Не дом и не квартира, а что-то вроде склада пиломатериалов, устроенного в виде усложненного навеса. Капитальная крыша в наличии, а вот стены присутствуют лишь частично, не перекрывая все направления. Обслуживающий персонал может появляться откуда угодно и таскать крупногабаритные предметы в любую сторону. Недорого по затратам и практично, — видно, что здесь со знанием дела подошли к вопросу логистики.

Вот только мастера не учли, что их детище могут использовать не по назначению. Как ни странно признавать, но помещение, меньше всего на свете приспособленное к насильственному содержанию пленников, превратили в тюрьму.

Впрочем, тюрьма — громковато сказано. Темница без стен — это анекдот, и такое положение дел никак не стали поправлять. Выкрутились

проще — обоих узников приковали к крупногабаритным деталям интерьера при помощи пластиковых хомутов.

С Роком обошлись еще по-божески. Он сидел, вытянув ноги перед собой на засыпанном опилками полу, руки его были вздернуты, чуть расставлены в стороны и продеты по обе стороны от доски, являвшейся частью сложно устроенного стеллажа, а опустить их не позволял тот самый туго стягивающий запястья пластик.

У второго «заключенного», содержавшегося в открытом всем ветрам узилище, дела обстояли похуже. Его вздернули к потолку, где закрепили на балке перекрытия при помощи все тех же терзающих вывернутые руки хомутов. Причем на этом останавливаться не стали, стянули ими же еще и щиколотки, подвесив на путы нелегкий с виду мешок, судя по надписи, содержавший органические удобрения.

Тут же закралось подозрение, что его содержимое и являлось тем самым источником, распространяющим запах нечистот. А все потому, что оболочка в уголке обтрепалась до мелкой прорехи, через которую просыпалось что-то темное и мелкое, изрядно перепачкав пол в том месте.

Почему мешок получил повреждение, понятно — второй пленник постарался. Ростом не удался, и телосложение странное, непропорциональное: туловище ненормально, неравномерно раздутое, с деформированным плечевым поясом, с ведром пива на животе, на его фоне низ subtilный до смешного, где в грандиозных прорехах грязных штанов там и сям проглядывали подозрительно безволосые, прямо-таки идеально гладкие ноги, совершенно не гармонирующие с грубыми армейскими ботинками. Замызганные руки не помешали разглядеть совсем уж вопиющую вещь — ярко накрашенные ногти. Определенно женоподобный субъект, такие, по идее, в столь непростой ситуации обязаны быть покладистыми.

Но этот покладистым не был. Сосредоточенно сопя и непрерывно елозя пластиком по дереву, он, то подтягивая себя чуть вверх, то расслабляясь, заставлял тело раскачиваться, при этом в отдельные моменты груз на ногах задевал дощатый пол. Сила трения — великая вещь, но в данном случае для нанесения урона мешку пленнику пришлось изрядно поработать.

Упорный тип.

И грязные у него не только штаны, относительно чистая только кожа ног, что можно заметить через дыры в материи, загаженной до такой степени, что даже ее изначальный цвет — загадка.

Да и кожа, если говорить прямо, нуждается в хорошей порции воды и

мыла, она лишь в отдельных местах сверкает относительно приличными пятнами, по которым и получилось сделать вывод о недостатке растительности.

Общая картина такая, что смотреть противно.

Складывается впечатление, что пленнику пришлось поползть по топкому болоту или на тех же четырех конечностях устроить забег по грунтовой дороге, где даже крутые джипы проехать не могут. Туловище облеплено грязью в несколько слоев, невозможно понять, что там за одежда, ощущение, что бедолагу завернули в ветхое тряпье и обрывки рыболовных сетей. Да и выше шеи все плохо — замызгался по самую макушку, на корке, покрывающей лицо, только глаза сверкают.

Глаза, между прочим, перепуганные, но не из тех, где паники по два ведра, а будто у загнанного зверя, твердо намеренного подороже продать свою шкуру. А еще они выдавали упорство натуры, о чем в том числе намекал и покалеченный изрядными стараниями мешок. То, что рот «соседу по камере» прикрыли грубым кляпом, подсказывало, что слова у него под стать взглядам, раз ему отказали в возможности высказываться.

Итак, что мы имеем? Имеем ситуацию, где кто-то непонятный насильственно удерживает двух человек. На одного из них можно безжалостно наплевать, а вот на второго плевать никак нельзя, потому как им является Рок.

Наблюдая за стараниями коллеги по заточению, он попытался подвигать руками и быстро пришел к выводу, что скорее запястья себе перепилит, чем разделается с ненормально крепким пластиком. Может, спутали со знанием дела, может, случайно так получилось, но результат оказался надежным. Захотелось бросить это дело, но непрекращающиеся усилия чумазого «висельника» вдохновляли на продолжение.

Если тот так страстно желает отсюда выбраться, скорее всего, дело того стоит.

Рок продолжал елозить пластиком по древесине, морщась из-за негативных ощущений и сильно подозревая, что все не так просто. Где-то за стенами то и дело различались звуки, свидетельствующие о наличии поблизости других людей, в том числе общающихся безмятежным тоном. Непохоже, что они тоже скованы, а вот на тех, которые с пойманными новичками нехорошее устраивают, очень даже похожи. То есть, освободив руки, он рискует еще раз схлопотать по голове, после чего его, возможно, тоже разместят под потолком с довеском из мешка дерьма на ногах.

Перспектива так себе.

Неплохо бы перекинуться парой слов с чумазым, но у того в рот

засунута деревяшка, зафиксированная бинтом, столь же грязным, как и все остальное на этом уродливом трубочисте, а такое неудобство не способствует общительности.

— Да тебя эти фашисты любят еще меньше, чем меня, — негромко высказался Рок, без прежнего энтузиазма пытаюсь разделаться с пластиковыми оковами.

Коллега по несчастью моментально перестал совершать сложные телодвижения, вместо этого уставился на Рока возбужденно и что-то промышчал.

Не поняв ни буквы, тот решил, что и понимать тут нечего, после чего ответил, как ему показалось, в тему:

— Ну да, это заметно, посмотри, как я хорошо сижу и как ты сушишься. А чего это ты такой неаккуратный? Тебя, когда принимали, в сортир, случайно, не окунали? Очень похоже.

Выслушав короткий монолог Рока, пленник возбудился пуще прежнего. Замычал с неистовой силой, засверкал глазами так, что того и гляди перед взором все задымится, после чего неожиданно обмяк, а в поле зрения неожиданно возник полупрозрачный прямоугольник с плохо различимым текстом:

Няша предлагает вам вступить в ее отряд. Распределение добычи: свободное. Акустическая или внятно мысленная команда «Вступить/отклонить».

Несколько секунд Рок свыкался с новой информацией — до сей поры ему такое предложение читать не доводилось. Затем до него начали доходить некоторые вещи, это заставило взглянуться в подвешенного узника пристально, получив информационную панель:

Объект — иммунный, гуманность — низкая отрицательная, прозвище-идентификатор — Няша, не вооружена, умения Континента не выявлены.

Осознав в большей степени или даже полностью смысл и подноготную происходящего, Рок приглушенно рассмеялся, едва удержавшись от того, чтобы во всю мощь глотки не заржать молодым задорным жеребцом, узревшим симпатичную кобылу.

Да уж, ситуация того стоила.

Первое, что заслуживает интереса со стороны чувства юмора, это факт

того, что коллега по пленению вовсе не парень со странноватыми наклонностями, а донельзя замызганная бабища, давненько и конкретно забившая на уход за фигурой. Такую кривоватую во всех отношениях хрюшу даже женщиной язык не повернется назвать, а уж девушкой — чур меня. И это несмотря на то, что в свете новой информации полускрытые в лохмотьях и грязи ноги выглядели очень даже ничего.

Неожиданно для себя Рок осознал, что эта часть женского тела для него особенно важна. Раньше он как-то не успевал задуматься о глубинной составляющей таких материй, смертоубийственная обстановка вносила коррективы в мыслительный процесс, вместо любования прекрасным непрерывно выискивал взглядом шансы на спасение и размышлял над странностями бытия.

В общем, ноги у Няши выглядят как-то не так, они совершенно не гармонируют со всем остальным. Как будто эти стройные штучки оторвали от эталонной фотомодели и по необъяснимой ошибке присобачили к туше, которая обязана ковылять кавалерийской походкой на двух половинках увесистого бублика (отягощенного застарелым целлюлитом).

Ноги — это прекрасно, но к ним надо бы добавить все остальное, желательно такое же стройное. С последним выше бедер все предельно плохо, фигуру, копирующую габаритами и формой раздувшуюся бочку, для усиления эффекта обмотали каким-то тряпьем и изрядно испачкали. Даже если эта особа перестанет корежиться и скинет тошнотворно выглядящее одеяние, вряд ли под ним обнаружится тело Афродиты.

Это к тому, что прозвище Няша для такого пугала — откровенное издевательство.

Рок и сам не понимал, откуда в его голове вовремя берутся знания, о которых он миг назад не подозревал, все же амнезия — непостижимая вещь. Вот и сейчас мозг четко подсказал, что няши в таком контексте — это далеко не обязательно классически-красивые, но непременно крайне милые девочки, на которых хочется смотреть и смотреть, глазам от этого приятно, а сердцу (и некоторым другим органам) тепло.

При взгляде на подвешенную грязнулю хотелось стать слепым, сердце начинало корчиться в рвотных позывах, хотя прежде это являлось привилегией исключительно желудка.

В общем, с «соседкой по камере» Року не повезло, несмотря на заманчивое прозвище. Но это касается лишь внешних данных, а ради них можно закрыть глаза на что угодно, хоть на сотрудничество с самым уродливым крокодилом-людоедом.

И потому перестал раздумывать, негромко и четко произнес:

— Вступить.

Надпись-приглашение погасла, и на этом все закончилось — более ничего не произошло. Подозревая, что упустил нечто важное, Рок уставился на грязную бабищу, она в ответ уставилась на него, причем взгляд ее уже не поджигал, а испепелял до атомарной пыли.

— Ну и что там у нас дальше, Няша с Уралмаша?

Та, поглядывая крайне недоброжелательно, начала корчить и без того скверно выглядевшую физиономию. Очень похоже, что пытается избавиться от кляпа или хотя бы произнести из-под него пару слов ругательного характера. Рок уже почти не сомневался, что в чем-то перед ней накосячил и даже подозревал, в чем именно.

Он как-то неправильно принял ее приглашение или что-то в нем недопонял.

Няша тем временем напрягла мышцы лица с такой лютой дурью, что подсохшая корка грязи на нем пошла волнами, от нее посыпались куски разного размера, обнажая не очень-то чистую кожу, которой для полноты антуража не хватало только матерой щетины и небрежно набитых татуировок нулевой художественной ценности.

Да уж, если здесь таких образин принято называть няшами, Року в таком месте делать совершенно нечего.

Кривляния грязной рожицы не прошли даром — послышался неприятный, намекающий на нехорошее, прерывистый хруст, после чего из-под повязки вывалился добротно надкушенный деревянный кляп, обильно смоченный кровью, щедро закапавшей следом. Пытаясь сплюнуть, Няша запачкала багровым и без того скверно выглядевший бинт и, булькая заполнявшей ее рот жидкостью неприятного происхождения, с мукой и яростью прохрипела:

— Придурок, да я из-за тебя без половины зубов осталась!

— Да хоть все выплюнь, я здесь не приделах, — не задумываясь, ответил на наглый наезд Рок.

— Нормально отвечай, придурок! Бегом, пока эти уроды не услышали!

— А чем я сейчас ненормально ответил?

— Блин, да заткнись ты уже!

— Мужем своим, сифилитиком, командуй.

— Придурок, ты совсем, что ли, больной?! А... новенький, — чуть смягчилась бабища, еще раз с болезненным всхлипом сплюнув прямо через болтающийся под носом бинт, после чего по доскам пола прокатилось что-то мелкое и твердое. — Ну и на сколько удачу поднять успел?

Рок, припомнив информацию последнего возрождения, не счел

нужным ее скрывать, по его мнению, она ничего не стоила — хотя у местных знающих поголовная мания ею интересоваться, они, похоже, делают это без практического интереса, просто любопытство тешат.

— Двадцать восемь.

Няша дернулась, от ее щеки и скулы при этом отвалился приличный пласт грязи, после чего лицо стало если не человеческим, то хотя бы не пересаженным от покусанного шершнями бегемота.

— Блин, да я в тебе не ошиблась, ты и правда придурок редкой породы. Ладно, проехали, сейчас не до лирики. Ты хотя бы чат видишь или тупой и слепой?

То, что эта безобразно запущенная хрюша знает такие слова, как «лирика», Рока слегка удивило, а ее вопрос откровенно обескуражил. Что такое чат, он представлял — раз говорят о видении, значит, подразумевают зрение, а не слух. То есть это система обмена графическими посланиями.

Ничего подобного он не наблюдал, о чем и сообщил:

— Нет тут никаких чатов. Видел только, как Няша в свой отряд приглашала. Встречал я разных няш, но такую печальную — впервые вижу. Сама, наверное, погоняло придумала? Типа — самокритичное чувство юмора? Смотрю, ты бабища веселая, но фантазия у тебя нездоровая. Ты почему коровой не назвалась?

— Заткнись уже, придурок тупой! Блин, ну вот почему мне все время так не везет, на нулевого нарваться, да еще такого запущенного... Блин! Блин! Блин! Ну ладно, давай попробуем так — вызывай меню. Просто произнеси вслух: «Меню».

— Я в курсе.

— О! Да у нас тут прогресс, наш придурок, оказывается, знает азы для самых запущенных дебилов, — притворно обрадовалась в край обнаглевшая бабища, не забывая то и дело сплевывать кровь и потерянные в сражении с кляпом зубы. — Раскладывать меню умеешь? В смысле — настроил его?

— Чего?

— Эх, не повезло, оказывается, дальше наш придурок не продвинулся. Бегом вызвал «меню» и потом приказал «чаты». После этого прикажи окну чатов переползти вниз в любой угол, там увидишь мигающий чат «Няша — Ноль». Ноль — это у нас, конечно, ты, а я Няша, вот мы и познакомились нормально, век бы тебя, придурка тупого, не видеть. Убери все лишнее, оставь только его. Потом читай, что пишу, и сам печатай мысленно и отправляй. Там элементарно даже такой придурок, как ты, разберется. Ну? Чего вытаращился? Таких красивых никогда не видел? А ну бегом залез в

чат!

— Тебе он нужен, ты и залезай, — равнодушно буркнул Рок.

Возбужденная неопрятная особа начала доставать своим хамством до такой степени, что пробудилось желание жестоко разобраться с ее последними зубами. И это при том, что Рок не видел ничего приятного в применении рукоприкладства против женщин.

— Ну блин, ну почему мне везет на разных идиотов!.. — чуть не взвыла Няша, на последней ноте сильнее прежнего забулькав кровью и даже закашлявшись. — Умереть сильно хочется, да?!

— Хочу — живу, хочу — помираю, разрешения у разных клуш не спрашиваю. Поищи себе другого придурка, раз тебе так нужно.

— Сказал бы уже сразу, что совсем тупой, что чат для тебя — все равно что квадратура круга для шимпанзе, — продолжая давиться кровью, натужно выдавала Няша и, сжимая уцелевшие зубы, продолжила: — Ладно, фиг с тобой, с придурком неграмотным, но нам надо как-то выбираться, а это можно сделать и без чата. Вперед тебе хода нет, но эти дебилы не учли, что вдоль доски ты можешь переползти назад. Оглянись, видишь диск? Пилу, которая к доске почти прикасается? Попробуй до нее добраться.

— Думаешь, ты тут одна такая умная?

— А что тут думать, если так оно и есть.

— Ну ты и отжигаешь, спасибо, тонконогая, повеселила. Слышь, курица ты немытая, да я эту тему с ходу просек. Мне отсюда виднее, да и мозгов у меня побольше, что бы ты себе ни вообразила. Там как ни крутись, а хомутом до пилы не достать, так что отвянь, не смей людей своей тупостью.

— Придурок, кто тут говорил о хомуте? Руку пилы, запястьем должен достать.

— Чего?!

— Я говорю, пили кисть. По суставу ее отпили, так гораздо легче. Постарайся запястьем дотянуться, потому что предплечье или локоть перепилить тяжелее. Это пару минут займет, как только освободишься...

— Да пошла ты в зад, извращенка тупая! Башку себе отпили, все равно она тебе не нужна.

— Блин! Быстрее ты! Это хоть какой-то шанс! Давай! Делай, тебе говорю! Давай же!

— Повторить, куда тебе нужно сходить?

— Уже не надо, — севшим голосом, обмякнув в путах, обреченно ответила Няша. — Много разговариваем, услышал кто-то. Доболтался ты, придурок.

— А чего сразу я доболтался?

— Потому что в чате надо было это делать, по-тихому, а теперь все — приехали...

— И куда же мы приехали?

— Куда-куда... Тебя, скорее всего, по-быстрому прибьют, а меня перед этим изнасилуют. Такая вот развлекательная программа у этих придурков.

— Да что ты говоришь?! — Рок, резко оживившись, не сумел скрыть искреннюю радость. — Да оказывается, кое-кто здесь знает толк в веселье, и это лучшая новость за все время. То есть тебя тут натурально трахнут и ты даже деньги не заплатишь за такую радость? Да я уже почти уважаю этих ребят. Ты знаешь, чтобы на такое посмотреть, я и пару раз помереть готов, и даже руку пожму тому герою, который это сделает. Блин, да я автограф у него буду выпрашивать, это же нереально смелый чувак, я бы не смог, я бы, если на выбор, лучше мешок с говном поймел, чем тебя. Кстати, насчет мешков — один тут есть.

Няша, вроде как уже в третий раз за недолгую беседу заметно изменив голос, покачала головой и с усталой безнадежностью почти приятным тоном произнесла:

— Ты, придурок, не просто тупой, ты еще и слепой...

Глава 11

Жизнь четвертая. Нескучные люди

Местность, прилегающая к импровизированной тюрьме, Року не понравилась. И дело здесь вовсе не в отсутствии красот, ведь последних при желании чуть ли не где угодно можно высмотреть немало — дело исключительно в нехорошем поведении тех дегенератов, которые вытаскивали его наружу. Уродов было четверо, по парочке на каждого узника, и в процессе волочения они ничуть не заботились об удобстве подопечных и даже, более того, усугубляли ситуацию щедро раздаваемыми пинками и зуботычинами.

Причем, как и положено последним мразям, рукоприкладство проявляли исключительно в отношении Рока, напрочь игнорируя Няшу, несмотря на то что вздорная бабища не забыла их поприветствовать, неожиданно тонким для такой клуши голосом употребив свое любимое слово «придурки», после чего ради усиления эффекта добавила к нему «недоумков» и озвучила подозрения о постыдных особенностях их интимной жизни. Обидные слова, такое спускать не принято, но нет же, даже пальцем трогать не стали.

Мать их... джентльмены выискались.

Ну улице ждал пятый — такой же убогий ублюдок, как и остальные, одетый так же полувоенно — зелено-пятнистое плюс грубая кожа. И при оружии, естественно. Также в округе присутствовали другие люди — Рок заметил ту самую бронемашину, встреча с которой не привела ни к чему хорошему, она неспешно и удивительно тихо для такой техники выкруливалась с загроможденной штабелями разнообразной древесины площадки. Выбравшись из тесноты, взревела бодрее и в несколько секунд скрылась среди деревьев густого, заросшего кустарником леса. Узкую дорогу, которая углублялась в него, впору было назвать кабаньей тропой.

Этот лес, кстати, со всех сторон сдавливал очищенный от растительности квадрат площадью не больше полгектара. Рок, малость набравшись опыта, счел место слишком опасным — зомби и твари, из них вырастающие, могут подобраться незамеченными, что чревато нехорошими последствиями. Похоже, здешние ребятки придерживались схожего мнения, следов того, что они всерьез обживают, не наблюдалось. Ситуация походила на ту, что они просто мимоходом заехали на эту помесь

склада с деревообрабатывающей мастерской с непонятной целью, планируя убраться в скором времени.

Пленители выглядели серьезными людьми — все в разной степени крепкие, волчьи взгляды много чего повидавших людей, одежда специфическая, оружие явно не напрокат для пострелушек по пустым пивным банкам взято. Сомнительно, что они забрались сюда исключительно ради того, чтобы попинать Рока и без взаимного согласия отлюбить дико вздорную и еще более грязную бабенку неопределенного возраста — слишком мелковаты цели для такой команды. Тут явно что-то другое.

Зачем вообще ломать голову над такими вопросами в то время, когда тебя тащат мимо штабелей бруса, не забывая то и дело простукивать ноющие от неласкового обращения ребра? Затем, что это — информация, а ее очень не хватает.

Присевший на стопку досок мужик выглядел покруче всех прочих. И это при том, что ростом не удался, видок заметно потасканный, серьезного оружия при нем не наблюдается, лишь пистолет в поясной кобуре и нож в почти полностью расстегнутой разгрузке. Лицо сухое, навечно застывшее в выражении настороженной ненависти ко всему живому и мертвому, глаза скрыты за узкой полоской странного вида темных очков, упирающихся в край черной банданы.

Рок сразу понял, что пинки раздают рядовые быки, а это сидит их бригадир, и именно он будет решать, кого здесь валить без базара, а кому назначать интим без взаимного согласия. Очень плохо, что глаза не видать под стеклами или пластиком очков, по ним можно попытаться что-то прояснить по этим вопросам, в мрачное предсказание какой-то косорылой Няши верить не хотелось.

То есть не хотелось верить в ту половину предсказания, которая касалась участи Рока.

Ну-ка, что про этого кадра скажет «пристальный взгляд»:

Объект — иммунный, гуманность — высокая отрицательная, не идентифицирован, вооружение: пистолет СР-1, нож, умения Континента не выявлены.

Что интересно, до сего момента Рок даже не подозревал о существовании пистолета с таким названием, но некто неизвестный, отвечающий за эти надписи, решил, что для такой порции информации вполне достаточно даже одного дилетантского взгляда.

— А ну стоять! — скомандовал один из «быков», грубо одернув Рока за плечо. — Замер и лапы по швам сложил, а то поломаю.

Высказав угрозу, этот неполноценный скот отошел шага на три, чуть обернулся, держа оружие на изготовку — контролировал пленников. И это при том, что остальные даже не прикасались к своим автоматам: двое молча разбрелись по сторонам, подперли спинами штабели бруса и держались расслабленно, один остался позади Няши, заломив ее руки, и сверху вниз сверлил макушку низкорослой самки свиньи столь сальным взглядом, будто перед ним дива невиданной красоты.

«Босс» молчал несколько секунд, затем очень неспешно достал из отделения разгрузки мятую пачку, поковырялся в ней, извлек сигарету, закинул в рот, после чего решил побаловать публику недорогим фокусом от печального клоуна — прикурил от указательного пальца. Выпустил струю дыма, который даже на расстоянии пяти шагов показался донельзя удушливым, беззлобно-равнодушно спросил:

— Что здесь делает это мясо?

«Бык», нервирующий Рока нацеленным автоматом, ответил развязным тоном:

— Глобус, этот нулевой Хасану по пути подвернулся. Ему лотерейщик на копчик присел, они проезжали мимо, распотрошили, ну и этого заодно прихватил. Крепкий, по башке прикладом угостил, а ему хоть бы хны.

— Ага, мозгов нет, таким жить легче. Зачем он здесь такой нужен?

— А что с ним делать? Выбрасывать? Здоровый бугай, его на ферму загнать, польза будет.

— И кто его туда повезет? Я, что ли? И зачем оно мне надо? Ехать не ближний свет, а глаза у этого парнишки нехорошие. Хитрый больно, с такими вечно проблемы нарисовываются, а я проблемы не люблю.

Рок понимал далеко не все, но ход диалога ему не нравился. Говорили определенно о нем, причем в таком духе, будто пара домохозяек обсуждает кулинарные перспективы замороженной курицы. А это очередной нехороший звоночек, прямо указывающий на то, что он здесь никто, считаться с ним не собираются, все слова, которые заготовил на случай диалога, бессмысленны.

С замороженными мясопродуктами общаться не принято.

Тем временем Глобусу надоело обсуждать Рока. Медленно поднявшись, он так же неторопливо приблизился к Няше. Дневной свет не очень-то скрасил донельзя печальную внешность бесформенной коротышки, зато выявил неожиданные детали. Неприятная, откровенно противоестественная грузность туловища объяснялась тем, что оно было

облачено в причудливое дутое одеяние, из которого торчали лоскутки, соломинки и даже веточки с пожухлой листвой. По большей части все это скорее угадывалось, чем виделось — на тряпье засохли чуть ли не тонны хреново выглядевшей прилипчивой грязищи. Очень похоже на маскировочный костюм, но твердой уверенности в этом нет. Рок не помнил, где видел похожие, но откуда-то знал, что такие используют охотники и военные. Там вроде как обычно ограничиваются простенькой накидкой, а здесь что-то явно более замысловатое. Ну да какая разница, в других областях подобные штуки вряд ли найдут применение.

Значит, с Няшей не все настолько уж печально, она, по крайней мере, не до такой степени разжиревшая, как показалось изначально. Да и с лицом интересные вещи выяснились, очень уж неестественно оно испачкано, похоже, имеет место вручную нанесенный грубый узор, выполненный радикально черной краской и дополненный беспорядочно присохшей грязью. Хорошо бы эту особу отмыть из брандспойта, зашить уродливую рваную рану, криво рассекавшую лицо от виска до подбородка, расчесать пропитанный хрен знает чем колтун на голове, и глядишь, в результате хотя бы дети пугаться перестанут — тетка как тетка, серая и скучная, таких миллионы.

В отличие от Рока, Няше не позволили стоять самостоятельно, один из рядовых «быков» так и держал ее за вывернутые руки. Даже обидно стало, почему эту вонючую лахудру опасаются, а его ни во что не ставят. Запястья немытой хамки так и стянуты пластиком, она при всем желании не сумеет серьезно набедокурить, но нет же — даже относительную свободу ей не предоставляют.

Над всем этим Рок раздумывал краем сознания, основное внимание уделяя главной задаче — пытался настроить меню по невнятной инструкции Няши. Он сильно подозревал, что его ближайшее будущее напрочь лишено радужных перспектив, а поправить это или хотя бы что-то прояснить здесь может лишь один человек.

Пожалуй, зря Рок с этой свинкой с ходу поцапался, надо было простить ей все заскоки, зря время потерял, и далеко не факт, что сейчас получится что-то навестать.

Глобус тем временем, подышав в физиономию насупившейся пленницы смрадным дымом, сочно сплюнул ей под ноги и с деланным участием произнес:

— Няшенька, прелесть моя, у тебя ведь личико грязное. Деточка, ты об этом не знала, наверное? Ну да ничего, для такой красавицы воду мы найдем, а если будешь хорошо себя вести, вода будет нехолодной. — Чем

дальше, тем голос громилы наполнялся нехорошими нотками. — Будешь хорошей или прямо сейчас начать тебя обламывать? Ну? Чего примолкла? Застеснялась, милая ты наша? А, ну да, как же я мог забыть, и правда скромничаешь, ведь ты у нас последняя целка Континента. Уж прости, родная, совсем из головы вылетело.

Вот тут Няша смолчать не сумела:

— Ну да, все верно, ты же у нас был предпоследней.

Ее слова показались рядовому составу настолько забавными, что он заржал, будто табун в высшей степени жизнерадостных коней.

А вот Глобус ржать не стал, а наоборот — помрачнел и невероятно быстрым движением отвесил Няше сочную оплеуху, после которой из ее и без того пострадавшего рта вылетели брызги крови, попав в том числе на плечо Рока, из-за чего тот поморщился. Пленница от удара едва не завалилась, устояв на ногах лишь благодаря продолжавшему ее удерживать бандиту.

На этом вспышка гнева иссякла бесследно, Глобус продолжил с прежним благодушием:

— Еще раз меня прости, что-то я сегодня сильно нервный. Понимаешь, Няша, настроение ни к черту, кадровый вопрос мне душу гложет. Ну вот зачем? Не надо было так поступать с моими ребятами, ой не надо. И какого ты вообще полезла в тот коллектор? Только выпачкалась, выглядишь, как чучело, а толку никакого. Сюда, между прочим, Ромео торопится, вот как я ему тебя такую страшную покажу? Ты об этом не подумала?

— Ну так зачем вообще за мной полезли... — Няша, чуток наученная оплеухой, ответила без прежней дерзости, но все равно крайне недружелюбно.

А голос у нее не такой уж пропитый, как показалось изначально. Видимо, с речевым аппаратом проблема, что неудивительно, если вспомнить тот кляп, потерянные зубы, да и рана в том числе губу рассекла, заметно, что половина рта скверно работает. Возможно, влияют и другие факторы, заметно, что звуки ненормально искажены.

Да уж, Рок, похоже, малость обманулся с этой женщиной, не все так очевидно, как показалось в начале сумбурного знакомства. Но отмыть ее и правда не помешает, в этом нельзя не согласиться с Глобусом.

А тот все тем же тоном человека, только что добившегося выдающихся результатов, чему он сильно рад, продолжил:

— Понимаешь, Ромео очень сильно хочет с тобой увидеться. Очень. А если Ромео чего-то хочет, он хорошо за такое платит. А тебя он хочет

сильно, сама прекрасно понимаешь. Нет, ты даже не представляешь, насколько сильно. Час назад мы с горочки дотянулись до него по рации, теперь он торопится сюда. Милый твой в нетерпении диком, спешит, удила закусив, привет тебе передавал. Не хочешь ему что-нибудь в ответ передать? Ребята поехали, могу им вслед по трубе сообщение скинуть. Ну так как, любимого приласкать хочешь?

— Скажи, чтобы он потерял свой труп где-нибудь по дороге.

— Няша-Няша, хорошая ты, но желчи в тебе многовато, учить такую не переучить. Ну да это не наше дело, Ромео займется, он известный спец, когда надо таким ершистым колочки обломать. Так что ты давай готовься, Ромео — это тебе не абы кто. Он, кстати, просил передать, что его любовь к тебе будет как фильм «Девять с половиной недель» — столько же разнообразной эротики и такая же длинная. Сплошная романтика.

— Передай ему, что его любовь была, есть и будет фильмом «Один дома». — На пространные разглагольствования собеседника Няша ответила не задумываясь.

Высказалась достойно, всем понравилось, даже Глобус заржал наряду с рядовым составом — искренне и беззлобно, потому что слова пленницы лично его не задевали.

— Неглупая ты, и язычок остренький, — одобрительно заявил он, отсмеявшись. — Люблю таких. Жаль, что для Ромео ты — вопрос принципа, а он у нас принципиальный. Будь иначе, я бы ради тебя и сам расстарался. Впрочем... Послушай, милая, его «Девять с половиной недель» на всю жизнь не затянутся, может, после мы с тобой что-нибудь замутим? Ох и взгляд у тебя, от такого прям в дрожь бросает, будь я копной сена, уже бы давно загорелся. Тебе помягче с людьми надо быть, Няша, особенно с такими, как я. С нами дружить выгодно, а женская дружба должна быть обязательно ласковой, ты, дурочка смешная, хотя бы это понимаешь? Ну так что? Есть у нас с тобой перспективы? Подружимся?

— Никаких перспектив не будет, но ты можешь посмотреть «Один дома» после Ромео, если он фильм не сильно затаскает.

— Не смешно, Няша. Хорошая шутка тем хороша, что она не повторяется.

Няше сейчас не было дела до выдумывания остроумных шуток — другое занятие нашла. Это Рок, мысленно сто раз прокляв систему управления чатами, наконец отыскал нужный, мигающий, и даже сумел относительно удобно его расположить, дабы не мешал обзору.

Проигнорировав устаревшие сообщения пленницы, главным образом состоявшие из междометий, восклицательных знаков и одного обидного

слова, он, наскоро разобравшись с методикой ввода, кое-как сумел напечатать короткое послание:

«Давай хотя бы на время перестанем друг на друга гавкать. С этими уродами надо что-то решать. Есть идеи?»

Ответ последовал незамедлительно, что Рока поразило — ему бы пришлось с минуту такой выстукивать по букве на виртуальной клавиатуре:

«Помнишь, что я тебе говорила? Ты им даром не нужен, потому что новичок, много за твои кишки не дадут, а тащить тебя на ферму им не по дороге. Просто завалят, и все. Если хочешь жить, придется рискнуть. Для начала освободи руки, а там видно будет. И ради всего святого, не забывай смотреть в чат! Активируй на нем в конце иконку „звончок“, пусть выделится зеленым, тогда он будет звякать каждый раз, как только тебе приходит сообщение. Никто, кроме тебя, не будет их слышать».

Рок старался изо всех сил, но по скорости отправки данных все равно бесконечно проигрывал, на лаконичный ответ ушло не меньше половины минуты:

«Я не Гудини, я не знаю, как освободиться».

И опять ждать и пяти секунд не пришлось.

«Скажи Глобусу, что ты был знаком с его отцом и матерью».

«И что с этого?»

«Ты совсем тупой?! Ну что тут непонятного! Скажи что-нибудь плохое про родителей его. Ну там мама-проститутка, папа кастрированный гей, и про сестру тоже что-нибудь скажи».

«Да он меня прямо тут убьет».

«Ну да, убьет, конечно, — охотно согласилась Няша. — Но сперва развяжет. Глобус любит убивать голыми руками, как бы по-честному. Берегись ударов ребром ладони, может голову тебе отрубить».

«Ты сейчас пошутила?!»

«Мне что, делать нечего, чтобы с придурком шутить? Давай шевелись, пока машина не вернулась. Там еще пятеро, столько мы никак не потянем».

Слова Няши выглядели бредово, пахивая откровенной подставой. Нелицеприятно высказываться про чужих предков — это почти всегда рискованное занятие, а когда речь идет о человеке, ребром ладони способном сносить головы... Если бы не твердая уверенность, что Рок жив лишь потому, что им не успели вплотную заняться, он бы даже не подумал подписываться на такую авантюру, но сейчас другое дело.

Да и какие у него варианты?

Хорошо бы обдумать ситуацию, но где же взять время...

«Как только пистолет окажется у тебя, первым вали Глобуса, потом остальных. Того, который у меня за спиной, не трогай, с ним я сама разберусь».

Последние слова Няши были под стать предыдущим. Что за пистолет? Каким образом он окажется у Рока? О чем вообще речь? Она ведь вообще ничего не объясняет, просто озвучивает то, что, по ее мнению, должно произойти в ближайшем будущем.

Нет, в успех совместного мероприятия с этой бабищей не верится совершенно. Определенно ближайшее будущее окажется невеселым.

Для Рока не веселым.

Но делать нечего, позволив главарю банды закончить отповедь про несмешной дубль шутки, с максимальной серьезностью и морально готовясь к жестоким гонениям, произнес:

— Глобус, а я ведь твоего отца знал.

Медленно обернувшись, тот односложно-безграмотно спросил:

— Че?

— Говорю, отца твоего знал.

— И че?

— Да ниче. Его все глиномесы на районе драли по два раза в день и твою одноглазую мамочку заодно. — Видя, что голову до сих пор не попытались оторвать, Рок высказывался все бодрее и бодрее, хотя перед собой мысленно признавался, что юмор получается так себе — почти никакой. — Твои предки у нас популярные были, к ним даже издалека

пацаны приходили и прям под моим окном интим устраивали. Эти извращенцы всю малину вытоптали, землю на метр вглубь утрамбовали. А еще там сестру твою потягивали с трех сторон. Но это у них редко случалось, ты уж прости за правду, но она реально страшная, даже страшнее Няши.

Странно, но Глобус в ответ улыбнулся почти дружелюбно, будто выслушал и правда забавную шутку, а не тягчайшее оскорбление своей семьи. Покачал головой, с кривой улыбкой проговорил:

— Ребята, да у нас тут клоун завелся. Может, похлопаем ему?

— Лучше завали его, сам ведь просится, можно и уважить, — лениво ответил один из подпиравших штабель бруса громил.

— Вообще-то мы тут клоунов не любим, — с деланным сочувствием прокомментировал заявление сообщника Глобус.

— Это потому, что смешного в вашей насквозь трахнутой жизни было мало, — ответил на это Рок. — Точно не знаю, но, похоже, всю твою семейку сифилитики потягивали утром и вечером, а к этим твоим дебилам строго днем заглядывали, по ним заметно, что в такое время привыкли рачком стоять.

— А ведь мог бы еще пожить маленько, умных людей послушать, — вздохнув, произнес Глобус и потянулся за пистолетом.

Вот ведь черт, Няша убежденно намекала на жесткую рукопашную, а тут намечается перестрелка. Ну, сука немытая, ну подставила! Правильно люди говорят — все беды от баб!

Глобус вытащил пистолет, затем нож, после чего положил и то и другое на доски, которые до начала разговора служили ему скамьей, довольно осклабился и без угрозы заявил:

— Где-то в скрытых характеристиках у нас должна быть занята рукопашная. Там капля капнет, там другая, глядишь, и прокачается. Ты, нулевой, сейчас меня чуток прокачаешь, хоть какая-то польза от тебя.

Приблизившись, Глобус ухватил Рока за плечо, легко развернул, после чего, похоже, коснулся пластика хомута. Рок внезапно ощутил жар на немеющих запястьях, затем резко заболело, будто к коже приложили раскаленную сигарету. Рывок, и руки ощутили свободу, а подаривший ее человек, неспешно удалившись на несколько шагов, объяснил то, как видит развитие ситуации:

— Даю тебе право разок мне врезать. Почетное право. Мешать не стану, бей спокойно. Потом моя очередь, а твоей уже не будет, потому что мой удар тебе, нулевка, не выдержать. Давай действуй, не тяни резину, тебе это не поможет.

С этими словами Глобус картинно подставил щеку и указал на нее пальцем, чтобы было понятно, куда именно следует бить.

А Рок не торопился. Наблюдая за противником, он начал понимать, что если Няша и преувеличивала, то несущественно. Глобус при первоначально показавшейся несерьезной фигуре и правда боец не из последних. Это выдавало каждое движение, каждый взгляд и даже что-то необъяснимое, непонятно как ощущаемое, что-то вроде смертоносной ауры, грозящей капитальными увечьями всем, кто оказался в радиусе ее действия.

С настолько опасными личностями Рок до сих пор не сталкивался, потому как шрамы у него футбольные, а не от тяжелых телесных повреждений агрессивно-насильственного характера. Нет сомнений, что подаренным противником ударом он ничего не добьется, а вот ответ заставит конкретно пожалеть о том, что связался с грязной провокаторшей.

Глядишь, без этого мог помереть легко, а сейчас, после всех этих анекдотически убогих оскорблений и прочего, вряд ли Глобус откажет себе в удовольствии затянуть муки обнаглевшего пленника подольше.

— Ну давай, что ты как девочка, не стесняйся. — Самодовольный ублюдок еще раз указал на подставленную щеку, прищуриваясь так сладко, будто готовился к неслыханному удовольствию.

И, возможно, готовился он не зря.

Рок наконец осознал, что последнюю пару минут его достают назойливые короткие позвякивания. По наитию, а не благодаря разумному осмыслению опустив взгляд, он уткнулся в мигающую строку чата, где десятки раз на все лады было написано однотипное послание:

«Придурок! Жить расхотелось?! Хотя бы кивни, когда будешь готов! И успеи его поймать! Не забудь — Глобуса первым! Да бегом ты! Бегом!!!»

И Рок, не задумываясь, кивнул.

Ну а что тут еще делать прикажете?

Дальше события, до этого разворачивающиеся вальяжно-неспешно, понеслись со скоростью взбесившегося коня, которого ради дополнительного стимулирования облили горящим бензином.

Пистолет Глобуса, мирно лежавший на досках, вдруг полетел, будто ураганом сметенный. И надо же, в конце короткого пути уткнулся в четко подставленную ладонь, которую, надо признать. Рок успел сжать чудом, потому как не был готов к подобным фокусам, несмотря на сумбурные наставления Няши.

Такой пистолет он держал в руке впервые в жизни, но не увидел в нем принципиальных отличий от знакомого оружия, сумел без заминки снять с предохранителя, после чего потянул за спусковой крючок.

Первая пуля досталась стоявшему дальше всех противнику. Да, Рок помнил, что Няша требовала начинать с Глобуса, ну да пошла эта мутная клуша темным лесом, ведь не его сейчас бояться надо, этот самодовольный каратист сам себя без ствола оставил, а у шестерки автомат на изготовку — вооруженный противник определенно опаснее безоружных.

Успев увидеть, как пуля превращает нос и все, что находится за ним, в фонтанирующее кровью месиво, Рок, резво разворачиваясь, в процессе маневра выстрелил в голову Глобуса, после чего подошла очередь второго автоматчика. Тот стоял не на изготовку, но все равно опасен, ведь ухватиться за оружие — недолгое дело.

Глобус, кстати, упал как-то странно, будто и не упал вовсе, а пытается избежать продолжения обстрела. Подозревая плохое, Рок вновь начал поворачиваться, краем глаза увидев, что удерживающий Няшу противник лежит на земле с ненормально вывернутой шеей, не подавая признаков жизни, а сама она в невероятно эффектном, неожиданном для нее ловком и легком прыжке летит в сторону, где вот-вот врежется в еще одного автоматчика, не успевшего вскинуть свое оружие.

Крутая баба, оказывается.

Что было дальше, Рок не увидел — мир пропал в один миг, сменившись порядком осточертевшей тьмой. Ни боли, ни каких-либо других предвестников очередного посещения студенческого общежития — будто Смерть выключателем щелкнула.

Внимание, вы погибли. Потеряно 2 очка прогресса физической силы, 1 очко ловкости, 2 очка выносливости, 25 очков удачи, 1 очко Граней Таланта. Внимание! Вы умерли слишком быстро, данные боя еще не обработаны локацией. Старайтесь не умирать так быстро, это приводит к запаздыванию подсчета и начисления призов, а также может помешать сбору трофеев. До возрождения осталось 144 секунды.

Ну и что на этот раз? Как это он так быстро помереть ухитрился, что даже ничего не понял?

Хотя не все ли равно? Спасибо уже на том, что не мучился.

И кстати, пару этих уродов он точно грохнуть успел, видел, что попадал им точно в головы, сам удивился своей меткости. Лишь с Глобусом

вопрос не прояснил, ну да ему тоже должно было прилететь, ведь этот козел ближе всех стоял.

Ладно, пусть Рок подох в очередной раз, но зато сумел уйти красиво.

Глава 12

Жизнь пятая. Дураки встречаются по одежке

Новичок, вы вот-вот станете частью Континента. Вы возрождены на кластере 197-33-02. Регион — Западное Побережье. Текущее количество возрождений — 95 жизней (минус 4 от стартового). Текущие задания: выжить, искать, узнать тайное, помочь, задать правильный вопрос. Текущий статус — старт игры. До перезагрузки кластера осталось 96 секунд. Подсказка — некоторые ваши противники могут обладать разнообразными сверхъестественными способностями — особыми умениями Континента. Имейте это в виду, старайтесь избавляться от таких противников в первую очередь, они могут удивить вас неприятными сюрпризами.

И к чему эта подсказка? Складывается впечатление, что он в чем-то накосячил, но не имеет ни малейшего понятия — в чем именно.

Рок начал было открывать глаза, одновременно приподнимаясь на осточертевшей, как и все прочее, койке, как вдруг замер: по телу пробежала странная, до этого ни разу не ощущаемая приятная и одновременно пугающая дрожь, сам воздух в помещении сверкнул на кратчайший миг, и загорелась новая надпись:

Личная победа — иммунный Баклан уничтожен. Уровень — 29, гуманность — средняя отрицательная. Личная победа — иммунный Рельса уничтожен. Уровень — 41, гуманность высокая отрицательная. Отрядная победа — иммунный Дирижер уничтожен. Уровень — 37, гуманность средняя отрицательная. В ходе боя проявлена высокая скорость, меткость, ловкость и реакция. Получено 154 очка к прогрессу ловкости. Получено 39 очков к прогрессу скорости. Получено 172 очка к прогрессу меткости. Получено 33 очка к прогрессу реакции. Получено 282 единицы гуманности. Получена прибавка к уровню. Текущий уровень — один. Внимание! Вы впервые подняли уровень! Помните, что поднятие уровня дает вам дополнительные преимущества. Это был прекрасный бой, в качестве бонуса

получено 50 распределяемых очков основных характеристик. Поздравляем! Делайте великие свершения, это вознаграждается!

Опять непонятные новости, и опять под рукой нет никого, кто мог бы объяснить хотя бы четверть сути происходящего.

И кстати, может, раз уж пошли оригинальные известия, на этот раз и обстановка изменится?

Рок открыл глаза. Нет, чуда не случилось, одного взгляда (причем направленного вверх) хватило, чтобы разобраться — перед ним все та же общага, дальше нет смысла рассматривать. Вот что изменится, если надпись на пыльном стекле окажется приличной или цвет волос вечно сонного студента окажется другим, еще ни разу не использованным?

Да ровным счетом ничего.

Итак, он находится в вот уже пять раз проклятой общаге, которая располагается в городе, где очень скоро станет настолько весело, что для Рока это чересчур. Следовательно, придется в очередной раз понять, каким образом можно выбраться из очередной западни, после чего воплотить план на практике в условиях противодействия со стороны психов и, возможно, чудовищ.

В прошлый раз ему это удалось, он попал в непредвиденный переплет, уже успев удалиться от города километров на пятнадцать. Заодно обогатился новым опытом — здешние иммунные, много чего знающие люди, к которым он не прочь прибиться, могут оказаться теми еще вонючими козлицами, от которых помощи ноль, зато вреда целый вагон.

Как отличать нормальных от моральных уродов, он не знал, но зародилось одно логичное предположение. В информационном тексте по иммунным, помимо прочего, обязательно указывалась некая гуманность. Что это такое, Рок не понимал, но заметил, что у бандитов она поголовно отрицательная (как и у Няши), а вот у тех, кто ему помогал (пусть даже так откровенно отстойно, как это делал пропавший Слепень), к ней всегда добавляли приставку «положительная».

Короче — к отрицательным лучше не попадать. Возможно, это просто совпадение, но проверять такое на своей шкуре — увольте.

Поднявшись, Рок отреагировал на шевеление одеял очередного соседа-студента в угрожающей манере:

— Лежи дальше и помалкивай, я сегодня не в настроении с тобой болтать.

— А чем ты только что сверкал?

— Твоей надраенной задницей.

— Ты что несешь...

— Заткнись, было сказано!

Не хватало еще вновь затеять трепотню с каким-то цифрой, у которого всего один поведенческий алгоритм, да и тот ни на что не годный.

Грубое обращение сработало — никто не отвлек Рока от процесса облачения в легкое одеяние, предназначенное для периода поздней весны или ранней осени. Выйдя в коридор, он проигнорировал вопросы от взбужденного студенчества, живо интересовавшегося причинами отсутствия электричества и связи. Теперь-то он осознавал, что при их абсолютной схожести с нормальными людьми это всего лишь куклы со стандартизированным поведением. Они способны переключаться с одной программы на другую, но на этом все, и чем дальше, тем заметнее становится их примитивизм.

Погода на улице была мало того что пасмурной, еще и туман клубился по улицам. Возможно, и дым присутствовал, потому как ноздри раздражала какая-то смутно знакомая кислятина, наводившая на мысли о химическом выбросе или пожаре на вредном производстве.

Рок не успел удалиться от входа в общежитие и на полста шагов, как остановился, осознав, что круто сглупил, ведь понятия не имеет, куда идти дальше. Нужно срочно выловить очередного студента с планшетом: опыт последнего воскрешения показывал, что у такого может оказаться подробная карта, по которой получится определиться с выбором направления.

Обернувшись, не увидел поблизости перспективных молодых людей и решил подождать их возле общежития. Заодно, дабы время не терять, можно покопаться в меню, ведь, поспешно его настраивая по указанию Няши, он успел заметить немало любопытных с виду функций.

Кстати, как там поживает эта странноватая неряха? Может, что-то из ее непрочитанных последних слов сохранилось?

Рок на автопилоте активировал чаты и, увидев мигающую строку с прозвищем недавней знакомой, удивился двум вещам: беседа не закрылась после гибели, и, несмотря на поступающий вызов, не было сигнала оповещения.

Сообщений было три, все незамысловатые и не всегда понятные.

Как раз в духе Няши:

«Господи, ну и придурок же ты! Вообще мрак!»

«Я кому говорила, что первым надо упокоить Глобуса! И не

говори мне, что ты на этих племенных дебилах апнуться умудрился, это будет нечто!»

«Эй, придурок тупорылый, ну чего молчишь?! Стесняешься или писать разучился?!»

Хотелось высказать в ответ что-то эдакое, нехорошее и едкое, но Рок счел, что в сложившейся ситуации лучший выход — придерживаться джентльменского поведения, ведь, как ни крути, на данный момент Няша — его единственный контакт, который в состоянии помочь грамотно разобраться с происходящим.

Потому напечатал текст чуть ли не в благожелательной манере:

«С этой звякалкой какая-то фигня. Отключилась наглухо, я твои звонки не слышал».

«Ну а почему бы ей не отключиться, ты ведь придурок — все логично. Жми иконку левее чата, на гаечный ключ похожую. Это настройки. Поставь галочку „всегда предупреждать о входящих вызовах“. Ты где?»

«Где всегда, в какой-то обшарпанной общаге для умственно отсталых студентов».

«Всегда общага? А, ну да, ты же у нас полностью тупорылый, таким выбирать респ не доверяют. Насколько, ты говорил, удачу поднял?»

«Двадцать восемь».

«Блин, мне даже немножко тебя жаль, я таких дебилов-неудачников еще ни разу не встречала. Слышать, конечно, слышала, что всякие бывают, но вижу впервые».

«Тебе больше хамить некому? Только я во всем мире остался?»

«Если я тебе не нравлюсь, выйди из отряда, отключи чат и внеси меня в черный список. После такого придется сильно постараться, чтобы пересечься. Ну так что? Прощаемся,

придурок, или как?»

«Погоди с прощаниями, знать бы еще, как тут выходить из отряда и где этот черный список».

«Я так и думала, что ты отмазываться начнешь. В общем, так, придурок, у тебя проблема. Нет, у тебя, блин — проблемища. Тебя прикончили почти тридцать раз, и за все это время ты не смог поднять ничего, ни одну из характеристик. Получается, с набором очков прогресса у тебя все очень плохо, только лишь удача поднималась, а она вообще бестолковая. Обычно новенькие умирают от пяти до десяти раз, после чего начинают потихоньку соображать. Есть такие, которые при первом же возрождении умудряются не только характеристики брать, но и уровни. Есть совсем уж печальные кадры, таким и пятнадцати смертей бывает мало. Но ты у нас даже печальнее их, а сейчас, я так вижу, поднял уровень, поэтому теперь даже удача не будет расти, сколько ни умирай. Полный придурок, прокачался на мурах с нуля, кому такое расскажи, не поверят».

«Что за муры?»

«Те уроды, которых ты перестрелял, — муры. Их так называют, потому что... А, ладно, долго рассказывать, да и все равно не поймешь, слишком уж тупой. Ты сейчас где?»

«Говорю же, возле этой вонючей общаги».

«А общага где?»

«Где-где... Где-то в городе».

«Название улицы скажи, если ума хватит».

«Листопадная. А ты где?»

«Где надо. Значит, так, придурок, у тебя сейчас два пути. Первый — идешь сам, куда хочешь, делаешь то, что тебе интересно, а тебе интересно только тупость прокачивать. Значит, быстро отправляешься на респ и все повторяется снова и снова.

Второй путь — я попробую помочь тебе выбраться».

«В честь чего это?» — недоверчиво уточнил Рок.

«Ну, во-первых, там, на лесопилке, кое-какую помощь я от тебя получила. Жаль, конечно, что ты придурок тупоголовый, не занялся Глобусом в первую очередь, но спасибо и на том, что тех двоих упокоил. Кстати, для тупого нулевки — очень даже неплохая стрельба, они ведь не такие уж и отстойные, прокачаны нормально. В общем, кровь мы им испортили — сами слились, но троих за собой утянуть успели, и это с пустыми руками. Неплохо получилось, хотя могло быть и лучше, но что тут поделаешь, если судьба подкинула мне такого придурка. Во-вторых, как я уже говорила, мне тебя уже почти жалко. Двадцать восемь раз! Блин! Двадцать восемь!!! Ты чем здесь вообще страдал?! Мировой рекорд тупых сливов ставил?! Ну так хватит уже ерундой заниматься, счетчик не бесконечный!»

«А когда все девяносто девять израсходуются, что потом будет?»

«Понятия не имею, но будь уверен — ничего хорошего. Тут такой... такое... В общем, тут всегда все неприятно, исключений не бывает, так что не надо тратить жизни. Есть как бы суеверие, что мы должны отвечать за тех новичков, с которыми столкнулись, помогать им по возможности, это Механизм одобряет. Ну да я бы и так тебя не бросила. Ты без толку пропадешь, опять и опять будешь сливаться, тебя надо срочно отсюда вытащить и научить полезному. Ну так как — сам по себе будешь или со мной пойдешь?»

«Не думал, что такое тебе скажу, но ты умеешь уговаривать».

«Четко и ясно говори: да или нет».

«Да, нам лучше вместе держаться».

«Правильное решение, придурок, я — твой единственный шанс. Ты в начале или в конце улицы? Ну, в смысле — в западной или восточной части?»

«Без понятия».

«Срочно узнай у кого-нибудь, в какой стороне проспект Metallургов. Доберись до него по этой улице и жди меня на перекрестке. Все понял?»

«А что тут может быть непонятного?»

«Да кто же вас, придурков, знает...»

К счастью для колена, которое на этот раз начало побаливать еще на пороге комнаты общежития, до указанного Няшей перекрестка идти пришлось недолго — не больше полутора километров. Под конец искалеченный сустав начал нехорошо поскрипывать, столь нехороших звуков за ним в прежние разы не замечалось. Совсем плохи дела, как бы не рассыпался прямо сейчас, нарушив все планы.

Сомнительно, что Няша примется помогать одноногому инвалиду. Тихоходного калеку в этом сумасшедшем мире легче пристрелить, глядишь, при новом возрождении острота проблемы чуть сгладится.

Добравшись до пересечения улицы с широченным проспектом, Рок огляделся, заметил вывеску, убедился, что это именно то место, после чего начал высматривать Няшу. Он не считал большой сложностью для распознавания то, что никогда не видел ее лицо чистым, ведь всего-то и надо — высмотреть невысокую женщину бесформенного телосложения при ненормально аккуратных и тонких для грузной туши ножках.

Покрутив головой, убедился, что схожих уродин в поле зрения не наблюдается, похоже, он пришел первым. Чтобы убедиться в этом, напечатал в чате:

«Я на месте и Колобка на спичках тут не наблюдаю».

«Не поняла?! Что еще за Колобок на спичках?!»

«Колобок, он как бы шар, круглый такой, у него глаза есть, рот и все остальное, а спички — как бы его ноги, он на них ходит. Ты же круглая, как беременная камбала, а вот ноги ничего, их будто от симпатичной девахи пересадили. Ну так где ты?»

Ответ был предельно лаконичным:

«Камбала, говоришь? Ну-ну, жди, скоро буду. Готовься».

«Как готовиться? К чему».

«Увидишь к чему. Просто подожди. И глаза придержи».

«Зачем?»

«Вдруг выпадут».

«Куда?»

«Ты на чем сейчас стоишь?»

«На асфальте».

«Вот на него и выпадут, что тут непонятного? Все, не отвлекай меня, просто подожди».

И Рок принялся ждать.

Для начала устроился на никому не приглянувшейся лавочке и занялся настройкой меню. Благодаря сумбурному курсу обучения от Няши он теперь знал, что и как можно передвигать, но пока что не видел смысла ни в чем, за исключением чатов — их полезность была доказана последними событиями.

Побоявшись экспериментировать с остальным, оставил это дело в покое и принялся заниматься самым увлекательным, что было доступно в данной ситуации, — рассматриванием проходящих мимо девушек. Пусть и безликие цифры, но нельзя не признать, что разработчики не были лишены чувства прекрасного, слишком уж часто это проявлялось. Даже старушки хорошенько за семьдесят не всегда выглядели печально, а уж о молодых и говорить нечего — бесспорных уродин не заметил ни одной.

Заодно, дабы время тратить не только с удовольствием, но и с пользой, Рок попытался определиться со своими вкусовыми предпочтениями. Благодаря оживленности перекрестка надолго это исследование не затянулось. Он узнал, что ему весьма нравятся барышни не старше тридцати с хвостиком и не моложе младшего студенческого возраста, ростом повыше среднего, с длинными светлыми вьющимися волосами разных оттенков, тяжеловатыми в бедрах и талии. Нет, на сочных дам не тянуло, но и плоские худышки, повернутые на жестких диетах, пусть

дружно отправляются в лес, где их костями волки подавятся. Грудь, само собой, должна быть большой и упругой, не уступая в этом «кормовой части». Что до лица, интересовал исключительно европейский тип, а к нему желательно маленький аккуратный ротик с пухлыми, но ни в коем случае не чересчур раздутыми губками, широкие овальные глаза голубого или зеленого цвета под полукружьями на совесть выщипанных бровей и плавные черты, без всех этих острых скул и прочих угловатых неровностей.

Итак, что мы получаем, объединив запросы к внешности с требованиями к внутреннему наполнению? А получаем выражение лица мягкое, чувственное, возможно принадлежащее женщине недалекой, но знающей себе цену и твердо понимающей, что ей нужно от мужчин (причем последним, в лице Рока, должно требоваться то же самое, а не какое-нибудь чтение стихов Есенина под майской луной). То есть не какая-нибудь дура пучеглазая со стаей некормленных тараканов в звенящей от хронической пустоты башке, а расчетливая и похотливая особа, не пытающаяся строить из себя невесту что, перегружая мозг своего избранника всем, что щедро порождает ее тупость.

И да, длинные ухоженные ноги из-под короткой юбки или платья — это важно. А если при них обувь на высоком каблуке, это вообще чуть ли не идеал, за такое можно простить некоторые недостатки.

Итак, Рок в своих вкусах определился вплоть до раскраски и длины ногтей, а Няша так и не удосужилась появиться. Несмотря на нередкие встречные улыбки девушек, замечающих характерные взгляды Рока, становилось скучно и к тому же тревожно. Из города надо срочно сваливать, а он тут сидит, время теряет в ожидании свидания с крайне несимпатичной особой. Вдруг эта не следящая за языком пышка решила над ним пошутить и даже не думает сюда направляться?

И ведь никак не проверишь.

Сколько еще ему здесь выжидать? До начала нашествия изголодавшихся тварей?

И кстати, при всей определенности вкусов надо признать, что иногда он с симпатией провожает взглядом экземпляры, которые чуть ли не по всем пунктам не совпадают с идеалом. Некоторых из них это обстоятельство совершенно не портит, они выглядят так, что становится печально от мысли, что перед Роком всего лишь куклы, пусть и неотличимые от натуральных женщин.

Вон, например, одна из ярчайших представительниц таких исключений, если не сказать — самая яркая. Заметно пониже среднего роста; вместо пышности худоба хронического туберкулезника, живот

такой, что хоть доски по нему выравнивай, бока в талии чуть ли не слиплись друг с дружкой — хребет помешал их объединению. Кормы с такого ракурса не видать, а вот грудь должна просматриваться, но этого не происходит — взгляд выхватил лишь печальные намеки на нее, вряд ли хотя бы до третьего размера дотягивает, а Року подавай не ниже четвертого. То есть фигура вообще не блещет — тонкая до отвращения, при столь скромных габаритах в этой особе веса столько, что пару таких можно смело хватать под мышки и тащить на сколь угодно большое расстояние, не особо запыхавшись на финише.

Ну да фиг с ней, с тощей фигурой, хватает и других минусов. Она мало того что темная шатенка с почти прямыми волосами, а не блондинка с локонами, так еще и подстрижена непозволительно коротко — вровень с плечами, да и прическа — каре с пробором посредине — почти худшая из всех возможных на вкус Рока. Лицо — вообще полный список неприемлемых выпирающих и неприятных черт. От аккуратного заостренного подбородка вверх поднимаются сплошным потоком ничем не разбавленные недостатки: широкий рот с тонкими губами, вытянутыми чуть ли не в идеальную линию (на зависть некоторым земноводным); нос почти аналогичной ширины, сильно удлинняющийся к кончику; острота скул выражена настолько ярко, что ими можно побриться или даже на медведя поохотиться; глаза в окружении не слишком выдающихся ресниц невнятного зеленовато-карего оттенка, их форма такова, что, приложи миндаль, один в один впишется, так что никакого тебе волнительного овала; брови над ними почти безукоризненно прямые, заметно расширяющиеся почти посредине, даже не догадывающиеся о существовании пинцетов и прочих средств борьбы с излишней растительностью.

Ну и выражение лица нельзя не отметить — никакой мягкости нет и в помине, не говоря уже о похотливости с чувственностью. Живое, внимательное, настороженное — будто мордочка испуганного и готового дать отпор зверька, пробирающегося по кишасшему опасностями дремучему лесу, где он никому не может доверять. С таким выражением она не то что цену себе не знает, да она даже не задумывается о такой важнейшей для всякой уважающей себя женщины детали.

Лишь один момент можно кое-как примирить со списком запросов Рока: нельзя не поприветствовать коротенькие обтягивающие шортики, тем более что из них торчат ноги, которым можно дать чуть ли не все пять баллов — увы, но в бедрах не хватает важной пышности. Ну да ладно, ведь идеальная стройность и выверенные пропорции частично это

компенсируют.

Эта нестандартная особа уже близко, очень близко, раз Рок прекрасно может рассмотреть цвет ее глаз, детскую запущенность бровей и каждую складочку ядовито-зеленого топики, подчеркивающего волнуемый всех нормальных мужчин факт — одеваясь поутру, один предмет белья девушка проигнорировала (а там, глядишь, и второй забыла).

Вот ведь как получается — почти стопроцентный промах мимо требований Рока, но при этом смотреть на результат очень и очень приятно. Не красавица, определенно не красавица, но до чего же милая, глаза радует получше большинства прошедших мимо пышных блондинок, у которых все или почти все совпадало со списком.

Милая особа между тем, свернув с тротуара, звонко цокая высокими каблуками (к коим Рок тоже равнодушен), подошла к лавке, остановилась перед ней, склонила голову набок, уставилась нетерпеливо-недовольно и таким же милым, как она сама, голоском спросила:

— Ну и чего ты тут расселся?

Слова, надо признать, ни капли не соответствовали тональности скромного женственного голоса, и вообще — что это с ней такое?

— Хочу — сижу, лавка не частная. — Слегка выбитый происходящим из колеи, Рок ответил на автоматизме, не задумываясь.

Что тут происходит? Неужто он ее взглядом приманил? Но ведь остальные только улыбались в ответ, мчатся навстречу горячим объятиям не торопились.

Да и не очень-то похоже, что она подошла в поисках мужской ласки — сказала, будто плюнула.

Изящно развернувшись на одной ноге, чудаковатая девушка снисходительно-высокомерно произнесла:

— Подними глаза с асфальта и шагай за мной, придурок.

И представьте себе — направились дальше все с тем же цоканьем каблучков легкой и целеустремленной походкой, не оборачиваясь.

Будто летела к одной ей ведомой цели.

А Рок, подскочив, будто подброшенный на лопате ком липкого навоза, догнал ее, жалко ковыляя на скрипучей, терзаемой болью ноге, поравнялся, повернул голову и с нескрываемым ошеломлением спросил:

— Няша, это ты, что ли?!

Закатив глаза с таким видом, будто только что стала свидетельницей проявления величайшей тупости в истории рода людского (что, возможно, так и есть), девушка ответила в той же тональности, будто общается с примитивным существом:

— Нет, блин, я всего лишь «цифра», неужели непонятно? Проходила мимо и вот решила обратиться к тебе, как к придурку. А все потому, что ты и есть придурок, раз такие тупые вопросы задаешь.

Рок, воскресив в памяти недолгое знакомство со спутницей, чуть головой не затряс, пытаясь вернуть мозги на место.

— погоди, та была толстой, ножки, как мизинцы дистрофика, ходила скрючившись, а голос будто из пивной бочки. Да это фигня какая-то, что за фокусы?! Ты точно Няша?!

— Блин, ну ты вообще! Ты даже хуже придурка, ты что-то с чем-то. Попробуй пристально на меня посмотреть, может, научишься вызывать информационную панель.

— Я умею.

— Ну так почему не посмотрел? Тебе что, врожденное слабоумие сильно мешает?

Объект — иммунный, человечность — низкая отрицательная, прозвище-идентификатор — Няша, не вооружена, с высокой вероятностью обладает неустановленными боевыми умениями Континента.

Рок видел каждую букву надписи, но верить глазам отказывался. ЭТО походило на Няшу не больше, чем трепетная лань на сверх меры откормленного борова.

— Эй, придурок, ты бы свернул, не то в столб врежешься.

В последний момент успев воспользоваться советом непостижимо преобразившейся спутницы, Рок вновь скосил на нее взгляд и конкретизировал свои сомнения:

— Да ты вообще не такая, как она.

— Ну что ты такое говоришь. А какой, по-твоему, я должна была быть, после всего, что со мной случилось?

— Ты о чем сейчас?

— О том, что я, блин, два дня просидела в черном болоте, у меня там чуть в ушах пиявки не завелись. Ты представляешь?

— Да уж.

— Вот-вот. И это еще не все, потом меня загнали в канализацию, где я получила пулю в живот и тесаком по голове. — Девушка, поморщившись, провела ладонью по коже чуть ниже топики. — Там, в той черноте, снайперская накидка в тело въелась, под ней не то что ног не видно, под ней двоих таких, как я, спрятать можно. Накидка хитрая, на каркасе из

веревочек, фигуру она ломает, делает несимметричной, скрывает очертания, расширяет, а к ней еще и грязь налипла, ох и приставучая она на черноте. Надо быть совсем уж слепым придурком, чтобы такое не понять. Впрочем, это ты и есть, так что простительно.

— Ладно, хрен с ней, с фигурой, а голос?

— Ну а что ты хотел от моего голоса?

— Так он не таким был. Совсем не таким.

— Ну что ты говоришь? Не таким? А если головой подумать?! Блин, да кому я это говорю, извини, подумать и ты — вообще несовместимо. Придурок, вот ты бы красиво песни пел после удара прикладом по гортани, распухшего языка, да еще и захлебываясь кровью вперемешку с зубами?!

В процессе общения Рок не всегда вдумчиво воспринимал слова, потому как и без них то и дело выхватывал то одну, то другую знакомую деталь, покуда в голове не начало крепнуть убеждение, что в эпитете «придурок», коим его регулярно характеризуют, определено что-то есть.

Ну да, он дебил редкой породы, раз так позорно обманулся — принял мелковатую миловидную девушку за раскормленную уродливую бабищу.

А тощая стервоза продолжала подливать масло в огонь, заодно снабжая крупницами информации:

— Глобус, наверное, до сих пор с тебя, тупого придурка, ржет. Мало того что ты не догадался первым его выключить, так еще и меня как только не обзывал. «Страшнее Няши», да? Уж посмешил этого уroda, так посмешил. А теперь, значит, глаза разул? Увидел? Знаешь что — я вообще не удивлена, что ты по тридцать раз без толку дохнешь, мне непонятно только одно — почему так мало. Тут, когда умираешь, одно хорошо — воскресаешь здоровой; все раны пропадают, даже шрамов не остается; всегда яркая одежда, жаль, обычно такая вот легкая, почти всегда высокий каблук и вот такой вот маникюр, который меня бесит почти так же, как бешишь ты. И еще обязательно серьги в ушах, иногда вместо них или вместе с ними пирсинг, очень часто цепочка или браслетик. Никакого золота или серебра, только бижутерия, иногда отстойная, иногда ничего так. Но догадайся — что самое гадкое?

— Туфли жмут?

— Не догадался, придурок. Волосы — вот в чем проблема. Они слишком длинные. Не у всех, конечно, но у меня почти постоянно до талии.

— Что тут плохого? — удивился Рок.

— По-твоему, ничего?! Ну так отрасти, узнаешь каково. Это дико неудобно — они то на затвор наматываются, то еще за что-нибудь цепляются не вовремя. Самой подстричь можно, но, сам понимаешь,

плоховато получается. А город тут какой-то уродский, еле нашла нормальную парикмахерскую. Но не очень повезло с мастером, он просто нечто, будто точно от черепахи произошел, редкий тормоз, я такого никогда не видела, его только за смертью посылать.

Рок, внимательно вслушиваясь в пояснения Няши, не смог сдержаться:

— Так это как?! Пока я тебя ждал, ты в парикмахерской торчала?!

— Ну а где бы я еще столько времени пропадала? А ничего так подстригли, правда ведь?

Глава 13

Жизнь пятая. Крестины

— Водички себе плесни. — Няша подвинула бутылку в сторону Рока. — Отмечать будем.

— Что в этой тошниловке отмечать можно, если не день рождения тещи? — С учетом особенностей места вопрос Рока нельзя было причислить к шутливым.

Ну да, на хотя бы относительно нормальное кафе это открытое непогоде заведение, обосновавшееся на оживленном перекрестке, не походило совершенно. Квадратная площадка с четверкой здоровенных, загаженных голубями зонтов, копеечные столы и стулья из грязноватого и местами растрескавшегося пластика, хамоватая тетка, обосновавшаяся в будке с незамысловатым товаром, который выдавала через широченное, как ее целлюлитный зад, окно. Под ногами в изобилии валялись пробки от пивных бутылок, со стороны разросшихся вдоль ограды кустов пованивало смесью блевотины и мочи, пропитавшей землю на три метра вглубь.

Если бы не затянувшая его сюда Няша, он бы даже шага в направлении такого гадючника не сделал.

А та, с живым интересом листая иллюстрированный рекламный справочник, невозмутимо ответила:

— Мы будем отмечать твое крещение.

— В жизни бы не догадался.

— Ну да, ты же недалекий, куда тебе.

— А оно мне надо?

— Надо, иначе навсегда придурком останешься, — безапелляционно ответила Няша.

— Ладно, уговорила. — Рок, не понимая, о чем вообще идет речь, решил, что возражать не в его интересах. — Зови попов, или кого там в вашем дурдоме полагается звать.

— Не нужны никакие попы, я твоя крестная, этого достаточно.

— В смысле — крестная мама? Что-то молодо для мамыши выглядишь, какая-то совсем сопливая. Хоть детсад окончить успела?

— Считается, что в Континенте нет несовершеннолетних и слабоумием, как ты, я не страдаю, так что должна была успеть и детсад окончить, и школу, и даже дальше пойти.

— Вообще-то я тут детей навидался.

— Блин, вот сколько уже можно тупить?! Это были цифры, а я говорю об иммунных.

— Да ладно тебе, я все понял, просто хотел проверить твою реакцию, она забавная.

— Забавная? Буду знать, что тебе нравится, когда тебя в твою же тупость носом тычут.

— Няша, тебе никто не говорил, что при такой трогательной внешности ты должна быть милой?

— А тебе никто не говорил, что милые здесь дольше часа не живут? Нет? А ведь мог бы и сам догадаться, будь у тебя хоть капля ума.

— Что значит — должна была успеть?

— У тебя как с памятью, придурок?

— Да вроде норма, прекрасно помню тебя грязной и с мешком говна на торчащих из капустного кочана ножках, — ответил Рок, мстя собеседнице за непрерывно используемые неприятные эпитеты.

— Я не о той памяти, которая здесь. Ты хоть что-нибудь помнишь до Континента?

— Вы эту задницу называете Континентом?

— Отвечай на мой вопрос: что помнишь?

— Почти ничего. Лифт какой-то, лестница, пиджак на мне был, и я шел непонятно куда. А что?

— Все нулевые такие — кто-то помнит чуточку больше, кто-то меньше. Ты, похоже, совсем уж меньше, такие самые заторможенные, вот поэтому и такой придурок. Не повезло тебе, если за ум не возьмешься, так и останешься ограниченным, нужно хотя бы до десятого дойти, чтобы блоки начали слетать.

— Так ты не помнишь, что было с твоей учебой? — понял наконец Рок.

— Помню, но не все. Я многое вспомнить смогла, но кое-чего не хватает.

— Что значит — не все? Она у тебя восстанавливается или как?

— Ну как бы да. И не только у меня. Я же говорю — блоки слетают при прокачке.

— А конкретнее нельзя?

— Там быстро не объяснить, вникать нужно. Нужно расти, брать уровни, что-то делать, а не на месте без толку сидеть, и время от времени будешь получать кусочки старой памяти. Это как бы награда — одна из наград за развитие. Говорят, что невозможно вспомнить только свое имя, а

все остальное восстановить получается. Хотя полностью вернуть память никому еще не удавалось. Но это неточно, Континент слишком большой, что угодно может быть.

— Значит, детсад тебе вспомнить разрешили? — улыбнулся Рок.

— Придурок, какой детсад?! Я вообще-то студентка по возрасту, глаза разуй. То есть была студенткой. Ты хотя бы разницу между университетом и школой понимаешь или слов таких не знаешь?

— Куда нам, придуркам... А что там за шутка была насчет крестин?

— У нулевых нет индивидуального идентификатора, а без него большущие проблемы с опознаванием, не развиваются умения, получаемый опыт часто занижается, и вообще неизвестно, что происходит со скрытыми характеристиками — не проходят оповещения. Там много всего нехорошего, а у тебя и без этого жизнь, как я вижу, печальная. Самый простой способ получить идентификатор — надо найти иммунного, который на крестины согласится. Желательно взять тебя в отряд, вы должны заработать общий опыт, как бы разделить его. В смысле, если вы в группе, в настройках отряда нужно ставить равное распределение получаемого опыта. Равное, конечно, не получится, слишком большая разница уровней, но это не важно. Можно и без отряда сделать, но тогда тебе придется самому нанести какой-то урон по цели. Обычно хватает одного ходячего упокоить, пусть даже самого мелкого, после этого твой напарник может стать крестным. Понял?

— А это как — стать крестным?

— Он говорит твое прозвище, ну или считай это именем, если соглашаешься, оно к тебе привязывается. В некоторых случаях отказаться от него вообще не получится, ты это поймешь, когда увидишь неудачников с печальными идентификаторами. И как же мне тебя назвать?.. Задача...

— А это имя, оно навсегда?

— Крестный может в течение нескольких дней поменять, одна попытка на это дается. Потом поменять тоже можно, уже без крестного, но проблемно. Как ты себя называешь? Хоть что-нибудь у тебя есть, кроме придурка?

— А нельзя ли обойтись без придурка? — не выдержал Рок.

— Конечно, нельзя, ты ведь и есть придурок.

— Вообще-то я Рок, так меня цифра из общаги называл.

— Что за цифра?

— Он первый, с кем пообщаться получилось. Нормально, привык уже, сойдет.

Няша нахмурилась, одновременно сжав губы, что при ее в высшей

степени живописной мимике выглядело забавно, и покачала головой:

— Получится, что твой крестный — цифра. Такое никуда не годится, нельзя так делать, это очень плохая примета.

— А я не суеверный.

— Ага, все придурки любят так говорить перед тем, как их переваривать начинают. Даже не сомневайся, ты тоже станешь суеверным, мы здесь все на приметах живем. Рок... Значит... получается, тебе нравится Рок... Блин, непривычно как-то, у меня такое в первый раз.

— Что в первый раз?

— До этого никогда никого не крестила.

— Люблю быть первым, — с намеком произнес Рок, для усиления эффекта добавив: — Во всем, что тебе нравится. Да и вторым не против.

Няша намек вообще не оценила, с легкой печалью пояснив:

— Был однажды со мной новичок вроде тебя, но до крестин дожить не успел, там цифра не вовремя решил в камикадзе поиграть, а вы, придурки, вообще не живучие. О! А давай ты будешь Рокером? Ну это ведь от Рока.

— Я что, сильно похож на патлатого рокера?

— Ты на придурка похож, но вообще да, не рокер, слащавый какой-то для рокера, тебе только попсу про несчастную любовь под фанеру стонать.

— Да я у тебя и придурок и слащавый. На хрена вообще такого убогого крестить, пускай так корячится...

— Вот научишься вести себя не как придурок, буду называть как-нибудь иначе, а пока ты придурок и есть. Слушай, а если Рокки? Тоже похоже, и это даже имя, а не кличка собачья. Сойдет?

Эпопея с прозвищами не вдохновляла, и потому, торопясь с ней покончить, не стал перебирать харчами:

— Пусть будет Рокки, мне вообще по барабану.

Няша уставилась с укоризной, в уже привычной манере склонив голову набок:

— Если ты не понял — речь, блин, идет о твоём имени, к таким вещам серьезнее нужно относиться.

— Сказал же тебе — Рокки меня устраивает. И что теперь делать? Где там чан со святой водой, в которую окунаться надо?

Ответ проявился, как это часто бывает, в виде вспыхнувшей надписи:

Няша предлагает вам сменить имя на Рокки. Для утвердительного ответа вслух произнесите «да», для отрицательного «нет».

Так и не проникнувшись важностью момента, равнодушно буркнул:

— Да. Что еще от меня надо?

— Ничего, — с донельзя довольным видом ответила враз повеселевшая Няша. — Все, никогда больше не называй себя Рок, это в прошлом. И выпей водички, отметь, как-никак крестины, некоторые на них до поросячьего визга нажираются, это тоже хорошая примета.

— Ну и какого мы так скромно сидим с такими-то приметами?

— А я не пью и тебе не дам.

— Строгая.

— Ага, мне это уже говорили. Пей давай, пусть хоть так — символически. Мало ли, вдруг это тоже примета, я точно не знаю. Крестины, Рокки, — это важно. Мы до сих пор не знаем насколько, но знаем, что важно. Между крестным и крестником при этом устанавливается связь, она тоже неизученная.

Рок, или уже Рокки, слегка оживился:

— Связь? Мне вообще-то высокие и светлые нравятся, с вот такой вот задней частью... но, в принципе, не против поизучать чего-нибудь и с тобой. Ты, когда чистая и нормально одетая, очень даже ничего.

Поджав губки, Няша ответила недружелюбно:

— Послушай, давай сразу определимся: я дала тебе имя, кое-чему научу, помогу отсюда выбраться и расскажу, куда тебе идти дальше. А ты очень внимательно слушаешь, что я говорю, всегда делаешь то, что я приказываю, и все это без возражений и всяких глупостей. Начнешь давать волю языку, останешься один и будешь сам себе по ушам ездить, а полезешь руками, я их переломаю в шести местах. Ты все понял?

— Вообще-то я раза в два тебя тяжелее, это как же ты мои руки ломать собралась? — ухмыльнулся Рокки.

— Ты точно уверен, что хочешь это узнать? — подчеркнуто серьезно уточнила Няша.

Покосившись, уставился в ее нехорошо сузившиеся глаза и почему-то без раздумий смалодушничал, покачав головой:

— Ладно, уговорила, не люблю с симпатичными девочками ссориться.

— Правильный выбор. Ты только-только первый свой уровень апнул, а у меня это случилось почти восемь месяцев назад. Рокки, между нами огромная разница, скоро ты это поймешь.

— Хотелось бы подробнее об этой разнице.

— Знаю, всем придуркам так хочется, в этом вы одинаковые. Для начала привыкни к тому, что Континент велик и полон тайн, которые раскрывать не всегда просто. Мы очень многое не знаем, нам еще узнавать

и узнавать. Ну это тем, кто доживет...

— А выбраться отсюда можно?

— Мы не знаем.

— Что это вообще такое?

— Это мы тоже не знаем.

— Похоже на игру для мазохистов-экстремалов, но есть нестыковки.

— Да, здесь что-то от виртуального мира, но это точно не игра, это что-то другое. Странноватое, непонятное, очень может быть, что вообще непостижимое. Континент — сложное и опасное место, даже если ты узнаешь о нем все, что знаю я, у тебя огромная куча вопросов останется. Запомни главные моменты, их несколько. Первый — этот мир нестабильный. Вся его территория разбита на что-то вроде сот-ячеек, многоугольников разного размера, мы их называем кластерами. Знакомое слово?

— А сама-то как думаешь? Я его каждый раз вижу, когда в себя прихожу, уже поднадоело...

— Ага, и номер тебе тоже показывают, это что-то вроде кластерных координат. Кластер может жить несколько часов, а может месяцы или даже годы, какой максимально возможный срок их существования, мы не знаем. Но обычно это дни, недели или месяц-два. Когда срок выходит, кластер исчезает и на его месте возникает его двойник или очень похожий, это называется перезагрузка. На кластере может находиться что угодно: леса, озера, реки, города и деревни, набитые цифрами. Только что загрузившийся кластер — это стандартный респ. То есть место воскрешения большинства иммунных, ведь их обычно после смерти бросает на ближайший в тот момент, когда он вот-вот окажется в Континенте. Не обращал внимания, что вначале на кластере есть электричество и связь?

— Замечал.

— В месте, где висит кластер до загрузки, с этим проблем нет. Ну, так считается, точной информации по этому вопросу нет. Но это очень короткое время, оно обычно равняется числу оставшихся воскрешений. Потом перенос, провода перерезаются границей кластера, электричество пропадает. Никогда не видел границу кластера? Там будто ножом провели, перебито все, а с другой стороны местность меняется.

— Видел странный мост, его будто разрезало над рекой, как ты говоришь.

— Границы часто по рекам проходят.

— погоди! — осенило Рокки. — А если до переноса успеть выскочить из кластера?

— Да ты еще и неоригинален, ведь все придурки любят об этом спрашивать.

— А что не так с моим вопросом?

— Хотела бы я посмотреть, как ты за такое мизерное время промчишься три километра или около того — ближе к границе воскрешенных никогда не забрасывает. Континент хитренький, его так просто не обманешь. Даже те, у кого есть прокачанные умения на скорость или телепортацию, не успевают или сталкиваются с помехами. Забудь, из этого ничего не получится. И еще очень важный момент — первые новички начали попадать сюда около трех лет назад. Поначалу поток был большой, сейчас он гораздо меньше, но до сих пор появляются. Новичкам обычно принято помогать.

— Ага, я заметил, как мне помогали те ребята, которые планировали тебе горячую любовь устроить.

— Без уроков Континент — не Континент, — помрачнела Няша. — Считается, что он сам новичкам помогает, это его закон.

— Ага, ну как же, по мне это очень заметно, — невесело усмехнулся Рокки и, закатив штанину, продемонстрировал колено: — Видала, что у меня есть? Просто офигеть, вот это помощь так помощь.

— Ты про шрамы?

— Что ты, нет, просто хотел тебе волосы на ноге показать. Дело в том, что я таким красивым каждый раз появляюсь. Вроде футбольная травма — неприятное дело. Хожу со скрипом, прилично бегать — вообще нереально. В последний раз догадался велик прихватить, но не скажу, что с ним жизнь стала сахарной. Я так понимаю, умение удрать в случае чего в таком месте должно котироваться, а у меня с ним все плохо.

Няша, чуть склонившись, уставилась на испещренное шрамами колено и задумчиво произнесла:

— Такое тебе должны компенсировать...

— В смысле денег дадут, научат приличным манерам или просто извинятся за причиненные неудобства? — не удержался Рокки и, дабы не нарваться на новую порцию хамства, не забыл добавить: — Это шутка.

Избежать почти неминуемого не удалось.

— Придурок, я в том смысле, что Континент такое компенсирует — это закон.

— Уж поверь, никто мне ни хрена ничего не компенсировал.

Ничего не говоря, девушка поднялась, сделала шаг в сторону, повернулась, вскинула руки над головой, чуть выгнулась, после чего единым грациозно-уверенным движением ухитрилась встать в стойку на

руках прямо на шатком столике (который при этом даже не дрогнул). Удержав неподвижность парочку секунд, она уверенно развела ноги, выполнив идеальный продольный шпагат, в таком положении замерла на несколько мгновений, после чего непринужденно поинтересовалась:

— Как тебе?

— А ты ловкая, — одобрительно ответил Рокки.

По-кошачьи прогнувшись в спине, Няша столь же безупречно вернулась на ноги, после чего, уже присаживаясь на свой стул, начала пояснять глубинный смысл своего необычного поведения:

— Первые разы тут все одинаковые, если, конечно, не повезет на хорошего человека сразу наткнуться. Обычно появляются здоровыми, но есть и такие, как мы. Их мало, но есть. Я почти такая же, как ты, была. В том смысле, что калека.

— Тоже нога?

— Нет, спина — вместо позвоночника у меня был лом. В первые минуты он холодный, чем дальше, тем горячее становился, а потом вообще раскалялся. Ни повернуться, ни согнуться, никаких нагрузок, в общем — вообще кошмар. А в кошельке или сумочке всегда лежал абонемент в гимнастический зал. Вот ты представляешь это издевательство?! Нас, покалеченных, один процент или около того. В общем — мало. Проблемы со здоровьем и расходом спор у таких, как мы, со временем исчезают, а это хотя бы день-два спокойно прожить надо, плюс еще кое-что требуется. Но настоящая жизнь у нас начинается только после получения десятого уровня. Как получил его, дальше всегда воскресаешь здоровым, и у тебя остается какой-нибудь навык, полезный или не очень. Это как бы бонус за начальные трудности, компенсация, которую отнять невозможно. Мою компенсацию ты видел, она не очень-то полезная, но я научилась ее использовать — гибкость делает тебя свободной, ловкость тоже дорогого стоит, иногда умение крутануть сальто на асфальте может здорово выручить, да и координация движений — ценная способность. У тебя тоже должно быть что-то такое.

— Мне что, стойку на руках со шпагатом попробовать сделать? — не скрывая скепсиса, уточнил Рокки.

— У тебя где-то припрятан абонемент в гимнастический зал? — очень серьезно уточнила Няша.

Он покачал головой:

— Такого нет, но попадалась бумажка от стрелкового клуба. Это не может быть оно?

— Точно! — непонятно чему обрадовалась девушка. — Поздравляю,

тебе нереально повезло с компенсацией, в Континенте такой навык точно пригодится, даже не сомневайся.

— Ты это о чем?

Няша закатила глаза, показывая, как сильно ее достала беспросветная тупость собеседника:

— Ну блин, ну Рокки, ну нельзя же быть таким придурком! Вот смотри — у меня гимнастика, поэтому я ловкая и гибкая, а у тебя бумажка из стрелкового клуба. Вот что тут такого непонятного? Мне и дальше все за тебя разжевывать или ты наконец попробуешь без няньки подумать?

— Ты к тому ведешь, что я должен уметь стрелять?

— Слава Континенту! Великая слава! Придурок догадался! Ты еще не забыл тех тупоголовых? Два выстрела, и оба раза в голову. И Глобусу ты тоже, наверное, попал, но он защиту успел активировать, прокачана высоко, у него хороший набор умений. Говорила же, надо первым его на респ отправлять, эх ты!

— Ну извини...

— Тебе извини, а мне... — Няша осеклась и следом резко сменила тон: — Сам, наверное, удивился, ведь не ждал от себя такой меткости. Хорошая компенсация, гораздо лучше, чем у меня.

— Это значит, мне надо поднимать уровень до десятого, чтобы не хромать на обе лапы? И как это можно устроить побыстрее?

— Ты упоминал игру, так вот, в Континенте много чего от игры есть. С виду мы нормальные люди, но к каждому из нас привязан набор как бы внешних характеристик, связанных не с телом и не с психикой. Это постороннее вмешательство, понимаешь?

— А понятнее можно?

— Ну что тут такого непонятного?! Вот у тебя повышается величина силы, и хотя мышцы на вид не меняются, ты и правда становишься сильнее. Я вот могу из болота машину вытолкать. Запросто.

— Да ты и детский мопед из лужи на асфальте не вытащишь, — усомнился Рокки.

— Не сомневайся — одной левой справлюсь. Характеристики бывают основными, дополнительными и скрытыми. С последними все сложно, с дополнительными проще, но для повышения уровня тебе нужны именно основные. Прибавь пять единиц к одной или вразброс к разным, и у тебя прибавится единичка к уровню.

— А поконкретнее? Что за характеристики, сколько их, как лучше всего поднимать?

— Основных всего пять: физическая сила, ловкость, скорость,

выносливость, ментальная сила. Последняя тебе, ничтожеству начинающему, пока не светит, остальные ты и сейчас можешь поднимать.

— Знаю, поднимал.

— Знает он, как же... Да у тебя, наверное, миллиард вопросов на языке вертится.

— Ты почти угадала.

— Сама такой была, чего тут угадывать. Чтобы с нулевого значения поднять характеристику до первого, придется заработать на нее десять очков прогресса, до второго — их понадобится еще двадцать, до третьего — тридцать. В общем, по нарастающей, на каждой ступеньке десятка прибавляется. Поэтому вначале растешь как на дрожжах, для кача хватает мелких зараженных, а потом рано или поздно наступает момент, когда приходится пачками валить тех еще тварей. «Тупик прокачки» называется, из-за него обычные уровни у нас от тридцати до сорока пяти. Сорок пять или даже сорок четыре — как бы крайний порог. Дальше кач идет, только если с сильным отрядом качаться или как-то хитро устроиться. И еще учти, что при смерти часть прогресса основных характеристик теряется, если при этом сами характеристики снизятся, можно потерять уровень. Когда мелкий — это необидно, а когда ты за сорок приподнялся и за одну смерть теряешь работу пары недель, вот это очень даже обидно. На дополнительных тоже потеря идет, ну да там уже без привязки к уровню, они как бы сами по себе. Я научу тебя меню характеристик настраивать, сам посмотришь, что к чему, там ничего сложного, просто запутанно, как это здесь любят, и кое-что объяснять придется. Про зараженных ты все понял?

— Ты о зомби?

Няша поморщилась:

— Называть их зомби — это все равно как при большом стечении народа громко признаться, что ты безмозглый придурок. Мертвяки, твари, зараженные, монстры, ну или хотя бы мутанты, только, ради всего святого, ни в коем случае не зомби. Не смейся людей, ты и без того смешной.

— А что не так с зомби? В смысле с таким названием?

— Зомби не дышат, зомби разлагаются, убить зомби можно только пулей в голову, а эти дышат за троих, жрут за пятерых, разлагаться вообще не торопятся, растут, развиваются, изменяются, превращаются в ужасных чудищ, убить таких сложно, но можно, причем необязательно в голову. И вообще, тут много чего делать нежелательно или вообще нельзя, запоминай и не устраивай то, к чему остальные могут плохо отнестись.

Няша непонятно откуда вытащила штуковину, похожую на ту, которую

Рокки (будучи тогда Роком) видел у Слепня — блестящий черный кристалл, обвитый тонким шнурком. Покрутив его между пальцами, девушка с довольным видом заявила:

— Во всем городе только четверо иммунных, нам повезло.

— Ты как это узнала и в чем тут везение? — Рокки вообще-то хотел спросить другое, но не удержался.

Девушка крутанула кристалл вокруг ладони, удерживая шнур кончиками пальцев:

— Эта штука умеет только одно — за некоторое время собрать информацию об иммунных на свежих кластерах. Работает приблизительно два-три часа после перезагрузки, но зато показывает очень точно.

— Это как?

— Что-то вроде магии. Я же говорила, что в Континенте есть кое-какие нереальные законы.

— Я в том смысле — откуда ты его взяла? Ну, этот камень? В парикмахерской нашла?

— Очень, блин, смешно. Вообще-то я с собой его ношу последнее время, ничего поприличнее не осталось.

— Разве после того, как копыта откинул, можно что-то на тот свет унести?

— Каждые десять уровней силы дают одну ячейку привязываемого имущества. То, что к ней привязано, у тебя тяжело отнять, и после смерти ты возрождаешься с этими предметами. Ну то есть не совсем с ними, не сразу, там всякие сложности есть, можно только мелочовку сразу использовать. Но принцип такой.

— Ну а повезло-то нам в чем?

— В том, что иммунных здесь четверо, а не пятеро, считая нас двоих. Всех погибших из группы переносит на один из загружающихся кластеров региона, это работает гарантированно, если они погибли приблизительно в одно время. Мы с тобой здесь, а люди Глобуса, получается, попали в другое место, иначе иммунных оказалось бы как минимум пятеро. Понял математику или для тебя это непостижимо?

— Не вижу проблем, окажись эти уроды тут. Город большой, попробуй нас найди.

— Вот за это вообще не переживай — найдут. Даже сейчас это можно устроить, если проверить все свежие кластеры. У некоторых строгий график перезагрузки, до секунды период известен, вот их навестят в первую очередь, если нам не повезет на таком оказаться, считай, что попались.

— Ну-ка, постой, а зачем нас вообще искать? Тут что, если кого-то за дело привалил, начинают копать по всем свежим кластерам? Так строго?

— Да нет, тут постоянно кого-то валят, это же Континент, легче умереть, чем выжить. Обычно специально не ищут, только если под руку подвернешься, да и таких, как шайка Глобуса, немного, народ обычно более-менее адекватный, краснотой мало кто увлекается, ведь покрашенных нигде не любят.

— Что за краснота? Дурь какая-то?

— Сам ты дурь. Видел параметр «человечность»?

— Ну?

— Если взять и тупо, просто так кого-нибудь на респ отправить или хотя бы нейтральную к тебе цифру грохнуть, он снижается. Если убивать зараженных и красных — повышается. У кого в минус уходит, тех и называют красными, это из игр как раз пошло, да и в информации цвет шрифта становится красным. Чем меньше человечность, тем больше у тебя проблем. Снижается получаемый опыт, то и дело штрафы на характеристики получаешь, некоторые возможности перестают работать. Люди Глобуса — красные.

— Я так и подумал, что с ними что-то неладно. Мазохисты, оказывается.

— Не поняла?

— Что ты не поняла?

— Придурок, да ты вообще больной?! При чем тут мазохисты?

— При том, что только им может понравиться лишние проблемы зарабатывать. По мне, так их и без этого на всех хватает.

— Не скажи, в их положении есть и плюсы, ведь красных нолды не трогают. То есть обычно не трогают. Но надо быть совсем уж красным, как помидор.

— Нолды?

— Давай не будем о плохом, — нахмурилась Няша. — Нам пора идти.

— Здорово, а то я уже подумал, что мы в этой рыгаловке будем расслаживаться до начала нашествия зомби.

— Блин, да забудь ты уже слово «зомби»! С картой я разобралась, город вообще несложный, все стандартно. Надо кое-чем запастись, пару дел сделать, и пойдем на север.

— Там опять река и мост?

— Нет там серьезной реки, и это хорошо. По карте до южной окраины морской залив достает, а где море, там и нолды, от них надо держаться подальше.

— А кто это такие?

— Потом, все потом, — рассеянно ответила Няша, поднимаясь. — Хватит уже болтать, у нас дел невпроворот, а ты ведешь себя как последний придурок.

Вот она, женская логика, — сама разговор затеяла, а крайний, значит, Рокки.

— Деньги свои отдавай, — потребовала девушка.

— А нельзя ли грабить меня повежливее? — не сдержался он.

— Давай, сказано, пока и правда не ограбила.

— Да на, держи, подавись. Что хоть покупать собралась? Штукатурку для своей кривой рожи?

Няша, деловито пересчитывая конфискованное, на критику внешности не обиделась и ответила деловито:

— Нам сейчас водка нужна, а не косметика.

— Что?! — не поверил своим ушам Рокки.

— За водкой сбегает, потом уже все остальное.

Не сдержавшись, Рокки рассмеялся и покачал головой:

— А ты у нас та еще штучка, вот уж никогда бы не подумал.

— Ты лучше вообще не думай, у тебя это не получается. Вот для кого я говорила, что не пью? Где были твои уши?

— Тогда зачем тебе, такой правильной, понадобилась водка?

— Затем, что я без нее жить не могу. И ты, кстати, тоже.

Глава 14

Жизнь пятая. Преступная деятельность

Память о былом у Рокки отсутствовала, зато имелась твердая уверенность, что в нормальном мире у порядочных людей не принято совершать манипуляции с крепкими алкогольными напитками на детских площадках. Но Няша сейчас занималась именно этим и, судя по ее предельно целеустремленному виду, не испытывала ни малейших угрызений совести по этому поводу.

Почему манипуляции? Да потому что проделываемое девушкой назвать распитием было нельзя, не говоря уже о том, что она до этого дважды заявляла, что алкоголь не употребляет, а при всех странностях «крестной» Рокки почему-то верил безоглядно во все, ею сказанное.

Для начала Няша вытащила из крохотного кармана тугих шортиков, где, казалось бы, и зернышку маковому местечка не найдется, вещьцу, похожую на непрозрачный поделочный камень зеленого цвета, обточенный в форме виноградины и небрежно отшлифованный. Бросив его в пластиковый стаканчик, девушка плеснула следом водки, после чего начала взбалтывать содержимое.

Минутой позже этого непонятного действия она перелила получившуюся мутную жидкость в другой стаканчик, перед этим прикрыв его сложенным несколько раз бинтом, который выбросила сразу же по завершении процедуры фильтрации (если, конечно, Рокки правильно понял суть происходящего).

Глядя, как Няша заливает раствор из зеленой штуки и водки в горловину пластиковой бутылки со сладким напитком, он кое-что вспомнил, о чем решил упомянуть:

— Я такое уже видел. В смысле похожее на глаза попадалось.

— Уже видел детскую площадку? — фыркнула девушка.

— Нет, я об этой фигне, которую ты в водке разболтала. Похожими кругляшами была набита та штуковина, которая торчит на затылке у самых крутых здешних уродин. Его вальнули серьезные ребята, стволы у них были такие, что хоть на танки с ними выходи. Но все равно одного своего там оставили, да и я его ненадолго пережил, сглупил тогда по тупости, да и вариантов не было — так и так лететь в общагу.

— Ну да, уж чего-чего, а приключений у придурков хватает, —

рассеянно заметила Няша, взбалтывая пластиковую бутылку.

Рокки хотел было рассказать ей, как по собственной инициативе без хлеба и соли уплел хрен знает что, вытащенное из башки жестоко издохшей твари, после чего с дивной быстротой улетел на очередное возрождение, — но решил, что не стоит нарываться на очередное высмеивание его поведения. Прознав о столь смешном косяке, Няша небось чем-нибудь похуже «придурка» приласкает, а ему не хочется выслушивать в свой адрес подобное. И ведь даже не ответишь как следует, манера общения девушки в сочетании с ее внешностью настолько своеобразна, что язык не поворачивается ей грубости высказывать.

Странноватая особа. Необычная.

Няша поднесла бутылку к лицу Рокки:

— Видишь?

— Не слепой.

— Запомни, как выглядит и как пахнет. Это жизнь. Наша жизнь. Споровый раствор иногда называют живчиком, иногда живуном, а кто-то живцом. По-разному говорят, а суть одна — без этого напитка нам тут делать нечего. Выведи свои шкалы, найди шкалу спорового баланса. Нашел?

Рокки, уже успев получить от Няши урок на тему настройки меню, не с первой попытки, но выполнил требуемое и кивнул:

— Да запросто, смотрю на нее. Что дальше?

— Сколько в ней единиц, если брать полностью?

— Одиннадцать.

— А на сколько сейчас заполнена?

— На восемь.

— У новичков на нулевом уровне всегда десять, каждый следующий уровень прибавляет единичку. Еще можно качать звездами и кое-какими достижениями, но тебе это вряд ли светит. При возрождении здоровье, бодрость и Дух Континента заполнены целиком, споровый баланс, жажда и голод от семидесяти до девяноста процентов, там обычно непредсказуемая лотерея, а удовольствие от шестидесяти до семидесяти. За всеми показателями нужно присматривать, это очень важно, но, даже если не смотреть, ты сразу поймешь, что где-то что-то сильно снизилось. Уж поверь, такое не заметить невозможно, ведь если твой споровый баланс уменьшится до половины, ты начнешь получать нарастающие штрафы.

— Это как?

— Как-как — твои характеристики начнут снижаться, ощутишь слабость, сонливость, станешь не таким быстрым, не таким поворотливым.

Со временем дойдет до того, что еле ноги будешь передвигать, а на нулевом значении потеряешь сознание. Провалишься несколько часиков и улетишь на респ. Ну это если тебя раньше не найдут, тут калорийная еда без присмотра долго не залеживается.

— Я так понял, поднимать споровую шкалу можно этими помоями? — Рокки указал на бутылку.

— Ну надо же — он догадался. Да, один маленький глоток — это приблизительно одна единичка. С запасом пить не получится, шкала покраснеет, и пойдут штрафы, жадных Континент недолюбливает. Та зеленая штучка называется споран, ее можно доставать из затылочных мешков развитых зараженных. Как я поняла, ты насчет мешков уже что-то знаешь.

— Сталкивался, — неопределенно ответил Рокки, не горя желанием рассказывать, как своими же руками отправил себя в порядкем поднадоевшую студенческую общагу.

Или точнее — глупым ртом, руки в той ситуации играли вспомогательную роль.

— У начинающих зараженных на затылке появляется что-то вроде бородавки. Она бестолковая, ничего полезного там не бывает. Чем дальше мертвяки развиваются, тем больше она становится, из нее вырастает что-то вроде пустого гриба, он похож на половинку очищенного апельсина. Оболочка со временем сильно твердеет, но все равно мягковатая, ее даже у самых крутых тварей можно ножом пробить. Если пробил — это конец, они после такого не выживают, ахиллеса пята любого чудища. У сильных монстров вокруг мешка нарастает костяная защита, вот ее пробить нереально тяжело даже из сильного оружия. Но с одной стороны она всегда открыта, потому что мешку нужно окошко. Точно не скажу, но говорят, что из него споры сыплются, получается, твари заражают все вокруг себя, это у них непрерывно работает. В общем, ты видел, что я сейчас делала, смотри, ничего не напутай. Берешь чуть-чуть алкоголя, нужен крепкий, не меньше тридцати градусов, растворяешь, процеживаешь, потом размешиваешь. Обычно размешивают в пропорции один к десяти, но я слабее делаю, потому что...

— Потому что с алкоголем не дружишь, но, получается, бухать тебе все равно приходится, — ухмыльнувшись, перебил Рокки.

Няша указала на бутылку:

— Крепость около двух градусов, дневная норма получается меньше бокала легкого пива. Но если тебе так хочется, можешь считать меня алкоголичкой, для придурка такое простительно.

— Да ладно тебе дуться, я ведь без наезда сказал. Значит, бокал твоей бурды на день?

— Бывает меньше, бывает больше. Если много сил теряешь или ранен, расход может серьезно увеличиться. Держи, сделай три глотка. Глотки должны быть небольшими, и не торопись.

— А это нормально — пить бурду из хрени, которую немытыми руками из зомбаков достают?

— Да когда ты уже забудешь это слово?! Пей давай, придурок. И не надо так кривиться, помни, что это всего лишь гриб, он растет на зараженных. И помни, что без споранов иммунный и недели не проживет, они наше главное богатство и валюта, которую принимают везде. Вот и все, что тебе надо знать, остальное ты сейчас не поймешь, слишком тупой. Ну как, шкала заполнилась?

— Ага, на все одиннадцать. Чувствую себя начинающим роботом: масло, бензин и все такое — заправился под горловину.

— Не надо так говорить, мы прежние люди. Ты сейчас видишь напускное, действие какой-то внешней силы, которая на нас влияет. Никаких изменений в телах не найдешь, как ни ищи, считай, что шкалы и все остальное — картинки из астрала, а вся эта магия Континента на то и магия, ее никак не получится потрогать. Ну что, готов? Пошли дальше?

— А сейчас куда? За коньячком махнем?

— Ты совсем больной, что ли?! Ну зачем нам коньяк?! Покушать что-то хорошее надо, что-нибудь подороже. Сытость до упора поднять, и удовольствие от этого тоже чуть-чуть поднимется, деликатесы ему на пользу идут.

— А нельзя ли это дело поднять в другом месте? В смысле — не в городе.

— Чем тебе в городе плохо?

— Тем, что сюда скоро примчатся зом... то есть зараженные. Я уже такое видел, и мне это вообще не понравилось.

— Не надо так напрягаться, город открытый, не стиснутый реками, в таких обычно все не так быстро начинается. Да и нельзя сейчас уходить, мне нужно звонка дождаться.

— Какого звонка? — удивился Рокки. — Забыла, что электричество вырубилось, телефоны теперь не работают. И я даже стесняюсь спрашивать, куда ты могла его запрятать, как по мне, это нереально.

Покосившись на свою скудную и предельно обтягивающую одежду, под которой даже мелкая монета будет выпирать, будто крышка от канализационного колодца, Няша скривилась столь живописно, что хоть

бери да фотографируй как ярчайший эталон одной из негативных эмоций, замешенных на борьбе с проявлениями инстинкта размножения.

— Придурок, куда ты вечно таращишься?! Вот-вот дыру взглядом протрешь! Звонок не телефонный, и он важный, его придется дожидаться, вот поэтому и не торопимся. Впрочем, я тебя не держу, можешь валить куда угодно. Советую на юг шагать, оттуда быстрее на респ прилетишь, ты же ведь от этого кайфуешь.

Рокки воздел руки:

— Да ладно тебе уже, хватит наезжать. Себя вспомни такой, небось тоже тупила по-черному.

Няша покачала головой:

— Так, как ты, я точно не тупила.

— Ну-ну...

— Никаких «ну-ну». У меня удача шесть, а у тебя сколько? А знаешь, как она качается? Только так, как ты качаешь, то есть глупейшим способом или случайно, — в редких случаях. Вот то-то, неудачник.

Хотелось наконец объясниться, что Рокки живет здесь всего лишь пятую жизнь, а удача столь безобразно скакнула по неведомой причине, но Няша, оборвав диалог, сунула ему в руку бутылку и, поднявшись, бодрой походкой направилась на поиски непонятно чего. Возможно, ресторана со вкусной и дорогой едой.

А Рокки ничего не оставалось, как поплестись следом, на ходу подумывая над плачевностью перспектив полноценного обеда.

Эта непосредственная девушка легкомысленно перевела все деньги на не самую дорогую бутылку водки, остатков разве что на хлеб хватит.

Без масла.

Финансовый вопрос Няша решила уже через пару минут при помощи криминального способа улучшения личного благосостояния. Причем проделала это с присущей ей легкостью и, главное, мимоходом, а потому не возникло ни тени сомнения — она такое проворачивает далеко не впервые.

Шли себе шли по не самой людной улице, и вдруг девушка бесцеремонно ухватила Рокки за руку, подволокла к банкомату и потребовала:

— Прикрой меня.

— Как прикрыть? — Тот не понимал, о чем вообще идет речь.

— Просто прикрой, чтобы цифры не таращились на то, что я делаю.

Рокки хотел было задать второй вопрос, уточняя, что же именно она делает, но осекся, когда увидел это без всяких слов.

Няша самым наглым образом грабила банкомат, выхватывая обильно вываливающиеся из него деньги. Невозможно поверить, что у спутницы имеется кредитка, да и глупо даже думать о таком, нет ее, уж такое разглядеть элементарно — легкомысленная одежда и монетки не скроет.

Не выдержав, спросил о самом в этот момент интересном:

— Как ты это сделала? Что за фокус?

— Все иммунные — экстрасенсы с разными умениями. У меня одно из умений — телекинез. Слабенький, но хитрый. Как видишь, помогает.

— И я тоже? — напрягся Рокки.

— Ты о чем?

— Ты сейчас сказала, что все иммунные — экстрасенсы.

— Нет, крестник, ты не иммунный, ты всего лишь придурок, а среди придурков экстрасенсов не бывает, смирись.

— Ну спасибо...

— Всегда пожалуйста. Отлично, мы теперь при деньгах, а тут в одном квартале ресторан мексиканской кухни. Любишь кесадилью?

— А если нет, мы в другой пойдем?

— Нет, я сама от мексиканской еды не в восторге, но насчет «любишь» — был не вопрос, а утверждение, так что будешь лопать, что дают.

— Это вряд ли.

— Наглеешь?

— Я к тому, что сюда идут полицаи. Подруга, ты спалилась, нас сейчас заметут.

— Дохлый скунс тебе подруга! Блин, ну я же просила меня прикрыть! Вот неужели это так тяжело?!

— Я тебе что, одеяло на десять квадратов, со всех сторон твои мослы прикрывать?!

— По счету «три» бежим, — деловито скомандовала Няша, пытаясь торопливо запихать комок купюр в почти символический карман.

— Ага, щас, вприпрыжку побежал. Деловая, ты, случайно, не забыла, что у меня нога барахлит?

— Да я уже сто раз пожалела, что с тобой связалась! Мало того что придурок, так еще и придурок хромоногий! Вот вечно мне на парней не везет, одни убогие липнут!

— Ну так беги сама, овца наглая.

— Что ты сказал?! Это я наглая?! — возмутилась девушка, не пытаясь сорваться с места и, похоже, вообще не собираясь это делать.

— Сержант Гулькин, патрульно-постовая служба, — раздался за спиной чуть напряженный, уверенный в себе голос. — Могу я узнать, что

вы здесь делаете?

— Да ничего особенного, просто деньги забираем, — с отстраненным видом заявила Няша, продолжая безуспешно сражаться с непослушным комом купюр.

— Банкомат не работает, предъявите ваши документы.

Комок наконец оказался в уродливо раздувшемся кармане, после чего девушка, удовлетворенно улыбнувшись, невозмутимо произнесла:

— Блин, у вас, цифр тупых, вечно одна пластинка. Ну вот где я могу паспорт в этих лоскутках спрятать, неужели по мне не видно?

Покритиковав рассеянность стражей порядка, Няша неожиданно для них и для Рокки занялась совсем уж бандитизмом. А именно — скользящим движением подалась в сторону парочки полицейских, неуловимо быстро вlepила ближайшему оригинальным образом сжатым кулаком в горло, почти в тот же миг достав второго, сочно стукнув его подъемом стопы в пах.

Можно на что угодно поспорить, что на это у беспредельщицы ушло не больше полутора секунд. И ладно там стукнула, она ведь натуральным образом вывела обоих из строя: получивший в шею с костяным стуком припал на колени, с хрипом хватаясь за поврежденное место; второй остался на ногах, но без толку, он на них только и мог, что нелепо подпрыгивать, издавая сипящие звуки и сложившись чуть ли не втрое.

Няша, жестоко обойдясь со стражами порядка, даже не подумала скрываться с места преступления. Игнорируя испуганные взгляды и возбужденные крики многочисленных прохожих, она уверенно избавила полицейских от оружия, а у одного к тому же отобрала наручники, после чего протянула оба пистолета Рокки:

— Сунь за пояс и прикрой рубашкой. Уходим отсюда, сейчас тут толпа соберется, а толпа цифр — это опасно, она неадекватных привлекает. И наручники себе в карман засунь, мне некуда.

Уже на ходу пряча трофеи, Рокки, воровато оглядываясь, напряженно осведомился:

— У тебя совсем чердак уехал? Да сейчас здесь все оцепят, без машины не выскочить.

— Хорошо, если оцепят, но это вряд ли. Связи нет.

— Рации работают.

— Ага, и поэтому полиция знает, что в городе творится черт знает что. Уж поверь, им сейчас вообще не до нас, они обычно тусуются где-то на окраинах, возле границ кластера. Многие просто смотрят на границу тупыми глазами и ничего не делают, у них так принято.

- А что хорошего в оцеплении?
- Ты о чем сейчас?
- Ты сказала, что, если оцепят, это хорошо.
- Конечно, хорошо, когда оцепляют, оружие покруче можно достать.
- Автоматы?
- Как повезет, но что-то получше пистолетов будет точно.

Слушая, с каким спокойствием говорит девушка, в которой вряд ли сорок пять килограмм веса наберется (включая одежду, обувь и выпитую перед криминальными делишками минеральную воду), Рокки не верил своим ушам и одновременно верил. То, как эффектно она разобралась с парой патрульных, доказывало это лучше всяких слов. Но представить, как Няша столь же непринужденно устраивает разгром вооруженных до зубов серьезных ребят, приехавших скрутить пару вооруженных преступников, не получалось.

Что-то здесь не так.

Хромая за спутницей, зашел за очередной угол, где задал новый вопрос:

- А если спецназ приедет? Ну в смысле — крутые спецы?
- Это вообще классно, у них самое лучшее оружие, — без раздумий ответила Няша.

Что на такое можно сказать, Рокки сразу не придумал, к тому же мыслительному процессу мешало бесчисленное количество раз проклятое колено, сегодня оно вело себя гаже некуда — захандрило считай с ходу, едва он с койки слез.

Спутница мимоходом заявляла, что нога быстро поправится, но опыт заставлял в этом сомневаться, подсказывал, что дальше будет только хуже и хуже.

— Не могла бы ты шагать маленько помедленнее. — Не выдержав темпа шустрой девушки, Рокки унился до просьбы, морально готовясь к новому применению любимого Няшей слова.

Но на этот раз она решила соригинальничать, резко остановившись, столь же резко обернулась, с нетипичным для нее участием спросила:

— Совсем плохо?

Подозревая подвох, ответил сухо:

— Похоже, колено разваливается. Слышишь, как скрипит?

— Нет, не слышу. Это у тебя в ушах скрипит, такое бывает. Водить умеешь?

— Что?

— Что тут непонятного? Машину водить умеешь?

— Без понятия, не пробовал. Должен уметь. Велосипед умею. А что?

— Пешком мы далеко не уйдем... — задумчиво ответила Няша. —
Надо что-то придумать.

— Машину опасно брать, я тут однажды покатался на такси, очень не понравилось.

— Ага, — согласилась девушка. — Все так катались, эти цифры в какой-то момент так чудить начинают, что лучше к дорогам вообще не приближаться.

— Может, велики?

— Можно и велики, но лучше мотоцикл.

— Угонять будем?

— Знаешь, ну его, лучше велики. На них не так быстро, зато тихо. Ты педали точно крутить сумеешь?

— Рекордов от меня не жди, но, если не гнать лошадей, рулю нормально. Проверено.

— Рокки, мексиканская кухня отменяется, но нам все равно нужно где-нибудь хорошенько пообедать. Потом тебе надо взять одежду другую, да и мне кое-что тоже нужно, и еще в оружейный магазин зайдем. И только потом за велосипедами.

Покосившись на раздутый от награбленного кармашек шортиков Няши, Рокки уточнил:

— По-честному все купим или ты опять устроишь черт знает что?

Девушка, продолжив путь без былой торопливости, подстраиваясь под неровную поступь искалеченного спутника, кивнула:

— Ну да, поедим нормально и купим все нормально. Кроме оружейного, конечно.

— Ты что, грабить оружейный магазин собралась?!

— Когда отключается электричество, их обычно закрывают из-за того, что сигнализация не работает — правила почти на всех кластерах такие. Продать там ничего не продадут, да и нам нельзя, у нас документов нет, с этим у цифр строго. Не везде, конечно, но на городских кластерах в официальных магазинах всегда так. Только если каких-нибудь бандитов найти, но где мы их найдем, в справочниках их адреса не указывают.

Рокки, уже почти ничему не удивляясь, перечислил:

— Значит, романтический обед, после него прибарахлимся насчет тряпья, грабим оружейный и потом уезжаем из города на великах?

Няша покачала головой:

— Потом ждем звонка, нельзя уезжать, пока он не прозвенит.

Вот и попробуй ее пойми: что за звонок, зачем его ждать и не

заработает ли Рокки новые проблемы из-за неизвестно чего...

Глава 15

Жизнь пятая. Звонки и прочее

Звонок раздался в тот момент, когда Рокки, надрывая жилы, затаскивал за прилавок охранника, безжалостно оглушенного перед этим девушкой, габаритами и массой уступавшей противнику раза в два с половиной. Следует отметить, что Няша уже не удивляла, нет — она поражала, ведь при столь скромных параметрах спутница одним неуловимо быстрым ударом утихомирила очень и очень нешуточного на вид бугая, причем раздобрел он не за счет жира и не был застигнут врасплох — амбал с решительным видом встречал нахалов, ввалившихся в волшебным образом открывшуюся дверь, что перед этим была закрыта на все запоры.

Спутница, оказывается, не только с банкоматами умела разбираться, перед ее сверхъестественным талантом не могли устоять и грубые механические замки.

— Слушай, может, браслеты на него нацепить? — предложил Рокки, с опаской поглядывая на утихомиренного громилу.

Девушка, всюду звеня смертоубийственными железяками, была всецело увлечена этим определенно неженским занятием и потому ответила рассеянно:

— Не надо.

— Вечно эта туша так валяться не будет.

— Очнется, еще раз добавлю, мне не жалко. Ты с винтовками как? Или только с пистолетами дружишь?

Рокки пожал плечами:

— Да я понятия не имел, что вообще умею из пистолетов стрелять. Ты же знаешь, у меня с памятью туговато.

— Блин, не тупи, по ощущениям своим отвечай, не думая. Вот, держи винтовку, к плечу ее приложи, прицелься. Что ощущаешь? Это твое или вообще не понимаешь, зачем оно тебе?

— Вроде все понятно, — неуверенно ответил Рокки.

— Плохо, — нахмурилась девушка. — Раз у тебя нет четкого ощущения, не будем рисковать. Возьмем тебе дробовик, из него далеко стрелять не придется, а близко ты точно попасть сумеешь, уже проверено. Или лучше попробовать винтовку?.. Блин, даже не знаю... Хотя ладно, тебе что одно, что другое не поможет, ты ведь придурок. Ну чего стоишь и

моргаешь? Возьми пару чехлов для оружия, носить в открытую по городу его сейчас нельзя, цифры сильно нервничают, когда такое видят. И костюм себе подбери охотничий, что-нибудь не совсем легкое, не то замерзнешь, тут ночами бывает холодно. Да и не только ночами.

Наставляемый потоком приказов от Няши, Рокки носился по магазину, хватая все, на что указывала девушка. Торговая точка специфическая, да и спутница не без странностей, поэтому уже через несколько минут оба чехла были набиты увесистыми предметами, еще маленько разместилось в сумке, туда же отправилась подобранная по размеру одежда.

В разгар грабежа Няша внезапно насторожилась, подскочила к чуть приоткрытой входной двери, постояла возле нее несколько секунд, после чего с тревогой прокричала:

— Рокки, уходим! Бегом за мной!

Тот бросился без дополнительных вопросов, оставив в покое пачки пулевых патронов, которые девушка только что требовала прихватить в максимально возможном количестве. Недолгое знакомство со спутницей показало, что она не любительница повышать голос.

Значит, случилось нечто, ради чего можно изменить привычкам, и вряд ли речь идет о чем-то позитивном.

Няша действовала столь целеустремленно, будто поспешное бегство из магазина — не спонтанное действие, а заранее спланированное мероприятие, где учтена каждая мелочь. Подгоняя хромающего спутника, домчалась до соседнего здания, уверенно распахнула массивную деревянную дверь, перед этим чудесным образом саму по себе щелкнувшую замком, дальше проследовала по лестнице, остановившись на площадке между вторым и третьим этажом, где заняла позицию возле узкого пыльного окна.

Только тут Рокки счел уместным задать логичный вопрос:

— Ты чего это?

— А ты чего? Разве не слышишь?

— Что?

— Вот ведь глухая тетеря! Постой спокойно, может, их мимо пронесет.

Спрашивать, кого именно пронесет мимо, он не стал, обоснованно подозревая, что внятный ответ не получит или даже вместо него будет в который уже раз словесно оскорблен.

Не пронесло.

Поначалу Рокки наконец услышал то, на что намекала Няша, — надсадный гул немаленького мотора. Звук неспешно усиливался, и вскоре показался его источник — среди зелени бульвара ехал тяжелый грузовик.

Надо отметить, что выглядела машина странно, кто-то серьезно ее модернизировал. Вместо кузова сварен металлический каркас, обшитый решетками и стальными листами, в которых устроены прорези, подозрительно напоминающие бойницы, кабина тоже укреплена на совесть, там и сям топорщатся заточенные железные штыри, сверху приспособлена башенка от какой-то боевой машины, она хищно крутилась из стороны в стороны, устрояя мирно шатающихся цифр крупнокалиберным пулеметом.

— Это что еще за цирк с конями?! — удивился Рокки.

— Привыкай, здесь на таком барахле по магазинам ездят.

— В смысле — иммунные так ездят?

— Нормальной бронетехники на всех не хватает, вот и выкручиваются, кто как умеет. Блин, я так и знала, они к магазину едут, знают о нем... вот же гады.

— Получается, это наши конкуренты?

— Да ты, блин, сама очевидность.

— Их там, похоже, не один и не два, почему твой кристалл не показал, что они здесь?

— Заряд еще не накопил, я не могу слишком часто его включать. Когда проверяла последний раз, они далеко были, за кластером, а он далеко не достает.

— Что за ребята? Нормальные?

— Да откуда мне знать? Наверное, нет, тут нормальных попробуй еще найди. Да и меня любой сейчас убить рад, ну или Ромео отвезти, если знают о его интересе.

— Тогда чего стоим? Сваливать надо.

— Да уймись ты уже, не суетись. Даже если у них есть сенс, он вряд ли отличит нас от цифр, они тут все забивают своими тушками, сплошные помехи. Посмотрим, что за народ, вдруг пригодится. Уйти можно через это здание, дальше по коридору должен быть другой выход.

Машина подъехала к магазину, остановилась, мотор, с трудом толкающий явно перегруженную конструкцию, приглушил свой бьющий по нервам рев. Распахнулась дверь кабины, одновременно с этим с невидимого с позиции Рокки бока кузова начали выскакивать знакомые фигуры.

Ну в каком смысле знакомые — именно этих людей он видел впервые, но они не очень-то отличались от большинства встреченных иммунных, если не считать Слепня и воскресшую Няшу. То есть милитаризованный вид, все при разнообразном оружии, держатся с таким видом, что любому

понятно — ребята готовы убивать все живое.

Приоткрытые двери магазина приезжих насторожили, но не остановили. Створки распахнули настежь, после чего тройка проникла внутрь, еще двое заняли позицию у входа, держа под прицелом окрестности. Как минимум один остался в машине, потому как пулеметная башенка продолжала крутиться.

Няша, пристально наблюдая за происходящим, внезапно дернулась, после чего удовлетворенно выдала:

— Ну наконец-то!

— Что наконец-то? — не понял Рокки.

— Что-что! Случилось то, чего мы ждали, неужели непонятно?! Звонок прозвенел, нам пора.

Потеряв всякий интерес к наблюдению, она спустилась на второй этаж, где чуть подождала отставшего спутника.

Отчаянно ковыляя, Рокки пожаловался:

— По ровному еще нормально шлепаю, но по лестнице спускаться — просто жуть. Нам срочно надо достать велики, не то я вот-вот ползать начну.

— Не до великов нам уже, драпать отсюда пора. Где одна такая команда катается, там и другая может подъехать, не хочется с ними связываться.

— А чего это тебя любой готов грохнуть? — поинтересовался Рокки, когда догонял Няшу уже в коридоре.

— Человечность мою видишь?

— Низкая отрицательная.

— Если меня прибьешь, твоя человечность не снизится, пусть даже я при этом не буду сопротивляться. Пока ее хотя бы до нейтральной не доведу, будет лучше никому на глаза не показываться. — Чуть помедлив, девушка задумчиво добавила: — Хотя мне и без этого показываться нежелательно, Ромео так просто не отвяжется, он тупой урод, но урод упорный.

— У вас с ним что, великая неразделенная любовь?

— Ха! Смеешься, что ли?! Да этот озабоченный даже слов таких не знает. Ты на разных извращенцев еще насмотришься, тут их чуть ли не каждый второй, на любой вкус. Поведешь мотоцикл.

— Какой мотоцикл? — не понял Рокки, сбитый с толку резкой сменой направления беседы.

— Какой-какой! Мотоциклов никогда не видел, что ли?! Тут, за домом этим, один на стоянке видела, поедем на нем до метки, а оттуда вообще

свалим из города. Нет, лучше я поведу, ты обязательно куда-нибудь вляпаешься, ты же безнадёжный придурок.

Ну вот, то звонки у нее какие-то загадочно-секретные, то что-то темнит с Ромео и кровожадными охотниками за ее непонятно по какой причине покрасневшей головой, а теперь вот метка нарисовалась.

Тоже непонятная.

Няша была темной шатенкой, но мотоцикл вела, как блондинка из примитивного анекдота, эксплуатирующего богатую почву интеллектуальной несостоятельности светловолосых девиц. Ехала она почти исключительно дворами, обычно запутанными и изобилующими разнообразными препятствиями, на дороги выскакивала резко, почти не оглядываясь по сторонам и не обращая ни малейшего внимания на рев клаксонов и ругань водителей, реагирующих на ее выходы крайне негативно. Складывалось впечатление, что девушка неотрывно уставилась на свет далекого маяка, куда пытается добраться быстро и кратчайшей дорогой, полностью игнорируя интересы всех прочих участников движения.

На вопрос, умеет ли Рокки водить мотоцикл, он бы сейчас ответил однозначно: «Я умею это делать раз в пятьсот лучше, чем эта ненормальная».

В двух местах они едва не вляпались, чудом избежав столкновения, но даже это не научило Няшу осторожности. Патрульная машина, нехстати вывернувшая из-за угла, попыталась было устроить погоню с сиреной, но в лабиринте дворов быстро отстала.

Остановились резко, в месте, где порядочным людям делать особо нечего: обшарпанная котельная, перед ней некачественно заасфальтированный пяточок, левее заглушенный кустами и бурьяном пустырь, правее коробка недостроенного здания, причем работы здесь, похоже, застопорились год назад или немногим больше — заброшенность ощущается, но пока что не сильно бросается в глаза.

Няша слезла с мотоцикла и уверенно направилась к стройке. Рокки она при этом ничего не сказала, однако он счел неправильным оставаться на месте и поплелся следом, морщась от боли в колене — оно вело себя все безобразнее и безобразнее.

Спасибо на том, что путь не затянулся — девушка остановилась возле кучи строительного мусора и при помощи подобранной палки начала в ней вдохновенно копать. Поведение, конечно, донельзя странное, но Рокки не спешил как-либо его комментировать, ведь не зря же они полгорода

пролетели на двух колесах, в этом обязан быть какой-то смысл.

Но вот какой?

Под бетонными обломками промелькнуло что-то черное, откровенно чужеродное — блестящая полированная поверхность. Несколько секунд, и Няша наконец извлекла на свет то, что ее сюда привело, — сильно вытянутый кейс из материала, похожего на пластик. Пристроив находку на бетонный блок, девушка приложила к ней обе ладони, после чего крышка сама собой поднялась, показав содержимое — темно-синий пакет, надувшийся под давлением содержимого, и короткий меч весьма причудливого облика — красиво изогнутый, с неравномерной, но приятно выглядевшей заточкой, с изломанно-суженным клинком, странно вывернутой рукоятью, с волнами по лезвию. Да уж, выглядит очень даже стильно, но явно не для мужской руки, слишком легковесный, на вид несерьезно хрупкий. Но при этом он парадоксальным образом не выглядел игрушкой — несомненное орудие убийства, а не бесполезное украшение на стену. Отдельно лежали ножны, такого же цвета, как и кейс, причем с виду чересчур узкие, чтобы в них смогло разместиться такое содержимое.

Ухватив все добро в руки, Няша поднялась и скомандовала:

— Постой здесь, мне надо переодеться.

Рокки хотел было сказать, что прихваченное из магазина тряпье осталось возле мотоцикла, но осекся, ведь для себя девушка ничего не успела припасти. Похоже, сменить гардероб она планирует за счет содержимого синего пакета, а учитывая скромные размеры последнего, ее новое одеяние обещает быть столь же фривольным, как и нынешнее, что радует.

Вот только зачем тогда вообще переодеваться?

Он и ошибался и нет — когда Няша спустя несколько минут вышла из недостроенного дома, у Рокки едва челюсть не отвисла. Концептуально новое облачение повторяло прежнее, разве что шорты сменились штанишками, тоже короткими, а топик теперь больше походил на разгрузочный жилет, созданный модельером, никогда прежде не имевшим дело ни с чем, кроме женской одежды для летнего сезона. И обувь тоже новая — черные ботинки, столь удобные на вид, что и себе такие захотелось, несмотря на то что они откровенно не мужские.

И вот как столько всего смогло поместиться в небольшой пакет? Даже если ногами с разбегу затрамбовывать — нереально. И меч тоже хитрым оказался, сумел пристроиться в ножнах, а те теперь закрепились на верхней детали одежды, где для них было устроено причудливо стильное, как и многое в обновках, гнездо.

Все это выглядело как реквизит для головоломного приключенческого фильма с элементами фантастики и одновременно идеально практично. Строгая амуниция для героини-авантюристки, где красота сочетается с эффективностью.

Такое в магазине не купишь.

Теперь понятно, почему Няша беспокоилась начет прически, но о тряпье даже не заикалась — вопрос с ним был решен заранее.

Непонятым образом.

Подойдя, девушка постучала ноготком по рукояти меча:

— Видишь?

— Допустим.

— Я почти что его крестная.

— Блин, так, значит, я у тебя не первый крестник?

— Ты человек, а это всего лишь меч. Я зову его Кусака. Посмотри внимательно.

— Да говорю же — вижу.

— Блин, вот же придурок, я с тобой или со стеной коровника разговариваю?! Я пристальный взгляд имела в виду! Посмотри как следует!

Рокки тоже мысленно себя обозвал, ведь пора уже с полуслова понимать, что и как надо делать, ведь много чего уже успел узнать, не совсем зеленый.

Меч Кусака с черных территорий. Усиленный. Открытых свойств нет. Имеются скрытые свойства. Привязан к владельцу. Владелец — Няша.

Ничего не поняв, ответил на наезд соответственно:

— Я посмотрел, и что дальше?

— Видел свойства?

— Ты о скрытых?

— А, ну да, ты же у нас совсем слепой. За моего Кусаку, Рокки, некоторые готовы несколько жизней отдать, это самая ценная моя вещь. Да ладно уж там — единственная, которую можно назвать ценной, остальное куда проще. Вот поэтому и пришлось задержаться. Все, теперь можно уходить.

— Это как? Почему твое барахло здесь оказалось? Я так понял, кластеры меняются на чистые, если раньше здесь что-то спрятала, добро должно пропасть. Или я где-то туплю?

— Вообще-то ты почти всегда тупишь, но сейчас нет, сейчас все верно,

прятать что-то на стандартном кластере можно только до перезагрузки. Но я ничего не прятала, это мои вещи. Они как бы сами... Блин, как бы это объяснить... Ты помнишь, я о привязанных предметах говорила?

— Ну?

— Мой Кусака привязан, одежда тоже. Она непростая.

— Тогда почему все это с тобой вместе не появилось? И почему мы ждали какого-то звонка?

— Количество, размер и вес привязанных предметов зависят от силы и некоторых достижений, которые очень непросто получить. Каким бы сильным ты ни был, без очень редких бонусов непосредственно с тобой появятся смешные крохи. У меня сохраняется только то, что в ладонь умещается, причем ладонь придется сжать покрепче. Все остальное через некоторое время переносится на кластер-респ в случайную точку или в заданную заранее точку, но это сложнее и неудобно, ведь никогда не знаешь, где именно ты окажешься. «Звонок» — это системное оповещение о получении указателя направления на тайник. Что-то вроде того звука, который в чатах настраивается, я тебе уже показывала. Садись, чего встал? Ехать надо, а не болтовню прокачивать.

Рокки, жадно впитывая информацию, решил попробовать чуть потянуть время, дабы вытащить из разговорившейся девушки еще что-нибудь:

— Слушай, а если меч сломается или его отберут, а одежда сгорит?

— Даже если привязанные вещи разнесет на атомы, после твоей смерти они окажутся здесь, обязательно чистыми и целыми. Это не касается только разряжаемых одноразовых магических предметов и боеприпасов, если ты их успеешь использовать, потеряешь навсегда. Ну и еще кое-что не работает, но это не важно. Если отберут, а сам не умрешь, через некоторое время у отобравшего все пропадет и окажется на одном из ближайших стабов в таком вот тайнике, а у тебя будет указано направление на него, а если ты будешь хорошим мальчиком, тогда и расстояние нарисуеться.

— Стабе?

— Блин, вот зачем ты меня заболтал! — резко нахмурилась Няша. — Может, давай об этом в другой раз поговорим? Сам же рвался из города, а теперь резину тянешь.

— В другой раз ты опять отмалчиваться начнешь, — пробурчал Рокки, забираясь на мотоцикл.

— Болтать здесь можно, но не всегда и не везде. И вообще, я тебе не справочная.

- Вообще-то ты сама обещала научить полезному.
- Больше слушай и смотри, меньше болтай. Все, погнали, и будь готов к проблемам.
- Что за проблемы?
- Проблемы бывают разные. Если верить карте, по дороге будет пара нехороших мест, а я без понятия, как их можно объехать. Придется напрямую.
- Да ты сама проблема, — не удержался Рокки.
- Это почему же?
- Мчишься как ошпаренная, раз десять нас чуть не угробила.
- Ты еще не видел, как я мчаться умею.
- Если не шутишь, я не хочу это видеть.
- А придется, Рокки... придется...

Глава 16

Жизнь пятая. Злобствующие цифры

Если говорить прямо, при езде на мотоцикле, которым управляет Няша, абсолютно весь маршрут кажется неприятным, и потому отметить какие-либо ярко выделяющиеся своей паршивостью места у Рокки не получалось. Негатива прибавляло и то, что новая одежда спутницы походила на старую лишь приятно обтягивающими очертаниями, а в остальном сильно ей уступала. До обнаружения тайника, появляющегося по воле непостижимой, как и многое в этом странном мире, силы, он мог подержаться за теплые плечи пусть и не эталонно-красивой, но весьма и весьма прелестной девушки с необычным характером, а теперь приходилось хвататься за жесткую кожу иссушенной солнечным жаром рептилии.

Непонятно, каким образом Няша в новой сбруе ухитряется вести себя столь же непринужденно, как и прежде. Это ведь почти что рыцарские доспехи, негнущиеся и не продавливающиеся под нажимом пальцев. Но она в них почему-то двигается совершенно свободно, будто это не более чем легкая ткань того самого симпатичного топики, брошенного где-то на оставленной за спиной стройке.

Нет, с этой то ли жилеткой, то ли огрызком курточки определенно что-то не так. Складывается впечатление, что жесткость работает только против Рокки, а для Няши материал делается мягким.

И вот уж парадокс так парадокс — оба эти свойства проявляются одновременно.

В городе между тем подошло время уже знакомого веселья. Проскакивая через улицы, приходилось без конца уворачиваться от игнорирующих абсолютно все правила машин, да и во дворах они то и дело мешали, преграждая проезд или несясь лоб в лоб там, где разъехаться невозможно. Няша пускала мотоцикл по бездорожью, по тропинкам и детским площадкам, распугивала цифр на тротуарах, а один раз нагло проехала сквозь торговый центр, стеклянные двери которого после отключения электричества оставили в распахнутом положении. Водители почти не гудели клаксонами на такие выходки, потому как непозволительно себя вели слишком многие.

Рокки даже без дополнительных вопросов начал догадываться, что

кластерная система куда сложнее, чем представлялось из обрывочных пояснений Няши. Похоже, от кусочка территории к кусочку меняется не только география, но и скорость деградации населения. В одних случаях психи появляются чуть ли не мгновенно, в других проходят часы, прежде чем замечаешь нехорошие изменения.

Сейчас они начали бросаться в глаза даже при сумасшедшей езде, когда хочется зажмуриться и вообще ни на что не смотреть. Там и сям по обеим сторонам их маршрута и впереди к небесам вздымались дымовые столбы от разгорающихся пожаров, слышался грохот от сталкивающихся на высокой скорости машин, отовсюду орали от боли или ужаса. Старик с седой клочковатой бородой, свисающей до пояса, выйдя из подъезда с мусорным ведром, высыпал его содержимое прямо перед мотоциклом, скалясь при этом однозубым ртом; полицейский с безумными глазами маршировал на одном месте посреди улицы, приставив пистолет к виску и не обращая внимания на завал из разбитых автомобилей в паре десятков метров от него; немолодая женщина, противно визжа, швырнула пустую бутылку, едва не угодив Рокки в голову.

Да уж, отсюда определенно пора уезжать, город на глазах меняется в нехорошую сторону.

Критиковать манеру езды спутницы можно бесконечно, почва для этого весьма плодородна, но нельзя не отдать ей должного — в отличие от таксиста, с которым Рокки едва не хлебнул полный ушат горького горя, она ухитрилась большую часть маршрута избегать откровенно смертоносных мест. Гнала дворами, парками, по аллеям бульваров, рулила, как будто последний день живет, но, возможно, именно так и следует передвигаться в сложившейся ситуации.

Везение им изменило, когда Рокки уже частично смирился с безумной гонкой, местами это почти начинало нравиться.

Что-то хлестко щелкнуло, негромко и вроде как неопасно, хотя то, что звук донесся отчетливо, легко справившись с надрывным гулом мотора, должно было насторожить. Но насторожиться Рокки не успел, потому что мотоцикл ни с того ни с сего дернулся, а потом все закружилось-завертелось, заколотило жесткими ударами асфальта по плечам, бокам, спине, голове и, разумеется, многострадальному колену.

Несмотря на то что, заезжая во двор, водительница резко снизила скорость, падение вышло знатным. Рокки повезло прокатиться несколько метров по ровному месту, где ничего выпирающего и твердого не приголубило его до смерти или серьезных травм. Но обстучало знатно, оглушенный, он, скорее ведомый инстинктом выживания, чем

прислушиваясь к крикам Няши, перекатился с боку на бок, зачем-то прижимаясь к высокому бордюру. Лишь там начал что-то соображать, повернув голову в направлении очередного резкого звука.

Это уже щелчком не назовешь, это выстрел из серьезного ствола.

Ствол обнаружился метрах в двадцати и принадлежал винтовке, которую сжимал в руках грузный мужик в не первой свежести майке-алкоголичке. Нижнюю часть его тела оценить не получилось, потому что она скрывалась за машиной, которую он облюбовал в качестве позиции для обстрела заезжающих в его двор мотоциклов, а верхняя злобно скалилась, выкрикивая незатейливые ругательства и безуспешно сражаясь с затвором. Складывалось впечатление, что этот тип только что растерял навыки обращения с оружием, даже в столь суматошной обстановке Рокки понимал, что подобного рода кривые усилия к успеху не приведут.

Но валяться под прицелом откровенного психа в любом случае некомфортно, и страха не было лишь по одной причине — сознание, приходя в себя после оглушающего падения, все внимание обратило на Няшу.

Там было на что посмотреть.

Девушка, ничуть не обескураженная тесным знакомством с асфальтом, неслась в сторону ругающегося стрелка. Да-да — не бежала и не шла быстрым шагом и даже не передвигалась прыжками, она именно неслась, скользя по земле с такой непринужденной легкостью, будто персонально для нее гравитацию уменьшили в семь раз.

Случайно ли так получилось или мужик наконец осознал свою ошибку, но затвор наконец с лязгом вернулся, загоняя патрон в казенник. Еще миг, и пуля вылетит, ударит в упор по частично затянутой в черное стремительной фигурке, но Няша этот миг предоставлять не стала.

Изящный пережат через капот, мимолетное, почти незаметное прикосновение локтя к потной, продолжающей сквернословить морде, и вот уже ее резко притихший обладатель летит в одну сторону, а его винтовка в другую. Рокки глазам своим не поверил, ведь удар и ударом-то не казался, так... почти ласковое поглаживание, а результат такой, будто боксер-тяжеловес от души приложил.

Няша, приземлившись на ноги по другую сторону от машины, мстительно пнула валяющееся за ней тело, затем, нагибаясь, приказным тоном заявила:

— Бегом тащи все сюда, мотоцикл дальше не поедет, этот козел умудрился в него попасть.

Рокки, не без труда поднявшись, ухватил оба чехла и сумку,

прихрамывая втрое пуще прежнего, направился к Няше — грубое соприкосновение с асфальтом для колена даром не прошло.

Девушка тем временем вытащила из кармана поверженного стрелка автомобильный ключ, нажала, повернулась на писк отозвавшейся машины, напряженным голосом пояснив:

— На ней поедem.

Рокки и без слов это понимал, мигom туда стопы направил, тоже напрягаясь — этот вид транспорта куда неудобнее в сложившейся ситуации. Не погоняешь где попало и слишком уязвим против психов за баранкой. Но второго мотоцикла поблизости не наблюдается, а шататься пешком с такой ногой — врагу не пожелаешь.

Закинув поклажу на заднее сиденье, начал пристраиваться на переднем, по ходу дела удивляясь действиям девушки — в случае с мотоциклом она легко обошлась без ключа, а сейчас проявляет нервозность, возможно связанную с управлением транспортом.

— Няша, что-то не так?

— Я с машинами не очень-то дружу, а тут еще и коробка-автомат. Не повезло.

Хотел было сказать, что первый раз видит девушку, которая предпочитает механику с ее усложненным управлением, но осекся.

А много ли он девушек знает? И вообще, поди пойми, откуда такие мысли в голову лезут.

Странная какая-то амнезия — много чего знаешь, но, хоть убей, не понимаешь, откуда эти знания берутся.

Начав вырulивать, Няша предупредила:

— Сейчас по карте будет широченная улица, на таких обычно самое веселье. Дальше попробуем по переулку до самой речки, если мост целый, выскочим нормально.

— Ты же говорила, что там не будет реки, — нахмурился Рокки.

— Нет, я говорила, что есть. Но это так себе, ерунда, а не река, почти ручей. Только без моста через нее не проедem, конечно. Держись.

Почему надо держаться, Рокки понял почти сразу — Няша машиной управляла примерно так же, как и мотоциклом. То есть будто водительское удостоверение ни разу в руках не держала (как и руль). При этом на газ она давила беспощадно, того и гляди педаль под пол уйдет, если и ослабляла нажим, то лишь ради того, чтобы ударить по тормозам.

Удивительно, но на широкой улице проблем не заработали вообще. И слева и справа невдалеке виднелись заторы из столкнувшихся автомобилей, новые желающие стукнуться в кого-нибудь посильнее не могли из-за них

проехать. Один, правда, вынесся из того самого переулочка навстречу, но повезло, оказался нормальным или около того, даже возмущенно посигналил, выказав свое отношение к манере езды Няши.

А она, чиркнув боком по высокому бордюру, вновь заставила взрывать двигатель на высоких оборотах, за которыми не поспевала коробка передач. Рокки, глянув вперед, расслабился — улочка узковатая, но чистая, спросом у цифр определенно не пользуется. Больше похожа на пешеходную зону, чем на проезд для транспорта, вон даже запрещающий знак висит, нельзя, дескать, соваться дальше на колесах.

Но Няши это, само собой, не касалось.

Машину внезапно шумно дернуло на ровном месте, ведь асфальт тут чуть ли не в идеальном состоянии — ни выбоины, ни намека на преграду. Рокки оглянулся, успев увидеть, как здоровенный черный внедорожник, нагнав, вновь наваливается силовым бампером.

— Вот же придурок! — озлобленно выкрикнула Няша, с видимым усилием вдавливая газ.

— Я так понимаю, ты это не мне? — Рокки задал риторический вопрос и, напрягаясь в ожидании следующего удара, крикнул: — Давай дави на газ!

— А я что, по-твоему, делаю?! Эта рухлядь быстрее не может!

— Так за нами тоже не спорткар гонится!

— Дай пистолет! — вновь воскликнула девушка, протягивая руку.

Вложив в ладонь оружие, спросил:

— Ты что собралась делать?

Няша, опуская стекло, удивительно спокойным для такой ситуации голосом произнесла:

— Держи руль, я быстренько.

Почему надо держать руль, Рокки понял через миг, когда девушка, наполовину бросив управление, высунулась в окно, гибко изогнувшись и начала поспешно опустошать магазин пистолета. Преследователь, не успев настигнуть еще раз, резко сдал в сторону, на скорости перевалился через бордюр и, быстро замедляясь, понесся через чахлые кусты.

Все это Рокки сумел разглядеть очень фрагментарно и исключительно в боковое зеркало, потому как приходилось работать обеими руками из крайне неудобного положения. Машину сейчас, получается, вели два водителя: один рулил, второй давил на педаль газа, каким-то чудом ухитряясь до нее дотягиваться.

Спасибо, что дорога прямая, нет нужды маневрировать, знай себе держись на ровном курсе.

Няша, вернувшись в салон «целиком», перехватила руль, а Рокки, убрав руки, спросил:

— Откуда этот крендель взялся?!

— Не знаю. Это же цифры, они тут повсюду, не обращай внимания.

— И надо же было именно к нам привязаться... Ты в него попала?

— Наверное. Два раза по стеклу напротив него.

— Это нормально?

— Ты о чем?

— Ну, вот так — стрелять по ним?

— Так он же первый полез, — равнодушно ответила Няша и, внезапно свернув в проезд, который вел во дворы, пояснила смысл странного маневра: — Впереди псих из окна таращится. С ружьем. Ну его на фиг.

Во дворе едва-едва успели уйти на тянущуюся вдоль дома дорогу, чтобы избежать лобового столкновения с полицейской машиной. Та, как это теперь принято у многих в городе, неслась с головокружительной скоростью, но сейчас водитель вдруг решил одуматься, ударил по тормозам до визга шин, после чего начал сдавать назад и разворачиваться, одновременно врубив сирену.

— Мы им понравились, — напрягся Рокки.

— Ага, — с тем же равнодушием согласилась Няша, едва не сбив выскочившую перед бампером очень даже аппетитную девчонку с вьющимися светлыми волосами, опускавшимися аккуратно до талии, ниже которой абсолютно все радовало мужской взор.

Пусть и цифра, но руки сами напряглись, захотелось за такую подержаться.

Проводив красотку взглядом, Рокки вернулся к насущным проблемам:

— Мы что, медом намазаны? Какие-то нездоровые дела.

— Насчет меда в чем-то ты прав, — снова согласилась Няша, вновь вырulingивая на улицу.

В этот миг неподалеку бабахнуло, по кузову, где-то сзади, что-то врезало.

— Этот псих! Он стреляет! Урод! — занервничал Рокки.

— Ну да. Только у него обычное ружье, оно далеко не достанет, не надо так волноваться.

— А в чем я прав? — уточнил Рокки после еще пары выстрелов, не увенчавшихся видимым или слышимым результатом.

— У многих цифр есть что-то вроде нюха на иммунных, а в этой машине нас сразу двое. Отсюда и повышенное внимание к ней.

— Я разок немного побродил с еще одним типом вроде тебя, но в

очередь на нас никто не становился.

— У меня человечность отрицательная, они от таких часто в бешенство приходят, — поделилась информацией Няша.

— А чего это она у тебя отрицательная? Как ты ее понизила и зачем?

— Зачем?.. Да так... пришлось...

— Темнишь.

— Да нечего тут темнить. Все просто — круче всего человечность падает, когда убиваешь иммунного, который тебе ничем не угрожал, не покушался на твою свободу, в общем — не трогал. В данный момент не трогал, раньше он мог много гадостей наделать, но старое не считается, есть определенное время, после которого Механизм делает вывод, что конфликт исчерпан. Если цифру убить ни за что, человечность тоже снизится, но чуть-чуть. И еще некоторые поступки ее снижают — нехорошие с точки зрения управляющей Системы.

— Системы?

— Вообще-то ее принято называть Механизмом, но можно и Система. Главное, всегда пиши оба эти слова с большой буквы, примета такая.

— И что это такое?

— Не знаю. Никто не знает. Но оно всем здесь заправляет, само по себе тут ничего не делается. Такой мир без управления работать не будет, что-то тут должно быть.

— Значит, ты у нас бандитизмом балуешься? Уголовница?

— С чего ты это взял?!

— Как это — с чего? Откуда у тебя низкая человечность?

— Придурок, ты же вообще ничего не знаешь, а такую ерунду говоришь! Блин, и еще эти психи на наши головы!

Машина и правда досталась непервосортная — полицейские, потеряв прорву времени на разворот, стремительно наверстывали упущенное. И минуты не пройдет, как догонят, что ты ни делай.

— Поддержать руль? — спросил или, скорее, предложил Рокки.

— Зачем?

— Ты же сейчас стрелять будешь.

— В полицейских?! Блин, ну спасибо! Да ты совсем в минуса загнать меня решил?!

— Не понял? Ты ведь только что стреляла.

— Я стреляла в не пойми кого, которые тогда первые на нас напали и машину нам долбили. А это полиция, у нее есть законное право преследовать подозреваемых, пока они в тебя не стреляют, ты тоже стрелять не можешь. Иначе штраф по гуманности выйдет почти такой же,

как за иммунного, который тебе вообще ничего не делал. Ну это, конечно, только на их кластере работает, за ним уже не так сильно в минус уходишь, а дальше вообще без разницы, можно вообще ничего не потерять, если повезет.

Похоже, эта гуманность и правда много значит, раз спутница, до этого без малейших душевных терзаний избивавшая цифр и даже стрелявшая по ним, сейчас держит себя в рамках законопослушности.

— А те полицейские, которых ты отдубасила у банкомата? — напомнил Рокки.

— Так не убила же, такое делать можно. Только сильно этим нежелательно увлекаться, Механизм может наказать — примета плохая.

— А хорошие приметы здесь вообще встречаются? Нас, кстати, менты догоняют.

— Держи руль.

— Но ты же сказала, что в них стрелять нельзя?..

— Придурок, просто поддержи руль! Вот откуда ты такой болтливый выискался!

Высунувшись, Няша выстрелила один-единственный раз, после чего тут же перехватила управление на себя, Рокки даже ничего сделать не успел. Патрульная машина, которая при этом выскочила на едва выраженный поворот, резко ушла в сторону, перевалилась через невысокий бордюр, снесла угол киоска, после удара развернулась и замерла.

— Я им в колесо, — негромко пояснила девушка. — Рискованно, конечно, но, если никого не покалечит, гуманность обычно не снижается. Готовь свой пистолет, сейчас будет мост, там кто угодно может стоять, цифрам такие места нравятся. Если эти передали по рации, о нас знают.

Машина выскочила из стиснутого рядами старых пятиэтажек переулка, дальше дорога резко расширялась, сливаясь с другой, после чего, заворачивая, наискось спускалась к обещанной реке, которую даже речкой не каждый назовет — ручей ручьем. Тем не менее для транспорта преграда непреодолимая, даже вездеходу туго придется — берега обрывистые и высокие.

Их соединял мост — короткий, шириной на две полосы, а перед ним перпендикулярно дороге выруливал еще один патрульный автомобиль; полицейский, выскочивший из него прямо на ходу, уже начинал целиться.

— Пригнись! — крикнула Няша, выворачивая руль.

Машина, визжа насилуемыми шинами, понеслась непредсказуемым зигзагом. Щелкнул пистолетный выстрел, затем они загремели один за другим. Несмотря на незначительную дистанцию, лишь четвертый

увенчался попаданием — пуля звонко врезала по корпусу.

— Стреляй в окно! Просто стреляй! В небо стреляй или куда угодно! — заорала девушка.

Последнее могла и не сообщать, в столь скрюченном положении Рокки ничего не мог разглядеть, так что ни о каком прицеливании не могло быть и речи. Выставив руку в окно, он потянул за спусковой крючок. Естественно, попасть ни в кого не попал, но надо признать, что ровный ритм обстрела нарушился, полицейский, похоже, начал нервничать.

Но все равно машина приняла еще несколько пуль, прежде чем Няша, выпрямляясь, скомандовала:

— Поднимайся. Пронесло, проскочили.

Выпрямившись, Рокки спросил:

— Что с машиной? Порядок?

— Откуда мне знать, я в них не разбираюсь.

— В нас попали несколько раз.

— Она железная, значит, кровью не истечет. Раз едет, то и дальше будет ехать.

Рокки, осмотревшись на предмет поисков повреждений, ничего не заметил, как и не уловил подозрительных запахов (например — разлитого бензина). В разгар этого занятия машину сильно встряхнуло, что вызвало с его стороны стандартно-недовольное замечание:

— Поаккуратнее, не дрова везешь.

— Граница кластера, — рассеянно ответила Няша. — На ней даже на ровном месте почти всегда встряхивает, привыкай уже.

— А чего так? Какое-то поле силовое?

— Да нет тут ничего. Вообще ничего. Тот же воздух, никакой разницы не увидишь, просто на асфальте ровная трещина. Иногда она узкая, иногда широкая, один край часто выше другого. Местами могут оползти возникнуть, но обычно не сразу, время после перезагрузки проходит, да и нечасто такое. Один раз видела, как кластер с куском газопровода перенесло. Газ начал выходить из разрыва и загорелся, это было что-то с чем-то, огонь метров на пятьдесят поднялся. Как твоё колено?

— Ехать могу хоть целый год, это можно вообще без ноги делать.

— Даже не мечтай, на машине мы далеко не уедем.

— А чего? Бензина почти полный бак.

— Понимаешь, Рокки, некоторые зараженные уверены, что машина — это консервная банка с вкусной едой. Звук мотора они слышат за несколько километров и могут мчаться с такой же скоростью, как и мы, а то и больше. При этом почти не устают, пули их не берут или берут плохо, когтями

сдирают броню с бронетранспортера, а кое-кто и с танком запросто разберется. Если хочешь, катайся сам, а я лучше пешочком, это полезнее для здоровья.

— Ты насчет танка не преувеличила?

— Скорее преуменьшила.

— Да уж, сложно у вас тут... Знаешь, я, пожалуй, тоже пешком похожу.

— Правильное решение. Хлебни живца, твоему колену это нужно. Бери бутылку и пей, не смотри на меня глазами тупой коровы. Всегда следи за споровой шкалой, все время поддерживай ее на максимуме, но не допускай передозировки. Тогда регенерация будет максимальной и твое колено быстрее вылечится.

— Не верится, что такое вообще лечится.

— Ты иммунный, даже если тебе ногу оторвет, она отрастет через несколько недель.

— Прикалываешься?

— Можно и быстрее, но для ускорения знахарь нужен — человек с особым умением. Таких не так уж и много, они у нас нарасхват. Непыльная работа — сидишь себе в стабе и почти ничем не рискуешь, просто покалеченных восстанавливаешь и с умениями народу помогаешь. А я тут самая невезучая, мне вот не повезло абсолютно во всем, вот и мотаюсь там, где нормальным девочкам делать нечего. Бли-и-и-ин! — чуть ли не завизжала Няша, резко уводя машину к обочине.

Ничего удивительного, если учесть, что по асфальту перед бампером начали стрелять чем-то серьезным и частично трассирующим, отчего высекало искры и разлетались куски покрытия. Ливень пуль поливал середину дороги, если двигаться дальше, неминуемо под него подставишься.

Несмотря на резкий маневр, машину все же зацепило, и это не походило на прежние попадания, где работали пистолетные пули — застучало тяжелыми молотами где-то в районе багажника, заднее стекло, разваливаясь, брызнуло осколками, нехорошо завоняло бензином.

Рокки, частично выставив голову в окно, успел увидеть, как над машиной пронеслась пузатая туша вертолета, хотел было сообщить Няше, что, похоже, пробит бак, но тут стрелок, вывернув оружие, напоследок выпустил еще одну очередь, наудачу, явно не целясь, удерживая ручной пулемет в крайне неудобном положении.

И вот же сволочь — попал так попал. Несколько пуль прошили крышу, одна или две ударили в спинку сиденья с такой дурью, что в нем нехорошо

хрустнуло. Показалось, будто задело не только машину, досталось и телу.

А еще вскрикнула Няша. Незлобно и неиспуганно — нет никаких сомнений, что в девчонку попали.

Но Рокки все же решил уточнить — разворачиваясь так, чтобы следить за ушедшим на разворот вертолетом, напряженно спросил:

— Ты как?!

— Живая, — еще более напряженно ответила девушка. — Не отвлекайся на меня!

От чего именно не следует отвлекаться, Рокки не понял и решил добавить важную, по его мнению, информацию:

— Этот козлина разворачивается. И у нас, похоже, бак проби...

Договорить не успел — позади будто предсмертно вздохнули, после чего в один миг салон заволокло удушливым химическим дымом, а в районе разбитого стекла взметнулись язычки пламени.

— Ну вообще зашибись! — заорал Рокки, судорожно крутя головой в поиске хоть какой-нибудь возможности выскочить из пылающей машины не под пули с небес.

— Держись! — ответила на это Няша, резко заворачивая на едва заметную дорогу, уходящую в редколесье. Скорее — тропу, где разве что на велосипедах кататься, по такой быстро не погоняешь. Но нельзя не признать, что решение верное и к тому же своевременное — вертолет, возвращаясь на второй заход, не смог отреагировать на него оперативно, и стрелок оказался в крайне невыгодном положении. Он все же выпустил пару очередей, но, в отличие от первых, ни о какой меткости не могло быть и речи.

— Вот же привязался, падаль! — крикнул Рокки, не переставая крутить головой. — Няшка, мы тут сейчас зажаримся! Горим!

Разогнавшаяся машина подпрыгнула на кочке размером с добротный пень и пошла дальше чуть ли не боком. Но вины водительницы в этом не было, она изо всех сил пыталась объехать неожиданно возникшее на дороге препятствие — коровью тушу, к которой с откровенно нехорошими намерениями пристроились три сгорбленные фигуры в грязнущей одежде. Рокки не успел удивиться тому, что эти зараженные совершенно не реагируют на происходящее, — ему стало не до этого, автомобиль вынесся на целину, при этом под его днищем что-то резко и очень неприятно хрустнуло.

Через пару секунд машина остановилась одновременно с осознанием простого и важного факта — дальше она не поедет.

— Все! — сквозь самые натуральные слезы выдохнула Няша,

неуклюже вываливаясь в распахнутую дверь — ее былая грация и ловкость куда-то запропастились.

Рокки выскочил со своей стороны, торопливо оббежал вокруг машины и, раздумывая над сложившейся ситуацией, замер перед сидящей на траве девушкой. Та, подогнув правую ногу, ладонями зажимала фонтанирующую рану под коленом, а действия спутника прокомментировала нехорошо:

— Придурок, ну что ты творишь?! Беги отсюда! Быстрее беги, может, повезет!

— А ты?!

— Ослеп, что ли?! Отбегалась я, пуля по костям прилетела! Беги давай! В лес беги!

Рокки, обернувшись, оценил расслабленную неторопливость, с которой разворачивался вертолет, и понял, что Няша права, даже у здорового шансы невелики, среди редко растущих деревьев затеряться будет непросто, вот потому убийцы и не спешат.

С обезноженной спутницей до этих деревьев даже добраться не получится, у самого в одиночку шансы невелики, но они все же есть.

Разумом понимая правоту девушки, присел перед ней и упрямо выдал:

— Хватайся за шею!

— Зачем?!

— Ты легкая, я донесу.

— Блин, крестник, ну вообще! Как ты меня уже задрал! Беги давай! Беги, тебе сказано! Вот почему тебе по сто раз одно и то же повторять надо?!

— Но...

Няша грубо отпихнула предложенные плечо и шею, завалилась на спину, мучительно скривилась, прижимая к телу согнутую в колене подстреленную ногу.

А Рокки никуда не побежал, он не видел в этом ни малейшего смысла, да и душевным комфортом жертвовать не хотел — какая-никакая, а подруга, негоже ее бросать. Если уж помирать, так вместе, чтобы потом также вместе оказаться на одном респе. Косясь на вертолет, который определенно никуда не торопился, ведь мишени потеряли мобильность, явно безобидны и никуда не денутся посреди открытого травянистого пространства, рванул на себя дверцу машины.

Винтовка, которую удалось выдернуть из чехла первой, была не слишком удобной для случаев, когда нужно много и быстро стрелять. Болтовая пятизарядка, с такой высокий темп не покажешь. Няша, перед тем как запаковать оружие, проследила, чтобы его зарядили. С точки зрения

безопасности перевозки — не самая правильная идея, но сейчас Рокки высоко оценил предусмотрительность девушки.

Итак, в наличии пять патронов, причем немаленьких — спутница будто на слонов собралась охотиться, не пожалела утащить из магазина самую тяжелую дуру нешуточного калибра — с боеприпасами, смахивающими на малогабаритные снаряды.

Одно плохо — их слишком мало. Нужно больше, желательно — в десятки раз больше. Пять — это ни о чем. Но Рокки уже не мог остановиться, вскинув оружие, он оттянул на себя рукоять затвора, затем толкнул ее вперед, загоня в казенник остроносую смерть.

Вертолет неслил прямым курсом, замысел экипажа был очевидным — зависнуть над жертвами, после чего расстрелять их в идеальных условиях. Рокки и сейчас и до этого сумел рассмотреть за остеклением кабины два кресла, в одном из которых болталось апатичное тело, подозрительно похожее на мертвое, а в другом, в унисон жизнерадостному пулеметчику, скалился пилот в пятнистой форме. Это определенно не вызванная по рации милиция, это повезло нарваться на пару психов, решивших коллективно поиграть в смерть с небес.

Ну что же, Рокки тоже с ними поиграет.

Жаль, игра обещает стать короткой.

На пять патронов.

Прижав к плечу пятку приклада, Рокки поймал в прицел кабину, набрал в грудь воздуха, остановил дыхание и плавно выбрал свободный ход спускового крючка. Выдержав неожиданно сильную отдачу, поспешно повторил манипуляции с затвором, выбрасывая гильзу и заменяя ее новым патроном.

Выстрел. Выстрел. Выстрел. Отдача слишком сильна, грохот тоже недетский, результаты пальбы не видно и не слышно, но то, что вертолет начал снижаться, радует — пилот хоть как-то реагирует.

Нажимая на спусковой крючок в пятый раз, Рокки обратил внимание, что остекление летающей машины стало ненормально неоднородным и местами мутноватым, а еще от него вроде бы однажды отлетели мелкие фрагменты. Очень может быть, что разок-другой попасть получилось, вот экипаж и занервничал.

Бросив разряженную винтовку, потянул из чехла дробовик. Оружие явно не для такой ситуации, но все же лучше так, чем с пустыми руками переть против авиации.

Вот только стрелять не пришлось — события, и без того разворачивающиеся без заминок, дальше понеслись разогнавшейся

ракетой.

Вертолет, совершавший маневр снижения, очень сильно с ним увлекся. Ревя с такой дурью, что по шуму почти сравнился с выстрелами из винтовки, клюнул носом, нелепо задирая хвост и одновременно рискованно припадая на бок. Рокки и моргнуть не успел, как дело дошло до катастрофы. Первым земли коснулся несущий винт, его лопасти подняли фонтаны вывороченной земли, смешанной с изрубленной травой, от запредельной нагрузки они почти тут же начали разрушаться, разбрасывая стремительно разлетающиеся обломки.

Все это затянулось не больше чем на мгновение, после чего вертолет грохнулся с оглушительным треском, закружился на боку, будто черепаха, отчаянно пытающаяся перевернуться на брюхо, и тут же вспыхнул. Огонь охватил его в считанные секунды, заревел, посылая к небесам столб дыма. Лицо обдало волной жара, заставив попятиться.

То, что случилось с вертолетом, было необъяснимо, но Рокки даже не стал озадачиваться по этому поводу. Летаящая позиция для пулемета перестала существовать вместе с экипажем, пусть это будет божественным промыслом или сатанинскими проделками, главное — результат вполне устраивает.

Ну да, результат радовал — Рокки живехонек, несмотря на то что меньше минуты назад был твердо намерен отправиться на очередное возрождение.

А те, кто собирался его отправить, мертвы.

Кстати о мертвецах — троица обгаженных зараженных, увлеченно копавшихся в разодранном коровьем боку, там и осталась. В том смысле, что аппетит у них резко пропал, причем навсегда или около того — обломок винта прошелся по ним лезвием косы, двух уделав наглухо, а последний лишился нижней части тела и сейчас, жалобно урча, барахтался в луже собственной крови, ненормально темной на вид.

Убедившись, что с этой стороны угрозы тоже нет, Рокки, морщась от нестерпимого жара, торопливо выбросил из машины аптечку, обнаруженную под водительским сиденьем. Со второго оружейного чехла пришлось сбивать пламя, а сумке осталось лишь рукой на прощанье помахать — огонь уже успел до нее добраться, охватив заднюю часть автомобиля. Больше там спасать, пожалуй, нечего, самое время заняться Няшей.

Сжимая в одной руке дробовик, а в другой аптечку, направился к девушке, остававшейся на том же месте.

Личная победа — уничтожен безумец. Уровень — 2. Получено 5 очков к прогрессу меткости. Получено 1 очко к прогрессу скорости. Личная победа — уничтожен безумец. Уровень — 2. Получено 5 очков к прогрессу меткости. Получено 1 очко к прогрессу скорости.

На новую порцию текстовой информации не обратил внимания. В голове сейчас состояние до неприличия разваренной каши, события последних минут самого твердолобого пофигиста могут в законченного неврастеника превратить, буквы перед глазами расплываются, смысл не улавливается.

На взрыв за спиной тоже не обратил внимания, как и на хлопки пары выстрелов. Горят и вертолет и машина, и там и там хватает предметов, которые способны шумно отреагировать на столь серьезное повышение температуры.

Няша сидела на траве, поджав простреленную ногу и продолжая зажимать рану ладонями. На ее выразительном подвижном лице хорошо просматривались признаки молчаливо переносимых нешуточных страданий, что неудивительно для человека, через чью голень только что прошла пуля. Однако в первую очередь в глаза бросалось не это.

Няша была удивлена. Или, скорее, — поражена. Такой Рокки ее не то что не видел, он даже представить не мог, что она способна выглядеть настолько выбитой из колеи.

Присев перед девушкой, он начал торопливо копаться в аптечке, поясняя:

— Сейчас замотаем для начала, бинты тут есть, а потом уже подумаем, чем бы дальше заняться. Как вы тут развлекаетесь, а то у меня вечерок свободен.

— Рокки?.. — голосом столь же удивленным, как выражение ее лица, вопросительно произнесла Няша.

— Чего?

— Что с тобой вообще?

— Няш, ты о чем?

— А ты разве не знаешь, о чем я?! — напряглась, привычно заводясь, спутница.

Даже с такой раной она ухитрилась оставаться сама собой.

— Я вообще-то о твоей ноге хотел поговорить, а вот о чем говоришь ты — непонятно.

— Рокки, ты только что из непристрелянной винтовки всадил все пять

пуль в голову и грудь пилота летящего вертолета. Понимаешь, это даже для ребят покруче меня чересчур, а ты не крутой, ты ведь просто придурок. Что с тобой такое? Рокки, я должна это знать.

Глава 17

Жизнь пятая. Прогноз погоды от Няши

Дорогу преградило упавшее дерево. Тонкое, переступить через него — пустяк, но это если говорить о стандартной ситуации, когда ты пешим ходом прогуливаешься по редкому лесочку, слушая чирикание птичек, любуясь видами природы и сверкая на всю округу благодушным выражением морды.

Нынешняя ситуация определенно не из стандартных, ведь на Рокки нагружены чехлы с дробовиком, одной винтовкой и патронами, но это ерунда в сравнении с Няшей. Девушка расселась на плечах, свесив ноги и держа в руках вторую винтовку, при этом делая вид, что хладнокровно контролирует окрестности — в ее адекватное восприятие действительности верилось слабо, потому как рана из тех, при которых полагается на сильных обезболивающих отлеживаться.

Няша легкая, но все же не пушинка, да и неодушевленный груз следует учитывать. Рокки не стал рисковать потерей равновесия, начал обходить препятствие, но девушка его остановила:

— Давай передохнем, нужно хотя бы пять минут посидеть, тебе нельзя выдыхаться.

Как бы ни хотелось оказаться подальше от места крушения вертолета, который столбом дыма приманивал к себе любопытствующих зараженных со всей округи, спорить Рокки не стал. Няша абсолютно права, выдыхаться ему противопоказано. Тут не городской парк, тут в любой момент можно нарваться на новые проблемы, и лучше всего встречать их если не полным сил, то хотя бы не вымотанным до седьмого пота.

Опуская Няшу на землю, постарался снять ее с плеч, не побеспокоив ногу. Но, похоже, не слишком в этом преуспел — девушка спала с лица, закусив губу чуть ли не до зубовного скрежета.

— Больно? — не сдержался от риторически участливого вопроса.

— Ну что ты, конечно нет, я просто офигенно кайфую, когда мне пуля голень перебивает, — процедила Няша и начала по новой перематывать узлы бинта, фиксировавшего наспех наложенную шину, устроенную из пары веток.

— Тебе к врачу записаться, что ли, нога совсем плохая, — продолжил тему Рокки.

— Забудь уже про врачей, тут вместо них знахари.

— Значит, тебе нужен знахарь.

— Если я правильно помню географию, из этой дыры до ближайшего приличного стаба километров триста. Плюс-минус, конечно, но намного ошибиться я не могла.

— О каком стабе ты все время говоришь?

— Не все кластеры перезагружаются, есть разные. Стабильные вообще никогда не грузятся или грузятся очень медленно, на некоторых из них у нас стоят поселения. В приличных почти всегда знахарь найдется, а в самых приличных держат что-то вроде настоящих больниц. Но мне такие радости не светят, надо ждать, когда само пройдет.

Рокки покачал головой:

— Малышка, не хочу тебя огорчать...

— Еще раз назовешь малышкой, я тебе обе ноги переломаяю, — поджав губы, беззлобно, но как-то очень уж убедительно пригрозила Няша.

— Ну надо же, какие строгости. Стервочка неблагодарная, я ее ташу, а она мне угрожает.

— Можешь бросить, я не напрашивалась.

— Ага, так и сделаю, если и дальше будешь плохо себя вести. И я хочу сказать, что само такое не пройдет. У тебя в ноге дыра, набитая осколками костей. Твоих костей. Я перевязывал, я видел. Это очень хреновое дело.

— А почему неблагодарная? — чуть ли не с обидой уточнила Няша.

— Как это почему? Я же тебя ташу, я тебя от вертолета мужественно спас, а ты мне ноги ломать угрожаешь. Вот кто ты после этого?

— Не надо со мной фамильярничать, и ничего твоим ногам не будет. И давай еще раз о вертолете: что и как ты тогда делал?

— Да говорю же — ничего. Просто взял винтовку и по-быстрому отстрелялся.

— А почему по-быстрому?

— Не, ну а чего тянуть?

— Обычно люди целятся, а не пулю за пулей высаживают.

— Няш, я же торопился, ведь подлети он поближе, и хана мне. Тебе, кстати, тоже.

— Рокки, я все прекрасно видела. Ты стрелял как сумасшедший, чуть ли не со скоростью автомата винтовка работала. И пуля за пулей уходили в стекло точно напротив груди и головы. Стрелять ты начал, когда до вертолета было метров под двести, закончил, когда около сотни оставалось. Ни одного промаха и почти не целясь. Так не бывает, никто так не стреляет.

— А как ты смогла рассмотреть, куда пули попадают? —

заинтересовался Рокки.

— Я прокачана, а не инвалид вроде тебя, у меня организм лучше работает, в том числе и со зрением повезло. Ты сам-то понимаешь, что такой меткости не может быть?

— Ну, у меня же компенсация за мои страдания, ты это сама говорила. Вспомни бумажку с названием стрелкового клуба.

— Рокки, компенсация такой не бывает, она — что-то вроде прибавки, почти пустяк вроде моей растяжки с акробатикой. А у тебя тот еще талант, ты сбил вертолет, расскажи кому, как это было, мне никто не поверит. Кстати, сколько у тебя меткости?

— Что?

— Блин, как же не хочется тебя придурком называть, но куда деваться, если так оно и есть?! Меткость до какого уровня прокачана?! Сколько на ней?! Что непонятного в моем вопросе?!

— Спокойнее, тебе нельзя волноваться.

— Вот и не раздражай меня. Так сколько?

— Пятерка и еще тридцать две единицы набранных висит. Я так понимаю, их должно шестьдесят стать, чтобы до шести поднялась.

— Пятерка — это вообще ничего не значит. У меня она двадцать шесть, это прилично, но я бы и близко такое устроить не смогла. С тобой что-то не так.

— Верно, — кивнул Рокки и указал на свое колено: — Вот моя проблема. Точнее — наша. С ним все не так.

— Совсем плохо?

— Пока ковыляю, но это на адреналине, я его сегодня полные штаны навалил, с запасом. — Рокки, не оборачиваясь, указал большим пальцем за спину, в направлении дымного столба, поднимавшегося от места схватки. — Как только сойдет эта накачка, начну хромать сильнее и сильнее. Я даже сам по себе плохо хожу, а с таким грузом быстро развалюсь.

— Ну так избавься от груза, — окаменев лицом, заявила Няша.

— Будешь говорить глупости, начну называть малышкой. — На нехорошее предложение Рокки ответил без насмешки.

— Ага, вперед, только не забудь о своих ногах, ведь их ждут переломы в нескольких местах.

— Да мне без разницы, все равно вот-вот — и я уже не ходок. Давай, Няшка, думай головой, сам я в ваших делах не ориентируюсь, но понятно, что расклады у нас хреновые.

Кивнув, девушка сказала:

— Да, ты прав, подумать надо. Давай живца выпьем, у меня шкала чуточку опустилась. Такое бывает, стрессы и травмы ее быстро понижают. Ну чего ты так на меня уставился?

— Походу, бутылка в машине осталась.

— В машине?! — Няша чуть не подпрыгнула из положения сидя.

— Ну да, в машине. Не дергайся.

— Я дергаюсь, потому что машина сгорела... — сбавив тон, притихшим, почти мертвым голосом пояснила девушка.

— Ну да, есть такое дело.

— Как чудесно... Рокки, вот теперь у нас точно есть проблемы.

— От города всего ничего отъехать успели, за пару часов могу туда-сюда сгонять.

— Зачем?

— Бухло найду.

— Думаешь, пьянка — хорошая идея?

— Ты же вроде не пьешь, а мне в одно рыло какой интерес заливаться, если я не алкаш? Чисто на живец принести.

— Забудь. С твоей ногой тебе быстро в город не сбегать, да и смысла нет, потому что самое главное в живце — спораны.

— А у тебя что — не осталось?

— Я же тебе не склад и не силачка. В смысле с силой все очень плохо, сам по мне видишь. С собой могу вообще чуть-чуть брать, граммы, и все. Только и хватило на споран да на кристалл.

— А в том ящике?

— Спораны туда не отправишь, любые трофеи из зараженных только с собой можно забирать, и даже самый сильный вряд ли больше десятка утащит, на это есть какие-то ограничения. В общем, мы остались без живца, а он и тебе нужен, и мне. Нам много живца нужно, мы же оба покалеченные, без него можешь забыть о регенерации.

— Все так плохо?

— Даже хуже, чем ты думаешь. Но есть и хороший момент — шкалы мы успели залить доверху, снижаться до нехорошего значения они теперь будут около суток. За этот срок нам надо найти убежище, еду, воду и спораны. Со всем этим мы сможем отсидеться несколько дней, твоя нога точно в норму придет, и на своей кое-как хромать смогу.

— Слушаю тебя и не верю... Там ведь кость собирать надо, ее на осколки разнесло.

— Этот мир сам их соберет, даже не заметишь, как он это сделает. Рокки, я сейчас ни на что не гожусь, но я этот мир знаю, а ты нет. Ты без

меня не справишься.

— Не так-то хорошо ты его знаешь...

— К чему ты это сказал?

— К тому, что не понимаешь, как я с вертолетом разобрался. Да и по другим мелочам иногда тупишь. Но ты не напрягайся, даже если бы тебе полголовы оторвало, я бы тебя не бросил.

— А я бы бросила. Зачем рисковать ради трупа?

— Нарываешься, Няша... Ну да ладно, это твое дело, а я по-своему поступаю. Понимаешь, из всех ваших — ты первая, кто реально попытался подставить мне плечо. Это ценно, я такое не забываю. В общем, я не знаю как, но я тебя отсюда вытащу. Ты, главное, думай, куда надо тащиться, вообще не представляю, что тут, какая обстановка, какие варианты.

— Обстановка тут плохая.

— Почему-то я вообще не удивлен.

— Зараженные по мере развития умнеют, перезагрузку они каким-то образом определяют заранее, сами уходят из кластера, и твари попроще за крутыми тянутся. Но это ненадолго, ум им подсказывает, что скоро появится новая еда, поэтому они возвращаются.

— Я догадывался.

— Ага, видел небось. Если мы окажемся на их пути, мигом улетим на респ. Чем ближе к свежему кластеру, тем рискованнее, это правило везде работает. Значит, нам надо дальше на север уходить.

— И что там — на севере?

— Откуда мне знать? Не слышал, что я говорила? Это просто в обратную сторону от города. Лучший вариант — найти одинокий дом вроде лесничества, хутора на отшибе, чего-то в таком духе. Тогда у нас останется только одна проблема — спораны, и решать ее придется тебе. Считай, что меня вообще нет.

На последних словах Няша поморщилась, а Рокки, заметив это, спросил:

— Сильно болит?

— Ну что ты, нет, конечно, я же говорю, мне это в кайф, — сквозь нездоровый смех, перемешанный со сдерживаемыми слезами, ответила девушка. — Блин, ну вот откуда в тебе столько глупейших вопросов?! Задрал уже спрашивать ерунду. Достань ружье, пусть все время у тебя на плече болтается. Если на нас нападут, сбрасывай меня сразу, не надо думать, как я буду падать, просто бросай и отбивайся, иначе оба улетим на респ. По мелким старайся вообще не стрелять, с ними без шума можно разобраться, а шуметь нежелательно, на выстрелы могут такие

страхолюдины примчаться, что ты и «мама» сказать не успеешь. Их принято элитниками называть, потому что они элита.

— Я знаю.

— Про элиту знаешь? Видел, что ли, таких?

— Может, и видел, я всяких гадов навидался. Няш, валить отсюда пора, я, кажется, что-то слышал. Похоже на урчание.

— Это в брюхе у тебя урчит. Ладно, давай уже, подставляй свое седло, нам и правда некогда разговаривать.

Обернувшись, Рокки обреченно вздохнул:

— Еще один клиент, и такой же бесполезный.

Да уж, мертвяк выглядел абсолютно бесперспективным: в помятом деловом костюме, на левой ноге сохранилась лакированная туфля, на правой ее заменял разодранный, уродливо замусоленный носок. При жизни этот человек стеснялся лысины, но теперь его ни капельки не волновал частично сорванный парик, болтавшийся сбоку.

А вот пара людей, передвигавшихся странным способом, взволновала его необычайно. Позабыв про все, направился наперерез, радостно скаля заметно оплывшее лицо.

Надо отдать должное Няше — заработав тяжелую и болезненную рану, она не превратилась в ноющую развалину. Сидя на плечах спутника, девушка почти всю дорогу кормила его уши разнообразной информацией. Несмотря на ее разрозненность и полное отсутствие системы, Рокки много чего успел усвоить.

В том числе в голове наметились намеки на классификацию зараженных в зависимости от степени развития и частично возраста (если так можно называть время, прожитое после потери человеческого облика).

Начальный уровень — нулевой. На этой стадии мертвяки бродят неспешно, иногда умудряются совершать короткие рывки, при затянувшемся отсутствии пищи могут потерять силы, после чего передвигаются ползком. Организм только-только начинает перестраиваться, сохраняя значительную часть прежних функций неизменной. Это касается в том числе перистальтики кишечника и ее последствий и совершенно не касается поведения и привычек — они теряются безвозвратно.

В том числе — гигиенические.

Проще говоря, медлительные упыри не утруждают себя заботой о чистоте гардероба. Если после плотного ужина их где-нибудь резко припрет, они не уединяются по клозетам и даже не спускают штаны. Поэтому чем дальше заходит дело, тем грязнее у них тряпье ниже пояса.

Слегка подросший мертвяк издали выдает себя тем еще амбре и выглядит как печальный неудачник, пострадавший в результате катастрофического проваливания пола деревенского нужника.

Чем грязнее такой кадр, тем выше вероятность найти на его затылке сформировавшийся мешок, из которого с некоторым шансом можно вытащить споран, а то и парочку.

Этого чистюлей не назовешь, но до совсем уж унылых стадий, когда брюки и прочее теряются от накопленной тяжести, еще далеко. Семенит бодро, но бежать не может, это всего лишь быстрая походка, максимум, на что способен такой доходяга, — быстро рвануть метров на пять, ну пусть десять, после чего скорость падает до прежней.

Наученный Няшей, Рокки уставился на приближающегося мертвяка пристальным взглядом, получив уже не раз за последний час виденную информацию:

Объект — зараженный. Уровень — 0. Вероятность получения ценных трофеев — 0 %. Умения Континента — проявление невозможно.

Ну да, глаза и здравый смысл не обманули — очередное бесполезное тело. К тому же медлительное, если прибавить шаг, не придется даже задерживаться ради короткой схватки с трагичным финалом — быстро отстанет.

Вот только оторваться не получится, потому как не может быть и речи о прибавке скорости. Рокки и без того не устает жалеть, что на старте слишком шустро перебирал ногами, надо было приберечь силы для подобных ситуаций. В общем, идти он сейчас способен, но это то еще ковыляние, с ним разве что на черепаших бегах выступать, выдавая результаты не выше средних.

— Няша, я тебя спущу, побереги ногу, — предупредил Рокки, приседая.

Да, он помнил строгие наставления девушки, но не видел смысла безжалостно бросать ее на землю, ведь угроза смехотворная. Первые два раза спутница очень по этому поводу возмущалась, но уже на третьем махнула рукой, перестав бороться с упрямством своего носильщика.

Оставив Няшу на земле, Рокки поспешно шагнул к примеченному сучковатому куску тонкого древесного ствола. Великоватое оружие, но ничего более подходящего поблизости не наблюдается. С треском обломил пару мешающих веток, обхватил, размахнулся и, подавшись вперед, со всей

дури опустил на башку уже протягивающего грязные руки мертвяка.

Стукнул конкретно — с сочным звуком, с заметной деформацией головы, с острым сучком, кроваво и крепко встрявшим в черепную кость чуть выше темени. Дурно пахивающий урод рухнул на пятую точку как громом пораженный, после чего криво перевалился на спину, вытянулся в струну и замер, если не считать конвульсивно подергивающихся ног.

Отбросив громоздкое орудие убийства, Рокки сделал шаг назад и рукавом вытер изрядно вспотевший лоб — мало того что таскается по пересеченной местности с нелегким грузом, так еще и размахивать увесистыми деревяшками приходится.

И погода нехорошо меняется — липкая духота напозла.

Няша на схватку даже не покосилась, она уже традиционно занималась завязками убогой шины, что начинало удивлять, ведь вряд ли они ослабли так быстро без нагрузки. Но потасканный вид спутника оценила, рассеянно предложив:

— Может, передохнешь? Тебе это надо.

Не став отказываться, Рокки бухнулся наземь и, еще раз вытерев пот, пожаловался:

— Слишком медленно идем. И пяти километров не сделали, сплошные привалы.

— Ты свалишься, если пойдешь быстрее. Как колено?

— Да уж получше, чем твоя нога. Слушай, а откуда в этих дебрях столько свежих мертвяков? Что они тут забыли?

Девушка пожала плечами:

— Не знаю, я тут не бывала никогда. Может, рядом кластер недавно перезагрузился. Некоторые цифры любят выезжать из городов, когда самое главное начинается. Забираются в глушь, перестают соображать, бросают машину, начинают искать еду. Ума у них ноль, догадаться, что надо побыстрее выбираться к деревням и городам, не способны.

— Так, может, мы зря туда идем? Чем дальше, тем их больше и больше становится. Вдруг там еще один кластер с городом, попадем по полной.

— Вряд ли. Это ведь Побережье, до границ региона далеко, здесь городские кластеры близко друг к другу располагаются нечасто.

— С нашим везением мы запросто можем нарваться как раз на такой случай.

— Не разводи панику, выкарабкаемся. А не выкарабкаемся, так еще по одной жизни потеряем. Очень нежелательно, конечно, ну а куда деваться. Блин, жаль, спека нет.

— Что за спек?

— Вообще-то это наркота. Гадость та еще, самого умного быстро тупым придурком делает. Но, если не увлекаться, иногда может пригодиться. Боль и усталость как рукой снимает, чуть сильнее на время делает, регенерацию повышает.

— Хорошая штука, не знал, что такое есть.

— Ну да, откуда тебе было знать. Она из паутины делается — единственное, на что эта дрянь годится.

— Паутины?

— Черные нити, которыми набиты споровые мешки. У мелких зараженных там приблизительно двадцать грамм, а на дозу спека нужно два килограмма.

— Это что, на один раз кайфануть придется прибить сто вонючек? — поразился Рокки.

— Ну если мертвяки низкого уровня, то да. Где-то с десятого у них ее уже в два раза больше, а у самых крутых по несколько килограммов вытаскивают. Ты заметил, что погода меняется?

Устало подняв голову, Рокки оценил неестественную синеву небес над головой, которую вот-вот скроет наползающая с северо-запада свинцово-серая туча.

— Похоже, к грозе дело идет. Ох и жарыща, адское пекло...

— Это нехорошие тучи.

— Это понятно. Говорю же — к грозе.

— Ничего ты не понимаешь. Я такое уже видела не раз, это иногда случается, когда где-нибудь неподалеку большой кластер перезагружается. Тут ведь свой климат, установившийся, ровный, и вдруг огромный кусок земли исчезает, а на его месте оказывается другой. Там может все то же самое быть или просто похожим, но температура точно не совпадает, а может, и еще что-нибудь, я не сильно в этом разбираюсь. Вот и начинается разная чертовщина с погодой. Нам надо где-то спрятаться, не хватало еще вымокнуть, вдруг дождь начнется. И прятаться надо побыстрее, эти тучи мне очень не нравятся, без дождя не обойдется.

— Не растаем.

— Ты не видел, какие тут дожди бывают, у тебя запросто мясо от костей водой оторвет, если в чистом поле попадешься.

— Да уж, умеешь ты пугать...

— Ага. Я и сама себя иногда боюсь.

— Этот лес, похоже, реально бесконечный. И чем дальше мы идем, тем он гуще становится.

— Можно попробовать вот туда сходить. Там столбы стоят, провода не

просто так протянули.

Рокки, обернувшись в указанном направлении, устыдился своей ничемной наблюдательности — не заметил линию электропередач, проглядывающую за деревьями. А ведь никогда прежде за собой подобного не замечал, всегда старался не упускать ничего вокруг.

Тут же себя оправдал: сильно устал, пот глаза заливает, все мысли были заняты стычкой с четвертым по счету бесполезным мертвяком, а затем, присев, оказался в невыгодном месте, отсюда и столбы и провода просматривались плохо, ни одного удобного просвета в поле зрения.

— Через сколько, по-твоему, может начаться этот дождь?

— Я разве говорила, что начнется дождь?

— А что же ты тогда говорила? Я только про дождь слышал.

— Я не говорила, что дождь пойдет. Я имела в виду, что он может пойти.

— То есть может обойтись без дождя?

— На твоём месте я бы лучше согласилась на дождь.

— Почему? — запутался в ответах Няши Рокки.

— Потому что дождь здесь — не самое страшное.

То, что спутница ничуть не сгущала краски, Рокки начал подозревать, еще когда продирался через заросли малины и крапивы к примеченной девушкой линии электропередач. Свинцовая серость небес сменилась гудроновой массой, в недрах которой то и дело что-то приглушенно сверкало. До ушей доносился ни на что не похожий рокот, громом такой называть не станешь, звук очень слабо походил на тот, когда на миг прикладываешь что-то твердое к пластиковым лопастям работающего вентилятора. Солнце еще не скрылось, но свет его померк, казалось, что наступило неполное затмение. Перестали щебетать птицы, смолкли кузнечики, всякое движение воздушных масс прекратилось, листва на деревьях пребывала в зловеще-мертвой неподвижности.

И еще назревало неуловимое, непонятно чем ощущаемое напряжение, указывающее на приближение чего-то такого, что вымотавшейся парочке определенно не понравится.

Чуть не дойдя до ближайшего столба, Рокки наткнулся на узкую тропку. Это слегка обрадовало, ведь идти по ней куда удобнее, чем по глухому лесу. Скорость, правда, не прибавилась, не хотелось рвать жилы, опасался, что вскоре свалится от чрезмерных усилий.

Первый порыв ветра с шумом прошелся по сгибающимся от его неудержимого напора верхушкам сосен, после чего врезал в лицо чуть ли

не с силой боксерского удара. Рокки такого не ожидал, да и не в лучшей физической форме, плюс Няша на плечах парусности добавляет. В общем, на ногах кое-как удержался, но пришлось пережить пару неприятных мгновений.

Дальше лучше не стало, только хуже и хуже. Хлещущий по лицу ветер налетал раз за разом, в небесах уже не просто трещало терзаемым пластиком, там вздыхал великан размером с Эверест, и это явление то и дело сопровождалось раскатами грома. Да и молний хватало, уже явных, бьющих в том числе и по земле.

Начали срываться первые капли. Редкие, но ненормально-огромные, они шлепали по телам, будто увесистые орехи, не тронутые червями и сыплющиеся с высокого дерева.

Пряча лицо, не сразу заметил, что местность изменилась. Заросли впереди исчезли, лес там будто ножом обрезали. Глянув на свисающий с последнего столба провод, Рокки заподозрил, что так оно и было.

Няша, с высоты разглядев чуть больше, подтвердила его мысленное предположение:

— Блин, опять граница — новый кластер дальше начинается. Но вроде там поле, и поле вспаханное. Надо глянуть.

Девушка не ошиблась. И правда поле, только не совсем вспаханное — просто недавно сжатое, желтоватое от стебельков соломы, которую порывами ветра выдувало из длинной скирды на дальнем его краю.

А там, за краем, за скирдой, виднелась короткая линия простецких домишек.

— Деревня, — хрипло выдохнул Рокки, страстно мечтая завалиться на плотную, наезженную грунтовку, коей странным образом сменилась оставшаяся за границей кластера тропа.

— Опасно туда соваться, — напряженно заявила Няша и нерешительно добавила: — Но можно попробовать, ведь тут нам ловить вообще нечего.

— Что значит — попробовать?! — чуть не взвыл вымотанный до предела Рокки. — Ты у нас опытная, тебе виднее! Говори, что теперь делать будем?! Куда мне тебя тащить?!

— Давай через поле, к деревне, — решила Няша.

— Лучше по дороге, она должна за полем к деревне заворачивать.

— Нет, по полю короче.

— Я там свалюсь, меня уже шатает, ноги как будто чужие. Тут хотя бы твердо.

— Ну это ненадолго... — нехорошим тоном напороочила Няша.

В этот миг молния, ослепив, ударила по стоящему посреди поля трактору. Грохнуло так, что все прочие звуки пропали на несколько секунд, а ноги сами собой заработали в удвоенном темпе.

Ну да, теперь дошла очередь до последних жил, самое время их рвать. Финиш уже близко, в одном из тех домишек, — всего-то полкилометра пройти.

Ветер, осыпаящий ударами, стих в один миг. Увесистые капли тоже перестали сыпаться. Но это не обрадовало, интуиция подсказывала, что подошло время чего-то похуже.

Небесный великан заурчал впятеро сильнее прежнего, из гудроновой массы, сплошным слоем растекшейся над головой, начала формироваться стремительно закручивающаяся воронка, тонким хоботком тянущаяся к земле. Рокки почему-то был уверен, что до этого смерч никогда не видел, зато прекрасно знал, чем он может грозить, и потому не жалел ноги.

Давайте, родимые, выносите, пока вас от земли не оторвало.

Опустившись на поле, вихрь помчался непредсказуемым зигзагом. Коснулся дымящегося после попадания молнии трактора, резко распахнув обе его дверцы, расширяясь и наполняясь силой, поспешил дальше, легко развеял недобитую ветрами скирду соломы и помчался назад, в направлении леса.

У Рокки чуть от сердца отлегло, но ненадолго, потому как в километре правее начал формироваться новый вихрь, на вид посерьезнее удаляющегося, а ведь и первого могло с головой хватить.

А потом чернота небес обрушилась всей своей массой, окружив тьмой, скрыв и смерчи, и поле, и вообще все. Окружила непредсказуемо неожиданно, страшно и мокро.

Мокро, потому что, черт побери, это обрушился тот самый, уклончиво обещанный Няшей дождь.

Да-да — который, по ее словам, способен отдирать мясо от костей.

Уже через секунду Рокки, отплевываясь от попавшей в рот неприятно маслянистой воды, понял, что на этот раз спутница значительно уклонилась от истины.

Все оказалось куда хуже, чем рассказывала Няша.

Глава 18

Жизнь пятая. Деревенская

Дом был явно не из фешенебельных. Потрепанный временем, покосившийся, дощатые полы продавлены, постеленный на них линолеум местами походил на экспонат из музея древнеегипетской истории, где по степени обшарпанности и печальному виду ему не было равных. Облезлые ковры на стенах, громадные часы, в которых в ржавую труху рассыпалась кукушка, и прочее в таком духе делали это место похожим на склад прозябающего в нищете старьевщика.

Но нельзя не отметить и два несомненных плюса — в избе было чисто, а окна прикрыты ставнями. Первое обстоятельство даже слегка удивило, потому как в сухой атмосфере запертого помещения слегка ощущалось неприятное амбре, чему не место в приличном доме.

Ставни — это замечательно, жаль только, что не везде установлены. Няша, сообщив, что в деревне может быть опасно, никак эти слова не пояснила, но Рокки не совсем тормоз, догадывается, о чем речь. Жители могли превратиться в тварей, да и пришлых мертвяков нельзя сбрасывать со счета, в том числе развитых до тех стадий, где не то что дрыном, где даже пулеметом вопрос не решишь. Чем меньше у них возможностей заглядывать в дом, тем лучше.

И еще ставни хороши тем, что хотя бы частично приглушают рев ветра и низвергающейся с небес воды. Рокки даже не верилось, что у него это получилось — добраться до одного из домов в такую непогоду. Видимость нулевая, под ногами сплошная грязь, перемешанная с соломой, ветер норовит как следует окунуть в эту жижу, — направление было потеряно почти мгновенно. Спасибо Няше, она каким-то непостижимым образом понимала, куда следует двигаться. Докричаться не могла, только и получалось понять, что она издает какие-то звуки, зато нажим рук, поворачивающий голову, работал.

Девушка управляла своим носильщиком, как всадник лошадью. Одно отличие — вместо уздечки ладони.

Вымокли, конечно, до последней нитки и вымазались изрядно. Рокки, уложив Няшу на продавленный диван, сказал:

— Подожди, я сухое тряпье поищу.

— Только холодильник не открывай, — зачем-то попросила девушка,

после чего строго добавила: — И побыстрее давай, дел невпроворот.

Какие у нее могут быть дела в этой сотрясаемой стихией избе, Рокки не знал, но переспрашивать не рискнул. Да и зачем, если это само выяснится, уж мимо него здесь ничего не пройдет.

Разнообразной одежды обнаружилось много. Особо не перебирая, набрал целый ворох по вешалкам и шкафам, отнес в большую комнату, сбросил перед диваном, не удержался от непродолжительной рекламы своих находок:

— Вперед, Няша. Для тебя только самое модное, только что из Милана, свежая коллекция поеденных молью фуфаяк.

— Выйди, мне переодеться надо.

— Жаль.

— Что жаль?

— Что выгоняешь. Не подумай плохого, просто хотел посмотреть, как ты это будешь делать с такой шиной. Тебе точно помощь не нужна?

— Рокки, не зли меня, не то получишь, — устало выдавала девушка.

Тому ничего не осталось, как развернуться, получив при этом повтор непонятного наставления:

— Только не вздумай холодильник открывать.

И дался он ей? Вот что не так с холодильником?

И пары шагов не сделав, Рокки чуть по лбу себя не хлопнул. Вот ведь баран тупорылый, ну как можно не врубаться в настолько очевидные вещи? Неизвестно, насколько давно эта деревня провалилась со всем содержимым и обитателями в эту невообразимую задницу Вселенной, но одно можно сказать точно — в тот же миг пропало электричество, питающее в том числе бытовые приборы.

Холодильник простоял недели, а может, и месяцы неработающим, продукты питания подобное обращение переносят плохо, они портятся, покрываются плесенью, начинают нехорошо пахнуть.

Открыв дверцу, можно ощутить на себе всю прелесть поражающих факторов химического оружия.

Ну хоть с одним вопросом разобрался.

Переодеваясь в сухое, услышал болезненный вскрик Няши.

Встревоженно-громко спросил:

— Что с тобой?

— Нога... сволочь...

— А я ведь предлагал помочь.

— Ну да, предлагал.

— Сама же отказалась.

— Конечно, отказалась. Рокки, перед тем как увидеть меня без одежды, тебе придется умереть.

— И как же я мертвым смогу насладиться этим зрелищем?

— Это не мои проблемы. Запомни как следует. Без шуток.

— А почему так строго? Я ведь, считай, твой личный врач.

— Таким врачам в древние времена руки отрубали, худшей шины я в жизни не видела. Кстати, принеси мне еще тряпок похуже и найди ножницы. И что-нибудь, из чего можно сделать нормальную шину.

— Тебе она не поможет. У тебя даже пуля в ноге осталась, по-моему, она чуть ли не от колена до самой ступни прошла, разнесла тебе все. Сверху вниз стреляли, козлы.

— За пулю не волнуйся. Сказала же, что мне надо, давай шевелись. И оружие принеси, я его почищу.

— Это не горит.

— Рокки, да ты хуже придурка. И ружье и винтовка намокли, их надо хотя бы насухо вытереть, а не ждать, когда заржавеют. Завтра это оружие может твою жизнь спасти, а может и осечку дать, когда осечка будет совсем ни к чему. Привыкай о нем в первую очередь заботиться.

— Да я сам этим займусь — работа для мужчин как-никак.

— Ты, Рокки, займешься тем, что я скажу.

— Ну давай говори, командирша, — ответил тот, нехорошо напрягшись.

Только-только вознамерился отдохнуть, а тут светит какая-то непонятная работа. Для в край вымотанного человека — плохая новость.

— Обойди весь дом. Проверь каждую дверь, послушай и понюхай в каждом углу. Посмотри, где и как можно выйти, на всех путях поставь ловушки.

— Я по ловушкам не мастер.

— Не волнуйся, я помню о твоей ограниченности и многого не жду. Хотя бы прислони к двери что-нибудь, пусть упадет с грохотом, если ее откроют. Разбей несколько бутылок, стекла рассыпь в узких местах, чтобы хрустели, когда наступают, — это громко и для некоторых больно. Смотри там сам, думай, что из разных вещей можно соорудить, ты же не совсем беспомощный, а это несложно, должен справиться. Еду и воду заодно поищи, только не забывай, что холодильник трогать нельзя.

— Да понял я, понял.

— Если найдешь испорченные продукты, заверни их в пакет или в тряпки, спрячь в шкаф или куда-нибудь. Но только не выкидывай из дома, чем меньше запахов, тем меньше мы привлекаем зараженных. Пустые

ведра и тазы наполни дождевой водой. Просто поставь их на крыльце и заberi через несколько минут.

— Вода какая-то мутная, будто мыльная.

— Я заметила. Ты и не такую станешь пить, если припрет, а уж умыться ею спокойно можно. Найдешь топор, принеси. Вообще все, что сойдет за оружие, стаскивай сюда. И не выходи никуда, кроме крыльца, через которое мы заходили.

— Я и не собирался, на улице делать вообще нечего.

— Набирать тазы и ведра тебе именно на улице придется, так что выйдешь, никуда не денешься.

— Как скажешь... командирша.

— Ну где ты там? Не слышал, что я говорила? Давай уже, не тормози, тащи все.

Обшаривая дом, Рокки, морщась от дергающей боли в отказывающемся работать колене, думал о Няше. Думал в том смысле, что был до глубины души поражен некоторыми аспектами поведения этой девушки. То, что к стандартным она не относится, он осознавал и до этого, несмотря на проблемы с памятью. Но когда она в нескольких словах объяснила, каким образом начать превращать этот случайно подвернувшийся дом в убежище, где можно укрываться несколько дней, осознал, что практически не знает, кого тащил на своем горбу с полдюжину очень непростых километров.

Что она там говорила о своем сроке? Сколько здесь прожила? Несколько месяцев? Неужели за такой срок можно из городской девчонки сделать убийцу, с непринужденной профессиональностью отстреливающую неотличимых от людей цифр, режущую врагов жуткого вида клинком и оберегающую свое жилище при помощи рассыпанного по полу битого стекла?

Не верится, потому что испуганной Няша не выглядит. С виду очень естественное и взвешенное поведение, для нее это будто родная среда обитания, ход весьма практичных мыслей не нарушен даже жесточайшей раной, с которой самые здоровенные мужики в массе своей на продолжительное время превратятся в овощи, зовущих маму и непрерывно требующих обезболивающего.

Непростая особа.

Дом, при первом взгляде показавшийся скромным по части размеров, быстро доказал, что первому впечатлению доверять не следует. Да уж, при таком дожде и не так можно обмануться. Пускай жилых комнат всего две, но к ним примыкает сложно устроенная кухня, куча кладовок, терраса,

непонятные закутки.

А это что за дверь? Выглядит странно.

За непонятной дверью обнаружился пристроенный к дому хлев, и, еще ничего не разглядев в здешнем сумраке, Рокки предположил, что дела могут вот-вот обернуться в плохую сторону и при этом у него в руке не будет серьезного оружия. А все потому, что наконец обнаружился источник зловония, просачивавшегося в дом.

Воняло в хлеву.

И воняло разлагающейся плотью.

Подавив порыв попятиться назад, прикрыв за собой дверь, Рокки, напрочь позабыв об одеревеневшем колене, присел, напрягая зрение, и закрутил головой. Никого не заметил, зато разглядел интересные подробности.

Широкие дощатые ворота прикрыты, но посередине в них зияет низкий пролом, по виду свежий. Именно он является главным источником здешнего освещения — пусть на улице и мрачно, но все же в разгар дня что-то да просачивается сквозь буйство воды и ветра. Там и сям виднеются разбросанные кости, в том числе крупные, явно нечеловеческие, а вон рядом с вилами сереет череп, определенно не бараний и не коровий, очень может быть, что принадлежал хозяину дома. Грязные перья, местами разбросанные ненормально изобильно, подсказывают, что кто-то нехорошо обошелся с курами, утками и прочей домашней птицей.

Тут явно не лиса в курятник пробралась, тут дела куда серьезнее. Но голову ломать ни к чему, даже без пояснений Няши виновник произошедшего очевиден.

Мертвяк неплохо покушал.

Или мертвяки.

Обыскав хлев, Рокки не заметил ни малейших признаков угрозы, зато нашел топор, что резко повысило настроение, ведь бродить по такому печальному месту с одним лишь пистолетом никому не понравится. Вспомнив наставление Няши, прихватил и вилы. Пусть грязные, но, если выставить на крыльцо, сумасшедший ливень в пять минут сделает их новенькими, разве что со ржавчиной ему не справиться.

Осмотрев каждый уголок, призадумался. Итак, из дома ведут два удобных выхода: дверь, через которую проникли Рокки с Няшей, и хлев, проход в который останется неразрешимой проблемой. Что с ним ни делай, а пролом не получится ликвидировать так, чтобы это не выглядело свежей работой. Значит, лучше его вообще не трогать.

Итого — надо позаботиться о паре дверей.

Ну и где здесь можно разжиться битым стеклом?

Инструкции Няши звучали коротко, но что до их претворения в жизнь — времени ушло немало. Тут и стекло в дело пошло, и прислоненные к дверям громоздкие предметы, и даже коварно уложенные на пол грабли, от которых, оступившись, чуть было сам же не пострадал.

В процессе превращения избы в лабиринт с шумными ловушками набрал дождевой воды во все, что под руку подвернулось, заодно, поглядывая в дверную щель, оценил мощь стихии как затихающую. Уже далеко не та, что поначалу, но все равно впечатляет. Сомнительно, что зараженные обожают бродить по такой погоде, но, даже если так, они уже в сотне метров добычу не разглядят. Раз их поблизости не видать, скорее всего, действия Рокки остаются незамеченными.

Погода не ахти, но при этом радует.

Пускай такая и будет.

Между делом заглянув к Няше, увидел, что она сосредоточенно нарезает тряпье на полосы, которыми намеревается зафиксировать новую шину, куда основательнее устроенной на скорую руку старой. Причем оружие она успела разобрать и собрать, протерев до полного исчезновения влаги.

Да уж, страннее девушек не бывает. Какой-то робот, а не человек, ни слезинки за все время не проронила, а ведь видно по ней, что боль адская, да и без разглядывания догадаться можно.

Представив, как под колено ударяет пуля, продвигаясь далее через размозженное мясо и раздробленные кости, Рокки поежился.

Он бы, скорее всего, так, как она, держаться не смог.

Проевшее всю печень колено начало агонизировать в самый неудобный момент, когда Рокки, спустившись в подпол, исследовал складированные здесь хозяевами припасы. Взорвалось остройшей болью при самом обычном шаге, заставив непроизвольно присесть, заскрипеть зубами и пожелать тому, кто придумал эту затею с компенсацией, всего самого наихудшего. Пик приступа быстро остался позади, но работать, как прежде, то есть — со скрипом и мучениями, истерзанный сустав отказывался.

Пришлось завершать обыск, опираясь о найденную здесь же лопату, после чего с превеликим трудом выбираться по лестнице, где и совершенно здоровый человек не продемонстрирует впечатляющих результатов. Непросто было провернуть все так, чтобы не показаться на глаза Няше в униженной собачьей позе, однако нашел в себе силы дохромать как

прямоходящее существо.

Бухнувшись на пол, устало прислонился спиной к дивану, на котором девушка продолжала сосредоточенно возиться с шиной, и страдальческим голосом попросил:

— Ты бы не могла и мне нарезать таких бинтов.

— Поранился? — напряглась Няша.

— Нет. Просто попробую колено туго замотать.

— Совсем плохо?

— Да чуть нога напололам не развалилась, еле ее руками удержал.

— Закатывай штанину, клади ногу на диван, сейчас сама замочу.

Тебе такое доверять нельзя, руки не оттуда растут. И стул подтащи, а то с пола мне неудобно. Нога должна ровно лежать, а не черт знает как.

Подчинившись, кратко доложил о результатах проведенной работы:

— Воду набрал, стекло рассыпал, посмотрел, что тут можно поесть и выпить, с голоду вроде помереть не должны, но и ресторанное питание не обещаю. И еще — тут хлев к дому примыкает, он завален костями. Там и коровьи, и бараньи, и даже человеческие. Смердит так, что мухи дохнут. Ты же насчет запахов предупреждала, по-моему, тухлятиной отсюда тянет на всю деревню.

— Не думаю, что скот держали только в этом доме, — чуть подумав, ответила Няша. — Но все равно нам сейчас придется оставаться здесь, потому что искать дом получше не получится, на улице вообще потоп. Да и мы с тобой не в той форме, чтобы по деревне шляться. Как бы не пришлось восстанавливаться на нулевом уровне... врагу такого не пожелаешь.

— Это как? — не понял Рокки.

— Споровая шкала падает не так уж быстро, даже в моем состоянии пару дней можно протянуть, пока конкретные проблемы не начнутся. За это время нога хоть немного, но восстановится. Наверное. Ну а тебе точно лучше станет, твое колено не выглядит совсем уж плохим.

— Зато ощущает себя именно таким.

— Ты всего лишь человек со стартовым дебаффом.^[1] Такие, как мы, вовсе не наказаны, ведь нам за наши муки компенсация полагается. Даже в худших случаях долго не страдаем, восстанавливаемся за два дня, ну или за три. Конечно, живец нужен, но и без него выздоравливаем, просто медленнее. Блин, вот если бы ты не забыл в машине бутылку...

— Ну и как я в тот момент должен был о ней помнить?! — чуть не взорвался Рокки. — Хотя ладно, давай валяй дальше, продолжай, ты же так это любишь. Признаю, это я во всем виноват, и еще я последний придурок. Чего притихла? Я что, и дальше сам себя костерить должен? Серьезно? Да

ты, подруга, по-моему, в край обнаглела.

Няша, как это с ней бывает ненормально часто, резко сменила линию поведения, потупилась и ответила нетипичными для нее словами:

— Извини. Я знаю, меня иногда заносит, не обращай внимания, я это не со зла, просто характер такой, не обращай внимания.

— Ага, — сбитый с толку неожиданной сменой поведения девушки, почти по-доброму ответил Рокки. — Скажи еще, что это у тебя защита такая, вроде колючек у розы.

— Ну да, мне так и говорили.

— Кто?

— Какая разница?

— Разница большая — это не колючки, это, блин, танковая броня с метровыми шипами.

— Я ведь уже извинилась. И еще заметь, я больше не называю тебя плохими словами.

— Давно ли?

— Ну не очень, но не называю же. И вообще, придурок — не так уж и обидно, зеленых вроде тебя принято так называть. Не везде и не все так делают, но очень часто слышала. Потерпи, сейчас может быть больно.

— Больнее уже не будет, — убежденно ответил Рокки, глядя, как Няша заводит под подставленную ногу полоску темно-зеленой ткани.

— Уж поверь, придур... то есть такие зеленые, как ты, в боли ничего не понимают.

— Да это я почти шутил. А ты, получается, почти ее не ощущаешь?

— С чего ты это взял?

— На твою рану нагляделся. Ты сейчас должна быть невменяемой.

— Болевой порог у прокачанных снижен. И я тут не первый месяц, натерпеться успела, даже вспоминать не хочется. Привыкнуть к этому невозможно, но можно попробовать свыкнуться. Вот и стараюсь.

— Я бы сказал — не месяц, а минимум год.

— Что?

— Говорю, что ты тут подольше проторчала, чем мне втирала.

— С чего ты это взял?

— Я, может, и придурок без памяти, но потерял ее как-то странновато. Вроде все знаю, а пробуешь вспомнить, что откуда взялось, и оказывается, что ничего нет. Я, Няша, девчонок помню. Не знаю откуда, но помню. Они не такие. Они предсказуемые и не так себя ведут. Чтобы стать такой, как ты, нужно время. Думаю, много времени.

— Тебе лучше вообще не думать.

— Чего это?

— Плохо получается. Ты, Рокки, так и не понял, куда попал. Вообще не понял. Тут за месяц можно легко на год постареть.

— Но не настолько, как ты.

— По мне не смотри, я изначально со странностями была. С большими. И они на месте не стоят, растут. Не сгибай ногу, надо, чтобы в прямом положении заматывалась.

— Я не сгибаю.

— Нет, сгибаешь! Не спорь со мной! Тебе, случайно, уксус на глаза не попался?

— Уксус? Попадался. А что?

— Плеснуть по углам можно, вонять меньше будет.

— А уксус, значит, ландышами пахнет?

— Я лучше его нюхать буду, чем тухлятину. Ненавижу этот запах.

При последних словах живая мимика Няши выдала, что ее ненависть зиждется не на естественной человеческой брезгливости, здесь замешано что-то другое. Скорее всего — скверные воспоминания. Рокки был не прочь узнать историю, после которой ее так напрягает вонь разложения, но ему стало не до этого — перевязка добралась до стадии, когда нога и правда заболела пуще прежнего. Девушка наматывала ткань, не жалея сил, которых у нее было поразительно много.

Ну да — странности непостижимого мира сказываются. Какие-то циферки в скрытой от посторонних глаз табличке способны превратить хлипкую на вид девчонку в атлета, легко разгибающего подковы. Глядя на нее, и верится и не верится в то, что она способна переломать кости такому здоровяку, как Рокки.

Скорее — верится.

Какой там у нее уровень и как бы до него побыстрее добраться? Почему-то Рокки сейчас больше всего на свете хотелось казаться равным Няше. Пока что он определенно ей проигрывает.

Причем значительно.

— А получше ничего не нашлось? — Няша поморщилась с таким видом, будто в фешенебельном ресторане вместо заказанного лобстера «Термидор» ей принесли изрядно засиженную мухами коровью лепешку.

Откровенно говоря, еда, которую Рокки сейчас предлагал, ему тоже не нравилась, но повода вертеть носом он не видел, о чем и сообщил:

— Няш, ты оглянись. Видишь, что это за дом? Тут люди простые жили, и еда у них тоже простая. Тут почти все испортилось, скажи спасибо,

что хоть какие-то консервы нашлись. Вот даже конфеты есть. И печенье.

— Сухое, как камень.

— А каким ему еще здесь быть? Хотя есть другой вариант — здесь под полом целый погреб картошки. Хочешь сырую пожевать? Я мигом принесу.

— Я бы поела вареную. На кухне какая плита?

— Электрическая.

— Блин, как же нам не повезло — даже чаю не попьешь.

— Ради тебя, милая, попробую что-нибудь придумать.

— Я тебе не милая, заруби на носу. А что придумаешь?

— Ну... то, что ты не милая, усложняет дело, но вообще-то здесь есть дровяная печь.

— Даже не думай дымить из трубы.

— Я так и подозревал, что это нежелательно.

— Тут даже курить нельзя, это тоже очень опасно.

— Да я и не пытался, вообще не тянет на это дело.

— Значит, ты не курильщик, — решила Няша, брезгливо копаясь в открытой консервной банке, по краям которой проступала ржавчина.

— Может, и курил, но забыл.

— Нет, такое не забывают. И у курильщиков на респе всегда в кармане пачка сигарет, и она всегда неполная. Иногда есть зажигалка или спички, иногда нет, но эта отравка всегда при них. Тебе, я так понимаю, ее не дают, и тяги нет, значит, ты не травмишься этой гадостью.

— А тебе дают?

— Я что, похожа на курильщицу?

Представив Няшу с сигаретой в зубах, Рокки, не сдержавшись, хохотнул и, покачав головой, выдавил:

— Это было бы забавно.

— У табака противный запах, и мертвяки его знают. Лучше вообще к этой дряни не прикасаться.

— Может, вместо темы вреда курения поговорим о чем-нибудь другом?

— Я за едой не разговариваю.

— Няш, ты ведь прямо сейчас говоришь.

— Ну это же не еда, это отстойные помои.

— Вот и давай говори дальше. Хочу узнать насчет планов. Ближайших планов.

— А какие тут могут быть планы? Будем отлеживаться здесь, пока хотя бы немножко не восстановимся. Поменьше двигаться и почаще жевать эту дрянь, что нам еще остается...

— Два-три дня?

— Ага, где-то так надо.

— Консервов здесь почти нет, будешь с таким аппетитом их уминать, уже завтра придется хрустеть сырой картошкой.

— Ну и наплевать, не первый раз.

— Что, пробовала уже?

— Не-а. Но я разной гадости навидалась. Картошка — не страшно. Консервы — страшнее.

— Почему?

— В них ботулизм иногда бывает, а эта зараза иммунных сразу с ног валит. Чуть помучаешься и на респ улетаешь. Опасно очень, надо смотреть, что ешь, обнюхивать. Если хоть малейшее сомнение, не прикасаться.

— Ну хорошо, пройдет три дня, и что дальше?

— Дальше ты возьмешь топор и пройдешься по деревне. И ружье тоже возьмешь.

— И зачем я буду ходить по деревне?

— Затем, что, даже если в деревне всех съели, могут остаться оседлые. Лучше, чтобы кучка, ну там трое или четверо. Один — гораздо хуже. Убьешь их, обьщеешь мешки, нам очень нужны спораны.

— Не понял...

— Ну что ты опять не понял?!

— Почему это лучше на четверых с топором выходить, чем на одного?

— Потому что, если деревня большая, а в ней остался только один зараженный, это означает, что этот зараженный не простой. Он съел тут и людей, и коров, и мелких мертвяков тоже не пропустил. Такие могут сбиваться в стаи, когда кочуют, но сидеть на одном месте предпочитают в одиночку, не терпят соседей. Ну это если дело происходит не в городе, там повадки немножко другие. Тут деревня, тут кормовая база не очень, конкуренты никому не нужны.

— Это что получается, здесь элитник может нарисоваться?

— Сплюнь три раза и постучи по дереву или по голове, для тебя это одно и то же.

— Ну спасибо, родная, что придурком называть не стала. Но все равно хотелось бы услышать ответ.

— Вряд ли, вот что элитнику делать в такой глуши?

— Откуда мне знать, я по крутой дохлятине не спец.

— Им здесь совершенно нечего делать. Ну разве что мимо будет идти или по следам найдет. Тут или никого нет, или какая-то мелочь осталась, но тебе, да и мне, ее может хватить. Возьмем, допустим, мертвяка двадцать

пятого уровня. У него вместо головы почти кочан капустный, такой же неровный, вот только снаружи не листики, а как бы изогнутые пластиночки. Они броневые, это особая броня, биологическая, прикрывающая уязвимые места. Пока монстр живой, она плохо пробивается, а как подохнет — запросто. Даже у самых развитых зараженных все так же, просто пластинки толще и крепче, даже после смерти с ними справляться тяжело.

— А пулей?

— Пистолетной вряд ли свалишь даже двадцать пятого. Из автомата нужно, а лучше из винтовки, и желательно патрон, где пуля с черным кончиком.

— Бронебойная?

— Ага. Двадцать пятых и близких к ним мы лотерейщиками называем или просто лотерами, от них больше всего гадостей, потому что они везде пасутся, в любом месте можно нарваться. Пластины у них и вдоль хребта расти начинают и по груди. Слабенькие еще, но кое-как прикрывают уязвимые места. Пробить их можно, но не любым оружием, обычное холодное уже не берет вообще. Бегают быстро, наглые, силищи у них хватает, чтобы голову тебе оторвать, когти на лапах здоровенные, очень хороший нюх, прекрасно слышат. Зрение так себе, издали могут не заметить, а если замереть, так и вблизи есть шанс проскочить. Не всегда, конечно, но есть. Такой мертвяк прихлопнет тебя, как муху. Да и меня тоже.

— У тебя что, уровень ниже двадцать пятого?

— С чего ты это взял?

— Я так понимаю, побаиваться надо только тех, которые пониже тебя. Хотя я и с равными норма, да и тех, которые выше, валил, даже если они парами налетали.

— Рокки, я ведь уже говорила — это не игра, не зацкливайся на циферках, они часто обманывают. Вот ты, допустим, можешь быть нулевым, но, если удачно подкараулишь красного с уровнем выше сорока, прибьешь его одной пулей. Тут, если в голову попали, сразу труп, как бы высоко ни прокачался. Ну разве что хитрости сработают, но это не всегда и не у всех получается, и вообще, на Континенте не бывает бессмертных. Лотер и мне голову оторвет одним ударом и тебе, ему разницы нет, шеи у нас почти одинаковые.

— Так какой у тебя уровень?

— Тебе это знать не надо, — строгим голосом ответила Няша.

— Странно, что его в информации не указывают.

— Указывают. Я вот твой вижу и в информации, и в настойках отряда.

— А почему я не вижу?

— Потому что я так настроила отряд и потому что ты зеленый. Если хочешь много видеть, нужно наблюдательность прокачивать, ну и уровень, конечно. Чем ближе ты по параметрам к изучаемому объекту, тем больше можно получить информации.

— Значит, сидим здесь два или три дня, а потом я иду выяснять, сколько мертвяков здесь тусуются и нельзя ли их выпотрошить?

— Ага, так и сделаем, — закивала Няша, пытаясь выскрести обломком печенья кусочки содержимого банки, оставшиеся по краям.

— Если их тут несколько, валю всех, режу затылки и мы варганим живчик. Самогон для этого сойдет?

Скривившись, девушка ответила нехотя:

— Если крепкий.

— Смеешься, что ли? Да кому в деревне слабый нужен? Значит, если нарвусь на одиночку, то есть здешнего хозяина оседлого, резко помираю, а потом возвращаюсь к тебе пешком?

— Ну не знаю. Как с кластерами повезет. Если поблизости в этот момент ничего не загрузится, тебя может далековато закинуть. А далеко здесь ходить, сам понимаешь, не всегда получается. Тогда нам придется попрощаться в чате. Ну это если получится написать.

— А что, разве может не получиться?

— Если между тобой и мной чернота окажется или серятины много, чаты перестанут работать. С кем угодно сможешь переписываться, но со мной — никак.

— Что за чернота с серятиной?

— Черные и серые кластеры.

— Это как?

— Да забудь, тебе такое пока что не нужно. Про эти кластеры столько всего рассказывать можно, что у меня язык запросто отвалится, а у тебя голова лопнет. И вообще, я спать хочу. Надо обязательно поспать, это для заживления ран помогает. Тебя, кстати, тоже касается.

— И ты сможешь уснуть?

— А почему бы и нет?

— Думаю, тебе сейчас очень больно.

— Ну да, приятного мало, но поспать все равно надо. Обязательно надо. Пока ливень тарбанит, мне спится хорошо.

— В таком шуме?! Да это все равно что в барабане заснуть на рок-концерте.

— Ничего ты не понимаешь.

— Ну так просвети тупого.

— Зараженные не очень-то любят воду и поэтому в дождливую погоду предпочитают отсиживаться. Так что, пока барабанит по крыше и ставням, нам ничего не угрожает, а на Континенте такие моменты принято ценить. Если не растратишь свои оставшиеся жизни так же тупо, как предыдущие, быстро поймешь, что это лучшее время для тех, кто хочет спокойно поспать.

Удивительно, но слова Няши подтвердились уже через пару десятков минут — Рокки сумел заснуть, несмотря на древний диван, выпирающие пружины которого давили в нескольких местах, груз нервных переживаний и неумолкаемый ни на миг шум ливня. Лежал-лежал, то открывая глаза, то закрывая, а затем — бах, и обрушилась непроглядная тьма без намека на сновидения.

А ведь даже не ночь на дворе, ложился под вечер.

Очень уж сильно вымотался.

Пробудился не то ранним утром, не то вообще почти не поспав, но в комнатухе было пусть и темно, но кое-что разглядеть получилось. В частности, увидел Няшу — опираясь одной рукой на рукоять вил, другой она, склонившись над койкой, трясла Рокки за плечо.

Тот, спросонья ничего не осознавая, начал говорить глуповато-шаблонно, но зато продолжил не так уж и отстойно:

— А?! Что?! Няша?! Ты что делаешь?! Ну ты и даешь, я-то думал, что у тебя фригидность врожденная, а вот оно как... Уверена, что тебе сейчас надо именно это? Нет, ты не подумай, я и безногую готов...

— Заткнись, придурок! — с нотками испуга прошипела девушка, после чего коротко и понятно прояснила причину своего необычного поведения: — Не знаю как, но нас нашли.

— Кто?! — напрягся Рокки.

— Зараженный.

— Один?

— Да, один. Но не радуйся, он не какой-нибудь двадцать пятый — он больше, он гораздо больше. Рокки, такие калеки, как мы, ему на один зуб.

Глава 19

Жизнь пятая. Хозяин деревни

Как бы уничижительно Няша ни высказывалась об интеллектуальных способностях спутника, на деле все обстояло совершенно не так. Рокки считал себя наблюдательным, он умел просчитывать свои шаги наперед, хорошо запоминал информацию и не ленился ее анализировать, сопоставляя с известными фактами или хотя бы предположениями.

Вот и сейчас дополнительные разъяснения ему не понадобились. Пары секунд хватило, чтобы переварить слова девушки, после чего он неестественно радостным голосом выдал:

— Хорошо, что сам пришел, было бы хреново, нарвись я на него завтра.

— Блин, ну и что тут такого хорошего?!

— Хочешь сказать, плохи наши дела? Я правильно тебя понял?

— Рокки, это не просто плохо, это настолько плохо, что у меня приличных слов нет! Тридцать седьмой уровень, он еще не дотянул до рубера, но топтуном уже называть не захочется. Некоторые называют их кусачами, потому что пасть у них такая, что могут от машин куски откусывать. Как тебе такое?

— Непростой кадр... Из винтовки такого реально приземлить? Из моей?

— Не знаю, из такой никогда не пробовала. Вроде бы можно, но трудновато. А с такими патронами вообще никак. Ну то есть тяжело ими что-то сделать.

— А что не так с патронами?

— Они охотничьи. Пули самые обычные или даже экспансивные, бронебойные гражданским не продают, поэтому их в магазинах не достать.

Узнав, что совершенно невоенизированная с виду девчонка без заминки может выговаривать слово «экспансивные», причем понимая, о чем идет речь, Рокки взял на заметку, что с такими тенденциями нелишним будет при удобном случае научиться варить борщ и разбираться с пеленками обделавшихся младенцев, после чего осведомился о самом важном:

— Если он нас нашел, почему мы все еще живы?

— Потому что мы засели в доме, а он снаружи. Я его еле-еле разок

увидела, проскочил осторожно, пригнувшись за забором, но голова чуть-чуть показалась. Да там не голова, а та еще головища. Нажрал морду на местных коровах, эти гады очень говядину любят.

— А почему сюда не лезет?

— Не знаю. Я вообще не могу понять, что он делает и как он нас нашел. Развитые зараженные уже не такие тупые, они иногда умеют хитрить. Может, боится лезть напролом, изучает, какие-то планы составляет. Но нас он в покое не оставит, уж в этом не сомневайся.

— Такие товарищи строго поодиночке шастают?

— Кочевать от кластера к кластеру они могут, но почти всегда стаями, а если на месте все время пасутся — обычно одиночки.

— А этот кочевой или местный?

— Не знаю, но похож на местного. Уж очень уверенно двигался, будто знал, что через забор лучше дальше перелезть, там сарай его прикроет, из дома заметить не получится.

— У нас две винтовки и дробовик. Давай, Няша, выдвигай идеи, тут я плохой советчик, опыта маловато.

— Да я от тебя совета и не ждала. Одна винтовка полуавтоматическая, патрон там слабенький, но зато стреляет быстро. Из нее, если повезет, можно колено повредить, они даже у руберов не так уж и круто защищены, не элита ведь, шанс повредить неплохой, это многих выручало. Но попасть будет тяжело, такие гады ногами слишком шустро перебирают.

— Дождь до сих пор льет, а ты говорила, что они не любят воду.

— Вот и мне это не нравится. Совсем, наверное, оголодал, раз на охоту выбрался. Дождь уже не такой, как вначале хлестал, но все равно мокро, это не для них погода.

— Может, ему надоест и в дом полезет? Тут тесно, тут с ним проще будет разобраться.

— Да ты даже не представляешь, о чем говоришь. Тут не ему будет тесно, а нам. Как твоя нога?

— Не знаю. Дай-ка встану, проверю.

Поднявшись с дивана, Рокки попробовал перенести вес на проблемную конечность, скривился и выдал нерадостное заключение:

— Вроде уже не так болит, но, зараза, колено будто деревянное. Может, попробовать повязку снять?

— Ну да, можно попробовать, — неуверенно согласилась Няша. — Но, думаю, вряд ли станет лучше. Вот и представь: у тебя нога плохо работает, а я вообще не могу на свою опереться. Что мы будем делать, если этот урод сейчас стену проломит?

Покосившись на стену из толстого бруса, Рокки, сильно опасаясь получить утвердительный ответ, уточнил:

— Он что, реально через такую проскочить может?

— Ну не сразу, конечно, но почему бы и нет. Когти кусача даже кирпичную стену могут разломать, если на это время ему дать. Это все же не элита, хоть в чем-то нам повезло.

— Няша?

— Что?

— Что-что? Мы так и будем торчать здесь и перешептываться? А вдруг он прямо сейчас полезет?

— Ну не лезет же. Не волнуйся, я слежу за ним.

— Как ты можешь следить?

— Я на него метку успела поставить.

— Не понял?

— Это умение такое у меня. Если увижу кого, могу его как бы отметить, и потом вижу направление, и расстояние приблизительно могу определить. Я не сенс, конечно, это недалеко работает, зато ничего не мешает, через любые преграды спокойно просматривается.

— Что же ты сразу не сказала?!

— Ну сказала же.

— И где он сейчас?

— Вон там. — Няша указала в сторону глухой, без окон, стены, что заметно улучшило настроение Рокки. — Метров сорок до него, почему-то отошел от дома.

— Может, он случайно мимо проходил и не знает, что мы здесь?

— Ну да, конечно, случайно, как же. Рокки, здесь не бывает таких случайностей. Я ведь его смогла увидеть, а это не просто так случилось.

— Не просто так? А как?

Чуть поколебавшись, Няша, постукивая ногтем по цевью винтовки, нехотя пояснила:

— Здесь разных непонятностей хватает, и не все в них верят. Но я верю. Не во все, конечно, только в некоторые вещи, и меня это не раз выручало. Хочешь не хочешь, а после такого верить приходится. У иммунных, которые здесь долго прожили, интуиция улучшается. Иногда она улучшается очень сильно. Это уже не совсем интуиция, это почти дар предвидения. Ты знаешь, куда надо обернуться, в какую точку посмотреть. Или хочешь идти, но тебя тянет спрятаться. Прячешься, а потом видишь, что впереди появилась стая, ты чудом с ней разминулась. Разные ситуации могут случиться, понимаешь?

— Получается, вы тут все или некоторые начинают будущее предвидеть?

— Такое вряд ли кто-то умеет, слишком уж сильное умение, а Система не любит создавать суперменов. Но почувствовать что-то на секунды вперед иногда получается. Самое трудное — научиться слушать голос этого чувства. Лучше всего это получается, когда в одиночку бродишь. А я обычно так и делаю, причем уже давно.

— И ты этого товарища почуяла интуицией?

— Я проснулась и поняла, что проснулась не просто так. И мне сильно захотелось посмотреть в окно. Не в первое попавшееся, а именно в то, которое нужно. Я умею слушать свой внутренний голос, не так хорошо, как некоторые, но умею.

— И что там твоя интуиция подсказывает? Мы справимся?

Няша медленно покачала головой:

— Рокки, я не знаю. Мы тут будто в ловушке. Таких тварей нужно бить издали, подпускать очень опасно, может одним ударом отправить на респ. Здесь издали встретить не получится, дом вообще уродский, вокруг него заборы, кусты, сараи — ну ничего не разглядишь. А что там в погребе?

— Не понял вопрос.

— Рокки, ты был в погребе, что там? Можно засесть и держать выход под прицелом?

— Можно. Но учти, что там очень темно, я спичками подсвечивал. И пол, по-моему, хлипковат, если тварь такая серьезная, может сорвать доски и в любом месте на башку свалиться.

— Ну блин!

— Хватит уже, — не выдержал Рокки. — Все блин да блин, тебе это слово не идет, на тупую школьницу похожа становишься. Скажи лучше, где у нашего товарища уязвимые места?

— А с чего ты взял, что они у него вообще есть?

— Няш, я, может, и не сильно умный, но и не настолько дурак. Ты сама говорила насчет коленей, значит, одно уязвимое место уже сдала. Оно действительно одно или есть и другие?

— И да и нет.

— А подробнее?

— Ранение в мозг и верхнюю часть позвоночника обычно убивает сразу, и еще близко к середине груди есть пара мест, куда если попасть, подохнет быстро и вряд ли успеет что-то тебе сделать. Но голова у него, как башенка броневика, только если встык пластин попадешь и в глаза, да и то неизвестно, получится или нет. Грудь хорошо защищена спереди и

сзади, по бокам защита хуже, но он их не очень-то подставляет.

— В глаза, говоришь, завалить можно?.. — думая о другом, рассеянно спросил Рокки.

— Глаза узкие, дно глазниц крепкое, но все равно пробить не так уж и трудно, это тебе не элитник.

— А само зрение у него как устроено? Как у человека? Слизистая оболочка и все такое?

— Нормальных век нет, вместо них диафрагма из ороговевающих пластинок, она запросто может пистолетную пулю выдержать, если прикрыть успеет.

— Тогда у меня к тебе последний вопрос: в этом кадре спораны есть?

— Шутишь, что ли? Конечно, есть. И не только спораны, это очень неплохая добыча.

— Не только? — чуть напрягся Рокки, вспомнив, как сам себя лихо отправил на респ.

Надо бы потом пообщаться с Няшей на тему трофеев подробнее.

— Ну да, там всякое разное. А что?

— А то, что нам крупно повезло.

— В чем это?

— И ты еще спрашиваешь? Не забыла, что нам нужны спораны? Радуйся, они сами в дом просятся, это улыбка фортуны.

— Скорее — оскал... — ничуть не обрадовалась Няша.

— Сейчас проверим, везет нам сегодня или нет. Попробую его заманить в удобное место.

— Чем заманивать собираешься?

— Не чем, а кем...

— Собой, что ли?

— Ну не тобой же.

— А почему не мной?

— Ты интересная. Необычная. Не исключено, что вот-вот начнешь мне нравиться, поэтому лучше поберегу тебя на будущее.

— А может, тебе и правда ноги переломать?

— Как-нибудь в другой раз, без ног будет непросто его заманивать.

Рокки испытывал двоякие ощущения. С одной стороны, он был неимоверно горд собой — еще бы, впервые за все время знакомства исхитрился поставить себя так, что теперь Няше приходится выслушивать его мудрые указания, а не наоборот.

Вот пусть только попробует после такого обмолвиться на тему придурка.

Но у происходящего имелась и темная сторона: если столь самоуверенная и, нельзя не признать, опасная девушка чуть ли не руки опустила, не представляя, что делать, ситуация определенно пахнет неприятным. Шансы попасть на респ очень и очень велики.

Но Рокки эта перспектива не слишком пугала. В самом худшем случае монстр прикончит обоих, потеряют по одной жизни и начнут все заново. Причем вместе, они ведь одна группа, опять появятся в свежем кластере.

И можно будет продолжать выкачивать из Няши бесценную информацию.

Но лучше, конечно, завершить дело бескровной победой. Рокки уже осознал, что жизнями разбрасываться не стоит (не говоря уже о том, что это крайне неприятно).

Кстати, а существует ли способ поднять их лимит? Нужно будет обязательно поинтересоваться у Няши.

Но это позже, сейчас не время для болтовни — Рокки занят тем, что девушка назвала попыткой самоубийства с гарантированным успехом. Он с ней, конечно, не согласен, но в душе скребутся те еще кошки — все же опыта в таких вопросах у спутницы побольше, она куда лучше понимает, во что именно они вляпались.

А вот у Рокки с пониманием плохо. Вот взять хотя бы то, что Няша отказалась от винтовки. Она бы и дробовик проигнорировала, но нельзя — по плану ей хотя бы разок нужно из него выстрелить, а лучше два-три. Оставила себе пистолет за поясом, вытащила свой козырной меч, и складывается впечатление, что чувствует себя с ним куда увереннее, нежели с пулеметом.

Может, так и есть, может, эта похожая на игрушку штуковина в эффективности много чего за пояс заткнет. Но верилось слабо, к тому же как она собралась им размахивать, опираясь одной рукой на рукоять вил и прыгая на левой ноге?

Тоже еще... воительница.

Рокки, несмотря на окаянное колено, выгодно отличался от спутницы — пусть и хромал так, что на каждом шаге по два-три раза с трудом удерживался от падения, но это было все же передвижение на паре конечностей, а значит, получалось держать винтовку на изготовку. Такое многого стоит, учитывая повышенный вес оружия и его некомфортные габариты.

Если дойдет до стрельбы, добавится новое неудобство — сильная отдача. Сегодня Рокки уже не тот, кем был вчера, когда эпично сражался против вертолета, — сегодня он та еще развалина, уверенности в своих

силах нет совершенно.

Но продолжает лезть на рожон. Никуда не денешься, так надо, ведь, возможно, сейчас — лучший момент.

Монстр так и не решился штурмовать дом, но и на улице ему сидеть не понравилось. Дождь действительно подрастерял силу, теперь его даже ливнем трудно назвать — капает, и капает серьезно, но терпимо, прежним пугающим разгулом водной стихии даже не пахнет. Да и ветер стих, воцарился мертвый штиль.

Тварь, возможно, решила дождаться более благоприятной погоды и потому забралась в тот самый сарай, под прикрытием которого чуть ли не на глазах у Няши в самом начале этой эпопеи перебралась через забор. Сооружение хлипкое на вид, и вряд ли внутри можно обнаружить комфортную обстановку, но имеется крыша, а значит, защита от непогоды. Зараженные неприхотливы, спартанская обстановка их вполне устраивает. Если верить спутнице, они не очень-то любят отсиживаться в капитальных домах, лезут туда исключительно за добычей и ненадолго. Но такие вот развалюхи при некоторых условиях могут стать их приютом на несколько часов.

Раз мертвяк не любит дождь, значит, проблему с ним надо решить, пока погода не улучшилась. К тому же, если верить Няше, сейчас звуки будут разноситься не настолько далеко, да и дым с огнем рассмотреть получится лишь с небольшой дистанции. Пусть и меньше льет, но пелена заметная.

Рокки, осторожно передвигаясь по загаженному навозом и гниющими костями хлеву, добрался до пролома, некогда проделанного охочими до мяса тварями, хотел было перед ним присесть, но передумал — состояние ноги не способствовало подобным упражнениям. Пришлось пригнуться как можно ниже, лишь после этого получилось выбраться наружу. Раскрывать ворота не рискнул, изнутри их продолжал удерживать массивный брус засова. Он даже при сильном нажиме не стронулся с места, засел накрепко, применив к нему силу, можно вызвать такой грохот, что обитатель сарая мигом смекнет — приближается вкусный завтрак.

А план Рокки подразумевает, что на этом этапе сообщать «хозяину деревни» о своих действиях нежелательно.

Все, впереди оперативный простор, где ты рискуешь стать съеденным на каждом шагу. Позади, за воротами, тот капкан, в котором есть хоть и мизерный, но шанс. Именно там, в тесноте и полумраке, у осажденных будет возможность нанести твари смертельный удар.

Или умереть самим.

Так себе ловушка, но все же лучше, чем ничего.

Дождь был все же сильным и к тому же холодным — чуть ли не ледяная вода залила широкополую шляпу антикварного вида, обнаруженную в доме и надетую для защиты от непогоды. И еще одна напасть нарисовалась — капли били по головному убору с нехорошим шумом. Возможно, это следствие того, что источник звука располагается слишком близко к ушам, но не исключен и другой вариант — похуже.

В процессе обсуждения плана Няша не раз предупреждала, что слух у развитых зараженных может неприятно озадачить, так что выбивающиеся из шумового фона звуки, даже самые приглушенные, способны довести до неприятностей.

Значит, прочь медлительность, придется действовать быстро, пока противник, вместо того чтобы сидеть в своем убежище, не решит взять инициативу в свои когтистые лапы.

Уже не пытаясь красться, Рокки, пару раз звучно шлепнув по раскисшей смеси перегноя и навоза, высунулся из-за угла и, держа открывшийся взору сарай в поле зрения, свесил винтовку стволом вниз, после чего сунул руку в громадный карман изрядно поношенного брезентового плаща и нащупал горловину водочной бутылки.

Нет, Рокки не испытывал желания срочно выпить. Он вообще сильно подозревал, что к алкоголю столь же равнодушен, как и Няша. Да и от водки здесь имелась лишь бутылка и потертая этикетка, не соответствующая содержимому.

Внутри Рокки налил самый крепкий самогон, который удалось найти в погребе. Хозяева хранили там чуть ли не стратегический запас натурального продукта и были столь любезны, что на некоторых банках указали процентное содержание спирта.

Проверки ради сделал на кухне пробу — накапал на стол и поджег. Вспыхнуло бодрим синим пламенем, после чего быстро потухло.

Не напалм или хотя бы бензин, но сойдет.

Няша была против, уверяя, что с огнем связываться нежелательно, к тому же в такую погоду вызвать пожар будет непросто, да и не нужно. По ее мнению, достаточно крикнуть или хотя бы по стене постучать — этого хватит, чтобы возбудить пристальный интерес твари.

Но Рокки внезапно открыл в себе любителя ярких эффектов и сумел настоять на своем. Тут уже дело принципа — однажды заставив Няшу себя слушать, он и дальше пытался на нее давить, даже не будучи заинтересован в успехе, а все потому, что компенсировал предшествующую безусловную подчиненность.

Чиркнув зажигалкой, поджег тряпичный лоскут, свешивающийся из заткнутой горловины, подождал несколько секунд, давая разгореться, после чего, хорошенько размахнувшись, запустил бутылку в цель. Не попасть почти невозможно — сарай, может, и неказистый на вид, но о его размерах такое не скажешь. Влетела точно туда, куда целился — аккуратно под скос крыши, в темное пятно на доске.

Жалобный звон, и тут же по доскам загуляли языки синеватого пламени. Рокки, шагнув назад, нахмурился. Огонь не радовал глаз, он вышел слишком слабым, нет сомнений, что пламя собирается торопливо выжечь спирт, и не факт, что за это время успеет как следует добраться до древесины.

Но уже через миг эти опасения растаяли в бесконечно далеком прошлом, потому как все изменилось настолько резко, что Рокки, воображая себя готовым к чему угодно, растерялся, как последний недотепа.

Взгляд его был пристально уставлен на широченную распахнутую дверь сарая, но все равно начало представления удалось рассмотреть во всей красе — стена взорвалась под неудержимым напором кого-то крайне сильного, в ореоле разлетающихся досок и щепок наружу вынеслось что-то большое, темное, урчащее и невыносимо страшное.

А еще оно было быстрым. Ошеломляюще-быстрым. Ненормально и неправдоподобно быстрым. Быстрым настолько, что Рокки в один миг осознал: если, следуя первоначальному плану, рвануть назад, в хлев, подставляя чудовище под выстрел в глаза, в самом лучшем случае задница познакомится с когтями за несколько шагов до не таких уж и спасительных ворот. А это неприемлемо, так нельзя, ведь не просто так там, в провонявшем навозом и гнилыми костями сумраке, постелено тряпье. Нужно, преодолевая боль и непослушание колена, успеть добраться хотя бы до него, нырнуть внутрь рыбкой, завалиться на мягкое и чистое, развернуться, открыв огонь синхронно с Няшей. Причем девушка будет стрелять чуть модифицированными патронами, где часть дробы заменена смесью крупной соли с перцем. Органы зрения у таких зараженных иногда могут и попадание пули стерпеть, но все равно заработают повреждения. А такой коктейль на свежую рану — никому не понравится. Предполагалось, что тварь окажется ослеплена, после чего прикончить ее будет проще.

То есть предполагал исключительно Рокки, спутница на разные лады выражала свои сомнения, отказывая плану даже в намеке на разумность.

И сейчас Рокки понял — Няша была права на сто, даже нет — на двести, на всю тысячу процентов. Он возомнил себя великим стратегом и

за это будет наказан — жестоко и без промедления.

Ума хватило осознать очевидное — бежать бессмысленно, а раз так, то какой смысл вообще разворачиваться?

Он успел вскинуть вдруг ставшую невесомой винтовку и, даже не пытаясь целиться, потянул за спуск. Пуле деваться некуда, она не промахнется мимо стремительно надвигающейся громадины, увитой канатами жил и покрытой пластинами матово-коричневой биологической брони.

Выстрел, отчаянно-торопливая попытка отвести затвор назад. Не получилось — оружие было выбито из рук еще до того, как из казенника вылетела гильза.

А затем Рокки сбило с ног, смело, будто пушинку, с дурной силой вмазало спиной в раскисшую до состояния кисельной массы землю, где самой земли было всего ничего, зато раскисшего из-за непогоды навоза разной степени свежести — полным-полно. Придавленный нестерпимой тяжестью, он захрипел, пытаясь убрать лицо от впивающейся в скулу угловатой броневого пластины, отчаянно потянулся за пистолетом, но тщетно, достать оружие не получилось.

С превеликим трудом начал раскачиваться с боку на бок, пытаясь выиграть для руки хотя бы крохи свободы. Ему бы только до рукояти дотянуться, а потом...

Стоп, а, собственно, что будет потом? Почему Рокки до сих пор на что-то способен? Почему не разорван, не отправлен по куску в пасть, где, как успел заметить, острейшие зубы располагались в два полноценных ряда на манер акульих?

Поразительно, но он жив, монстр, едва его не раздавив, почему-то на этом успокоился и сейчас лишь вяло шевелит ногами, будто пьяница, нехотя пробуждающийся после длительного отдыха в луже, разлившейся под забором.

А еще перед глазами проявилась красная надпись.

Внимание! Личная победа — уничтожен опасный зараженный. Уровень — 37. Вероятность получения ценных трофеев — 100 %. Примите поздравления, это была красивая битва, получено свободных очков к основным характеристикам — 30. Получено 88 очков к прогрессу выносливости. Получено 101 очко к прогрессу скорости. Получено 104 очка к прогрессу меткости. Получено 71 очко к прогрессу реакции. Получено 33 единицы гуманности. Получен уровень. Поздравляем, ваш

уровень — 2.

Это как понимать? Получается, эта помесь рыцаря в доспехах, акулы-людоеда и бегемота-недоростка весьма вовремя подохла? Невыносимо прекрасная новость, по такому поводу хочется выплюнуть навоз изо рта и радостно рассмеяться.

А затем подумать, каким образом выбраться из-под туши и при этом не захлебнуться в вонючей жиже, норовившей захлестнуть с головой.

Глава 20

Жизнь пятая. Кое-что проясняется

Зубья вил впивались в напитанную водой и навозом землю в опасной близости от выглядывающего бока Рокки, по чуть-чуть сдвигая неподъемную тушу с его тела. Кое-какую степень свободы оно уже получило, но шевелиться не торопилось — острые углы костяных пластин уже изрядно повредили одежду, а кое-где и родную кожу, усугублять это поспешными телодвижениями не хотелось.

Зубья потеряли опору, вылетели из чересчур податливой почвы. Няша, едва устояв на одной ноге, непроизвольно произнесла слово, до такой степени неприличное и для нее совершенно нетипичное, что Рокки не удержался и хохотнул.

— Блин, да я тут корячусь как проклятая, а тебе весело! — высказалась на это девушка и попросила: — Придурок, я сейчас еще раз приподниму этот бок, а ты бегом выбирайся. Я тебе не грузчик, я дальше отодвинуть не могу.

— В честь чего это я опять придурком стал?

— Ну а кто ты еще?! Тебя же, придурка, чуть не убили! Сам тупой, и план твой такой же тупой, если не тупее! Вот откуда в тебе столько глупости взялось?! Ну давай же, помогай, не то ночевать здесь оставлю!!!

Ценою новой порции царапин и ссадин выбравшись наконец из-под осточертевшей тяжести, Рокки, неуверенно поднимаясь, осознал, что вопреки ожиданиям руки-ноги функционируют, да и остальное, похоже, не заработало серьезных повреждений. От столь радостных новостей не смог удержаться от улыбки, и, хотя лицо его сейчас пребывало в крайне плачевном состоянии, скрываясь за коркой из грязи и крови, Няша гримасу заметила и не удержалась от комментария:

— Блин, да он и правда радуется! Ну и кто ты вообще после этого, если не придурок?! Переломы есть?! Руками шевелить можешь?! У тебя лицо в крови, ты ранен!

— Да ерунда... царапины... — Глупая улыбка не сходила с лица Рокки, он был доволен как никогда.

— Ты такое называешь царапинами?! — продолжала бушевать Няша.

— А как еще такое называть? Терпимо. Это ведь почти то же самое, что оказаться на пути взбесившегося носорога, без царапин тут никак не

обойтись.

— Царапин?! Да это чуть ли не рубер, посмотри, какой жирный! В нем полтонны, а может, и больше! Ребра проверь, может, они у тебя повылазили все или легкие проткнули!

— Уймись уже, все в порядке, — беззлобно заявил Рокки, улыбнувшись еще шире.

Он вдруг осознал, что спутница и правда волнуется не за себя — впервые за все время знакомства она искренне переживает за него. Рада, что Рокки жив, очень рада, но пытается это скрывать, скатившись до использования негативных эпитетов.

Еще вчера такое поведение могло его обмануть, но сегодня все совершенно иначе.

Иногда люди живут бок о бок годами, совершенно не зная и не понимая друг друга, а иногда на узнавание хватает нескольких дней, а то и часов.

Весь вопрос в том, где зарабатывать жизненный опыт, как и чем жить. Или выживать.

Няша, устало опираясь на рукоять вил и тщательно задирая искалеченную ногу, не позволяя ей даже коснуться жижи, глядя сверху вниз на поверженную тварь, задумчиво произнесла:

— Ты выстрелил один раз...

— Ага, один.

— Придурок, я тебя не спрашиваю, я это сама знаю. Кусач уже разинул рот, пуля попала в пасть, прошла через центр мозга и вылетела над споровым мешком, пройдя через стык пластин. Я знаю, что это за тварь, так прицелиться ты бы ни за что не успел, ты ведь тот еще придурок. Нет, это исключено, это совершенно невозможно, это дичь какая-то, так не бывает. Рокки, мне нужны объяснения. Очень нужны.

— Ты о чем?

— Да кто ты! Блин! Вообще! Такой?! — взорвалась девушка, едва не навернувшись из-за выскочивших из земли зубьев вил.

Рокки было потянулся к ней, собираясь придержать, но остановился — она и без него неплохо с этим справилась, а вот помощь, полученную от столь грязнящих рук, вряд ли оценит благосклонно.

Вернув равновесие, Няша, не сводя взгляда с туши, продолжила уже куда более спокойным, скорее даже деловым голосом:

— Тебе придется выпотрошить его мешок. Это легко.

— Я знаю.

— Знает он... ну надо же какой всезнайка. Ничего не упускай, забери

все до последней черной паутинки. Ну чего замер? Пинка ждешь?

— Жду, когда говно из штанин вытечет, — не подумав, ответил Рокки и, осознав, что высказался крайне двусмысленно, скатился до самооправданий: — Это не мое.

— Мне все равно, откуда ты его взял, давай уже побыстрее решай свою проблему. Не знаешь, в доме нет уксуса?

— Зачем опять спрашиваешь? — удивился неожиданному вопросу Рокки.

— Блин, ну вот почему нельзя взять и просто ответить?!

— Я уже говорил, что есть.

— Принесешь потом и обольешь тут все. На каждое пятно крови плеснуть надо, это хоть немножко отобьет запах.

— Думаешь, сюда еще кто-то заявится?

— Ты вообще не понял, где очутился, — тут не думать, тут делать надо. Совсем голову отключать нельзя, но кто много думает, тот мало живет. Споровый мешок, потом уксус, потом марш домой. Пойду попробую найти тебе другую одежду, эта сильно изорвана, и ее проще выбросить, чем отстирать. И да, когда ты будешь сухой и чистый сидеть в доме, я хочу сидеть напротив и слушать твой правдивый рассказ о том, как ты, ноль без палочки, пустое место и вообще придурок, мгновенно убиваешь все, что бегают и летает, никогда не промахиваясь. Рокки, так не бывает, хватит с меня уже тупых сказок и честных глаз, я хочу знать правду, и я, блин, ее узнаю.

На застеленном обшарпанной клеенкой столе лежали девять вожделенных споранов. Еще один Няша, то и дело брезгливо морщась, разводила в самогоне, изготавливая порцию живца.

Этим трофеи не ограничивались, ситуация в чем-то напоминала однажды пережитую, когда из головы совсем уж безобразно-страшной твари Рокки вытащил кучу всякой всячины, после чего с ее помощью с дивной быстротой улетел на респ.

Два янтарно-желтых шарика размером с горошину выглядели так, будто их скатали из чуть поджаренного сахара. Четыре предмета походили на безобразно раздувшиеся пшеничные зерна или, скорее, на косточки какого-то карликового родственника финиковой пальмы. Чуть дальше что-то, формой и цветом напоминавшее лесной орех, вот только размером подкачал, да и по краям местами слегка просвечивается.

Посредине всего этого, как главное украшение стола, лежало что-то, что больше всего напоминало высушенную морскую звезду размером чуть

покрупнее ногтя большого пальца. Цвет не просто черный, а скорее — иссиня-черный, откровенно ненатуральный, ненормальный, не бывает в природе таких цветов. Даже без объяснений понятно, что это самый дорогой предмет, но все же хотелось узнать подробности.

Вот только Няша делиться ими не торопилась, сейчас она добивалась прямо противоположного — пыталась кое-что узнать от Рокки.

А он понятия не имел, с чего начать. В голове одни лишь предположения, мысли путаются, облачатся словами не торопятся.

Понюхав готовый продукт, Няша скривилась:

— Ну и гадость. Здесь ничего, кроме меда и сахара, не найти, мы самый никчемный дом выбрали.

— Получается, заливаться таким нельзя? — уточнил Рокки.

— Да нет, пить и не такое можно. Но неприятно. Ладно, все равно нам нужен живчик, куда деваться. На вот, держи.

Приняв протянутую Няшей кружку, Рокки, даже не понюхав содержимое, сделал приличный глоток, проглотил, подавил реакцию организма, чуть было не исторгнувшего выпитое обратно, и, пытаясь делать это как можно убедительнее, кивнул, нейтральным тоном заявив:

— Из твоих рук я и не такое выпить готов, но, если честно, на вкус не очень.

— Да прокисшая моча больного скунса вкуснее, — скривившись, ответила на это Няша и с вымученным видом приложилась к своей кружке.

Рокки, на пару секунд погрузившись в себя, с удовлетворением убедился, что столбик заполнения споровой шкалы пополз вправо, после чего как бы между прочим сообщил:

— Ты, наверное, сильно удивись или не поверишь, но это моя пятая жизнь.

Няша, едва не поперхнувшись, уточнила:

— Так ты что, мне врал?

— Нет.

— Но ты же говорил, что умер двадцать восемь раз. Так ведь было?

Рокки покачал головой:

— Ошибаешься, подруга, я говорил, что удача у меня двадцать восемь единиц. Насчет смертей я вообще ничего не говорил, ты это сама додумала.

Очевидно, важность момента была столь значительной, что Няша пропустила «подругу» мимо ушей:

— Но ты же мог сказать, что смертей было меньше? Зачем мне голову морочил?

— Да запросто мог, но ты ведь не спрашивала, тебе моих слов насчет

удачи хватило. Ну и правильно, зачем какого-то придурка лишний раз спрашивать.

— Не бурчи, я же знаю, что ты не обижаешься. Ну, чего так смотришь? Что, на самом деле обижаешься? Блин... Ну извини, сама иногда не замечаю, как с языка слетает. Я же не со зла, тут так принято и вообще... Может, забудем? Мир?

— Я с тобой не воевал.

— Значит, мир. Рокки, и как же могло получиться, что у тебя пятая жизнь, а удача двадцать восемь? Как-то это не сходится. Ну так как?

— Ну... например, я вру тебе насчет удачи прямо сейчас. Разве ты можешь видеть мои характеристики?

— Еще как могу. Ты принял приглашение в отряд и не проверил настройки. А там, в приглашении, у лидера отряда выставлено разрешение на расширенный просмотр информации по всем членам группы. Внимательнее нужно быть.

— Да куда мне, придурку...

— Блин, ну не обижайся, хватит уже. Тебе ведь еще учиться и учиться, тут фишек разных много, я и половины не знаю, нет таких людей, которые знают абсолютно все. Ну так как такое с твоей удачей получилось? Ты хоть и странноватый, но ты всего лишь новичок, не мог ты ее так прокачать. Да и не качается она сама по себе или качается очень редко, на достижениях — пустая характеристика, что пять, что десять, удачливости у тебя не прибавляется, не видно ни малейшей разницы. Так в чем твой секрет?

— Самому хочется узнать...

— Я же вижу, что знаешь.

— Согласен, что-то я знаю, — не стал отпираться Рокки и, указав на стол, коснулся наконец важнейшей для этого разговора темы: — Помнишь, я говорил, что уже видел такие штуки?

— Ну?

— Я там много чего видел.

— Где это — там?

— В одном из городов, в которые меня после смерти закидывало. Так получилось, что ночью столкнулся там с мужиком, одним из ваших. Он на последнем издыхании валялся, но перед этим успел свалить крутого мертвяка. Этот наш в сравнении с тем — вообще дитя в белом подгузнике.

— Элита?!

— Не знаю.

— Больше тонны или меньше?

— Гораздо больше, там такая туша, на половину голодающей Африки

хватит — слон отдыхает, нереальная гора мяса.

— Это точно элита. Приблизительно по тонне границу проводят, а по уровню это шестьдесят или шестьдесят два. Кто как считает, точности нет.

— Этот мужик попросил вскрыть мешок и кое-что ему притащить.

— Случайно, не жемчуг?

— Ну да, шарики, похожие на жемчужины.

— Говоришь, он умирал?

— Да он уже трупом был, до сих пор не пойму, как эта отбивная со мной разговаривала.

— Грамотный ход, выбрал самое ценное. Если успеть принять жемчужину до смерти, эффект проявится уже потом. Он не пропадет, как все остальное.

— Тебе виднее.

— И что же было дальше?

— Дальше я вытащил эти штуки, но тут нарисовался еще один мертвяк, тоже очень неприятный. Я только и успел, что под машину нырнуть. Но отсидеться там — не вариант, ему эта машина, что мне коробка от холодильника. В общем, лежу я там, готовлюсь опять в общагу лететь, а сам думаю: «Вот на кой тому трупу эти шарики понадобились?» А он ведь не просто принести просил, он просил в рот ему вложить, а ведь в этом, наверное, есть какой-то хитрый фокус...

— Рокки, ты что, сделал то, о чем я думаю?

— Я мозгами пораскинул: а почему бы и нет? Хуже уже точно не будет, а вот лучше — не исключено.

— Что ты сделал?! Сколько жемчужин ты съел?! И какого они были цвета?! — резко разволновалась Няша.

— Вроде бы черная, красная и зеленая — три штуки.

Девушка, издав непередаваемый звук и состроив крайне нетипичную для нее комичную гримасу, с превеликим трудом выдавила из себя:

— Сколько?! Три?! Только не говори мне, что ты слопал целых три жемчужины!

— И что мне тогда делать? Помалкивать? Ну, как прикажешь...

— Эй! Стоп! Я не то имела в виду! Ты что, действительно это сделал?! —

— Блин, да я осознал уже, что круто ступил, ну а что мне еще оставалось? Инструкцию читать? И где бы я ее достал?

— То есть ты принял три жемчужины за один раз? Так?

— Угу.

— И прожил после этого меньше секунды. Я угадала?

— Да тебе и рассказывать ничего не надо...

— Ну так все очевидно.

— Это для тебя очевидно, а откуда мне было знать? Да, я придурок, чего уж тут...

— Постой, давай без этого, — поморщившись, перебила Няша. — Ты, блин, вообще не понимаешь ситуацию. Честно говоря, даже я ее не очень-то понимаю, что тут о тебе говорить. То, что ты проглотил, — очень сильная штука. Сильнодействующая. Между приемами нужно выжидать тридцать шесть часов, иначе верная смерть. А кому повезет больше пары достать, иногда и подольше ждут, многие считают, что так риск изменения снижается. Ты, получается, такое учудил, что я даже не пойму, с какой стороны на это смотреть... Почему ты не становишься квазом?

— В смысле?

— Кваз — это... Ну ты же видел, как меняются зараженные?

— Нет, конечно, вообще не пойму, о чем ты сейчас говоришь, — с самым серьезным видом сыронизировал Рокки. — Няш, я что, с закрытыми глазами живу? Конечно же видел.

— С иммунными такое тоже бывает. Похожее.

— Мы можем стать зомбаками?!

— Не переживай, не станем, все не настолько страшно, но приятного в этом тоже мало. Изменяешься внешне, становишься сильно или не очень сильно похожим на мертвяка почти своего уровня. Сила и выносливость повышаются, но за счет других характеристик, которые уменьшаются, причем выбираются уменьшаемые случайно. Некоторые умения блокируются, некоторые не развиваются, некоторые... В общем, проблем у квазов хватает. Вот что ты будешь делать, если идешь себе по лесу с винтовкой, а тут навстречу тебе мертвяк полтора центнера весом?

— Ты это серьезно спрашиваешь?

— Ага, спрашиваю. Все дело в том, что ты можешь подстрелить человека без уважительной причины и получить минус в гуманность. Минус, правда, за квазов сниженный, но он все равно есть. Да иногда и не поймешь, какой полагается штраф — Система какой хочет, такой и ставит, рискуешь круто попасть.

— Получается, что ну его в печь, все эти шарики. Или подохнешь, или уродом жить придется, я правильно понял?

— Ну, насчет умереть... просто придется время выжидать. И такое уродство исправить можно. Нужно несколько раз на респ слетать, сколько именно, от твоего уровня и решения Системы зависит. Постепенно станешь нормальным. Есть и другие способы, но это очень сложно или дорого. В общем, лучше не рисковать, и, если тебе повезло, выжидай хотя бы дня три,

так спокойнее.

— Да мне даром не нужна такая радость, спасибо, уже накушался на халяву, не понравилось. Или там какая-то полезная фишка?

— Ты это серьезно спрашиваешь?! Ну, Рокки, кто бы вообще такое глотал, не будь там чего-то очень полезного? Фишка в том, что жемчуг может качать Грани Таланта, их, кроме как жемчугом, качать ох как непросто. Еще кач на Ментальную Силу идет, и приличный. И главное — может проявиться новый дар, это вообще бесценно.

— Похоже, я слушаю лекцию по квантовой механике, причем на китайском языке...

— Блин... ну как бы тебе объяснить... Ты же видел, что я с замками делаю?

— Я даже видел, как пистолет сам собой мне в руку прилетел и чуть ли не «здрасте» при этом сказал.

— Это телекинез — не сильно развитый, да и проблемы у меня с ним, но все же — дар. У всех иммунных есть сверхъестественные способности.

— За собой не замечал.

— Потому что ты почти нулевка — надо добраться до десятого уровня, тогда получишь первый. Потом еще один дадут, на тридцатом. Считается, что следующий аж на шестидесятом получишь, но я пока что не видела никого, кто бы настолько круто прокачался, это ужасно трудно, почти невозможно. Дары бывают разные: полезные, малополезные, вообще бесполезные и даже вредные. Полезный может очень сильно облегчить жизнь и уменьшить частоту полетов на респ. Представь, что при тебе всегда есть оружие и защита, которые невозможно отобрать. Или представь, что ты можешь замечать врагов в кустах, за деревьями, в домах, и работает это на сотни метров. Много разных умений есть, а обрести простыми способами получается только два из них. Вот и представь, как ценятся жемчужины.

— Я, наверное, еще не вкурил, но ну их в болото. Такой риск из-за непонятно чего. Я так понял, можно получить что-то вообще ни на что не годное?

— Ага, запросто. У меня первое умение — могу руку подставить и птичке приказать на палец сесть. Да и то не всякая птичка послушается.

— И ради такого рискнешь травиться?

— Рискну, — решительно заявила Няша. — Только это все так... пустые разговоры. Достать жемчуг очень проблемно, ты сам видел, в каких тварях он водится.

— Я одно не пойму — получается, умял три порции этой отравы за

один присест. Почему я не стал уродом? Потому что улетел на респ?

— Вряд ли, одна смерть не отменяет изменения. Сама голову ломаю, в чем тут дело. Может, в иммунитете новичка?

— Это как?

— Новичков никогда не кидает на самые паршивые кластеры, и они никогда не оказываются рядом с нолдами. Система их как бы оберегает от самого худшего. Но эта защита предоставляется не навсегда, она только в самом начале действует. Считается, что в первые два-три дня новичку нужно очень постараться, чтобы нарваться на проблемы.

— Я бы так не сказал...

— Все твои смерти от нехватки знаний и опыта. В какой-то момент ты поймешь, что защита и правда существовала, пока был нулевым. Может, в первые два-три дня измениться тоже невозможно или...

Няша внезапно осеклась и закатила глаза, глубоко погрузившись в себя. Затем резко дернулась и, потерянно улыбаясь, ошеломленно пролепетала:

— Блин! Я нашла ответ!..

— Ты сейчас о чем? Вспомнила что-то?

— Ты не понял, я настоящий ответ узнала! — Девушка широко улыбнулась во все тридцать два зуба, что за ней до этого не наблюдалось. — Ну то есть узнала тайное. Блин, первый раз со мной такое! Ну вообще супер!

— Я все равно тебя не понимаю.

— Ты разве не читал, что пишут перед воскрешением?

— «Выжить, искать, узнать тайное, помочь, задать правильный вопрос» — мне это уже в память въелось, кислотой не вытравить.

— Рокки, когда сюда попали основатели, они знали лишь то, что им написали на старте.

— Основатели — это, я так подозреваю, первые иммунные?

— Ага.

— Они знали только то, что перед общагой пишут? Тогда я им соболезную, ведь это не жизнь, а непрерывная боль.

— Не совсем так, раньше при старте писали больше, иначе как бы мы узнали про тот же живчик и остальные хитрости. Но потом стали давать все меньше и меньше информации, а сейчас вообще крохи. Да и не в этом дело, ее и в самом начале была всего-то капелька, только самое-самое, без чего вообще никак. Приходилось ошибаться, искать, терять и находить. Постепенно иммунные получали знания, и за каждое новое найденное знание Система могла отблагодарить. Это как бы приз тому, кто раскрыл

тайну, понял то, что до него никто не понимал.

— И ты сейчас раскрыла тайну?

— Ага. На период иммунитета новичок, не успевший поднять ни одну из основных характеристик, защищен от изменения. Вот так мне написали.

— А приз? Благодарность где?

— Скажем так — мне кое-что повысили. Не скажу что, но я довольна, как объевшийся кот.

— По твоим объяснениям я понял, что, когда живут, как мы, объединившись в группу, почти все, что получают, делится на всех.

— Ну да. Только у нас плохой отряд, очень большая разница уровней. По опыту и ты немного получаешь, и я. Как бы штрафы за разницу, они приличные бывают.

— Тебе за того чудика в броне что-нибудь дали?

— Ну да, немножечко капнуло.

— А мне сейчас, когда ты ответ нашла и глаза закатила, вообще ничего не написали.

— Ну, Рокки, Система почему-то решила, что тут ты ни при чем. С такими открытиями все не так, как с обычным убийством монстров, они отдельно идут.

— Понятно. Но я до сих пор так и не понял другое — что не так с моей стрельбой? А ты ведь именно это хотела выяснить.

— Да тут уже все понятно.

— А мне вот нет.

Няша обернулась по сторонам с таким видом, будто собирается украсть что-то по мелочовке и опасается свидетелей, после чего, пригнувшись так, что едва не коснулась подбородком столешницы, заговорщицким тоном прошептала:

— Ты читер.

— Да что ты такое говоришь? А какие-нибудь подробности будут?

— Да какие тут могут быть подробности? Шутишь, что ли?

— Я серьезен.

— Ты сломал Систему.

— Вот теперь я точно ничего не понял.

— Рокки, Система не идеальная, она не может предусмотреть абсолютно все. Мы не знаем, кто ее создал и зачем, но работает она прекрасно — это трудно оспорить. Однако создатели Системы не сумели предусмотреть все, поэтому иногда здесь случаются ситуации, которые трудно вообразить. Нет, даже невозможно представить. Вот как в твоём случае.

— Что такого в моем случае невозможного?

— Да ты хоть представляешь, сколько стоит жемчуг?

— Без понятия.

— Много. Вот сам посмотри — иммунитет у новичков держится не больше трех дней. Много у них шансов за это время достать такую дорогую штуку? Да почти ноль, они ведь все поголовно придурки, в первые дни только и делают, что на респ наперегонки летают. Да они даже о спорах обычно узнать за этот срок не успевают, там все вообще безнадежно. Но некоторые удачно приканчивают зараженных, мелких, конечно, а от нуля до единички основные характеристики качаются влет, моментально. Поднял хотя бы одну, и иммунитета уже как не бывало. Смотрим дальше — жемчужины бывают разные, ты, получается, целый сет их умял, трех цветов. Да и без полного набора цветов сразу три — очень и очень круто. За такое, если употреблять правильно, возможно, получишь кучу бонусов. Ты что-то получил, когда в себя пришел?

— Текст какой-то странный был, не помню подробности, а потом к удаче прибавку кинули. Солидную такую прибавку.

— Удача — вообще ерунда, не радуйся. Вот смотри дальше — жемчуг при первом приеме должен давать одно умение. Это гарантированно. Но сверхъестественные умения иммунный не получает раньше десятого уровня, это закон. Теперь поставь себя на место Системы: она не может сделать тебя квазом, это запрещено из-за иммунитета новичка, и еще она обязана отблагодарить. Круто отблагодарить, ведь целых три жемчужины принято — тройная порция разных цветов, которую нужно растягивать на неделю. Вот что ей делать после такого?

— Я не Система, я без понятия, что ей надо делать.

— Вот и она это не понимает. То есть вначале не понимала. По твоему случаю она уже наверняка подкорректировала свои правила, но ты ведь проскочил до их корректировки. Получается, ты пусть и случайно, но нашел уязвимое место — недочет. Система была обязана что-нибудь тебе предоставить, но что можно дать в таком случае? У тебя на тот момент не было ни умений, ни возможности их получить, а как-то выкручиваться надо. Напомнить о том единственном и нестандартном, что за тобой тогда числилось?

— О чем ты?

— О том, что у тебя, Рокки, есть проблема с коленными суставами, и ее компенсировали бонусом к стрельбе. Бедная Система, наверное, и так и сяк корячилась, мне даже ее немного жалко, и все, что она в итоге нашла — только это. Вот и вбухала тебе в твой компенсационный бонус весь

потенциал от трех жемчужин. Считается, что бонус качать невозможно, но ситуация получилась странная, поэтому твой случай стал исключением. Жемчуг — сильнейшее средство, а уж три штуки за один раз — это вообще нечто невообразимое. Теперь твоя единичка меткости — это все равно что десять или двадцать у обычного иммунного, а может, и больше.

— Я кое-что не понял...

— Что?

— Тот тип, который просил меня принести ему жемчуг. Он ведь знал про риски, зачем просил все жемчужины высыпать ему в рот?

Няша отмахнулась:

— Зачем-зачем... может, думал, что там окажется не больше одной, а может, и думать уже не мог. Ты же говорил, что он в кусок мяса превратился. Вот что ты хотел от умирающего? Рационального поведения? Человек в состоянии шока, почти агонизирует, думаешь, он нормально мыслит? Самому не смешно? Забудь, думай о другом. Ты, найдя уязвимость Системы, возможно, превратился в лучшего стрелка Континента. Блин, да мне даже чуточку стыдно, что я тебя придурком называла.

Последнее девушка произнесла без малейшего намека на угрызения совести, но Рокки придирается по поводу неискренности не стал, указав на другое:

— А может, мне просто везло с попаданиями?

— Пять раз по пилоту вертолета без промаха из тяжелой винтовки в положении стоя без упора — в такое везение я ни за что не поверю. С кусачом, конечно, такое возможно, но с вертолетом — не смей.

— Похоже, мне обломился ценный приз.

— Ага, так только совсем уж полному придурку повезти могло. Уж извини, но иначе тут не скажешь.

— Ладно, дай мне все обдумать, а пока расскажи: что это? — Рокки указал на россыпь разнообразных трофеев, извлеченных из спорового мешка. — Что-то вроде жемчуга? Тоже дает какие-то прибавки?

— Все что-то дает, даже паутина, которую ты по грязи разбросал, бесполезная. Вот эти шарики — горошины, они качают Ментальную Силу. Это, кстати, единственная основная характеристика, которую можно прокачать, что-то принимая, а не совершая определенные действия в победных боях. Желтые — самые дешевые, но стоят, конечно, побольше споранов, хотя одинаковую цену не жди, они от места к месту могут сильно плавать. Принимать горошины нужно тоже в растворе, только к ним не алкоголь подходит, а уксус.

— А это что за зерна? Семена местной конопли?

— Ты в игры играл? В компьютерные?

— Может, и играл, я ведь ничего не помню.

— Это как бы таблетка, пилюля, дающая бафф. Усиливает тебя, получаешь временную прибавку. Система выбирает случайную основную характеристику и дает к ней прибавку от десяти до пятидесяти процентов на срок от часа до пятнадцати часов.

— Время и прибавка — тоже случайность?

— Ага. Вот эта штучка, на орех похожая, так и называется — орех. Она тоже дает бафф, но только к дополнительной характеристике. Все остальное такое же самое.

— Зерно называют зерном, как орех орехом?

— Ну да.

— А вот это, наверное, называют звездой?

— Правильно.

— Она дороже всего остального?

— Почему ты так подумал?

— Ты ее как-то странно рассматривала, а потом отдельно отложила.

— Ну да, дорогая она. Хотя именно эта — самая слабая из звезд. Звездами качают шкалы. Вот эту если развести в спиртовом растворе, как споран, и выпить, к одной из шкал добавится от одного до пяти очков. Очень удобно, допустим, прокачать споровую шкалу, тогда голодание будет наступать не скоро и никогда не попадешь в неприятность, как мы попали.

— Ну нам-то удача в итоге улыбнулась.

— Повезло, а могло и не повезти. Для тебя, Рокки, тут полезного вообще нет, ты мелкий, у тебя умения не открыты, ты почти от простой цифры не отличаешься. Знаешь, я ведь, получается, ничем тебе не помогла, так что эта добыча твоя, потом продашь или на себя потратишь, когда дорастешь. Только споранами поделись чуть-чуть, сам понимаешь, мне без них никак.

— Няша, это что за ерунда? За кого ты меня принимаешь?

— Ты о чем?

— Сама знаешь о чем.

— Не знаю.

— Ну-ну... не знает она, как же. Я к тому, что на моем месте ты бы все разделила честно, а на меня нехорошо думаешь.

— Я не на твоём месте, и вообще, не надо себя и меня сравнивать. Мы совершенно разные люди, и еще не забывай, что я сама по себе. Обещала тебе помочь, это да, помогу, но на большее не рассчитывай. Не хочешь себе

все забирать, ладно, можно и разделить, мне от этого только лучше. Но все же подумай, что скоро настанет момент, когда тебе придется как-то жить без моей помощи. А пока думаешь, давай отсюда перебираться. Если нас один раз заметили, могут еще не раз заметить. Нужно менять место.

— И куда мы пойдем?

— Деревня старая, вымирающая, почти все дома заброшены, обжитые разбросаны далеко друг от друга. Надо выбрать такой, который особняком от других стоит. Уж поверь, здесь оставаться нельзя. Я не знаю, как нас почуял этот кусач, но, если он нашел, другие зараженные тоже могут найти. Лучше уйти прямо сейчас, пока мокро и погода плохая. Следов меньше наделаем, дождь быстро их размывает.

Глава 21

Жизнь пятая. Аморальный основатель

Похоже, деревня и правда переживала далеко не пик своего расцвета. Рокки, проковыляв по ней не одну сотню метров, осмотрел четыре дома и принципиальной разницы между ними не заметил. Все чуть ли не под копирку сделаны, убранство везде одинаково неновое и, как правило, печально-убогое, редких разносолов нигде не обнаружил — еда столь же незамысловатая, как и везде, к тому же в одной избе холодильник оказался чуть приоткрытым, благоухало там так, что чуть глаза не выело, а в другой окно было выдавлено вместе с рамой, внутри царил погром, там и сям валялись обглоданные или даже разгрызенные кости, похожие на человеческие.

Колено не давало покоя, из-за него вскоре пришлось сворачивать поиски, приберегая силы для переезда. Имуществом разжиться не успели, но старого хватало, одна Няша чего стоила, за истекшее время она не научилась нормально передвигаться самостоятельно и меньше весить тоже не стала.

Да и куда ей худеть, и так чуть ли не экспонат анатомического музея. До сих пор стыдно, что так обмишурился при первом знакомстве, не иначе как удар по голове сказывался, на одни издержки хитроумной одежды и грязевой покров списать столь фееричную ошибку невозможно.

Единственный плюс нового места — выдавший виды примус, обнаруженный в кладовке. Рокки весьма смутно представлял, каким образом работает это устройство, к тому же сильно подозревал, что для него требуется керосин. Но после почти получасовой возни сумел выдать результат при помощи обычного бензина, слитого из бака стоявшей возле дома старенькой машины.

После этого жизнь стала резко налаживаться. Тут тебе и чай, и кофе, и постный супчик, заправленный рыбными консервами. Горячая пища — то, что надо соскучившимся по комфорту путешественникам, и заодно замедление падения уровня шкалы удовольствия, а затем и ее неспешный рост. Оказывается, это крайне полезный показатель: если удерживать его близко к максимуму, можно на постоянной основе получать случайные прибавки к целому набору характеристик (тоже выбираемым случайно), и чем дольше длится такое состояние, тем больше прибавляется бонусов.

Задумываясь над такими вопросами, Рокки иногда и правда начинал ощущать себя киборгом или персонажем виртуальной реальности, а окружающий мир рассматривал на предмет ошибок художника, который его рисовал. Если верить Няше (а спутница, похоже, врать не приучена), показатели, завязанные на иммунных, играют в их жизни (или, скорее, выживании) доминирующую роль. При внешней хрупкости можно демонстрировать незаурядную силу, грузный человек способен совершать молниеносные движения и перепрыгивать через серьезные препятствия, и это только самое очевидное, сразу бросающееся в глаза.

В систему характеристик и показателей придется вникать и вникать, иначе так и останешься никчемным придурком.

Похлебать горячего — это замечательно, но ничем другим новое место не порадовало. К тому же девушка заставила Рокки провести тот же комплекс мероприятий, что и в первом месте. То есть ему, тяжело хромая, пришлось обойти каждый закуток, убедиться, что нигде не затаился особо хитрый или просто ослабевший до последней стадии мертвяк, после чего максимально обезопасить дом при помощи подручных средств.

Не сказать, что такое уж тяжелое занятие, но после всего, что сегодня пришлось пережить, вымотало основательно. Борясь с желанием бухнуться на диван и захрапеть, Рокки еще раз занялся своими ранами — острые края защитных пластин твари разодрали щеку, лоб и запястье. Ничего страшного, но и приятного мало. Няша уверяла, что эта ерунда уже завтра зарубцуется, а через неделю и следа не останется, но верилось слабо.

Заливая оголенное мясо йодом, не выдержал, через зубовой скрежет выдал короткое, емкое и крайне неприличное слово.

Из соседней комнаты тут же отозвалась спутница:

— С кем это ты там ругаешься?

— С кем, с кем... с болевыми рецепторами.

— Раз уж не можешь общаться, как приличный человек, не мог бы ты, пожалуйста, общаться с ними потише? Дождь почти прекратился, а слух у мертвяков хуже не стал.

— Ну извини, вырвалось, я ведь не ты.

— В каком смысле — не я?

— Если бы мне кость разнесло в труху, я бы, наверное, с утра до ночи на луну завывал. Кстати, она здесь есть или на ней сэкономили?

— А ты разве не знаешь?!

— Да куда мне, придурку, знать такое, всего-то два раза ночь видел. В первую небо дымом затянуло, да и руки не дошли астрономией заниматься, а вторую с тобой в доме просидел. Романтика, к сожалению, не отвлекала,

зато тучи были такие, что не поймешь — в какой стороне эту луну искать.

— Романтик, тебе еще раз намекнуть насчет ног, которые могут оказаться сломанными в нескольких местах из-за проблем с недержанием языка?

— Няш, уж прости за прямоту, но ты сейчас не в том состоянии, чтобы угрожать моим ногам.

— Рокки, не нужно извиняться за тупость, она простительна. Ты такой смешной, ты вообще не понимаешь, с чем имеешь дело, и при этом считаешь себя самым умным. Это почти у всех бывает, «тупость новичка». Система угнетает интеллект приблизительно до десятого уровня, подкачаешься, начнешь соображать получше. Для меня это давно в прошлом, и видел бы ты, из каких ситуаций я выкручивалась. Та, что сейчас, — вообще ерунда. Самое худшее, что со мной случилось до этого, — правую руку по локоть потеряла, а с лица часть мяса сорвало вместе с глазом и ухом. Ребра еще сломала, внутреннее кровотечение, ну и по мелочам всякое. Представляешь, каково мне было? Крови потеряла море, до сих пор не верится, что сумела выжить. Сама бы, конечно, не выкарабкалась, помогли мне.

— Сказками кормишь?

— Хочешь — верь, хочешь — нет, но все так и было.

— И как такое получилось?

— Сунула руку в пасть руберу.

— Кому? Мертвяку? На хрена?!

— Очень крутой мертвяк — последняя ступенька перед элитой. В разных местах по-разному считают, но я привыкла к тому, что они начинаются от сорок шестого уровня и заканчиваются шестьдесят первым. Если повезет наткнуться на совсем уж начинающего и невезучего, он будет весить килограмм под семьсот, а самые серьезные дотягивают до тонны. Броня внахлест прикрывает, как доспех, все уязвимые места защищены, кроме нескольких точек, даже попадания в стык серьезной пулей не всегда помогает. Хотя, конечно, от стыка зависит: есть точки, где и обычный пистолет может прилично навредить.

— Зато добра в нем, я так понимаю, побольше, чем в том товарище, который в навозе разлегся.

— Не элита, конечно, но да, ценная добыча. Чего ты там засел, иди сюда, так можно потише говорить.

— Да я свои, как ты это назвала, царапины заделываю.

— Здесь и заделаешь, не нужно орать на весь дом. Я спать не могу, нога аж дергается, вот же скотина. Хоть поболтаем, поучу тебя полезному,

отвлекусь.

— Да я уже почти закончил и спать собирался.

— Ну все равно подходи, много спать вредно, тут часто во сне убивают. И лучше чаю сперва сделай, взбодрит. Кроме печенья есть что-нибудь к нему?

— Карамелек немного. Но они, по-моему, застали Большой Взрыв.

— Сойдут и такие, тащи все, что есть. Когда восстанавливаюсь, меня всегда на сладкое тянет, а иногда еще и на жирное.

— И куда только девается...

— Так не в коня корм, я вообще не толстею, сколько ни корми, моя крестная шутила, что нужно сменить мне прозвище на Швабру или что-то в этом духе.

Примус заработал без затяжного шаманства — вот что значит опыт. Напрягал устойчивый запах бензина, но Рокки надеялся, что это в порядке вещей, да и если пыхнет, он тут наготове, сразу накроет побитым молью пальто, а сверху плеснет воды из ведра.

Справится.

Пытаясь составить в уме список вопросов, ответы на которые нужно попытаться получить у Няши, Рокки начал путаться в мыслях, а потом поплыл до такого состояния, что с трудом вспомнил, куда сам же засунул заварку. В сон начало клонить неудержимо, хоть бери да веки придерживай.

Заварки сыпанул столько, что для кипятка почти места не осталось. Сделал это сознательно, надеясь, что крепкий до черноты и нестерпимой горечи чай хоть ненадолго разгонит сонливость. Няше, естественно, разбавил как следует, после чего отнес кружки и скудную закуску в комнату девушки.

Та, снизойдя до скупых слов благодарности, следом спросила:

— За споровой шкалой следишь?

— Глаз с нее не спускаю.

— И как ноги?

— Да хоть выкидывай.

— Сильно болит?

— Боль — ерунда. С коленями хреновое дело, они не слушаются, сами под себя подгибаются временами.

— Не переживай, это ненадолго. Жаль, что нет мяса или тушенки, очень хорошо помогает при заживлении. Ну это если, конечно, живчик есть.

— Слушай, тут дом без ставен, это ничего?

— Кому надо, нас найдут что со ставнями, что без, — нахмурилась

Няша.

— Ты о чем?

— Система не любит, когда кто-то долго на одном месте сидит, за такое часто наказывает. Да и опасно здесь, деревня много кого может привлечь.

— Уж не ведешь ли ты к тому, что и отсюда сваливать надо?

— Надо, конечно, но мы сейчас не в том состоянии. А вот завтра — возможно.

— Мы и завтра не станем бодрыми и здоровыми.

— Нам это и не нужно, главное — быть живыми. Захватим одеяла и теплую одежду, переберемся в лес. Он отсюда недалеко.

— В лесу все водой пропиталось.

— Да, ты прав, но это даже хорошо, ведь мокрая земля хуже запах держит. Рокки, пойми, нам и правда опасно здесь оставаться. Кусача больше нет, зато осталась его туша, завтра она начнет пованивать, и пованивать хорошо, а этот запах мертвяки издалека чувят.

— Тут и без кусача тухлятиной несет.

— Это другое дело. Те зараженные, которые боялись сюда приходить, по такому запаху поймут, что деревня теперь свободна. Они могут прийти. Хорошо, если один-два заявятся, а вдруг стая?

— Стаями они и по деревням бродят?

— Еще и какими. Бывает, из центральных областей материка такие полчища приходят, где тысячи тварей, и многие из них не уступают, а то и покруче кусача. Это называется орда, очень неприятное явление. Все на своем пути сметают, даже самый сильный стаб не всегда можно отстоять.

— Как вы тут живете при таких делах?

— Как-как... плохо живем. Так что завтра уходим, даже не спорь.

— Да я и не спорил.

— А как же это тогда называется, по-твоему?

— Просто интересовался.

— Интересовался он, ну конечно... Радуйся, если заявятся только мертвяки. У нас и без них проблем выше крыши. Эй, что это с тобой такое?

— В смысле? — встрепенулся Рокки.

— Ты только что чуть со стула не свалился.

— Да приморился конкретно, глаза сами по себе закрываются.

— Это хороший признак.

— И что в нем хорошего?

— Выздоровление идет, покой в этом помогает. Сходи полежи. Поспи. Оставь чай, он тебе только во вред сейчас. Ох и черный, ты что, смолу туда

добавил?

— Почти.

— Иди-иди, пока и правда не свалился.

— Может, тебе помочь надо?

— Ничего не надо, сказано же тебе — иди спать. Ну вот почему ты из-за любой мелочи разводишь болтовню?! Брысь отсюда, надоел.

Проснувшись, Рокки убедился, что ухитрился проваляться почти до вечерних сумерек — вот-вот, и сгустятся. Причем сонливость никуда не делась, просто чуть отступила. Очень хотелось завалиться на другой бок и попытаться досмотреть сон, где было красиво, тепло, сухо и никто не рвался тебя пристрелить или съесть с радостным урчанием, но он переборол себя.

Очень уж интересно, чем там занята Няша. Со стороны ее комнаты доносятся тихие звуки, которым нет объяснения.

Поднявшись, Рокки чуть не охнул от удивления. Колени все еще ощущались чужеродными предметами, каким-то образом встроенными в организм, но боль, терзающая при малейшей нагрузке, сошла на нет, оставив после себя бледные отголоски, на которые стыдно обращать внимание.

Да и ходить получилось почти без хромоты — вот уж чудеса.

То, что устроила Няша, тоже походило на чудо. Без посторонней помощи, передвигаясь при помощи пары черенков от лопат, она натаскала в свою комнату груды барахла. В основном одеяла и одежду, также хватало постельных принадлежностей. Рассевшись посреди всего этого добра на охапке тряпья, она привычно резала ткань на полоски, аккуратно складывая их на табурет, где дожидались своего часа швейные принадлежности.

— Ты что это тут устроила? — удивился Рокки. — С ума сошла столько таскать? Тебе отлеживаться надо, сама говорила.

— Ничего, ты у нас за двоих уже отлежался, — беззаботно ответила Няша и снизошла до пояснений: — Надо сделать пару спальников, готовых в доме нет.

— Ты все еще хочешь отсюда свалить?

— Ну да, хочу, так надо. Переночуем тут и завтра в лес рванем. Продуктов дня на три точно хватит, воду тоже захватим. А там на ноги встанем, станет проще.

— Я, может, и встану, а вот ты — вряд ли.

— Тебе легче стало? — покосившись, уточнила Няша.

— Вроде да.

— У таких, как ты, обычно дня за два-три бесследно проходит.

— Слушай, а кого ты имела в виду?

— Ты о чем?

— Когда я начал отваливаться, ты сказала, что, если придут только мертвяки, надо радоваться. Мы еще кого-то ждем?

Няша, сосредоточенно вдевая нитку в здоровенную иголку, которой собралась сшивать шерстяное одеяло, поморщилась и еле заметно кивнула:

— Мертвяки — общая проблема всех иммунных. Что ты ни делай, они никогда тебе друзьями не станут. Но у меня есть еще и персональная головная боль. Ну и у тебя она тоже есть, пока ты со мной.

— Что за проблема?

— Ромео.

— Тот тип, о котором те уроды говорили?

— Ага.

— Я так понял, что он назначил тебя своей Джульеттой.

— Ты не так все понял, у этого подонка хватает Джульетт. Те, кто не совсем уродины, не сильно толстые и не совсем уж конченные шлюхи, — все его Джульетты. И так по всему Континенту.

— Он тут что, рекордный бык-производитель?

— Он извращенец и та еще сволочь. Редкостная.

Голос у Няши нехорошо менялся. Тут даже издали, не слыша слов, по одним лишь интонациям можно понять, что человек, которого она сейчас обсуждает, ей глубоко неприятен.

Мягко говоря.

— А подробности можно узнать, раз уж я в этом замешан?

— Он — один из основателей. То есть один из тех, кто попали сюда первыми. Очень сильный и опасный, такие, как я, против него вообще ни о чем. Он красный всегда, но с ним никто не хочет связываться, потому что себе дороже. Злопамятный, никому ничего не прощает, очень упорный, принципов вообще нет, чтобы добиться своего, готов на что угодно пойти. Бродит где хочет, делает что хочет. Если видит женщину, которая его устраивает, берет ее. Согласия не спрашивает, он ведь моральный мутант, ему это не нужно.

— Про мутанта — сильно сказано.

— Ну да, он тот еще мутант. Читер вроде тебя. Тоже сломал Систему.

— А при чем здесь согласие и мутация? Ничего не понял.

— Система по-разному ломается и по-разному компенсирует стартовые минусы. Ты вот стрелять научился так, что до сих пор в такое не верится, а у него каким-то образом другое улучшилось, то, что ему важнее всего было. Вот знаешь, что с тобой станет, если шкала удовольствия

скатится в ноль?

— Что?

— Это самая странная и сложная шкала, ее тяжело поддерживать на одном уровне и тем более повышать. Падает вообще быстро, и не всегда это можно предсказать. Пить захотел и не сразу напился — она снизилась. Голод, усталость, холод — тоже ничего хорошего от нее не жди. На мертвых землях ее вообще как пылесосом высасывает. О них ты, правда, не знаешь, да ну и не важно. Восстанавливается она при почти идеальных условиях, когда все остальные шкалы достигли максимума или ненамного до него не дотянули. Чтобы до упора ее заполнить, нужно что-то особое делать, а не просто так на диване валяться. Ну там деликатесы поесть, хорошую музыку послушать, в общем, приятных впечатлений набраться. Некоторые духовные практики тоже в этом помогают, но это очень сложно и не всегда работает. Убийство новичка может снять со шкалы удовольствия до двадцати процентов за один раз, но у красных отбирает поменьше. На убитых опытных иммунных уровнем от десятого и выше этот штраф не распространяется до тех пор, пока те не наберут тысячу очков гуманности. Чем ее больше, тем больше теряется у убийцы, в теории даже до полного обнуления может дойти, но это вроде бы никто еще не смог проверить, потому что никто столько не набирал. И еще есть способ без убийства спустить ее в ноль, он связан с сексом. Ну и в честь чего ты так оживился?! Любимое слово услышал?!

— Я тебе не покойник, чтобы оживляться. Сижу и слушаю тебя внимательно, что за наезды на ровном месте? — Неожданная вспышка раздражительности собеседницы застала Рокки врасплох.

И правда ведь на ровном месте, ни малейшего повода не давал.

Няша, потупившись, другим тоном произнесла:

— Извини, просто для меня это больная тема. В общем, забудь, считай, что не тебе это сказала. На чем я там остановилась?

— На том, что я услышал свое любимое слово.

— А, ну да, все вы, бабники, одинаковые. Здесь можно и поднять шкалу удовольствия, и очень сильно ей навредить. Вот только попробуй устрой с кем-нибудь секс без взаимного согласия, и у тебя ничего не получится, шкала почти мгновенно станет пустой. Система в этом вопросе та еще моралистка, насилие не прощает. А знаешь, что будет, если удовольствие уйдет в ноль?

— Что-то плохое?

— Ага, очень плохое. При таком уровне возникает состояние тяжелейшего угнетения, человек безразличен ко всему на свете, он

опустошен морально и физически, ему даже думать ни о чем не хочется. Фактически это уже труп, потому что даже инстинкт самосохранения отключается. Так что насильно мил здесь еще как не будешь.

— И как же тогда выкручивается твой Ромео?

— Мой?! Смотри, как бы он твоим не стал, потому что смазливые парни ему тоже иногда нравятся, а ты как раз такой.

— Серьезно? Зря ты мне такое на ночь сказала, как бы кошмар не приснился.

— Я же тебе говорила, Ромео — читер, причем самый гадкий читер. Мутант он моральный и сволочь последняя. У него шкала удовольствия очень высокая, и лучше всего она заполняется, если эта тварь удовлетворяет себя, не спрашивая ни у кого согласия.

— Ты же сказала, что в таких случаях шкала падать должна.

— А у него не падает, он ведь сломал Систему, тоже нарвался на недоработку вроде твоей стрельбы, его шкала теперь такая же извращенная, как и он сам. Это, похоже, мечта всей его жизни была, с тех пор он только этим и занимается.

— Так вы бы, дамочки, сговорились между собой и давали ему на добровольных началах. Раз у него все не как у людей, а наоборот, он бы из депрессии не выбирался.

— А почему бы тебе самому этим не заняться? Накрась губы и вперед, я в тебя верю.

— Прошу прощения, был неправ. — Рокки пошел на попятную.

— За обычный секс Ромео тоже удовольствие получает, просто поменьше, так что ничего из твоей тупейшей идеи не получится. И вообще, у него талант превращать все в такую грязь, где самое искреннее согласие быстро превращается в категорическое несогласие. Я не хочу даже вспоминать все те мерзости, которые об этой твари рассказывают.

— Получается, он тебя до сих пор не поймал и ты для него самая желанная добыча?

— Пошутить решил?! Да?! — неожиданно вспылила Няша и даже сделала движение, будто замахивается немаленькой иглой.

— Да что это с тобой?! — опешил Рокки, отшатываясь. — Таблеток для бешенства объелась?! Ну а для чего еще этот озабоченный за тобой носится?! Ему что, других мало?!

— Извини, — так же неожиданно успокоилась девушка. — Все гораздо хуже. Гораздо. Ну сам представь, столько здесь девушек, которых он в глаза не видел? Да их полным-полно.

— Мне-то откуда знать, я ведь тупой...

— Этот материк размером приблизительно с Евразию. Вроде бы даже больше ее, но ненамного. Хотя кто это проверял — я без понятия. Даже тысячи таких извращенцев не хватит, чтобы все кластеры за это время успеть обойти и ни одну девушку не пропустить. Тут, Рокки, совсем другое дело. Я, когда сюда попала, вначале такой же, как ты, была. Спина не гнется, вообще ничего не соображаю, тупила, блин, по-страшному, вспоминать стыдно, до десятого уровня это у новичков обычное дело. Как память начинает потихоньку возвращаться, так и думать начинаешь получше, а до этого мысли путаются, глупости в голову лезут, каша какая-то в голове. Мне тогда повезло почти со старта попасть в нормальную команду. Ну как нормальная... не совсем, конечно. Там одни девчонки были, ни одного парня, представляешь такое?

— Мне бы там понравилось.

— Ну да, размечтался, тебя бы туда на пушечный выстрел не подпустили. Валькирия за главную была, прозвище такое. Со странностями она, мужчин на дух не переносила, будто аллергия на них.

— Девочек любила, что ли?

— Вот все тебе расскажи, сильно любопытно, да?!

— Не хочешь — не рассказывай, что ты все время так нервничаешь? Я ведь просто спросил, без задних мыслей.

— Да просто ты угадал, а тема для меня неприятная, — сбавила тон Няша. — Я Валькирии как бы понравилась, мы ей все нравились, такая у нее натура влюбчивая. Некоторые придурки до сих пор верят, что мы были ее гаремом. На самом деле ничего подобного, она нам скорее как мамочка. Не всегда добрая, но да, мамочка. Близкая подруга, если так это можно назвать, у нее одна была, такая же почти, как она. Из женщин круче Валькирии я никого не видела, ты даже не представляешь, какой она была. Нет, не основательница, конечно, но давно еще, чуть ли не в самом начале, появилась. У нее с Ромео отношения не заладились с первой встречи, у кошки с собакой и то получше. Этот урод ее поймал, когда она новенькой была, ну и сам понимаешь, что произошло дальше. Валькирия никому ни одной мелочи не простила за все время, а уж такое... Она набрала к себе тех, кто тоже на него зубы точил, и устроила Ромео такую жизнь, что он не успевал с респана на респ летать. Правило такое есть: если пять раз умер, регион меняется. Оно обычно до десятой смерти работает, дальше через десять интервал становится, а после шестидесятой через двадцать меняешь регион. Ромео отлетал все десять, наверное, ну а потом пропал. Обычно после смены региона искать дорогу назад бесполезно, сам прикинь размеры материка и сравни его с Евразией. Допустим, команда Валькирии в

Корее, а этого гада занесло в Испанию. Узнать точно, где он, нельзя, связи здесь нет, и самолеты не летают или летают недалеко. В общем, пропал он. Но, блин, не навсегда. Разное говорят про него, но одно известно точно — где-то силы поднабрался, круче прежнего стал. Вернулся сам опасный и с серьезной командой и начал с Валькирией воевать по-новому. Я самый конец этой войны застала, от отряда тогда мало кто уцелел, остальным спустили интервалы жизни, по материку их раскидало, а кому-то вообще счетчик в ноль загнали. Но и с командой Ромео не лучше получилось, там тоже многих потеряли. Вот только этот гад был гораздо сильнее, мы его не тянули, только если подставлялся, что-то получалось. Я однажды лично чуть не отправила его на респ, удачно получилось, но Валька опередила, улетел он. Да только что с того, вернулся быстро, регион ведь не сменил. Мы гораздо чаще умирали, чем они, с таким невыгодным разменом нас все меньше и меньше становилось. Потом мне спустили первый интервал, и я улетела на респ в другой регион. Там жить вообще нереально, нолды на каждом шагу, даже пикнуть не успела, как лимит смертей заработала. И опять попала в то еще болото, там немногим лучше оказалось. Потом тоже не везло, будто какой-то заговор против меня, так и спускала жизни, очень много их потеряла, пока вдруг раз — и вот же, блин, ну повезло так повезло — в знакомые края занесло. А тут новости такие, что хоть на первом же дереве вешайся: Валькирии уже давно нет, от ее отряда вообще никого не осталось, зато есть Ромео, его здесь все побаиваются, не трогают, и эта тварь творит, что ей вздумается. Тебе рассказывать, что было дальше?

— Дай угадаю — Ромео сильно обрадовался твоему возвращению?

— Не то слово. Этот отброс поклялся, что будет нас всех валить, пока не спустит жизни в ноль, не отправит туда, откуда не возвращаются. У него даже что-то вроде религии появилось, говорит, что обнулившие счетчик оказываются в особом регионе в центре материка, и называет его, как легко догадаться, адом. Что еще взять с уroda, у которого фантазия такая же убогая, как он сам. В общем, Рокки, этот гад размечтался своими руками отнять у меня последнюю жизнь.

— Я так понял, у него насчет тебя есть и другие планы, не связанные с убийством.

— Он меня убивал уже, везде достает, как ни прячься, что ни делай. А в последний раз да, нашло на него что-то совсем уж мерзкое. Сказал, что передумал меня убивать, у него теперь другие планы. Ну а пока я отстреливалась от его шестерок, он из-за стеночки очень подробно рассказывал — что и как будет со мной вытворять. Когда последний патрон остался, я ему кое-что очень обидное для мужчин сообщила и мозги себе

вышибла.

— Да ты, оказывается, редкая недотрога.

— Ага, я такая. А у него теперь идея фикс — меня живой взять. Ему вообще без разницы, что удовольствие не получит, для него это вопрос принципа. Всем раззвонил, что Няша его будет, что устроит мне ту еще первую в моей жизни брачную ночь. Дошло до того, что разные уроды уже ставки делают, когда и как это произойдет.

— А что не так с удовольствием? Я так понял, он, наоборот, прется от такого.

— В моем случае, даже если попадусь живой, он на мне только шкалу свою спустит. Может, даже в ноль, какая бы прокачанная она у него ни была, хотя вряд ли, он все же очень силен.

— Я совсем запутался. Что с тобой не так?

— Он читер, но у Системы на этот счет есть определенные правила, через которые даже такому мутанту не переступить безнаказанно. Ее иногда заносит в мораль, но заносит как-то странно. Да у нее всегда все странно, так что удивляться нечему.

— Что за правила?

— В вопросе сексуального насилия есть разделение по разновидностям жертв. Если обычный иммунный сделает с цифрой то, что любит делать Ромео, его шкала удовольствия опустится, но не в ноль. А вот если это будет ребенок-цифра, он до него даже пальцем коснуться не успеет, как свалится и будет таращиться в небеса безразличным взглядом. Если жертва — девушка-цифра, у которой, по настройкам Системы, не было мужчин, шкала тоже упадет в ноль. Для иммунных это тоже работает. Тут, когда на респе появляешься, у тебя ни малейшей царапины не остается, ты всегда живой и здоровый, за исключением случаев вроде твоего. Если, допустим, потерял палец, он окажется на месте. Для развитых иммунных только два исключения есть: татуировки сохраняются, если не свести их перед смертью, и женщина не становится девственницей. Ну, в том смысле, что физиологически не становится. Ромео не может трогать девушек-цифр, девушек-иммунных и цифр-детей, за них его, как и всех, Система наказывает, но говорят, что даже с нулевой шкалой он не падает с ног. Ему при этом плохо, даже очень плохо становится, но он, скотина, все равно способен на многое. Уж ради меня потерпит неудобства, не сомневайся.

— Да у вас тут те еще страсти, оказывается...

— Блин, да ты и четверти не знаешь того, что у нас происходит, тут можно очень долго рассказывать, почти бесконечно. Но мне противно,

неприятная тема, не хочу о таком говорить...

— Боишься, что он тебя найдет?

— Рано или поздно, конечно, найдет. Всегда находит, у него это хорошо получается. Он сейчас осторожничает, сам никуда не лезет напролом, за него другие рискуют. У него вроде бы последняя жизнь осталась в интервале, если умрет, опять улетит в другой регион. Ромео сейчас ищет золотую жемчужину, много за нее предлагает.

— Шарик из тех, которые я слопал?

— Нет, это был жемчуг из элиты, и вряд ли элиты серьезной. Из такой золотые не добыть, они встречаются только в... — Няша осеклась и, перейдя на шепот, добавила: — Об этом лучше не говорить, примета очень плохая. Они из такого добываются, из такого... Ты же видел элиту?

— Ну?

— Элита, Рокки, это все равно что придурки в сравнении с основателями. Когда ты увидишь мешок, в котором можно золотые жемчужины взять, вообще мертвяков бояться перестанешь. Ну это, конечно, после того, как на респе в себя придешь.

— Темнишь ты, Няша...

— Поживешь тут с мое, тоже темнить начнешь.

— Я быстрее тебя поумнею.

— Смешно слышать.

— Да я даже знаю, как твою проблему решить. Ну, в том смысле, как обломать этому Казанове брачную ночь с тобой.

Няша невесело усмехнулась:

— Дай угадаю: ты хочешь, так сказать, устроить ее своими силами, и тогда полноценная первая брачная ночь у Ромео не получится. Так?

— Я вообще-то просто предлагал тебе свалить отсюда в другой регион, но ты знаешь, не стану скрывать — в твоей идее что-то есть. Кстати, ты ведь говорила, что я смазливый, и вообще, других кандидатов здесь не наблюдаю, так что...

— Так что вытащи свои микроскопические мозги из штанов и хотя бы попытайся засунуть их в голову, вдруг случится чудо и это получится.

— Первый раз слышу, чтобы слово «нет» настолько растягивали.

— Ага, Рокки, любви не будет, увы. И еще должна сказать, что Ромео такой вариант предусмотрел. Он пообещал поступить очень нехорошо с тем, кто ко мне хотя бы пальцем прикоснется. Даже не знаю, что с такими собрался делать, но в этом направлении фантазия у него работает безотказно. Я ведь, кажется, говорила, что он от смазливых парней без ума? А еще он редкий садист, может убивать долго и неприятно, его жертвы

голос теряют, умоляя его о смерти. Так что очереди из желающих закрутить со мной страстный роман нет и не будет, эта сволочь научила народ его бояться, никто не рискнет связываться.

— Ну так меня он бояться не научил, так что...

— Да заткнешься ты уже?! Смени тему, пока я не разозлилась!

— Ладно, не надо на мне замыкаться, можно найти другого новичка, тоже не запуганного.

— Я никого не искала и искать не планирую. Я плевать хотела на Ромео и остальных. Пошли они все подальше. Вот ты посмотри на меня? Я разве похожа на крокодилицу?

— Что-то, конечно, есть, но должен признать, что я первый раз вижу такую симпатичную крокодилицу.

— Рокки, да было бы желание, я бы нашла сотни вариантов или даже тысячи. Хоть новички, хоть кто, пусть даже цифры, почему бы и нет. С таким же успехом Ромео может запретить козам есть траву. Ты память не вернул свою, мечтаешь, наверное, вспомнить прошлое. А я вот ее вернула, не всю, конечно, но вернула. И знаешь, что вспомнила в самую первую очередь? Это было воспоминание из детства, представляешь?

— Что тут такого странного?

— А то, что детские воспоминания должны быть прекрасными, а у меня, блин, получилось наоборот. Я вспомнила себя в очень и очень нежном возрасте, и к нам домой заявился мой двоюродный брат со своим дружком, таким же дебилом. Так получилось, что дома я тогда была одна, а брат, по сути, чужой человек, но не пустить его, сам понимаешь, не могла. Он к тому времени уже не один год просидел на тяжелых наркотиках, а под конец сел на совсем уж паршивую дурь, от такой мозги быстро ссыхаются. Задолжал барыгам, дозу получить не мог и не придумал ничего лучше, как такому же свихнувшемуся от этой гадости торчку предложить малолетнюю девочку. Такая вот бизнес-схема...

— Дальше можешь не рассказывать.

— Нет уж, я расскажу. Без подробностей, но ты все узнаешь. Я, Рокки, комнатным цветком никогда не была. Вот этими руками ухитрилась отправить своего родственника, того самого брата двоюродного, в реанимацию. Пока этот уродец истекал кровью, на его вопли примчались соседи и скрутили второго козла. Я чуть без глаза не осталась, куча швов на лице, вдребезги сломанный нос и нескольких зубов недосчиталась, но самое главное пострадало вот здесь. — Няша выразительно постучала себя согнутым указательным пальцем по макушке. — Шрамы Система лечит, а вот с мозгами она ничего поделать не может, даже память отключает криво,

что-то все равно всплывает даже у нулевок. Меня теперь передергивает от одного вида мужчин, шли бы вы все, включая тебя, на другую планету, где меня нет и никогда не будет. Так что ни тебе, ни Ромео, ни какому-нибудь другому придурку со мной ничего не светит. Это, Рокки, называется психотравма, и это очень и очень серьезно, иногда — безнадежно серьезно. Психологическое лечение я здесь не получу, разве что время само вылечит, но с такой жизнью вряд ли доживу до того момента, когда смогу думать «про это» без тошноты.

— Как же с тобой все сложно...

— И не говори...

— Ну а как насчет того, чтобы просто отсюда свалить? Это ведь не единственный регион, материк, как я понимаю, огромный, затеряться легко.

— Рокки, регионы не просто так разделены, их границы — это непроходимые или почти непроходимые зоны. Во многих местах там тянется непреодолимая чернота с болотами, местами стоят мегаполисы, загружаемые один за другим по соседству. Там много пищи, поэтому тварей столько, что даже не мечтай проскочить. Система разрешает резвиться только в границах региона, она не любит, когда из одного в другой шастают. Иногда возможности есть, но это тоже большой риск, и проходимые места жестко контролируются. У меня там вариантов нет, никто из тех, кто держит проходы, не станет ссориться с Ромео. Я того не стою.

Рокки, подумав несколько секунд, задумчиво произнес:

— Это ведь материк, я правильно понимаю?

— Ну да, мы называем его просто — Континент.

— И вокруг него вода?

— Говорят, на севере полно льда.

— Я видел корабли на реке. Лодок тоже хватает. А если водой? Там мертвяки не плавают?

— Местами, вокруг островков, там тоже чернота, особая, морская, но мертвяки да, не плавают. То есть поплыть могут, вот только они это не любят, да и в океан не полезут.

— Ну так кто мешает обойти границу по воде?

— Нолды, — механически-безжизненно ответила Няша.

— Это еще кто такие? Ты о них говорила, но я ничего не понял.

— Нолды, Рокки, это нолды. Им принадлежит море, нам туда хода нет, даже не мечтай.

— На кого они хоть похожи, эти нолды?

— На кого... — Сделав очень долгую паузу, девушка с легкой иронией

закончила мысль неожиданно: — Если ты, Рокки, увидишь живого нолда, это, скорее всего, будет означать, что нолд почему-то захотел перед тобой покрасоваться. Но очень сомневаюсь, обычно они обходятся без лишних церемоний. Ты просто умрешь, Рокки, умрешь очень быстро, неожиданно. Не приближайся к морю. Никогда не приближайся. Там смерть.

Глава 22

Жизнь пятая. Лесные страсти

Няша за время скитаний легче не стала, так и продолжала отягощать плечи. Помимо нее и прочей прежней поклажи прибавились грубые спальные мешки, на изготовление которых спутница вчера весь вечер убила, запас продуктов, пластиковые бутылки с водой и бензином, примус и рулон полиэтиленовой пленки на случай дождя. Еще прошлым вечером Рокки мог в один миг свалиться от такой тяжести, однако сегодня, пусть и скрипя костями, но кое-как справлялся.

Поразительно, но медицинский прогноз Няши сбывался предсказанными темпами. Колени все еще побаливали, особенно под нагрузкой, но в сравнении с тем, что ощущалось прежде, это не более чем легкий насморк против бубонной чумы. Даже шрамы стали более бледными и вроде как чуток уменьшились.

Да уж, этот мир богат на злоключения, но и приятные моменты в нем случаются.

А вот как раз один из них — погода резко пошла на улучшение. Нескончаемые дожди остались в прошлом, с самого утра небо чистое и легкий ветерок задует, это стремительно сушит землю. Жаль, что процесс все же недостаточно быстрый, Рокки то и дело зарывался в грязь, залило все конкретно. Но особо от распутицы не страдал, потому как на ногах резиновые сапоги, не пропускающие воду. К тому же девушка обработала обувь составом, приготовленным из содержимого аптечки, табака, уксуса, шампуня и растительного масла. По ее словам, это сбивает мертвяков с толку и они не берут след.

Минус у средства один — приходится повторять обработку каждые десять-пятнадцать минут. Но это даже к лучшему, можно совмещать с привалами.

С увесистой поклажей их приходится устраивать частенько.

Возвращаться к лесу прежней дорогой побоялись. Такой маневр имел смысл в бурю, но даже тогда, возможно, они попались на глаза прячущемуся где-то в деревне кусачу. Ну а чем другим можно объяснить то, что он потом устроил поиски (и нашел ведь, гад). Хорошо, что Рокки еще во время вчерашних брожений по деревне разглядел окрестности и потому сумел наметить путь, на котором риск подставиться под

враждебный взгляд минимален.

Но укромная дорога оказалась не из простых. То через густые кусты приходится продирается, то по тропе, превратившейся в грязевой ручей, то через давным-давно заброшенный сад, где то и дело приходится обходить завалы из сухих деревьев.

И вот наконец запахло сосной, а через минуту и сами стройные красавицы показались. Заросли поредели, под ногами теперь пружинил ковер из хвои и шишек, шагать по нему — благодать.

Вот только Рокки не сильно радовался. На очередном привале, пока Няша открывала бутылку со сбивающим запах составом, пожаловался:

— Колени опять начинают жалобы писать.

— Это потому, что не до конца восстановились. Не переживай, завтра даже не вспомнишь, что они у тебя вообще есть.

— Да я не переживаю за это, я к тому сказал, что долго так шагать не смогу. Тебе бы сбросить килограмм пять, ну или эти спальники оставить.

— И куда мне дальше худеть?! — вскинулась Няша. — В скелет превращаться, да?! Блин, вот же умник выискался! А спальники нам ночью понадобятся, ты за них еще спасибо мне скажешь.

— Да они просто безразмерные, ты на них четыре одеяла перевела и тряпья кучу.

— Если замерзнем, шкала удовольствия пойдет вниз, нельзя такое допускать.

— Может, ты не заметила, но это лес, а в лесу всегда есть дрова, так что у костра согреемся, если замерзнем. Ты знаешь, мне вот даже захотелось у костра посидеть и чтобы ты сидела рядом. Попахивает дымком и первобытной романтикой, удовольствие, чувствую, подскочит до упора.

— Рокки, всем ты хорош, вот только думаешь почему-то не головой, а чем-то другим. Костер — это столб дыма, это свечение в темноте, это запах, который зараженные могут почуять издали. При некоторых условиях дым стелется по земле, расплзается, это облако стоит долго и видно отовсюду. Ты помнишь, что курить здесь опасно? Так вот, костер — это в миллион раз опаснее. Тем более после дождя дрова влажные, дыма и вони от них еще больше.

— Да, мой косяк — не подумал. Это все от усталости, заморился я тебя таскать, первый раз вижу, чтобы девчонка так основательно уселась на шею. Нам далеко еще шагать? Тут, когда первый раз проходили, дальше по просеке, где-то в километре, я удобное местечко для лагеря присмотрел. Лужа там здоровенная — почти озеро, хотя бы умыться можно будет.

— Мы туда не пойдем, — категорично заявила Няша. — Здесь только придурки по своим следам туда-сюда ходят, и долго этим заниматься у них, как правило, не получается. Давай туда пойдем.

— Прямо через лес?! — застонал Рокки, осознав, что ему обломали надежду продолжить путь по тропе, которая тянется вдоль знакомой линии электропередач.

— Да, через лес, там мы точно не были, так что не натоптали. И найди мне палку подлиннее — чтобы тонкая и легкая.

— И зачем она тебе?

— Как это зачем? Тебя, лодыря, подгонять. Вот сам, что ли, подумать не способен? Пауки будто специально паутину высоко развешивают, тебе хорошо, а у меня уже вся голова в ней.

— Так, может, к тому месту рванем? — без надежды на успех вновь предложил Рокки. — Там хоть какая-то вода есть, вымоешь свои космы.

— Космы у тебя — вместо мозгов. Сказано, через лес, значит, пойдем через лес. Ты, блин, какой-то ненормальный, все время болтаешь и болтаешь, споришь и споришь. Просто делай, что я говорю, и все будет хорошо. Наверное...

Место, которое Няша назначила лагерем, Рокки не понравилось. То, что воды здесь нет, — полбеда, можно и без умывания обойтись, а для утоления жажды прихватили достаточно. Проблема в том, что оно прекрасно просматривается со всех сторон — светлый сосняк, кустов почти нет, а те, которые есть, растут редко и слишком чахлые, чтобы прикрыть собою что-то от враждебных взглядов. Но спутнице этого показалось недостаточно, и потому она решила выбрать самую заметную точку, а именно — вершину невесть откуда взявшегося песчаного холма. Этот элемент рельефа поневоле бросался в глаза, а следовательно, и все, кто на нем находится, тоже.

Впрочем, не все настолько плохо, как показалось вначале. Забравшись по склону, Рокки обнаружил, что плоская вершина увенчана огромной ямой, это делало холмик похожим на здоровенную модель вулкана с чашей кратера. Здесь запросто могло разместиться человек пять, и разглядеть их снизу не получится (если сами не станут высовываться).

Устало опустив девушку на усеянный хвоей песок, спросил:

— Откуда узнала?

— Ты про что?

— Про эту ямищу. Снизу ее не видно.

— Я не знала, я подозревала. Окопы тут повсюду старые, а раз война

была, должны были и это место укрепить. Оно удобное.

— Ты как-то необычно рассуждаешь...

— Почему?

— Так ведь это условность, что-то вроде игры, из которой нет выхода. Окопы мог какой-нибудь неграмотный художник нарисовать, а на холм краски не осталось или схалтурил.

— Краски не хватило?! Совсем больной, что ли?! Ты вообще хоть что-то понял из того, что я тебе рассказывала? Никакая это не игра, я не знаю, что это, но это что-то другое. Каждый стандартный кластер является точной копией определенного кусочка Земли. Никто ничего не рисует, как там, так и здесь, все до последнего кустика совпадает, все реально.

— Откуда ты это знаешь?

— Лично я ничего из прежней жизни здесь не видела. Но иммунных много, некоторые узнавали знакомые места, такое не так уж редко случается. Точно, конечно, знать не можем, но другого объяснения нет. Слышала даже про случаи, когда встречали цифр, которые были копией кого-то из знакомых иммунных. Больше на сказки похоже, но о таком поговаривают в разных регионах, уж я-то наслушалась.

— Ты сама как?

— Нормально.

— Я о ноге.

— Уже лучше, рана затянулась, пуля вывалилась.

— Пуля сама из раны вышла?!

— Ну да, тут это обычное дело, доставать необязательно.

— Хорошо, пусть пуля сама вышла. А с костью что делать? Твоя шина — полный отстой, тут нужна нормальная хирургия, иначе срастется криво.

— Не переживай, Система с этим разберется.

— Это как?

— Как и все остальное — не знаю. Она ведь как-то воздействует на нас, вот и на травмы тоже действует. Раны затягиваются, кости срастаются, искривляются в нужное положение, становятся прежними по форме. Через некоторое время ни малейшего следа не останется, нога станет обычной, как раньше. Пройдет месяц, и забуду, какую мне раздробило — левую или правую.

— Вот такое мне в твоём мире нравится.

— Ага, здорово выручает, ведь калеки здесь не выживут. И не надо говорить, что это мой мир — он такой же мой, как и твой.

— Ладно, ты давай отдыхай, а я пока вниз сгоняю.

— Зачем?! — резко напряглась Няша.

- Притащу палок подлиннее, сделаю из них каркас, пленкой застелю.
- Небо чистое, дождя не будет.
- Хотя бы просто каркас поставлю, на всякий случай. Если что, пленку раскатать за пару минут можно.
- Только недолго. И далеко не отходи. Винтовку возьми.
- Лишняя тяжесть, пистолета хватит.
- Не сравнивай пистолет с винтовкой.
- Я и не сравнивал. Если что, до тебя рукой подать, лес просматривается хорошо, незаметно ко мне не подобраться.
- Если мелкий мертвяк появится, не стреляй, топором его бей. Шуметь нельзя.
- Да помню я, помню, не волнуйся.
- Ну да, помнит он, конечно... Таким, как ты, не напомним, не будут знать, с какой стороны у них лицо, а с какой зад.

Валяющихся там и сям палок в лесу хватает, на то он и лес, вот только в этом лесу они были почти исключительно короткими, что Рокки категорически не устраивало. Вместо быстрой вылазки получился полный обход подножия холма, отбраковка трухлявого сырья и сбор годного по чуть-чуть.

Поиски осложнял ветер. Если изначально он радовал тем, что стремительно сушил землю, то сейчас стал раздражающим фактором. Вершины немаленьких сосен раскачивались, кроны соударялись, кое-где терлись друг о дружку древесные стволы, отяжелевшие после затянувшегося дождя сухие ветви не выдерживали, то и дело срывались вниз. Шум от всего этого стоял изрядный, из-за него нельзя было полагаться на уши, что возлагало на зрение двойную нагрузку. Рокки не столько палки высматривал, сколько подкрадывающихся к лагерю мертвяков.

Одно хорошо — чистота леса сейчас в плюс, потому как замечать зараженных можно издали.

От души пнув здоровенный желтый мухомор, Рокки нагнулся, подхватил приличную на вид сосновую ветку, но тут же ее отбросил. Трухлявая до такой степени, что чудом в руке не рассыпалась. Вот как можно было так обмишуриться?

Выпрямляясь, краем глаза засек движение. Чуть обернулся, готовясь узреть очередной раскачивающийся под напором ветра кустик, но увы — это оказалось нечто совершенно на него не похожее.

Мертвяк, ухитрившийся подобраться на опасную дистанцию. Не

настолько страшный, как пристреленный в деревне, но тоже не из простых. Из человеческого в нем осталась лишь антропоморфная фигура плюс скромное воспоминание о прежней жизни — донельзя замусоленный страховочный пояс, туго натянувшийся на раздавшемся вширь туловище. Тело перевито канатами сухожилий, мускулатура несимметрично раздулась, голова втянулась в массивные плечи и почти сплошь покрылась наползающими друг на дружку костяными бляшками, из щелей между ними на Рокки уставились сузившиеся глаза хищника, со знанием дела оценивавшего пищевую ценность потенциальной добычи.

Няши с ее ценными советами под рукой не было, но Рокки почти не сомневался, что от пистолета сейчас толку немного. А он, балбес тупой, оставил винтовку наверху, решив сбегать за палками налегке, невзирая на возражения девушки.

Вот и сбегал.

Действительно придуток.

Покосившись на холм, отчетливо осознал — домчаться до вершины не успеет. Одно резкое движение, и тварь сорвется с места, настигнет в несколько прыжков.

Уж как такие монстры способны передвигаться, Рокки насмотреться успел и был уверен, что, даже если именно этот мертвяк окажется хромоногим и тяжелым на подъем, данное обстоятельство подарит всего-то несколько выигранных шагов — не больше.

Но перед ним не ужасающий кусач, противник явно поскромнее. С пистолетом на таких вроде как выходить не принято, но сейчас особый случай, ведь оружие будет держать человек, который никогда не промахивается.

Как там Няша говорила? Глаза — уязвимое место? В принципе случай с кусачом показывает, что рука и сама знает, куда необходимо стрелять. Она в тот раз в разинутую пасть выпустила пулю безошибочно, без подсказок со стороны мозга. Но раз имеется возможность сделать это продуманно, почему бы ее не использовать.

Рокки расслабил руки, с шумом вывалив собранные палки. Это послужило сигналом для мертвяка — перестав таращиться, уродец резво сорвался с места, стремительно ускоряясь, помчался неприглядно-дерганой походкой, по-звериному ловко огибая стоявшие на пути сосны.

Выхватив пистолет, Рокки вскинул руку и, даже не думая о прицеливании, потянул за спусковой крючок. Треснул выстрел, рвущийся к цели монстр дернулся, его было повело влево, но он тут же выпрямился, помчался дальше как ни в чем не бывало.

Рокки, не понимая, в чем дело, и начиная паниковать, выпустил еще три пули. На последнем выстреле мертвяка будто подкосило — растянулся на полной скорости, тело, увлекаемое инерцией, прокатилось чуть дальше, сдирая хвойную подстилку с песчаной почвы, и замерло, лишь ноги продолжали слегка подрагивать.

Не веря, что у него получилось уgomонить такую тушу, Рокки продолжал держать поверженную тварь на прицеле, подсознательно ожидая, что она зачем-то хитрит и вот-вот вскочит, после чего помчится дальше, игнорируя новые попадания pistolетных пуль.

Справа и сверху гулко треснул винтовочный выстрел, сразу вслед за ним за спиной послышался нехороший звук, заставивший крутануться на пятке. Рокки успел увидеть, как в десятке шагов от него заваливается на бок еще один мертвяк. Не чета первому, даже значительная часть тряпья сохранилась, да и за человека может сойти, если попадется на глаза в глубоких сумерках, но ногти на руках уже видоизменились до коротких уплощенных когтей, сходиться с таким врукопашную не захочется.

Внимание! Личная победа — уничтожен опасный зараженный. Уровень — 22. Вероятность получения ценных трофеев — 100 %. Отрядная победа — уничтожен зараженный. Уровень — 11. Вероятность получения ценных трофеев — 89 %. Получено 88 очков к прогрессу выносливости. Получено 41 очко к прогрессу скорости. Получено 124 очка к прогрессу меткости. Получено 4 очка к прогрессу реакции. Получено 11 единиц гуманности. Получен уровень. Поздравляем, ваш уровень — 3.

Покосившись в сторону стрелка, Рокки увидел на вершине холмика Няшу. Девушка залегла, держа винтовку на изготовку, и торопливо водила головой из стороны в сторону, высматривая новые цели.

Поспешно направился к спутнице, но был грубо остановлен ее криком: — Баран, вот куда ты прешься?! Потроши мешки и бегом сюда! И по сторонам хоть немного смотри, этот почти до тебя добрался!

Обидно признать, но и правда баран тупорылый — пока таращился на поверженного мертвяка, второй, оставаясь незамеченным, подкрался опасно близко. Виной тому стрельба, от которой слегка оглох, перестав различать тихие звуки, но валить все на нее нельзя, ведь основную роль сыграло собственное ротозейство.

Здесь такая интересная и насыщенная яркими событиями жизнь, что надо срочно научиться вращать головой не хуже совы.

Не будь Няши, бросил бы к чертям эти туши, махнув рукой на скрываемые в их споровых мешках сокровища. Очень уж напрягло то, что посреди леса ни с того ни с сего появились мертвяки, причем выскочили они с разных сторон. Даже со скудным опытом пребывания в этом непростом мире несложно догадаться — где двое шастают, там и новые могут пожаловать, причем такие, которых полагается встречать с приличной винтовкой в руках (да и не факт, что поможет).

Мысленно костеря себя за то, что на такой случай не догадался таскать в кармане пару пакетов, набил ладони комками паутины, в которой прощупывалось нечто мелкое, твердое и, несомненно, ценное. Настороженно оглядываясь, направился вверх, отметив, что Няша куда-то пропала — ее больше не видно.

Девушка обнаружилась на другой стороне вершины холма, она пристально всматривалась в гущу леса, не переставая держать винтовку на изготовку.

Рокки, тоже туда посмотрев, не обнаружил ничего угрожающего и доложил:

— Я их выпотрошил. И это... Няш... тут что-то нечисто.

— Ты о чем? — рассеянно спросила спутница.

— О мертвяках. Эти одновременно с двух сторон пришли, а тут, между прочим, лес. Ты вроде как говорила, что обычно в лесах они сильно не шастают, если и забредают, далеко от опушки редко заходят. Опушку я здесь не наблюдаю.

— Да что ты говоришь! — с неожиданным раздражением заявила Няша, резко разворачиваясь.

— Ну и что я опять не так ляпнул? — со вздохом спросил Рокки.

— Не обижайся, это я вообще не тебе сказала.

— А кому? С соснами общаешься, что ли? Кроме меня и тебя, здесь вообще-то никого нет.

— Рокки, тут и правда что-то не так. Так не должно быть. Не должно...

— Я тебе и говорю, что это место непростое. Валить отсюда надо, пока на выстрелы новые товарищи не примчались.

— Да при чем тут место? Тут что-то другое... — Голос девушки переполнился задумчивостью. — Сперва топтун в деревне — вот как он нас заметил? Почему так странно себя вел? Будто не видел нас, не знал наших сил, он явно опасался. Почему позавчера на нас все время мертвяки выскакивали? Ведь там тоже лес, а леса они не очень-то любят. А эти двое откуда взялись? Понимаешь теперь?

— Да куда мне, тупому...

— Рокки, ты не тупой, ты просто мало что знаешь, ну и туповатый иногда, не комплексуй, это у новичков обычное дело. Пройдет, когда память начнет возвращаться. Хотя не факт, дураков и среди старожиллов хватает.

— Хочешь сказать, что мы магнит для зомби?

— Я тебя только что туповатым назвала?

— Ну да.

— Возможно, погорячилась.

— Надо же, да я в шоке — ты это признала.

— Если и погорячилась, то чуточку.

— А вот теперь все нормально, узнаю старую добрую Няшу.

— Может, хватит уже клоунады? Сейчас не тот момент.

— Все, молчу.

— Да, Рокки, получается, зараженные нас как-то замечают издали, и это не зрение и не обоняние. И не следы. И уж точно не уши. Эти двое не были связаны друг с дружкой, они пришли с разных сторон. Такое может случиться, если ты в городе, где их толпы бродят, но здесь, в глухом лесу, мертвякам неинтересно. Нарваться, конечно, можно, но одновременно на пару заблудившихся одиночек — очень маловероятно. С нами явно что-то не так. У тебя, я так понимаю, нет привязанных предметов?

— Откуда нам, зеленым и нищим...

— И иммунных, кроме меня, ты после воскрешения не видел?

— Да я мчался к тебе на всех парусах, где бы я кого-нибудь нашел?

— У тебя или у меня есть при себе особый предмет, который приманивает мертвяков, другого объяснения я не нахожу.

— Это как? Кусок тухлого мяса, что ли?

Няша, отложив винтовку, неуловимо-молниеносным движением выхватила меч и, медленно крутя им при помощи гибко подвижной кисти, заговорила чуть отстраненным голосом:

— Это оружие не прилетело сюда с кластером, и его создали не люди. Среди серых и черных территорий иногда встречаются существа, которых мы называем атомитами или просто темными. Они способны создавать кое-что из подобного, но лучшие вещи можно найти там на древних руинах в местных странноватых стабах. Непохоже, что это были человеческие постройки, слишком уж они необычные. Посмотри на этот меч пристально.

— Посмотрел.

— И что ты видишь?

— «Меч с черных территорий. Усиленный. Открытых свойств нет.

Имеются скрытые свойства. Привязан к владельцу. Владелец — Няша».

— Ты мелкий, и у тебя слабая наблюдательность, поэтому ты не видишь все его свойства. Рокки, это не просто меч, это меч волшебный. Он может как бы накапливать особую энергию. Если разрядить его в момент удара, клинок пробьет что угодно, хоть танковую башню в лоб, хоть броню матерой элиты посреди груди и потом легко выйдет из пробоины. Вообще все прошибает, такое вот у него свойство. Заряд накапливается несколько часов, его хватает только на один удар, но это все равно очень ценное свойство.

— С этим не поспоришь.

— Здесь, как ты уже заметил, есть что-то вроде магии. Существуют умения иммунных, и встречаются необычные вещи. Разные вещи. Видишь эту винтовку? Она простая, но ее можно улучшить особой магией. Не совсем магией, это вроде как штучки, похожие на трофеи из зараженных, только их приходится добывать на черных и серых землях. Это непросто, так что цены на них сумасшедшие.

— Что-то я вообще запутался... Даже о черных землях до сих пор ничего толком не знаю, а тут еще и какие-то серые опять появились плюс атомиты и магическое оружие...

— Не важно, это тебе пока что не нужно. Знания вообще-то полезные, но сейчас лишние. Видел кристалл, которым я определяла, есть ли в городе иммунные?

— Конечно, видел.

— Это тоже магия черных земель. Там встречаются разные штучки, которые можно добывать. Некоторые находят просто в скалах, в лесах, по-разному, некоторые нужно вытаскивать из атомитов. Только не из разумных, а из тех, которые как чудовища. Ну как бы тебе объяснить... Ладно, не важно. В общем, есть как бы одноразовая магия. Берешь, допустим, кристалл с определенными свойствами и соединяешь его с винтовкой. Человек с особым талантом для этого нужен, но дар не такой уж и редкий, часто встречается. После этого винтовка, допустим, сможет стрелять метче.

— Даже слепой или косоглазый спокойно попадет?

— Рокки, не говори ерунду. У каждого оружия есть величина рассеивания, это когда пуля летит не в ту точку, куда ты прицелился, а чуть в сторону от нее. Даже если закрепить винтовку намертво, все равно не получится пулей в пулю попадать, они будут протыкать мишень в определенном круге рассеивания. Вот такая штучка может круг уменьшить, ну а дальше уже от твоей меткости все зависит, если ты еще сам это не

понял после твоей идиотской пальбы из пистолета.

— Ты о чем сейчас?

— То есть как это о чем?! Разве забыл, как только что позорно мазал?! Рокки, это простенький пистолет, не нужно из него стрелять дальше пятидесяти метров, даже твоя волшебная меткость не поможет, рассеивание на такой дистанции слишком велико, оно не позволяет попасть ни в глаз, ни в стык пластин. Ну разве что очень повезет. Ты убил мертвяка только потому, что он близко подобрался, если бы сразу это понял, не пришлось бы тратить патроны и столько шуметь.

— Шум и не шум и, а нас все равно находят, сама же сказала.

— Вот именно, Рокки, потому что против нас работает какое-то волшебство.

— Может, потом поговорим? Валить отсюда надо, пока еще кто-нибудь не примчался.

Но девушка, не обращая внимания на нервничающего спутника, продолжала крутить свою пластинку:

— Не так уж далеко работает это волшебство, раз мы не натываемся на зараженных каждую минуту. Нужно сперва разобраться, в чем дело, а уже потом уйдем. Иначе нет смысла, мы рискуем по пути привлечь внимание тварей. Вокруг нас в каком-то радиусе для них гремит сигнал о близости пищи, не надо этот круг протаскивать по местности, мало ли кого нацепляем.

Няша, покрутив меч перед лицом, бросила его в ножны и задумчиво заявила:

— В Кусаке я уверена больше, чем в себе. Он со мной давно, он мой, он никогда не предавал и не предаст. А вот в этом... — Девушка вытащила из кармана тот самый кристалл, пристально на него посмотрела, после чего, поморщившись, откинула прочь. — В этом я почти уверена, но почти. Блин, да я за него две звезды отвалила и думала, что неплохо выгадала. А за этот почти восемьдесят споранов слила. — Следом отправился еще один кристалл, внешне неотличимый от предыдущего.

— Думаешь, нас находят по ним? — спросил Рокки.

— Оба достались мне недавно, по случаю. Продавали нормальные люди, но кому сейчас можно доверять? Все знают, что Ромео даст хорошую награду тому, кто поможет меня найти, такое вот искушение.

— А мертвяки тут при чем? Ромео твоя смерть неинтересна, ему кое-что другое от тебя надо.

— Да я без понятия, как это работает. Одно можно точно сказать — что-то нас выдает, что-то мы излучаем, на это могут навестись те, кто нас

ищет. Но у зараженных развиты все органы чувств, а у самых крутых еще и свое волшебство проявляется. Может, они тоже это как-то ощущают. Пусть даже не все, лишь некоторые, но ощущают. Вот и находят нас даже посреди леса. Рокки, нам надо срочно отсюда уходить.

— А я что тебе говорил?

— Нет, ты не понял. Нам надо срочно уходить.

— И это я тоже понял.

— Нетушки, Рокки, ничегошеньки ты не понял — вообще ничего. Бросай эти спальники, бросай все. Даже дробовик оставь и патроны к нему. Чуть-чуть еды и воды надо взять, ну и винтовки тоже не бросим. Готовься очень быстро отсюда уходить.

— Мы оставим эти чертовы спальники? — не поверил своему счастью Рокки.

— Ага. Это лишняя тяжесть, она тебя замедлит.

— Да кто бы говорил, а как же ночной комфорт?

— А как насчет того, чтобы просто молча отсюда уйти? Рокки, может, прямо сейчас сюда стая зараженных мчится или шестерки этого урода подъезжают. Вот ты не мог бы хотя бы разочек промолчать?

Глава 23

Жизнь пятая. Человек человеку...

Как ни странно, отход действительно получился быстрым. Или напиток из споранов оказывал животворное влияние, или сброшенный груз сказывался, но ноша в виде Няши и пары винтовок с небогатыми припасами поначалу вообще не тяготила. Тем более что местность заметно понижалась, а лес оставался чистым, шагать по такому — сплошное удовольствие.

Трудности начали одолевать спустя час с небольшим, когда, по прикидкам Рокки, от песчаного холма удалились километров на пять. Шагать в темпе с пусть и легким, но все же человеком на плечах не каждый сумеет, да и силы куда быстрее теряешь. В ногах накопилась усталость, да и колени начали пусть и робко, но давать о себе знать, как бы намекая, что они не вполне здоровы и потому им противопоказана затяжная нагрузка. Свою лепту внесла и местность — лес стал гуще, то и дело приходилось пробираться через кустарники или даже обходить густые заросли.

Спустя еще минут пятнадцать последние стали такой проблемой, что Рокки наконец не выдержал, остановился, молча перехватил Няшу, бережно опустил ее на землю и, стараясь, чтобы в голосе не проскакивали нотки крайней усталости, заявил:

— Мы, похоже, в джунгли забрались. Не представляю, как дальше с тобой пробраться, давай лучше схожу по-быстрому налегке, дорогу поищу.

Няша, не обманувшись фальшивым голосом, ощупывая свою ногу, предложила:

— Ты вымотался, отдохни хотя бы пять минут.

— На том свете отдохну, ты сама говорила, что уходить надо в темпе.

— Ну да, надо, но, если свалишься, быстро не получится.

— У людей Ромео могут быть собаки?

— Зачем они им?

— Затем, чтобы по следу нас найти.

— Рокки-Рокки, — Няша покачала головой, — ты так до сих пор и не понял, куда попал. Да тут такие люди встречаются, куда там самым лучшим собакам. Найдут где угодно, как ни заматай следы. От них спасает только расстояние и еще кое-что, чего у нас теперь нет, так что придется много и далеко ходить.

— В таком случае будем считать, что я уже передохнул.

Выискивая оптимальный путь через заросли, приходилось прилагать немалые усилия, чтобы передвигаться если не бесшумно, то хотя бы не как стадо слонов. Сушняка под ногами столько, что одно неверное движение, и треск на всю округу разнесется. И вот что удивительно, дождь лил долго и упорно, а валяющиеся на земле палки не выглядят отсыревшими.

Может, этот мир, несмотря на все уверения Няши, ненастоящий? Иллюзия, бред, наркотическая галлюцинация? Иначе как объяснить то, что реальность сдобрена неестественными элементами?

Хотя есть другой вариант — непогода имеет локальное распространение, что логично для мира, собранного из кусочков мозаики.

Найдя относительно удобный проход через очередную кустарниковую стену, Рокки заметил, что впереди просматривается нечто непонятное и не ассоциирующееся с лесом. Пробираясь туда, вскоре определил, что взор насторожила стена зарослей орешника, очень густого, с ярко-зеленой крупной листвой. Однако главная причина изменения местности обнаружилась дальше — земля круто уходила вниз к ленте неширокой реки с ленивым течением и мутной водой, затянутой у берегов ряской.

Присев у невысокого обрыва, призадумался. Смутно вспомнилось, что водные преграды неплохо сбивают собак со следа. Пусть Няша уверяла, что банда Ромео обходится без ищеек, но разве дело только в этом уроде и его прихвостнях? Здесь хватает и других опасностей, из которых главная — зараженные. Вот у мертвяков нюх заточен на поиски добычи, так что создать им лишние затруднения — непустая идея.

Оценив реку, чуть пригорюнился. Мель просматривалась лишь у берегов, дальше муть сгущалась, бродом даже не пахло. Перебраться можно только вплавь, но что прикажете делать с Няшей и оставшейся поклажей?

К счастью, вдоль берегового обрыва тянулась глухая тропка. Ее местами стискивали заросли, но идти по ней все равно куда легче, чем продираться сквозь кустарники. Рокки решил прошагать вниз по течению шагов сто, глядишь, отыщется подходящее мелководье.

Ну а нет, так можно плюнуть на затею с переправой, вернуться за девушкой и относительно комфортно идти над рекой. Смущало лишь то, что Няша однажды упоминала, что берега водоемов являются местами повышенной опасности, но подробности этого вспоминаться отказывались, и вообще, информации за последнее время вбито слишком много, она путается в голове, не факт, что эта мысль истинная.

Ну да ничего не стоит уточнить, так ли это и почему, ведь источник

сведений находится в нескольких десятках шагов.

Пробравшись через очередное узкое место, стиснутое непроглядными зарослями орешника, Рокки услышал резкий звонкий звук, явно посторонний и неестественный, после чего мир в одно мгновение заполнился непроглядной тьмой.

Получен негативный эффект — оглушение. Вы находитесь на кластере 197-33-02. Регион — Западное Побережье. Текущее количество возрождений — 95 жизней (минус 4 от стартового). Текущие задания: выжить, искать, узнать тайное, помочь, задать правильный вопрос. Текущий статус — возврат в игру. До окончания действия оглушения осталось сорок четыре секунды, срок может измениться в случае внешнего воздействия. Подсказка — дистанционное холодное оружие способно действовать бесшумно и неожиданно для жертвы.

Способность мыслить вернулась, но, как и в том случае, когда Рокки впервые увидел Няшу, думать получалось с трудом, преодолевая муть и апатию. Ну да — знакомые симптомы. Оглушили не пойми чем и не пойми кто, но не убили.

А главная непонятка в том, что невозможно определить: радоваться по этому поводу или рыдать.

Иногда смерть — лучший вариант из всех возможных.

И куда же Рокки на этот раз вляпался?..

Перед глазами начало сереть, тьма рассеивалась, контроль над телом возвращался. Но Рокки не торопился вскакивать или хотя бы пытаться пошевелиться, он внимательно вслушивался, жадно ловя каждый звук. Нет, его не интересовал шум потревоженной ветром листвы и плеск рыбы в реке, ему требовалось кое-что другое.

Человеческие голоса. Один характерно хриловатый, такой принято называть «прокуренным», интонации самые угрюмые, неблагозвучные; второй дергающийся, взволнованный или, скорее, испуганный. Складывалось впечатление, что возле Рокки общаются нервный парень лет двадцати и много чего повидавший мужик раза в два постарше.

— Слышь, Чугун, а откуда он такой красивый вообще образовался? Прикинутый весь из себя, при нехилом стволе? Может, их тут таких целый отряд, а его вперед послали.

— Карась, ты уже задрал, нудишь и нудишь. Сказано, проверь карманы, вот и давай шмонай в темпе.

— Да смотрю я, смотрю. А винтовка не привязана?

— Ты что, совсем плохой стал? Видел его уровень? Где такого мелкого найти, чтобы мог винтовку в привязку вытаскивать? Да я даже пистолет на респ не утащу, а где я и где это мясо.

На последнем слове Рокки пнули в бок, как бы показывая, кого именно обозвали мясом, после чего взрослый мужик с насмешкой произнес:

— Эй, тройка, хорош уже придуливаться. Давай глазки продирай, садись на всю задницу и рассказывай нам, чьих будешь, откуда идешь и где так хорошо прибарахлился? Разгрузка у тебя деловая, винтовка не из последних, а сам такой, что без слез на тебя не посмотришь. Учти — мы с Карасем люди простые, но любопытные. Если кому вопрос задали, ответ хотим получить сразу, иначе огорчаемся. И лучше бы тебе до такого не доводить, огорченные мы нехорошими становимся, перестаем нравиться таким, как ты. Думаю, не совсем тупой, все понял. Ну чего шлангом прикидываешься? Может, тебя ножичком пару раз под ребра ткнуть? Поговаривают, это хорошее средство против молчунов.

Говорит вроде добродушно, но у Рокки ни на миг не возникло сомнений, что угроза реальная. Зарабатывать ножевые ранения без веской причины смысла нет, пришлось раскрыть глаза и начать подниматься. Сразу же обнаружилось непредвиденное затруднение — запястья были стянуты пластиковым хомутом, это сильно мешало двигаться.

Интересно, эти типы из союзников Ромео или тут у всех поголовно принято вместо наручников или веревок использовать черт знает что?

Сев, Рокки устался на парочку, которую до этого мог лишь слышать. Ничего нового о них не узнал — один и правда молод и с виду недалек, второй куда старше, но не кажется прожженным душегубом. Парочка вообще похожа на дачников, ничего бандитского в них нет, в обычных обстоятельствах пройдешь мимо таких и внимания не обратишь — серые, ничем не примечательные.

Покосившись на арбалет и сопоставив вид этого оружия с острой головной болью, поселившейся между левым виском и затылком, Рокки решил задать вопрос:

— Вы совсем дикие? Зачем было в голову стрелять, я и по-хорошему отвечать умею.

— Болт специальный, тупой он, как валенок, большой беды не наделает, — лениво пояснил Чугун. — Может, ты и по-хорошему умеешь, но зачем гадать, если можно по-плохому, так ведь вернее и спокойнее. Сколько вас тут, таких юных и наивных?

Рокки был готов скорее сам себя удушить, чем выдать Няшу, поэтому

ответил без промедления:

— А разве не заметно, что я человек не коллективный?

Чугун, пару секунд неотрывно глядя в глаза, резко дернулся, после чего его кулак с неимоверной быстротой прилетел в нос. Послышался сочный хруст, после которого Рокки завалился на спину и, давась кровью, высказался нехорошо:

— Урод, тебя что, считать не учили?! Сказано было — я тут один!

— Может, и так, — спокойно согласился Чугун. — Винтовкой такой хорошей где разжился?

— Проходил мимо магазина, дай, думаю, прихвачу. Вдруг кому-то подарю по дороге, оружие неплохое, всем должно понравиться, — длинно затащил Рокки, склонив голову, чтобы кровь стекала на землю, а не пачкала одежду.

— Это ты молодец, — одобрил старший из налетчиков. — Винтовка и правда хороша, я ее, пожалуй, себе возьму. Ты ведь не против? Нет? Ну и ладно, уговорил. А чего в пистолете патронов так мало?

— Запасные купить не получилось.

— Потратился, значит? И в кого стрелял?

— Ну ты и спросил! Да здесь что, стрелять не в кого, что ли?!

— Это ты в самое то угодил, для пальбы всегда полно кандидатов. Но вот знаешь, один вопрос мне никак покоя не дает. Бодрый ты больно, не находишь?

— А что не так? Молодость, здоровья куча, не пью и не курю, так почему мне бодрым нельзя быть?

— Да потому, мил-человек, что мутный ты какой-то, не просматриваешься, с какого боку на тебя ни посмотри. Не нулевой уже, но совсем уж мелкий, без серьезности, а снаряга такая, что не у каждого встретишь, и это я о старших говорю. А еще перезагрузок поблизости ни сегодня, ни вчера не случалось, да и не выглядишь ты опечаленным ходоком с респа. Значит, живчика успел похлевать, вон от избытка здоровья аж рожа трескается, без лишних вопросов все понятно. Да вот только фляги я у тебя не наблюдаю и споранов тоже не вижу. А еще у тебя из припасов лишь воздух в карманах, а он в наших краях ни к чему, его сколько угодно на каждом шагу бесплатно. Получается, где-то ты продуманный, бывалый, а где-то пустой, как нулевка с двумя девятками на счетчике, а так не бывает. Давай колись по-хорошему, где остальной хабар сбросил. Если миром отдашь, миром разойдемся — слово даю. Мы еще и подогреем тебя по малой, нехорошо человека пустым оставлять, чай, не зверье беспредельное, сами такими были когда-то.

Позади совершенно неожиданно оглушительно треснул винтовочный выстрел, и в тот же миг из плеча Чугуна вынеслось красноватое облачко выбитых пуль кровавых брызг. Дернувшись при попадании, тот, ни на миг не растерявшись, нырнул к земле, прячась за Рокки, с болью в голосе вскричав:

— Карась, вниз!

Совет запоздал, винтовка треснула еще дважды, и оба раза не впустую — словив пару пуль, Карась и правда спустился с обрыва, но не по своей воле, а подчиняясь силе земного притяжения.

Чугун же, вцепившись в Рокки и крепко прижимая его к себе, прошипел:

— Убил бы падлу! Дернешься, хана тебе!

Неловко вскинув одной рукой тяжелую винтовку, отобранную у пленника, выстрелил в кусты, злобно после этого проорав:

— Эй! Сколько вас там?! Еще один раз кто пальнет, я вашему мальчугану головешку отрежу на хрен! Притихли резко!

Послышался быстро приближающийся, ни на что прежде слышанное не похожий звук, Чугун вновь дернулся, роняя винтовку, с мычанием отпрянул от Рокки, завалился на спину, начал перебирать ногами, неловко пытаясь отползти к обрыву. Чуть ниже точки, в которой его шея переходила в плечо, торчал глубоко засевший черный меч.

Хорошо знакомый.

Рокки, поднявшись рывком, подошел к поверженному грабителю, грубо наступил на живот, стараясь поглубже вдавить каблук, присел, легко отбил вялую руку, пытавшуюся потянуться к ножу на поясе, пропустил сомкнутые запястья через черную рукоять, провел пластиком по кромке лезвия. Пути развалились, будто лазером перерезанные — острота Кусаки впечатлила.

Встряхнув освобожденными ладонями, с неожиданно для себя открывшейся злобой выдернул меч из раны, занес повыше, с силой опуская, выдохнул:

— Да уймись ты уже, падаль!

Чугун затих лишь после третьего удара. Оставив меч в его груди, Рокки, поднимаясь, стряхнул с ладоней чужую кровь, подошел к краю обрыва, взглянул вниз. Убедился, что Карась разлегся наполовину на суше, наполовину в воде и не подает признаков жизни, вокруг его разбитой пульей челюсти густо снуют возбужденные вкусными ароматами мелкие рыбешки.

Присев, Рокки наскоро протер руки о траву, подхватил винтовку, развернулся и начал ломиться через кусты.

— Тише ты! — нервно рывкнула невидимая в зарослях Няша.

— Издеваешься?! Думаешь, после этой пальбы кто-то еще не в курсе, что мы здесь?!

— Ну так не надо им точно указывать, пускай поищут!

Девушка обнаружилась между парой больших кустов. Перевернувшись на спину, она собиралась добавить в магазин винтовки три патрона, зажав их между пальцами.

Замерев над ней, Рокки, пытаясь не думать о крови, которую невыносимо сильно хотелось смыть с ладоней, и, постаравшись привнести в голос насмешливо-уверенные нотки, произнес:

— Ловкая. Жаль, у тебя всего один меч, могли бы без пальбы обойтись.

— Повезло просто. Я даже стреляла с трудом, слишком много веток между нами, пули отклонялись, а они куда меньше Кусаки.

— Черт, так ты же могла и в меня попасть!..

— Ну не попала ведь.

— Ну спасибо... родная...

— Я тебе не родная и даже не двоюродная. И вообще, что мне еще оставалось делать? Смотреть, как тебя на кусочки нарезают?

— Ладно, проехали и забыли. Давай забирайся на спину, сваливать надо, пока на шум никто не примчался. Я там тропу нашел.

— Лодку тоже нашел?

— Какую лодку?

— Блин, ну как же с тобой тяжело... Посмотри поберегу, там должна быть лодка. Вряд ли они пешком возле реки ходили, так только последние придурки себя ведут, а эти были предпоследними.

Развернувшись, Рокки направился к обрыву, мысленно признав, что Няша не перестает его удивлять. Находясь в густых зарослях, где обзор — хуже не бывает, она ухитрилась правильно разобраться в обстановке, невзирая на тяжелое ранение, бесшумно поползла куда нужно, заняла подходящую позицию и, не выдав себя до последнего, быстро разделалась с парочкой зарвавшихся гопников.

А еще она каким-то образом заподозрила наличие лодки, и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять — девушка планирует переправиться через реку со всеми удобствами. Для представительницы слабого пола слишком уж оперативный ход мыслей, причем мыслей, скорее всего, правильных.

Рокки понимает далеко не все, а вот она понимает, причем молниеносно.

Кстати, а почему задохлых дебилов ничего не дали? Вообще никаких красных слов не появилось. Пропустил в запарке? Может, и пропустил, слегка отходняк пошел, как-то не по себе, впервые пришлось приканчивать человека вот так — не чистым выстрелом в голову, после которого, не успев ничего осознать, улетаешь во тьму, а с предсмертными хрипами в лицо и кровавой пеной изо рта, и когда из липких ладоней норовит выскользнуть рукоять игрушечного с виду, но такого удобного в смертоубийственных делах меча.

Рокки не удивился, когда после поисков, не затянувшихся даже на пару минут, обнаружил искомое — лодку, укрывавшуюся за завалившимся в реку деревом. Его крона еще не потеряла листву и служила хорошим укрытием с одной стороны, а с другой поднимались реденькие заросли рогоза, что тоже помогало против чужих взглядов. Вот только с высоты обрыва видно прекрасно, мимо не пройдешь.

Оценив расположение лодки, Рокки понял, что его, ротозея безглазого, сумели заметить с воды, после чего причалили в это удобно подвернувшееся место. Дальше один из гадов (скорее всего, Чугун) приподнялся над низеньким в этом месте обрывом, прицелился вдоль тропы, где не мешали ветви кустов и деревьев, дождался, когда цель появится на чистом месте, выстрелил в голову шагов с сорока, что для такого оружия, наверное, достойный результат.

Хотел было спуститься, чтобы перегнать лодку чуть повыше, причалив напротив позиции Няши, но напрягся из-за парочки один за другим раздавшихся винтовочных выстрелов. Знакомый звук — девушка опять кого-то нашла, благо ее оружие скорострельное, можно хоть десять раз бабахнуть один за другим, не затрачивая время на возню с затвором.

Рванул назад, и тут же выстрелы загревели в максимально возможном темпе: слишком торопливо, нервно, так бьют, не целясь, изо всех сил торопясь опустошить магазин, заваливая противника количеством пуль, а не качеством попаданий.

Прорвавшись через сужение тропы, где всего-то несколько минут назад словил головой тупой арбалетный болт, чуть не врезался в продиравшегося через кусты мертвяка: медлительного, стандартно-грязного, вонючего, в характерно обвисших штанах. Мелкий, на такого приличный патрон переводить жалко, но Рокки не поскупился, выстрелил от бедра, разворотив затылок вместе с выпуклостью спорового мешка, после чего помчался в глубину зарослей, на ходу сражаясь с цепляющимися ветками и рукоятью затвора.

Впереди, в просвете, разглядел Няшу. Выхватив пистолет, она

наводила его на надвигающуюся сбоку скрюченную фигуру, в которой от человека осталось только совпадающее количество конечностей. Как раз в этот миг затвор наконец загнал в ствол второй патрон, и палец тут же придавил спусковой крючок. Как это обычно бывает, промаха не случилось — массивный мертвяк дернулся, просеменил чуть назад, врезался спиной в ствол дерева, мелко подергиваясь, сполз на землю.

Няша, вскакивая с крайне нетипичной для человека с раздробленной голенью бодростью, заверещала не своим голосочком:

— Рокки!!! Бегом к реке!!!

Интонация из тех, что на этот раз он решил воздержаться от уточняющих вопросов, молча выпустил пулю в заросли, через которые с треском ломилось что-то быстрое, большое и утробно урчащее, подскочил к девушке, подхватил ее под руку, потащил за собой, по мере возможностей стараясь двигаться так, чтобы покалеченной спутнице не докучали крепкие ветви.

Навстречу пробирались сразу два мертвяка, с виду несерьезные, таких при определенных обстоятельствах можно принять за обычных людей. В голове включился счетчик расхода боезапаса, и Рокки осознал, что у него осталась всего лишь пара патронов к серьезному оружию, способному разделяться не только лишь с мелочью. Поэтому быстро перекинул винтовку за плечо, потянулся к поясу, выхватил пистолет, возвращенный с трупа грабителя, выстрелил дважды.

Няша неожиданно отстранилась, ухватившись свободной от оружия рукой за ствол дерева, крикнула:

— Рокки!!! Кусака!!! Забери Кусаку!!! Не оставляй его!!!

Вот же гадство, она про меч свой вспомнила — увидела бандитское тело, в котором тот так и торчал. Не став спорить, Рокки преодолел последние шаги, выстрелил в еще одного мелкого мертвяка, бодро надвигавшегося напрямик по тропе, склонился, ухватился за рукоять, вскочил, оборачиваясь. Увидел, что Няша очень даже ловко для человека в ее состоянии семенит вдоль обрыва, то прыгая, то упираясь в землю прикладом винтовки, то хватаясь за ветви. Нельзя не признать, что скорость у нее при этом немногим уступала той, которую Рокки развивал с поклажей.

Почему она направляется в ту сторону? Узнала, что лодка именно там? Но как, Рокки ведь не успел ни словом перемолвиться до начала стрельбы? Вычислила, наблюдая за его перемещениями через переплетения ветвей? Может, и так, она не из тупых куриц, догадливая.

Или все проще и неразумнее — высмотрела мель, которая начинается

чуть дальше, и, подгоняемая шумом приближающейся оравы мертвяков, рассчитывает использовать ее для переправы на другой берег.

Рокки, догоняя Няшу, выстрелил из винтовки в еще одного непростого с виду зараженного, чуть было не выскочившего на девушку справа. При этом осознал, что весь лес трещит под поступью, наверное, не меньше чем десятка тварей, причем некоторые из них не просто валежником хрустят — такие легко ломают и кусты, и, похоже, даже молодые деревья их не останавливают.

В винтовке остался всего лишь один патрон, а перезаряжается она не быстро.

А в пистолете вот-вот опустеет магазин, перезаряжать его вообще нечем.

Как бы ни пришлось Кусакой отмахиваться.

Перекинув винтовку на другое плечо, ухватил Няшу, как ребенка, вкинув перед этим меч в ножны на ее поясе, уже не думая о сохранности покалеченной ноги спутницы, проломился через все то же сужение тропы и, даже не притормозив, сиганул с обрыва. Высота всего ничего, приземлился точно туда, куда планировал — возле самой кромки воды, на узкую ровную полосу мокрого песка. Он был насыщен илом, излишне податливым, ступни чуть ли не целиком завязли, зато приземление смягчилось, колени пусть и просигнализировали болью, что им такое обращение не по нраву, но в остальном вели себя покладисто.

С Няшей получилось чуть хуже — и она равновесие потеряла, и Рокки ее не удержал. Вскрикнув, девушка просеменила пару шагов по мелководью, неловко размахивая руками, пригнулась и сумела ухватиться за воткнутое в уключину весло, только после этого подняла многострадальную ногу.

Церемониться было некогда: подскочив к спутнице, Рокки ухватил ее за талию, перебросил через борт, потащил лодку на глубину, изо всех сил упираясь в прогибающееся под ступнями дно и краем глаза поглядывая назад. Увидев, как над кромкой обрыва показалась голова мертвяка, даже не дернулся что-то предпринимать, проигнорировал полностью. По физиономии понятно, что это начинающий, опасности от такого немного. Покуда спустится, покуда догонит — многое успеет измениться.

Вода добралась до пояса, когда Рокки наконец, оттолкнувшись напоследок, забрался в лодку. Останавливаться на этом не стал, жестко отодвинул к носу Няшу, неловко пытающуюся сесть за весла, плюхнулся на среднюю скамью и начал грести, причем неэффективно. Тело как будто не знало, как это делать правильно, лопасти то зарывались в глубину, то без

толку скользили по поверхности, то шумно шлепали, поднимая фонтаны брызг. Но последний толчок сказывался, неплохо вырвались, чуть ли не до середины реки инерции хватило.

Обернувшись, Рокки увидел, что по мелководью пробираются три мертвяка. Двое вообще ни о чем, жалкие новички, третий уже почти всю одежду растерял и выглядел настолько скверно, что такие недостатки внешности не поправить самой тяжелой косметикой.

Только пулей. Серьезной пулей.

Оставив весла в покое, сдернул с плеча винтовку, собрался было навестись на самую опасную цель, но был остановлен криком Няши:

— Да хватит уже патроны переводить! Просто уплываем отсюда!

— Но...

— Блин, Рокки! Никаких «но»! Это просто мелочь, на глубину такие не полезут, а если полезут, начнут барахтаться, как щенки, и познакомятся с Кусаклой. Бегом хватай весла, пока я злиться не начала. Ужас какой-то, где тебя гребсти учили?!

— Уж извини, но галерным рабом я, похоже, никогда не был, явно практики не хватает.

— Даже я лучше тебя гребу.

— Не сомневаюсь. Извини.

— Ладно, не извиняйся, — сбавила тон Няша. — Не умеешь так не умеешь, ничего страшного.

— Я не о веслах.

— А о чем?

— Я тебя в лодку уронил, как-то это грубовато получилось.

— Не забивай себе голову, все правильно, каждая секунда на счету, нянькаться некогда.

— Ты плоховато выглядишь. Больно?

— Да пришлось пару шагов пройти. Нога совсем никакая, опираться невозможно.

— Хорошо, что напололам не развалилась.

— Кости уже схватились, если их не тревожить сильно, не развалится.

О! Гляди, сколько их по наши души набежало!

Рокки, покосившись в сторону берега, чуть не выругался. Десятка два мертвяков суетливо носились туда-сюда над обрывом, а некоторые, спустившись, неловко брели по мелководью вслед за лодкой. В основном все та же мелочь, но тройка нехороших присутствует, а еще один немногим отставал от чудовища, убитого в деревне.

— Откуда их столько? Здесь ведь не город.

— Ага, зато здесь река, — как это часто бывает, непонятно ответила Няша.

— А река здесь при чем? Я так понял, плавать они не очень любят.

— Ну да, вот потому река и причем. Когда зараженные мигрируют, они собираются на берегах рек. Перейти не могут, вот и бродят вдоль берегов, скапливаются. Это как забор для скота.

— Вот теперь понял. Получается, в таких местах и правда можно здорово нарваться. Что дальше делать будем? Другой берег сейчас — не вариант. Мы сильно на шумели, вон посмотри, там тоже кусты ходуном ходят. А вот и первый мертвяк. Привет, урод!

— Течение в ту сторону, давай туда.

— Отплывем и потом на другой берег? Эти за нами пойдут, по глазам видно, что расставаться не хотят.

— Рокки, давай делай то, что я говорю, достал уже языком молоть! Пока вниз пойдём, а там видно будет.

Глава 24

Жизнь пятая. Реки и берега

С веслами Рокки освоился быстро. Нет, грести, как чемпионбайдарочник, не научился, но проделывал это уже не столь позорно, как поначалу. Няша, правда, лишь на критику щедра, а вот за успехи даже не подумала похвалить. Впрочем, ей не до этого было, ногой своей занималась, потуже завязывая полосы из плотной ткани вокруг шины.

Обернувшись влево и вправо, Рокки убедился, что зараженные никуда не подевались — по-прежнему по обоим берегам преследовали, их там не меньше четырех десятков накопилось. Нечего и думать высаживаться, порвут, как ни отстреливайся. Ну а начни с лодки прореживать их поголовье, на такой шум могут набежать новые, сколько их тут — неизвестно.

Убедившись, что с лица Няши сошла нездоровая серость, а в движениях появилась уверенность и бойкость, решил, что это благоприятные признаки для продуктивного общения, и спросил о волнующем с самого начала схватки, которая случилась на берегу:

— А почему за тех типов ничего не дали?

— Ты о чем? — не поняла Няша.

— Когда отплыли, проскочил текст о заваленных мертвяках. Опыт и все такое дали. Ну, как обычно. А вот за тех двух уродов Система ни слова не чиркнула.

— А что не так?

— Ну так за тех, которых мы с тобой завалили при первой встрече, мне много чего написали, а сейчас тишина гробовая.

— Ну так и Глобус, и его шестерки были красными, как перезревшие помидоры. С такими считай, что крутых зараженных валишь, а не иммунных. А эти двое зеленоватые, скажи спасибо, что за них гуманность не сняли. Повезло, что Система решила, что они проявили агрессию.

— А что там решать? — ответил на это Рокки, постучав по кровотокающей шишке, оставленной арбалетным болтом.

— Стрелял один, второго она могла вообще не учесть, а первого определила как агрессивного, но с высокой гуманностью, до зеленого цвета показателя. За зеленых тяжело что-то получить. Точнее, можно и без проблем, но для этого нужно быть сильно красным. Не советую, тебе

краснота не пойдет, не тот ты человек, не для тебя жизнь с такими, как Глобус.

Рокки, проведя взглядом по реке, задал другой вопрос, к которому тоже не представлял, каким образом подступиться:

— А откуда эта река взялась?

— Откуда и все остальное — прилетела при перезагрузке.

— Не может этого быть.

— Почему же не может?

— Ты сама рассказывала, что бóльшая часть кластеров по площади невелика — несколько квадратных километров или несколько десятков. Даже если взять кластер в четыре сотни квадратов, все равно река на таком не выживет, сольется быстро, останется сухое русло.

— Откуда ты это взял? Хорошо в реках разбираешься?

— Да так, просто подумал, и само в голову пришло.

— Молодец, почаще думай, это тебя развивает. Тут, Рокки, опять Система постаралась. Обычно кластеры прилетают похожие один в один на предыдущий. Даже цифры одинаковые по одним и тем же адресам живут. Как бы бесконечное повторение одного и того же, изменения встречаются редко. И один кластер к другому не просто так стыкуется. Видел, как мы на машине перескочили границу, когда на полицию нарвались?

— Ну?

— Тебя не удивило, что дорога продолжилась и дальше?

— Мне тогда не до удивления было, особенно когда вертолет появился.

— А провода на столбах помнишь? Столбы становятся другими, а провода висят перебитыми по границе кластера. Это потому, что Система часто старается соединять друг с дружкой линейные структуры: дороги, трубопроводы, тропинки, мосты, дамбы, линии электропередач, реки и ручьи. Вот эта речка может включать в себя десятки кусочков разных рек, каналов и даже вытянутых озер. Где-то наверху по рельефу, возможно, далеко отсюда, есть постоянный или временный приток воды, вот и не иссякает, течет потихоньку.

— Система всегда так соединяет?

— Нет, она непредсказуемая. Но обычно старается. Встречаются кластеры с крупными водоемами, где от берега до берега не каждый миномет добьет, на них торговцы любят ставить плавучие базы.

— У вас и торговцы есть?

— Если есть имущество, обязательно будут и торговцы.

— Логично. Как нога? Уже не так болит?

— Да нормально. Мне бы еще дня два ее не трогать, и чуть ли не

бегать смогу.

— Загибаешь.

— Даже не вздумай со мной спорить — проиграешь.

— Что с этими опоздавшими на борт делать будем? — Рокки указал на мертвяков, бесновавшихся на берегу.

— А что с ними можно делать? Ничего.

— Плыть бесконечно не получится, а ребятки не отстают. Да и мертвяки — это не все наши проблемы. Можно нарваться на таких же товарищей, как Чугун и Карась, или кого-нибудь похуже. Пули воды не боятся, завалят нас влегкую, мы тут как пара мишеней, издали видать. — Няша, нахмурившись, огляделась по сторонам и неуверенно произнесла: — Не знаю, что это за река, но обычно рано или поздно начинаются раздувы или разветвления русла. На широкой воде лодка зараженным уже не так интересна, а если из виду потеряют, вообще успокоятся чуть ли не мгновенно. Так что этих как-нибудь сбросим, а новых вряд ли нацепляем, ведь они только от сильного шума возбуждаются, а мы себя тихо ведем. О другом сейчас думать нужно.

— О чем?

— Да все о том же: уйдем как можно дальше, найдем новое укрытие и отлежимся. Хороший вариант — высадиться на остров, до него мелкие вообще не доберутся, а серьезных тварей в этих краях мало. Но наши чехлы и сумка остались на берегу, возвращаться за ними — самоубийство, мы там всех надолго переполошили. Получается, потеряли большую часть патронов, всю еду и воду. Спасибо, что фляга с живчиком на поясе.

— А спораны?

— Они у меня, я такое из рук не выпускаю.

— Ну так с живчиком проблем не будет, а это главное.

— Не будет, если к споранам найдем еще и что-нибудь алкогольное. Я, правда, слышала истории о мастерах выживания, они готовили живчик на кислоте, которую из муравьев получали, но сильно подозреваю, что там было многовато вранья. Сколько у тебя патронов осталось?

Рокки, оставив весла в покое, провел инвентаризацию, после чего огласил нерадостный результат:

— Двадцать шесть штук, а пистолет в ноль разрядил.

— У меня два полных магазина и отдельно семнадцать штук, итого — тридцать семь. В пистолете шесть, три себе заberi.

— Меня три не спасут.

— Оружие до тех пор остается оружием, пока в нем есть хотя бы один патрон, так что бери и не спорь, пистолеты у нас одинаковые. Заряжай и

давай гребь, а то вон один уже в воду полез, решил до нас доплыть, вообще обнаглел. До элиты ему далековато, но очень уж настырный. А я пока в вещах покопаюсь, может, эти сволочи что-нибудь полезное нам оставили.

Под вещами Няша подразумевала пару донельзя затасканных рюкзаков, валявшихся на дне лодки. С виду похожи на имущество крайне опустившихся людей, где вряд ли найдется что-нибудь, кроме грязного вонючего тряпья. Спасибо, что самому не придется заниматься поиском сокровищ в столь сомнительных источниках.

Девушка управилась быстро, после чего продемонстрировала Рокки ценные, по ее мнению, находки: сигару в алюминиевом тубусе, ручную гранату с ребристым корпусом, пару запечатанных армейских пайков и пухлую пластиковую флягу ярко-оранжевого цвета.

Уставившись на последнюю находку, Рокки уточнил:

— Это живчик?

— Ага, тут больше литра, теперь хоть о нем думать не придется.

— А сигары тебе зачем? Ты же вроде не куришь.

— В смысле?

— Ну вон, сигара в тубусе. Зачем она тебе?

— Эта штучка для сигар?

— Вроде бы да.

Няша вытащила из тубуса пробку, поднесла его к носу открытым концом, приняухалась, кивнула:

— И правда чуть-чуть табаком пахнет. Но сигары тут уже нет, тут теперь кое-что другое.

Девушка наклонила тубус и вытряхнула на ладонь содержимое — тонкий одноразовый шприц, заполненный желтой жидкостью с иглой, прикрытой колпачком.

— Значит, табачок не любишь, но зато наркотой балуешься? — шуточно поинтересовался Рокки, прекрасно понимая, что ничего подобного за спутницей числиться не может.

— Ага, без дозы героина чувствую себя не в своей тарелке, — подыграла Няша и добавила непонятное пояснение: — Это спек. И не просто спек, а лайт-спек.

— Надо же, теперь буду знать. Вот только насчет лайт-спека остались вопросы. Что это вообще такое?

— Ну да, ты ведь не можешь такое знать. О спеке я тебе уже рассказывала.

— Да, было дело. Два кило паутины на дозу нужно извести, и это вроде как можно назвать наркотой.

— Молодец, помнишь. На дозу лайт-спека нужно уже четыре килограмма паутины и пять рад-споранов. Они вроде обычных споранов, но больше раза в три и ярко-зеленые, даже зеленее, чем листва весенняя. Встречаются только в некоторых зараженных, которые живут на радиоактивных кластерах или рядом с ними. Там очень опасно даже для меня, а уж ты и близко не подберешься. Лайт-спек дорого стоит, даже не знаю, откуда эти неудачники его достали, они на парней при деньгах вообще не похожи.

— Согласен, выглядели скромновато. Значит, его продавать нарикам можно? Больше ни на что не годится?

— Простой спек боль и усталость снимает, на время делает чуть сильнее и поднимает регенерацию. Но до лайт-спека ему далеко, он тебя суперменом делает. Не навсегда, конечно, тоже на время. Все характеристики резко поднимаешь, забываешь про любые раны и травмы, лишь бы руки-ноги на месте оставались. Если я вколю себе эту гадость и высажусь на берег, там уже через пару минут ни одного зараженного не останется, всех Кусакой покрошу. Ну или почти всех.

— Хм... крутая штука. Получается, проблему мертвяков можно спокойно решать уколами?

— Не все так просто, спек — очень опасная дрянь. По сути, это тяжелый наркотик, который может вызвать привыкание даже после одного приема. Не у всех, конечно, только у совсем уж безвольных личностей, но, если принимать по разу в неделю, даже самый устойчивый долго не протянет, подсядет на иглу максимум через месяц, а это страшно, это постепенное превращение в животное. Многие красные со спека начинали, он любые тормоза способен сорвать. Так что это — крайнее средство, лучше вообще с ним не связываться, всегда есть риск. Все понял?

— Все, кроме одного — если уколешься, как будешь гоняться за этими мертвяками на одной ноге?

— Еще как буду, ведь нога на месте, а это главное. Спек — не совсем наркотик, это особое средство Системы. Она решила, что он способен заставить бегать на сломанных ногах, вот и будешь бегать.

— Я начинаю побаиваться Систему...

— Только начинаешь? Да мы тут все ее боимся. До заикания боимся.

Мертвякам был предоставлен шанс приблизительно через пару часов водного путешествия. Нет, ни одна из их попыток забраться в воду не завершилась хотя бы намеком на гран успеха — дело оказалось в другом.

Река, как и объясняла Няша, то и дело менялась. Даже если не

вглядываться в берега, границы кластеров обычно не пропустишь — они выдавали себя резкими раздувами, сужениями или изломами русла. Иногда в таких местах приходилось работать веслами со всей дури, торопясь выскочить из сжимающихся ловушек, где самые прыткие зараженные смогут если не запрыгнуть в лодку, то рухнуть в воду в опасной близости от борта. Но в основном все как началось, так и продолжалось: ленивое течение или даже почти полное его отсутствие, жарковатый солнечный денек, лиственный лес что слева, что справа. Следов человеческой деятельности всего ничего, главным образом это кострища, рыбацкие мостики, пластиковый мусор, изредка проплывали под проводами линий электропередач.

Но в этом месте человек отметил куда серьезнее. Реку здесь поджимали обрывистые берега, вдоль них просматривались полосы заваленной водорослями тверди, которая еще недавно была дном и по какой-то причине оказалась на поверхности. Не слишком высоко над водой переброшен капитальный мост из металла и железобетона, покоившийся на паре внушительных опор. Вероятно, проходившая по нему дорога являлась важной транспортной артерией у цифр, и когда последствия перезагрузки проявились во всей красе, здесь произошла грандиозная авария (или серия аварий).

В результате мост оказался загроможден чуть ли не монолитной массой раздавленных, смятых и большей частью сгоревших машин. По некоторым из них будто матерый динозавр от души протоптался. Причем истинного виновника можно было разглядеть во всей красе: проломив поручни, к воде одним боком свесился полностью ржавый танк, его лишенная опоры гусеница провисла, между траков застряла частично оголенная до костей рука, которую лениво поклевывала жирная ворона, а посреди борта просматривалась идеально круглая пробоина немаленького диаметра.

Но это лишь статичный фон, основное внимание привлекали действующие лица — зараженные. Мертвяки преследовали лодку не так уж и целеустремленно, некоторые то и дело останавливались или разворачивались в другую сторону, но их место вскоре занимали другие, привлеченные шумом, создаваемым погоней, ведь урчание тварей разносилось удивительно далеко для такого, казалось бы, несерьезного звука. Так что, если брать оба берега, общее количество мертвяков колебалось в пределах трех-четырех десятков, редко выбиваясь за эти пределы.

И сейчас эта масса, огорченная невозможностью добраться до лодки,

обнаружила, что впереди представился способ свалиться недоступным прежде людям на головы. Перспективу неплохо перекусить оценили далеко не все — большая часть преследователей состояла из неразвитых мертвяков, у них ума не хватало даже на самое простое планирование. Но вот одна тварь, поопаснее прочих, немногим недотягивающая до той, которая так впечатлила Рокки в деревне, перестала метаться среди младших собратьев и рванула что есть мочи с очевидными намерениями.

Парочка других, поскромнее, но тоже ничего, уставилась на странно себя ведущего старшего, быстро смекнула, что к чему, помчалась следом. Эти перемещения не остались незамеченными мертвяками на левом берегу, там сразу четверка поспешно направилась к другому концу моста.

Рокки, успев неплохо, по его мнению, освоиться с лодкой, напряженно произнес:

— Не успеем, они доберутся до моста раньше нас. Разворачиваемся?

— Ну и зачем нам плыть против течения туда, где мы уже были? Стреляй давай.

— Двадцать шесть патронов осталось.

— И семь зараженных, которых нужно быстренько уgomонить. Остальные нам ничего не сделают, до таких поздно доходит и вообще медлительные. Нужно снять только этих, действуй, ты можешь.

Неприятно получилось — на семь целей Рокки израсходовал девять патронов. Разок просто промахнулся, разок едва задел, мертвяк лишь дернулся. Да и остальных поразил не чисто, лишь четверка успокоилась наглухо, из оставшихся один пытался ползти в прежнем направлении, а пара ковыляла туда же, падая то поочередно, то синхронно. Без дефицита боеприпасов он бы их добил, но сейчас был вынужден оставить в покое, благо шансов добраться до моста у них нет, скорость снизилась до таких значений, что начинающие зараженные способны обставить.

Кстати о начинающих — до них тоже начало что-то доходить, то один, то другой бросали все дела и мчались напрямик к мосту. У некоторых даже был шанс добраться до нужного места вовремя, но всю малину испортил затор из сгоревших машин: перебраться через такую преграду несложно, но вот сохранить при этом скорость на прежнем уровне не получится.

Почему Рокки так плохо отстрелялся? Почему-почему — да потому, что не такое уж его умение всемогущее. Вон в стычке у песчаного холма мазал куда позорнее. Лодка раскачивается на воде, тяжелую винтовку держать неудобно, обстановка такая, что ни присесть, ни прилечь, расстояние до целей не такое уж и маленькое, чтобы говорить о пальбе чуть ли не в упор, плюс мертвяки быстро передвигаются, причем не всегда

предсказуемо.

На будущее придется запомнить, что, если жмешь спусковой крючок в условиях, далеких от тех, которые царят в тире, будь готов к тому, что окажешься не таким уж великим снайпером.

Досадное открытие.

И патронов осталось всего семнадцать штук, а обилие и разнообразие приключений напрягает все больше и больше.

За мостом местность разительно изменилась. Леса резко остались позади, сменившись редкими островками из уцелевших деревьев, окруженных пространством, покрытым луговой травой, коротко подстриженной домашней живностью. Справа, за пастбищем, там и сям усеянным останками коров и мелкого скота, виднелась утопающая в зелени садов деревня, слева, метрах в двухстах от береговой линии, тянулась автострада на высокой насыпи. Затопов на ней не наблюдалось, но то и дело просматривались отдельно стоящие машины.

Но самое главное — изменилась сама река. Резко расширяясь, она вливалась в немаленькое озеро, причем по перебитым проводам и аккуратно разрезанному пополам рыбацкому мостику можно было догадаться, что располагается оно на другом кластере.

Няша вчера рассказывала о гипотезе, имевшей массу сторонников и противников. Иммунные здесь нередко встречают места, которые способны вспомнить, которые вроде как видели еще до того, как угодили сюда. Отсюда может следовать, что Система не создает кластеры с нуля, она лишь копирует кусочки земной территории, кое-как выстраивая из них цельное мозаичное панно.

Если так и есть, получается, что в этом месте Система не сумела подобрать фрагмент с подходящим расположением реки или канала. Но, как рассказывала та же Няша, Механизм, управляющий этим странным миром, и озерами в некоторых случаях не гнушается, особенно если они вытянутые.

Здесьнее больше похоже на круглое, но кто знает, возможно, просто ракурс неудачный или уже здесь поменялись очертания береговой линии, ведь на непрерывно трансформирующейся территории поддерживать прежний уровень возможно лишь на отдельных участках.

Девушка, традиционно перетягивая искаленную ногу полосками ткани, огляделась и заметила:

— Приличное озеро, мертвяки сейчас отстанут.

— Ты уверена?

— Ага, они ведь не любят большую воду. Как только от суши чуть отойдем, так сразу перестанем для них существовать.

— Удобный способ с ними попрощаться.

— Не думай, что на такое можно рассчитывать во всех случаях. Серьезные зараженные способны тот еще сюрприз устроить.

— Но таких здесь вроде бы нет. — Рокки покосился на удаляющийся берег, где мертвяки и правда начинали терять интерес к преследованию.

— Если ты их не видишь, это еще ничего не означает. Некоторые зараженные до того хитренькие, что ты их заметишь, только когда в пасти окажешься. Элиту не просто так некоторые на «вы» называют, хочешь не хочешь, а ее принято уважать.

— Неплохое озеро, но нет островов.

— А зачем тебе остров?

— Как это зачем? Разве не помнишь, что говорила?

— Я много чего говорила.

— Можно на нем устроиться и пересидеть хотя бы денек. Живчика пока хватает, и есть пара пайков, так что не пропадем.

Няша, покрутив головой, указала вперед и чуть вправо:

— Гребь туда, к той дамбе.

— Похоже, это не просто дамба, а плотина. Река через нее вытекает, не представляю, как мы там с лодкой проскочим.

— А мы и не станем проскакивать, лодку придется бросить.

— Опять на своем горбу тебя тащить? — с напускной печалью вздохнул Рокки и добавил: — А что, если попробовать ее перетянуть на другую сторону?

— Она здоровенная, даже я не справлюсь, а ты слабее меня.

— С чего это вдруг я слабее?

— Рокки, да забудь уже, что ты накачанный и высокий парень, а я сорокакилограммовая мелочь с внешностью наивной школьницы. Это другой мир, здесь другие законы, здесь то, что ты видишь, иногда ничего не значит. У тебя сила прокачана до трех, даже с учетом твоих изначальных данных тебе до меня далековато.

— В каком смысле «с учетом моих изначальных данных»?

— А в прямом. Мы ведь не куклы какие-нибудь, мы реальные люди, у каждого из нас есть свои достоинства и недостатки. Если попал сюда тяжелоатлетом, каждая единичка силы будет давать тебе столько же, сколько мне дают четыре единички, если не больше. И так со всеми характеристиками — они связаны с тем, что у нас есть с самого начала. Исключения из этого правила очень редки. Вот у тебя, читера, огромный

бонус к меткости, который ты получил случайно. Поэтому даже те, кто раньше были выдающимися спортсменами-стрелками, с тобой и рядом не стоят, потому что твоя прибавка круче, чем у них.

— А если я здесь накачаю мышцы, толку от них будет в несколько раз больше, чем в нормальном мире? И прибавка больше?

— Ну да, при условии, что ты будешь качать еще и силу. А в этом деле штанга и гири не помогут — я говорю о характеристике.

— Это понятно. По-моему, качать ее можно запросто. Я быстро качал, когда валил мелких мертвяков, которые не давали мне по железной дороге пройти.

— Чем ты их убивал?

— Чем-то вроде железной палки.

— Ты делал это вручную против неповоротливых противников, почти вся нагрузка при этом шла на физическую силу, вот и получал к ней очки. Система может и на что-то другое их направлять, но, как правило, старается привязывать призы к чему-то, что сыграло определенную роль в бою. Вот только очков за мелочь дают очень мало, силу так можно качать лишь на низких уровнях. Если уровень характеристики выше уровня противника, Система начинает налагать штрафы. Чем больше разрыв, тем они выше, в итоге наступает момент, когда за победу получаешь всего лишь единичку. Меньше давать нельзя — правило такое. Чтобы прокачать силу с четырнадцати до пятнадцати, тебе придется своей трубой убить сто пятьдесят мелких зараженных, а с девятнадцати до двадцати — их понадобится уже двести. На самом деле это идеальные показатели, а идеал, как известно, недостижим. Система будет иногда давать единичку на ловкость и прочее, вот и представь, сколько придется трубой размахивать. Я уже не говорю о том, что мелкие мертвяки сотнями не бегают и в очередь к тебе выстраиваться не станут.

— Да уж, придется поработать.

— Хорошую прибавку можно получать с зараженных высокого уровня, но там ты трубой ничего не добьешься, там понадобится серьезное оружие, а оно нечасто требует силу, с ним меткость и прочее работают. Смотри, мертвяки совсем отстали. Так и плыви, плотина интересная, вон в том домике можно посмотреть.

— Что посмотреть?

— Ну, если там все хорошо, остановиться попробуем.

— Это не домик, это что-то техническое. Насосная, зал с генераторами или каким-то другим оборудованием.

— Вон на углу окна застекленные, значит, там изоляция от улицы есть.

Почти жилой дом, и расположен удобно, ведь добраться до него можно только по плотине или вдоль берега. Плотина метров двести и хорошо просматривается, берег голый, незаметно к нам никто не подойдет. На этом берегу пастбищ нет, деревню я тоже не вижу. Удобное место, если нужно немного отлежаться.

— Мы не так уж далеко ушли, ты уверена, что Ромео до нас не доберется?

— С этим уродом никогда и ни в чем нельзя быть уверенным — очень уж хитрый и настырный. Непредсказуемый, гад. Но мне очень нужно полежать. Хотя бы денек, а лучше полтора. Тогда потихонечку ковылять смогу, а это многое изменит. В хорошую сторону изменит.

Рокки указал влево:

— Вон посмотри. Там, вдали, что-то просматривается. По-моему, это высоты.

— Ага, высокие дома.

— Это город.

— Ну да, точно не деревня.

— Ты говорила, что в городах всегда опасно.

— До него километров десять.

— По-моему, меньше.

— Да какая разница, вряд ли он здесь первый день, значит, зараженные насчет его уже не очень волнуются. Самый первый день самый рискованный, когда они со всех сторон к перезагрузке сбегаются. Можно на такую стаю нарваться, что в танке не спасешься. Рокки, я не вижу тут лучшего убежища, а искать его дальше, таская меня на шее, это рисковать нарваться на новые проблемы. Мало тебе приключений, что ли? Вот все время споришь и споришь, а нужно просто меня слушать.

— Я не спорил, я просто сказал, что в городах опасно.

— А я будто не знаю об этом, так, по-твоему, получается?! До города далеко, а это нормальное убежище, оно нас может на время выручить. Так что гребь уже вперед, не нужно так на меня коситься. Потерпи хотя бы пару дней.

— Почему именно пару?

— Потому что дальше ты пойдешь сам по себе, уже без меня.

— Это как понимать?

— А так, что мы с тобой расстанемся. Я это с самого начала говорила, разве забыл?

— Пошутить захотелось, что ли? Сама по себе ты разве что поползти сможешь.

— Сейчас да, а через пару дней все изменится, ведь я живучая и быстро прихожу в себя после любых ран. За себя не переживай, помогу тебе добраться до стаба, как обещала. Но на этом все.

— А может, не все?

— Ты на что намекаешь?

— Я могу тебе пригодиться. Мы вроде как неплохо сработались и спокойно уживаемся.

— Это ненадолго.

— Почему ты так решила?

— Я, может, и похожа на наивную девочку, но кое-что в этой жизни понимаю. Не нужно на меня так смотреть, прямо сейчас начинай выбрасывать из головы глупые мысли. Не будет у нас никакой романтики, а будет расставание через два дня, заруби это себе на носу. И возьми чуть левее, впереди какие-то коряги из воды торчат, надо их обойти.

Глава 25

Жизнь пятая. Втрескавшийся идиот

Рокки замер перед чуть приоткрытой железной дверью, украшенной табличкой «Щитовая» и изображением черепа, чьи глазницы пронзает стилизованный разряд молнии. С другой стороны ни звука не доносилось, но руки сами по себе сжали винтовку покрепче — насторожил запах. Даже не запах, а так себе — запахок, но спутать его ни с чем другим невозможно.

Смрад разложения.

Пусть зараженных и называют мертвяками, но это столь же ошибочное определение, как и зомби. Твари, происходящие из бездушных цифр, не гниют. Разве что локально, в случаях серьезных ранений, когда часть тела отрезается от кровотока, но это ненадолго, потому как регенерация даже у начинающих монстров на высочайшем уровне, при наличии пищи все залечивается с дивной быстротой.

Так что, если учуял дурной запах, не следует грешить на урчащих созданий. Но и расслабляться тоже не стоит, потому как для них это не отвратительная вонь, а один из самых притягательных ароматов. Монстры ведь не очень-то привередливы к еде, жрут без разбора, в том числе и падаль.

Значит, есть нехороший шанс, что где-то за этой дверью скрывается один или несколько зараженных. Вот потому Рокки и не торопился ее открывать. Вдруг одна из тварей притаилась сейчас по другую сторону, также прислушивается и готовится встретить любого входящего ударом лапы, когти которой способны разорвать на две половинки дубовую шестидесятимиллиметровую доску. Если так оно и есть, лучше чуть помедлить, мертвяки обычно нетерпеливы, пусть первым полезет или хотя бы проявит себя.

Выждав минуты три и не услышав за это время ничего нового, кроме жужжания пронесшейся мимо жирной мухи, Рокки не выдержал, кончиком винтовочного ствола надавил на дверную створку, но она даже не шелохнулась. Просунул оружие чуть дальше, решив использовать его в качестве рычага, но одумался, вдруг сломает или согнет. Крепкая штукавина, но это все же не лом, для такого не предназначена.

В любом случае нашуметь здесь уже успел, раз мертвяки себя не

проявляют, скорее всего, опасение с ними повстречаться не имеет под собой почвы.

Ухватившись за дверь, потянул на себя. Та стронулась неохотно и с таким скрежетом, что, должно быть, в самом укромном уголке скрытого от солнечного света сооружения было слышно. Рокки так и не смог выяснить, каково предназначение всех этих тянущихся в железобетонном теле плотины помещений, увенчанных невысокой башенкой, чем-то напоминающей диспетчерскую вышку аэропорта, да и не сильно рвался выяснять. Зачем ему это надо? Ясно одно — Няша была права, здесь и правда есть где устроить временное логово.

За дверью тянулся узкий коридор с голыми стенами, на которых проступали пятна сырости, всюду окучиваемые плесенью. Посветив фонарем вдаль, Рокки разглядел метров через десять похожую дверь, с виду закрытую. Дойдя до нее, постучал по металлу костяшками пальцев, прислушался. Вроде с другой стороны никто не отреагировал, значит, можно попытаться пробраться дальше.

Створка подчинилась куда охотнее, чем предыдущая, но радости в этом было мало, потому как, чем дальше она распахивалась, тем сильнее начинало смердеть.

Замерев на пороге большого помещения, размеры которого не позволяли осветить его целиком, Рокки чуть не выругался. Омерзительное зловоние достигло здесь столь ядреной концентрации, что хоть бери да на хлеб вместо масла намазывай. Удивляясь тому, что до сих пор не согнулся в приступе тошноты, повел фонарем в сторону и тут же дернулся, наводя винтовку на проявившийся во мраке силуэт.

Спасибо, что выстрелить не успел. Тот, кого он принял за скрывавшегося в темноте злодея, давно уже никому не опасен по веской причине — он мертв, причем давненько. Даже не понять, мужчина это или женщина: оранжевый комбинезон скрывает фигуру, на голове каска белого цвета, на ногах кроссовки с толстой подошвой, рост небольшой. Лицо подпорчено разложением до такой степени, что на человеческое не походило, вокруг шеи, сильно стиснутой веревочной петлей, жужжат мухи.

Другой конец веревки уходит далеко вверх, к решетке вентиляции. Даже не понять, каким образом этот низкорослый суицидник сумел ее там закрепить, прежде чем затянул петлю. Ну да, в вопросе убийства люди на редкость изобретательны даже в тех случаях, когда собираются лишать жизни сами себя.

Стоп, что за мысли такие странные? Это ведь не человек, это всего лишь цифра. Вот зачем иммунному вешаться?

Хотя...

А зачем вешаться цифрам? Ведь Система забрасывает их сюда с конкретными целями: некоторое время создавать иллюзию нормальной жизни в свежих кластерах, затем начинать паниковать и превращаться в психов, далее преобразаться в начинающих зараженных.

А потом жрать, жрать и жрать, становясь опаснейшими чудовищами, в которых не остается ничего человеческого.

На столе, неподалеку от тела, Рокки заметил раскрытую тетрадь, каждый лист которой был расчерчен таблицей. Приблизился, подсветил, сперва пробежался по названиям граф, убедился, что это какой-то журнал для технического персонала. Затем бегло прошелся по записям, остановившись на последней: «Пришлось закрыть Баранова в старой бытовке. Толстяк сошел с ума, как и Гольцов перед ним. Еле с ним справился, слишком здоровый. Он успел цапнуть меня зубами, значит, скоро я стану таким же, как они. Но нет, не стану, есть способ. Галя, если прочитаешь это, прости. Лучше так, чем такое. И я оставил открытым аварийный шлюз, здесь все будет нормально. Прощайте все. Павел».

Интересные дела. Цифра решил, что станет зомби, потому как его покусали, написал достаточно внятную предсмертную записку и забрался в петлю головой. Не знай Рокки, что эти люди ненастоящие, в жизни бы в такое не поверил.

Очень даже реалистичное поведение.

Идеальная имитация.

Убедившись, что дальше прохода нет, вернулся в коридор, прикрыл за собой одну дверь, затем вторую. Не помогло — смрад продолжал преследовать, он будто въелся в одежду, в кожу и внутрь носа, казалось, что избавиться от него невозможно.

Поспешно вернулся по уже знакомой дороге, добравшись до последней лестницы, погасил фонарь. Сверху пробивался солнечный свет, для глаз, успевших привыкнуть к мраку, даже его крох вполне достаточно.

Няша обнаружилась там же, где Рокки ее оставил, — на верхнем этаже башни. Здесь размещалось что-то вроде скудно меблированного офиса, по всем его стенам тянулись широченные окна, прикрытые стеклопакетами, часть из которых девушка успела распахнуть. Ей даже не пришлось ковылять, она обзавелась специфическим средством передвижения — забралась в кресло на колесиках и раскатывала на нем, отталкиваясь от пола рукоятью метлы.

Узрев это, Рокки, ухмыльнувшись, не удержался от ехидного вопроса:

— А полетать на ней слабо?

— Полетами я занимаюсь только по ночам, — без заминки ответила Няша и задала свой вопрос: — Нашел что-нибудь?

— Живых никого, но внизу какой-то тип повесился. Вроде как цифра, один из тех, кто здесь работал. Станный какой-то.

— И в чем его странность?

— Вел себя как реальный человек, думал, что его цапнул зомбак и он от укуса тоже обратится. Написал записку и залез головой в петлю. Попортился сильно, наверное, не один месяц там болтается, все завонял, дышать невозможно.

— Цифры разные бывают, — отстраненно произнесла Няша, таращась в сторону ближайшего берега, который начинался метрах в тридцати. — Некоторых непросто от нас отличить, у них как бы улучшенная программа. В одном из регионов, где я побывала, их называли альфами. Среди таких даже иммунные попадают.

— Это как? Цифры, которые не заражаются?

— Ага. Живут среди наших там, где их признают за своих. Где не признают, там сами по себе живут, у них даже стабы свои бывают и торговлю между собой и с нашими ведут.

— Интересные дела...

— Ага, тут много интересного. Что еще видел?

— Этот тип в записке написал, что запер одного заразившегося в старой бытовке. Только я ее не нашел, тут целый лабиринт, а фонарь еле дышит, вот-вот батарея хана наступит.

— Не нужно никого искать, запертый зараженный живет недолго, без еды быстро силы теряет и умирает. В каком состоянии тело?

— Да говорю же, протухло, его черви жрут, лужа натекла, там воняет, как в скотомогильнике.

— Я не о том. Кроме червей к телу кто-то притрагивался? Оно целое? Не объединенное?

— Нет, даже одежда не рваная.

— Прекрасно.

— У тебя нереально странные представления о прекрасном...

— Прекрасно потому, что тухлятину зараженные чуют издалека. Раз они не добрались до нее, значит, это место у них популярностью не пользуется.

— Ну так зачем им лезть на какую-то плотину, если неподалеку вон сколько добычи. — Рокки указал на вздымающиеся вдали многоэтажные дома.

— Логику зараженных иногда невозможно понять, — заметила на это

Няша и радостно добавила: — Тут у них и чай, и кофе, и сладости разные. Даже коньяка бутылку нашла в столе, сойдет для живчика.

— Жаль, я ведь подумал, что ты новоселье отпраздновать решила.

— Не пью и тебе не дам.

— Тогда я тебя огорчу — примуса у нас нет, значит, чай и кофе отменяются.

— Тут есть микроволновка и электрический чайник.

— И какой от них толк без электричества?

— Рокки, это ведь пусть и небольшая, но электростанция. Можно ее попробовать включить. Я видела стаб, к которому от такой после перезагрузок провода присоединяют, и до следующей перезагрузки можно не возиться с дизельными генераторами.

— Я что, похож на человека, который умеет запускать электростанции?

— Откуда я знаю, что у тебя в голове? Может, и умеешь, попробуй вспомнить.

— Да не помню я ничего. И про электростанции тоже ничего не помню.

— Ну, блин...

— Вот только не надо мне заявлять, что каждый мужик обязан такое уметь.

— Я что, дура, такое говорить? Не умеешь, ну и ладно, я тоже не умею, ничего плохого в этом нет. Перебьемся как-нибудь без чая.

— А еще какая-нибудь посуда здесь есть?

— Не видела.

— Поищи, а я на стоянку схожу, фуру проверю и остальные машины.

— Зачем? Там же никого нет, мы мимо проходили.

— А я не людей ищу и не зараженных. Хочу побаловать тебя горячим кофе, ты ведь не возражаешь?

— Рокки, не веди себя как дитя глупое. Блин, честное слово, я даже не намекала, что каждый, у кого в паспорте стоит мужской пол, обязан уметь запускать электростанции и космические корабли. Такие специалисты и правда редкость, не надо мне ничего доказывать, успокойся.

— А я и не доказываю. В машинах можно поискать еду, нам она не помешает, пайков только два, надолго не хватит, так что транспорт в любом случае придется осмотреть.

— Нам надолго и не нужно. Хотя ты прав, сходи, не помешает.

Рокки насчет поисков еды высказался исключительно ради оправдания

вылазки к автостоянке. Ему там требовалось лишь одно — слить немного дизельного топлива из бака фуры.

Зачем?

А затем, что он, похоже, тот еще идиот — захотел произвести впечатление на девушку, которая, если вспомнить его строгие вкусовые пристрастия, вообще не должна его интересовать. В таком случае зачем перед ней хвост распускать?

Да затем, что довольно уже себя обманывать, ведь он о спутнице думает почти все время в перерывах между чьими-либо попытками его прикончить. Это и правда идиотизм, ведь, как показывает случай у песчаного холма, внимание рассеивается, когда уходишь в мир романтических грез, вот и сумели мертвяки подобраться настолько близко посреди прекрасно просматривающегося леса.

Да, может, со вкусами он и определился, однако, как показывает практика, столь необычные девушки запросто находят бреши в крепостной стене, сложенной из личных предпочтений. А это чревато, ведь Няша неглупа, наблюдательна и уже успела недвусмысленно намекнуть, что интерес со стороны Рокки ей неприятен настолько, что она решила ускорить расставание, несмотря на сложность ситуации.

А если спутница хотя бы заподозрит, что новичок на нее запал до печального бардака в мыслях, это будет катастрофа. Нет, ноги ломать вряд ли станет, а вот послать очень далеко и немедленно — запросто.

И вот зачем, спрашивается, суетиться ради кружки чая? Получается, только затем, что Няша обожает этот напиток, что не раз доказывала словом и делом. Сейчас она легко поймет, что Рокки простейшим способом пытается выставить себя перед ней в выгодном свете, показать парнем, который с неба звезду достать готов, и в отношениях может наступить тот еще кризис.

Хотя какие тут, к черту, могут быть отношения? О чем вообще речь? На руках носит, ага, как конь наездника, только вот близости даже в этом не просматривается. К тому же, если рассуждать здраво, ему следует держаться от проблемной девчонки как можно дальше, так что намеки о близком расставании — только в радость. Няша — источник неприятностей, иммунная с мутноватым прошлым, в котором умудрилась заработать отрицательную человечность (что крайне подозрительно). А еще за ней охотится крайне неприятный тип, который может счесть Рокки своим злейшим врагом хотя бы за одно подозрение в том, что он слишком много времени провел наедине с объектом его нездоровой страсти.

Причем речь идет только о том, что Рокки более-менее знает о Няше, а

ведь это, возможно, лишь вершина айсберга.

Но вот ведь странные дела — только о ней и хочется думать. А еще неотрывно таращиться на дурацкую, чуть ли не детскую мордашку, где ни одной притягательной черты в упор не просматривается.

Вот как же мило соединены воедино все эти несуразности. Будто скульптор-неформал всю жизнь потратил на то, чтобы, отойдя абсолютно от всех канонов, создать нечто настолько оригинально-преlestное, что глаза отвести невозможно.

Да при чем тут вообще внешность? Рокки начинал подозревать, что, окажись эта девушка столь же страшна, какой показалась при первой встрече, он бы и в таком случае не смог остаться равнодушным.

Она — нечто.

Вот и приходится, сливая солярку, параллельно думать о том, как бы повернуть дело так, чтобы остаться вместе с Няшей, а не шагать в одиночку к какому-то стабу, куда она даже проводить его не сможет из опасения нажать на свою голову новые неприятности.

Пока что Рокки ей нужен. Очень нужен. Он — ее ноги. К тому моменту, когда она сочтет себя готовой для самостоятельной жизни, надо всеми возможными способами ей доказать, что спутник и дальше сможет приносить пользу.

А потому думай, парень, как при помощи дизельного топлива и различных железяк, которых полным-полно на электростанции, вскипятить воду и не выдать себя при этом на всю округу столбом дыма и ярким пламенем.

Рокки с задачей получения кипятка справился. Нанюхался солярной копоти, но своего добился.

Настоящий мужик — сказал и сделал.

Вот только Няша его великое свершение не оценила, ее, пожалуй, и запущенной электростанцией не пронять (даже атомной). Восседа на своем «самоходном стуле», она неотрывно смотрела в распахнутое окно, в одной руке держа исходящую паром кружку, другой поглаживая ложе винтовки.

Рокки, взгромоздившись с ногами на офисный стол, уставился туда же, неспешно отхлебнул из своей кружки и поинтересовался:

— И что такого интересного в этой стороне?

Девушка ответила после безобразно затянувшейся паузы:

— Мертвяки.

— Где?! — моментально подобрался Рокки.

— Те, которые шли за нами. Если они догадаются идти дальше вдоль

берега, смогут выйти к плотине.

— Если не маячить возле открытых окон, они нас не заметят.

— Ты плохо их знаешь.

— Я развел масло в солярке и возле входа разбрызгал, это должно заглушить наш запах.

— Зараженных может привлечь любой запах, если он им покажется неестественным.

Поколебавшись не больше секунды, Рокки поставил кружку на стол, выпрямился, потянулся с показной ленью и невозмутимо заявил:

— Пойду гляну. Если они и правда бродят по берегу, разберусь или уведу в другую сторону.

Няша, обернувшись, уставилась неодобрительно-удивленно и спросила:

— Ты что несешь?

Рокки, направившись к ведущей вниз лестнице, на ходу тем же голосом ответил:

— Пока ничего, но, может быть, принесу маленько споранов. Нам пригодятся.

— Эй! — послышалось в спину. — Куда пошел?! Жить надоело?! Да стой ты! Придурок, назад! Да что с тобой такое?!

— Ничего особенного, просто привыкаю к самостоятельной жизни.

— О чем ты вообще?!

— Ты сегодня ведь сказала, что дальше мы сами по себе.

— А ну стоять! Стоять, тебе сказано! Блин!

Рокки даже ухом не повел. Умом понимал, что поступает не очень-то правильно, но ум сейчас скатился на второстепенную роль, телом управляло нечто непонятное, понукаемое непреодолимым желанием что-то доказать одному-единственному человеку.

Ну а что можно взять с того, кто лишен памяти и чей рассудок, по словам одной особы, пока что пребывает в заторможенном состоянии — это неприятное явление в той или иной степени наблюдается почти у всех новичков.

Хотя Рокки сильно подозревал, что, прокачавшись он до десятого или даже двадцатого уровня, ничего не изменится или изменится незначительно.

Думать сейчас не нужно, нужно просто делать.

К тому же в том, что он сейчас делает, имеется и разумное зерно — мертвяки ни при каких обстоятельствах не должны приближаться к плотине. Это место минимум на пару дней должно стать безопасным

убежищем.

Няша потеряла возможность костерить в спину, но чат от нее торопливо мигал, показывая, что в нем появились новые сообщения. Читать их Рокки не стал, потому как и без этого прекрасно знал, что там написано. На лестнице подобрал сумку с различными железяками, найденными в машинах и при осмотре закоулков электростанции. Тут тебе и удобные ломы, и топоры, и молотки, и массивный нож-самоделка, найденный на полке с инструментами. Перекинул лямку через плечо и продолжил спуск.

Уже приближаясь к укрытому в тростнике заливчику, в котором оставил лодку, Рокки, не удержавшись, вытащил один из топоров и, даже не попытавшись целиться, швырнул его в росшую на берегу молодую иву. Совершив несколько оборотов, «метательный снаряд» с приглушенным стуком на совесть засел лезвием в стволе.

Рокки многообещающе улыбнулся — у его таланта проявилась новая грань. О ней он впервые заподозрил тогда, когда метко бросил бутылку в сарай, где скрывался монстр, но окончательно убедился лишь сегодня, когда отправился за солярой на автостоянку. Найдя при обыске фуры нож с наборной рукоятью, по наитию метнул его в дощатый борт древнего грузовичка и, к своему удивлению, угодил точнехонько туда, куда целился.

Получается, улучшенная меткость распространяется не только на огнестрельное оружие, с холодным она тоже прекрасно работает. Конечно, такая способность не выручит против серьезных противников, зато мелких мертвяков можно снимать — по-тихому, не подпуская на рискованную дистанцию и не выдавая себя грохотом выстрелов.

Возможно, сейчас это пригодится.

Взявшись за весла, Рокки отвел лодку метров на сорок, после чего направил ее параллельно берегу. Двигаться приходилось спиной вперед, что неудобно, постоянно приходилось вертеться в попытках не пропустить ничего интересного.

Первые минут пятнадцать было скучновато. Берег голый и выглядит уныло — рыжеватая глинистая полоска жалкого подобия пляжа, за ней чахлая трава, кое-где возвышаются жиденькие кустики. Ни одного деревца, никаких построек, лишь в нескольких сотнях метров в линию выстроились высоченные металлические опоры линии электропередач, соединенные паутинками проводов.

Несмотря на открытую местность, мертвяков Рокки ухитрился прозевать — в очередной раз обернувшись, увидел, что урчащие товарищи уже неподалеку. Четверо, страшными не выглядят, но и на совсем уж

начинающих не похожи: лица стали теми еще мордами, часть одежды растерялась, оставшаяся запачкалась до омерзительного состояния. Успели разглядеть добычу первыми и мчатся с таким видом, будто всерьез собрались достать ее в воде.

На миг возникла мысль увести их за собой в другую сторону, а затем уйти подальше от берега, убедиться, что они потеряли интерес к лодке, и аккуратно вернуться. Ведь первоначально Рокки с Няшей направились к плотине слишком быстро, не подумав, что зараженным скучно оставаться в одиночестве, могут двинуться туда же, запомнив направление, в котором преследовали потенциальную пищу.

Но нет, мысль как пришла, так и ушла. Не за тем он сюда стремился, чтобы хороводы из мертвяков устраивать. Приподняв одно весло над водой, заработал вторым, разворачивая лодку носом к берегу. До него всего ничего, Рокки окажется там раньше, чем до этого места домчатся твари.

Так и получилось. Причалив, выбросил на берег громыхнувшую железом сумку, спрыгнул следом, ухитрившись при этом почти не замочить ноги, присев над поклажей, торопливо вытащил пару ломиков, вонзил их в глину, затем достал топоры, тоже пару, по одному в каждую руку. Выпрямился, принял устойчивую стойку, замахнулся и замер, дожидаясь, когда самый прыткий зараженный окажется на минимальной дистанции. Опыт пальбы из пистолета научил, что у каждого оружия есть некие пределы, за ними умение, усовершенствованное Системой, работает скверно. Насколько это касается холодного оружия — неизвестно, так что лучше не рисковать.

Мертвяки далеко не самые страшные, от четвертого до пятого уровня, но их все же четверо, дури в каждом побольше, чем в нормальном человеке, поэтому устраивать рукопашную — крайне нежелательный вариант.

Топор Рокки метнул, когда до переднего оставалось не больше семи метров. Лезвие вонзилось в морду твари с сочным хрустом, зараженный перекатился через голову и разлегся на сырой глине, слегка подергивая ногами. Со вторым получилось похоже, разве что оружие вошло в его плоть заметно наискосок, а не ровно. Видимо, сказалось то, что его метнули левой рукой.

А вот с третьим фокус не удался — выдернув ломик, Рокки в азарте бросил его слишком рано, и тот, вместо того чтобы пробить острым концом череп, впился в правую сторону груди. Зараженный дернулся, но не остановился — продолжил бег.

Ухватив второй ломик, не стал добивать раненого, логично заключив,

что врукопашную с покалеченным справиться полегче, чем с последним, не получившим ни царапины и добравшимся до нужной дистанции. Этот получил свое сполна и завалился, после чего Рокки пришлось резво прыгать в сторону и, совершив перекат через плечо, прыжками мчаться в воду. Соблазн выхватить пистолет отверг — изначально не планировал шуметь, нельзя привлекать внимание к этому району громкими звуками.

Расчетливо пробежав мимо лодки, Рокки успел выхватить весло из уключины, а затем без замаха и разворота ткнуть рукоятью в мертвяка, который уже в затылок дышал. Прыти у того при этом не поубавилось, но заурчал очень недовольно.

Дистанцию удалось разорвать чуть дальше, когда вода поднялась выше пояса. Неизвестно, почему она не по душе зараженным, но факт налицо — скорость у преследователя заметно снизилась.

Развернувшись, Рокки с добротного замаха врезал твари по голове. При этом хрустнуло, но, увы, не кости черепа — пластиковая лопасть, надетая на алюминиевую трубу, треснула, ее оконечность выгнулась под значительным углом. От удара мертвяк пошатнулся, потерял равновесие, рухнул в воду всем телом, замолотив руками в неловких попытках побыстрее подняться.

А Рокки безо всяких изысков начал лупить его, размахивая немудреным оружием сверху вниз, будто средневековый крестьянин, обмолачивающий ржаные снопы тяжелым цепом. Отогнувшийся кусок лопасти отвалился, обломанные края рвали плоть зараженного, окрашивая воду кровью. Мертвяк не успевал толком заурчать, как очередной удар загонял его голову в глубину. И так повторялось раз за разом.

Доломав пластиковую часть весла до совсем уж печального состояния, Рокки наконец уgomонил последнего противника. Тяжело дыша, огляделся, убедился, что новые зомби на выручку не торопятся — берег чист. Довольно ослабил, ухватил поверженную тварь за ногу, потащил к тройке его собратьев, уже успевших затихнуть.

Теперь пора браться за недолгое и неприятное дело, для чего понадобится нож и пакет под трофеи, предусмотрительно прихваченный из все той же фуры.

Выпотрошив этих неудачников, Рокки поплывет дальше. Глядишь, еще кого-нибудь повстречает и тоже упокоит. Этот берег нужно тщательно очистить от мертвяков, которые увязались за лодкой. Никто не должен слоняться в опасной близости от плотины.

Ну а нарвется на крутых тварей, поводит их вокруг озера, а там где-нибудь бросит.

Глава 26

Жизнь пятая. Ночь на плотине

Няша так и сидела возле того же окна в своем черном кресле, поглаживая ложе винтовки, которую держала на поручнях. Рокки, небрежно бросив на подоконник пакет, набитый паутиной и виноградинами споранов, без эмоций поинтересовался:

— Чай поставить?

Девушка ничего не ответила. Вообще никак не отреагировала, будто не слышала. Лишь раскрытые глаза и осмысленное выражение лица показывали, что она не спит и не умерла.

Да уж, похоже, имеет место нешуточная размолвка.

Но Рокки по этому поводу не унывал, он помнил, что настроение у спутницы колеблется, будто флюгер на переменчивом ветру, и, как правило, плохое надолго не задерживается (правда, и хорошее тоже).

И вообще, она отходчивая, а он ничего ужасного не совершил. Даже больше — занимался полезными для пары делами, отваживая мертвяков от окрестностей дамбы (и заодно добывая спораны). Ну а что до замотанного бинтами предплечья, так кто же знал, что даже пробитая ломом голова не во всех случаях становится причиной мгновенной смерти.

Надо признать, мертвяки — те еще мастера преподносить сюрпризы.

Неприятные.

Ну да ладно, пускай и с потерями, но Рокки вышел из последней схватки победителем. Поверженная тварь, кстати, была покруче всех прочих и споранами порадовала — две штуки в мешке оказалось, в то время как остальные мертвяки были либо пустыми, либо одарили не более чем одним трофеем.

Занимаясь подогревом воды и нюхая соляровую копоть, Рокки самым невозмутимо-беззаботным голосом рассказывал Няше о перипетиях трех стычек с мелкими группами шаставших по берегу зараженных. Не забывал хвастать своими достижениями в искусстве метания смертоубийственных предметов и сетовал на то, что опыта (как и знаний) маловато, из-за чего и позволил себя цапнуть.

Девушка как молчала, так и продолжала молчать, вывести ее из этого состояния не получалось, зато отчетливо ощущалось, как сгущаются тучи психологического напряжения.

Няша недовольна.

Няша крайне недовольна.

Да она чуть ли не в ярости.

Поведав со всеми подробностями о своих приключениях, Рокки, дабы не молчать тягостно в унисон со спутницей, предпринял попытку выдать анализ своей недавней деятельности, заодно пожаловавшись на отсутствие кое-чего, что могло бы облегчить такого рода мероприятие.

— Хорошо бы где-нибудь достать быстродействующий яд. Смазать им лезвия ножей и тупо их метать, даже необязательно в голову. Чтобы пара секунд на все про все, и если не труп, то извивается на земле и больше не пристаёт. Но где же такой найдешь...

— Такого добра повсюду полно, — без тени эмоций, без намека на жизнь в голосе неожиданно произнесла Няша.

Сильно обрадовавшись тому, что все же добился от девушки хоть какого-то ответа, Рокки, скрывая довольные нотки, пытавшиеся прорваться в словах, попробовал уточнить:

— Где это повсюду? Я никакого яда нигде не видел.

— Видел, — тем же тоном заявила девушка. — Ты не раз его видел, просто ты совсем слепой, ты же самые очевидные вещи не замечаешь.

— Хотя бы подсказку дай.

— Хлопья.

— Хлопья? Ты о чем?

— О том, что остается от споранов, горошин и звезд. Нерастворимый осадок.

— Каша на бинтах?

— Да.

— Я помню, ты говорила, что это яд. И как? Серьезный?

— Если примешь хотя бы щепотку, рискуешь улететь на респ. Не больше часа проживешь, и такая жизнь тебе точно не понравится. А при попадании в кровь даже дозы в несколько миллиграмм хватит, чтобы вызвать чуть ли не мгновенный паралич всех мышц. И сердце тоже будет парализовано. И легкие. Если рядом окажется хороший знахарь или хотя бы врач с аппаратурой для реанимации, у тебя будет шанс не умереть, хотя надежды на спасение мало. Во всех остальных случаях ты и десяти минут не продержишься.

— А на зараженных действует?

— Да, но не так. Быстро убивает только мелких, крутые твари просто начинают двигаться медленнее, при большой дозе их парализует частично или полностью, но выживают.

— Тоже неплохо. Нам надо этой гадостью пули обмазывать.

— Плохая идея.

— А что с ней не так?

— Хлопья не выдерживают даже слабого нагрева, яд термически нестойкий, разрушается. А еще он очень нестабильный сам по себе. В холодном спиртовом растворе его можно хранить несколько недель, но на воздухе уже через два дня может полностью выдохнуться. Вот кому захочется постоянно обновлять оружие, возясь с веществом, которое может тебя убить, если попадет в свежую царапину.

— Да, это сильно усложняет дело. Хотя... У тех уродов, на которых мы навалились у реки, был арбалет. Наконечники можно покрывать хлопьями и хранить в банке со спиртом, они ведь в нем не растворяются. Если понадобятся, быстро достал, прикрутил к болтам, и готово.

— В спирту яд отойдет от металла, не удержится, заново покрывать придется. Рокки, сколько раз я тебя предупреждала, чтобы ты не глупил и не лез никуда без спроса?

Изменение направления разговора с толку не сбило, потому как этого он ожидал. Ответил почти без паузы на раздумывание:

— Много. Но тут не глупость, тут...

— А помнишь самое начало? — перебила Няша. — Начало нашего знакомства? Я тебя предупреждала, чтобы ты на меня не западал. И не забывала об этом напоминать, так что не делай вид, что это вылетело у тебя из головы. А знаешь, что такое «не западать»? Это значит не пялиться на меня телячьим взглядом, не лезть с тупыми вопросами и не пытаться произвести на меня впечатление глупыми способами. Да и умными тоже. Ты, Рокки, не стал меня слушать. Это плохо. Это очень плохо. Это вообще никуда не годится.

— Тебе никогда не говорили, что ты сильно серьезно относишься к простым вещам?

— Мне много чего говорили. Разного. Это не важно. Для меня не важно. Никаких двух дней теперь не будет, ты уйдешь завтра. Уйдешь один. И даже не пытайся оттянуть этот момент, если хочешь расстаться по-хорошему.

— Няш, ладно, пусть я сглупил, но ты-то хоть постарайся подумать.

Девушка, никак не реагируя на слова Рокки, продолжила в том же духе:

— Я объясню тебе, как найти стаб. Ты решил действовать сам, это хорошо, это самостоятельность. Теперь ты сам по себе, а я сама по себе. Рано или поздно это должно было случиться, я с самого начала это

говорила, подготавливала тебя, как могла. Ты сам сделал все возможное, чтобы это произошло побыстрее, вот и получил. На этом у меня все. А теперь оставь меня хотя бы ненадолго. Мне нужно побыть одной. Не надо ничего говорить, просто уйди.

— И надолго мне уходить? — самым мрачным голосом уточнил Рокки.

— Хотя бы на пару часов.

Рокки перестал шоркать напильником, отложил инструмент в сторону, покрутил перед лицом обрезок тонкой арматуры, один конец которого был наточен, а другой утяжелен импровизированной рукоятью, виток к витку накрученной из алюминиевой проволоки. Потрогав острие пальцем, счел, что доработка не требуется — дело завершено.

Хотя с последним не каждый согласится. На прутке не полностью снята ржавчина, заточка грубая, ни о какой полировке или хотя бы намеке на нее нет и речи. Вот только это даже в плюс, потому как на гладком металле хлопьям будет труднее удержаться даже при слабой нагрузке.

А нагрузки на незатейливое оружие прогнозируются серьезные.

Чтобышний раз это продемонстрировать самому себе, Рокки, не поднимаясь с шаткого стула и почти не замахиаваясь, взмахнул рукой, запустив арматуру в блок пенопласта, прислоненный к стене левее двери. Попал точно в центр, как и все предшествующие разы. Удобно, когда мишень рядышком и не шевелится, но и против движущейся цели меткость должна работать, благо большие дистанции в таких случаях противопоказаны — попросту не добросишь.

Отгоняя назойливые мысли, отправил в тот же блок остальные наскоро сделанные пики. Тоже без промаха, но радости от успеха не ощутил. Настроение совсем ни к черту, и напрягает понимание, что оружие слишком хилое, разве что против самых мелких зараженных эффективно. Няша рассказывала, что крутым тварям даже удар ножом в глаз не страшен — самая крепкая сталь не пробивает защитную оболочку, там только пуля на что-то способна, причем далеко не всякая.

Опять Няша... Чем бы он ни занимался, вечно она всплывает. Ничего удивительного, ведь эта девушка — учитель, открывший перед Рокки дверь в новый мир, и самая близкая здешняя знакомая. Так кого же, как не ее, прикажете вспоминать?

Нет, не нужно обманывать себя, надо честно признать, что дело совершенно в другом. Ему в Няше не учитель нужен, а спутница. Настоящая спутница, а не просто девушка, вместе с которой куда-то идет. Уже не первый день рядом с ней, навоображал себе невесту что, начал

глупить, как втрескавшийся школьник, а в итоге получил пинок под зад.

Предсказуемый пинок.

Но какая может быть предсказуемость, если башка отказывается рассуждать здраво?

Да уж, Няша права, он определенно думает не головой.

Что значит — завтра уходить? Даже если отбросить лирику, все крайне хреново, потому как девчонку сейчас не оставишь — несмотря на все ее заверения, раздробленная голень в порядок не пришла, ей еще восстанавливаться и восстанавливаться.

Вот на это он и будет давить при разговоре, к которому вернется, выждав отведенный срок. Ни о каких романтических чувствах даже не заикнется, тем более что сам в них не до конца уверен (да и спутница к такому диалогу определенно не готова).

Да, ему чертовски нравится эта нестандартная, не вписывающаяся в рамки его вкусов девушка, и градус симпатии растет с каждой минутой. Он уже до такой степени поднялся, что Рокки даже обижаться на спутницу перестал, слово «придурок» воспринимает чуть ли не как ласкательное.

Если где-то в весьма запутанном меню запрятана шкала обожания под названием «Рокки втрескивается в Няшу», она вскоре заполнится до максимума.

Но пока максимума не наблюдается. Рокки не настолько туп, он понимает, что это не тот случай, когда можно рассчитывать на мимолетную интрижку. Перед ним крайне неординарная девушка, с ней если и крутить шашни, только всерьез.

А он не уверен, что ему сейчас это нужно, зато с унынием приходится признавать, что Няше это не нужно совершенно.

Увы, но она слегка тронутая на почве отношений между мужчиной и женщиной и к тому же закоренелая одиночка, ей такая жизнь по душе, это она умеет. И Рокки не знает о спутнице ничего, кроме того, что она сама соизволила поведать, а это определенно не все. Есть подозрение, что за ней по пятам следует стая упитанных тараканов из тех, которые не поместились в девичьей голове, и, возможно, для припрятанных скелетов пришлось прикупить дополнительный шкаф.

Но, если и так, ее это совершенно не портит.

В высшей степени самодостаточный человек, ухитряющийся держаться отстраненно даже с тем, кто тащит ее на своем горбу уже не первый день.

Рокки и хочется стать ей ближе, и колется.

Да и как к такой приблизиться? Круговая оборона, сплошные шипы и

мины на подступах.

Может, она и права, что пора расставаться, ведь еще пара дней, и он скорее пустит себе пулю в башку, чем оставит Няшу одну.

А может, и пары часов хватит.

Поднимаясь наверх, Рокки старался топать как можно громче, предупреждая о своем приближении, а на верхних ступеньках сообщил:

— Два часа прошло, ты не сильно против, если я чай заварю?

— Ну попробуй.

За время его отсутствия Няша, похоже, даже с места не сдвинулась. Так и сидела перед тем же окном, положив руки на винтовку и уставившись в сгущающиеся сумерки. Возможно, приняла эту позу, заслышав, что Рокки возвращается, но хотелось верить в другое.

В то, что на душе у нее тоже не все ладно, что сильно жалеет о сказанном и, возможно, не против забыть неприятные для обоих слова.

Спешить затевать непростой разговор Рокки не стал, вместо этого быстро вскипятил воду, благо уже чуток приловчился к примитивному «нагревательному оборудованию». Лишь поставив кружку на подоконник перед девушкой и усевшись за все тот же стол, без нажима, как можно спокойнее произнес:

— Можешь меня убить, но одну я тебя не оставляю.

— Твое мнение здесь вообще никому не интересно, — равнодушно ответила девушка, протягивая руку к испускающей пар кружке.

Рокки отважился на новую попытку:

— Ты ходить без меня не сможешь.

— Это мои проблемы, и скоро я с ними справлюсь.

— Вот когда разберешься, тогда и вернемся к теме расставания.

— Нет, Рокки, не вернемся, уже завтра тебя здесь не будет. И лучше приготовь свои вещи прямо сейчас, потому что уйдешь ты утром.

— Ты ведешь себя по-дурацки.

— Это лишь твое мнение, а я тебе уже говорила, что оно здесь никому не интересно. И да, я никогда не говорила, что я самая умная. Я тоже человек и тоже могу ошибаться.

— Ага, — согласился Рокки. — В моем случае ты стопроцентно ошибаешься.

— Если это и ошибка, то не такая уж и страшная. Пустой разговор, сейчас другое важнее.

— И что же?

— А то, что я до сих пор не знаю, где мы находимся, но примерно

подозреваю. Сейчас объясню тебе, как выйти к ориентирам, где и на что смотреть, где опасно, а где не очень. Если не ошиблась с определением местности, шансы дойти до стаба у тебя приличные. Ну а если нет... Все, что тебе грозит, — еще раз улетишь на респ. С теми знаниями, которые ты от меня получил, тебе теперь проще будет выживать.

— За учебу, конечно, спасибо большое, но ты не права. Очень не права. Да, возможно, я сглупил с этой охотой на мертвяков, ты тут старшая, ты такие вопросы решаешь, но понимаешь...

— Рокки, дело тут вовсе не в мертвяках. Хватит уже мусолить эту тему, давай просто помолчим. Я больше ничего не хочу слушать. Вообще ничего. Допьем чай, посмотрим на ночь за окном, я расскажу тебе, как добираться до стаба, ты выступишься и утром пойдешь своей дорогой. И на этом все.

— Объясни... — почти сдался Рокки, цепляясь уже сам не понимая за что.

— Ну что тебе еще непонятно?! — чуть повысила голос Няша.

— Зачем так делать? Ни тебе, ни мне это не нужно.

— Тебе нужно, даже не сомневайся.

— Но я все же сомневаюсь.

— Чем дольше ты остаешься рядом со мной, тем тупее становится твой взгляд. Я знаю, что я далеко не первая красавица, но во мне есть что-то такое, что многих притягивает. Сильно притягивает, заставляет их терять головы. Ты, Рокки, почти перестал думать. Думать о важных вещах. А это очень плохо, это вообще никуда не годится, с таким настроением здесь долго не живут.

— Ну улечу на респ еще раз, не вижу в этом ничего страшного.

— Ты не один, нас здесь двое, и мы зависим друг от дружки. Твоя глупая ошибка может убить нас обоих. Ты в этом не видишь ничего страшного, а мне вот страшно, я ведь здесь далеко не новенькая. А что касается объяснений... Был один человек... до тебя был. Не так уж и давно. Такой же, как ты, новичок. Получше тебя, только стрелять вообще не умел. Я его учила всему. Привязался он ко мне, ну а я тоже почему-то расклеилась, как дура последняя, не стала его отправлять в стаб. Все одна да одна, иногда хоть вой, хоть кого-то рядышком увидеть хочется, слово сказать. А он очень спокойный, милый такой мальчик, симпатичный, не нахальный, чуть старше меня. Вел себя как настоящий рыцарь, вокруг меня тропы натаптывал, охранял от всего, что движется. Когда чуть не замерзли, все с себя пытался стащить, чтобы согреть меня.

Рокки, внимательно слушая девушку, чуть не откусил край

поднесенной ко рту чашки, в нервном спазме свело челюсти. Это как прикажете понимать?! Девчонка, которая представлялась эталоном чистоты, вдруг рассказывает о каком-то молокососе, который согревал ее прохладными ночами?!

Нет, похоже, шкала тяги к спутнице уже переполнена, иначе чем объяснить вспышку столь чудовищной и, надо признать, не вполне обоснованной ревности. Вот какое ему дело, что и с кем у нее было до него? Но нет же, почему-то на стену лезть готов.

Определенно переполнена.

— Однажды я отправила его в стаб, чтобы он купил там бронебойные патроны к винтовке. Сама не пошла, мне опасно, ты ведь знаешь почему. Он тоже это знал. Вернулся с патронами, и мы пошли дальше. Но что-то меня грызло, какое-то предчувствие нехорошее, интуиция покоя не давала. Когда этот милый мальчик выстрелил мне в ногу, я была почти готова к такому и даже почти увернулась. Жаль, что почти, пришлось потратить одну жизнь. Мне, Рокки, пришлось пустить пулю себе в голову. Не первый раз это делала, все отработано. Вот сюда стреляю, точно в переносицу, после такого лицо очень плохо выглядит. Всегда в одну точку стараюсь это делать, чтобы мертвая казалась им страшнее. Сам понимаешь, ради Ромео стараюсь, может, от такого зрелища у этой твари хоть немножко настроение испортится.

— Парнишка решил тебя сдать?

— Ага. Наверное, договорился с кем-то в стабе. Ну или его заставили договориться. Ничего мне не сказал даже в чат, а перед выстрелом вышел из отряда. Пока ты в одной группе с целью, наносить ей вред очень сложно. Можно исхитриться, слегка обмануть Систему, но новичкам такое вряд ли светит.

— Вот ведь пес неблагодарный...

— Не обижай собак, Рокки. Он... он не раз говорил, что жизнь за меня отдаст. Все свои жизни. Очень красиво говорить умел. Не так, как ты, совсем не так. Как-то завораживающе... И сам красивый был, милый такой, вообще на тебя не похож. Лицо у него честное очень, открытое, а у тебя оно угрюмое, такому не хочется доверять. Вот ему хотелось довериться. Очень хотелось. А получилось...

— Может, я мордой и не вышел, но я не такой, как эта гниль. Странно, что ты до сих пор это не поняла.

— Ты себя еще не знаешь, у тебя даже памяти нет, зато я точно знаю, что у тебя шансов гораздо меньше, чем у него. Ты понимаешь, о каких шансах речь.

— Ну да, понимаю. Милый рыцарь, симпатичный и все такое, располагающий к себе, куда мне, придурку с кривой харей, против такого. Тут без шансов...

— Рокки, тут тебе не театр, не надо устраивать трагедию, тут дело не в том, что ты не в моем вкусе, тут дело во мне, в том, что у меня в голове, только и всего. У меня бы и с ним вряд ли что-то получилось, а уж с тобой... Извини, но насильно мил не будешь.

— Ты, кстати, тоже не в моем вкусе. Вообще не в моем. Но знаешь, я готов с этим смириться.

— Время, как я вижу, прекрасно лечит твои вкусы.

— Твои тоже вылечит.

— Не в этом случае. Утром мы попросаемся, не забывай. И дай уже чай допить спокойно, ты ужасно болтливый.

Мрачно таращась в мрак за окном и добивая до конца свою чашку, Рокки раздумывал, какой бы еще аргумент привести Няше, но все больше и больше убеждался в тщетности любых усилий. Эта несносная упрямая девчонка приняла решение и отступить от него не намерена.

А еще она прямо заявила, что любит милых мальчиков, способных легко сдать ее за тридцать сребреников, а так как грубоватый Рокки к таким не относится, шансов у него нет вообще.

Лишь ради того, чтобы убрать полог тягостного молчания, чуть сменил тему:

— Ты сказала, что тебе страшно на респ летать, потому что ты не новичок. Я этот момент не понял. О чем шла речь?

— Сколько у тебя жизней осталось?.. — неожиданно помертвевшим голосом, не оборачиваясь, спросила Няша.

— Девяносто с лишним, ты сама знаешь.

— А у меня меньше десяти. Когда потеряю последнюю, я перестану появляться... я просто исчезну. Никто не знает, что происходит дальше. Я думаю, что дальше не будет ничего. Почти все так думают. Эта смерть, Рокки, — настоящая смерть. И мне недолго осталось...

Вы исключены из отряда.

Рокки, прочитав красную надпись, неожиданно возникшую в поле зрения, удивленно покосился на Няшу. Та, поднимаясь со своего кресла и облачаясь на смехотворное подобие костылей, наскоро сбитых и связанных из палок, стараясь скрывать проскакивающие в равнодушном голосе печальные нотки, пояснила:

— Все, Рокки, теперь ты сам по себе, а я сама по себе. Даже если сейчас тут будет атомный взрыв, мы, скорее всего, окажемся на разных респях.

— Предусмотрительная, — невесело усмехнулся тот. — Помочь спуститься? Я тебя мигом донесу, мы, придурки, грубую работу делаем качественно.

— Спасибо, Рокки, но я сама. Раз уж остаюсь одна, нужно привыкать обходиться без тебя.

Показалось или девушка пытается растянуть момент прощания, еле еле ковыляя на кривых палках? Вот зачем она вообще вызвалась проводить его до выхода? Сам бы его прекрасно нашел, чай, не впервой.

Да ну, размечтался. Не нужно ей это затягивать, из пустой вежливости пошла или бзик какой-нибудь, разве ее поймешь — совсем странная.

Рокки повесил винтовку на плечо и, стараясь удерживать на лице каменное выражение, нагнулся за рюкзаком, приставленным к столу.

А распрямляться уже не стал, наоборот — завалился на пол ничком, вжимаясь в него брюхом.

Ну а кто не завалится, если ближайшее стекло ни с того ни с сего звонко лопается, а над головой у тебя пролетает что-то жужжащее, увесистое и, скорее всего, не полезное для здоровья.

Лежа на полу, Рокки приподнял голову и убедился, что по поводу последнего пункта не ошибся — в стене возле стола приблизительно на высоте человеческого роста обнаружилось отверстие, подозрительно напоминающее пулевое. А ведь раньше его не было, порядок в помещении царил идеальный.

— Няша! На пол! — шикнул он, только потом осознав, что зря надрывал голосовые связки.

Девушка не ворон за окном считала, она завалилась на пол чуть ли не раньше Рокки, отбросив в разные стороны костыли.

Ну да, ловкости ей не занимать (как и реакции).

Собираясь высказаться уже чуть предметнее, Рокки осекся, потому как снаружи донесся приглушенный расстоянием, но узнаваемый голос:

— Эй! Там! В башне! Утро доброе! Ну как вам там?! Сильно за нами соскучились?!

Рокки, скривившись, злобно выдавил:

— Это Глобус.

— И он здесь не один, — убитым голосом добавила Няша.

Глава 27

Жизнь пятая. Все плохо

Рокки, приподнявшись, на миг бросил взгляд в окно, после чего стремительно пригнулся, но это не спасло от осколков стекла, звонко брызнувших фонтаном и запутавшихся в нечесанных волосах. Пуля, полетев дальше, шумно ударила в стену, следом донеслось еще два аналогичных звука, но на этот раз под ухом, будто лупили кувалдой рядом с Рокки, со стороны улицы. Догадываясь, о чем все это говорит, он перекатился с боку на бок и завалил стол перед собой, после чего нервно выдал:

— Няша, спрячься за что-нибудь! Стреляют, черти!

Девушка ответила с поразительным, откровенно ненормальным спокойствием:

— Не волнуйся, по мне они стрелять не станут, а вот ты лучше не высовывайся. И учти, что это бесшумное оружие с дозвуковыми патронами, пробиваемость у него обычно снижена, а стены здесь приличные, хорошо держат, так что защитят. Уж не сомневайся, если возьмутся за приличные винтовки и пулеметы, стол тебе не поможет, так что просто не поднимай голову.

Смекнув, что к чему, Рокки все же решил озвучить очевидный вывод:

— Получатся, ты им нужна живой, а на меня этим уродам вообще наплевать?

— Вот зачем спрашиваешь, если сам все понимаешь?..

— Как они нас нашли?

— Да какая теперь разница...

— Думаешь, их много?

— А сам подумать не можешь?

— Няш, если от двери быстро рвануть влево, там будет спуск вниз, к плотине, внутрь нее. Оттуда можно выбраться наружу, только надо веревку найти, а то спускаться придется по голому бетону, там высоко, воды внизу маловато, разобьемся. Веревка есть, целая бухта, рядом с тем жмуром, о котором я говорил. Он от нее кусок отрезал, чтобы повеситься.

— Рокки, Глобус просто так желать доброго утра не станет. Все очень серьезно, нас не выпустят, даже не мечтай.

Упомянутый громила будто подслушивал, вновь подал голос:

— Няшенька, ты, я вижу, все-таки сумела выкрутиться из непростой

ситуации на личном фронте? Близким другом обзавелась? Ну и как тебе твой новый знакомый? Этот наивный юноша хотя бы изменил свое забавное мнение, которое высказывал по поводу твоих внешних данных?

Девушка, собирая разбросанные костыли, невозмутимо выкрикнула в ответ:

— Ага, изменил. Нравлюсь я ему. Но говорит, что ты нравишься больше.

— Ах ты, вредина, как же я тебя люблю! Ну что, допрыгалась?! Давай хотя бы на этот раз по-хорошему попробуем, нет сил уже с тобой возиться! Вот почему бы не пойти навстречу?! Не надоело бегать?! Сама прекрасно знаешь, что все равно выйдет по-нашему, никто еще отвертеться не сумел! Вот зачем кочевряжишься?! Первый раз такую упертую вижу, так бы и отшлепал!

— А отстать от меня — не вариант?!

— Я, Няшенька, человек простой и если за что-то взялся, то делаю, как полагается делать! Попросили с тобой вопрос решить, вот я и решаю! Ромео уже в пяти минутах, как подъедет, совсем другой разговор начнется! Давай вопрос сейчас, по-тихому, между собой решим! Мне это в плюс перед Ромео зачтется, глядишь, подвернется еще возможность тебя за такое одолжение отблагодарить! Ты ведь знаешь, как тесен этот мир, а я добро никогда не забываю!

— Ага, тесен, от уродов в этом мире не протолкнуться!

— Да ты у нас единственная, кому не нравится моя утонченная красота! — весело ответил на это Глобус, после чего снаружи заржали в несколько глоток, и походило это на выступление бездарного клоуна перед сборищем совсем уж печальных дегенератов, не видевших в жизни ничего смешнее метания торта в лицо.

Няша, повернувшись к Рокки, но при этом не глядя на него, тихо произнесла:

— Ты можешь попробовать выскочить. Мало ли, новичкам везет, вдруг и тебе повезет. А там не ищи веревку, никто не даст это сделать, прыгай сразу, уползай оттуда на переломанных ногах, уплывай как-нибудь. Шансов почти нет, ну а вдруг...

— Вместе прорываться будем, — твердо заявил Рокки.

— Никаких вместе не будет, ходок из меня никакой, так что забудь, сам давай.

— Есть та дрянь в шприце, ты говорила, что, если вмазаться, можно и без ног бегать.

— Ага, не совсем без ног и недолго, но можно.

— Ты уколешься, и мы выскочим. Я первым пойду, попробую на себя их отвлечь.

— Еще один так называемый рыцарь на мою голову...

— Я не такой, как он, я сделаю все, что смогу. Попробую сделать.

— Ну конечно, сделает он... Рокки, мы вроде бы договорились расстаться по-нормальному, и мне кажется, твое время вышло. Уходи, им нужна только я, за тобой они бегать не станут. В худшем случае быстро умрешь, жизнью у тебя еще много — не так уж и страшно.

— А ты? Будешь отстреливаться до последнего патрона, который побережешь для себя?

— Нет, Рокки, сейчас не тот случай, чтобы до последнего отстреливаться. Это Континент, и это очень серьезные люди, у них есть свои хитрости. Глобус сглумил, он почему-то подумал, что я их заметила, вот и показал себя раньше времени. Это ошибка, глупо ее не использовать. Я дам тебе возможность отбежать подальше, если, конечно, удастся выскочить, и потом со всеми попрощаюсь. Иначе получится как в прошлый раз, прижмут опять, не дадут ничего сделать, у них это хорошо отработано.

— А как они тебя тогда прижали?

— Для этого разные умения есть, они нашли человека, который им в этом помогает. Меня тогда парализовали. Издали, я даже понять ничего не успела. Не навсегда, на время. Всего несколько секунд, но этого хватило. После такого в себя приходишь уже без оружия, руки связаны, ноги тоже, ты ни на что не способна, а вокруг скалятся эти уроды... весело им... тварям. Если все делать правильно, можно любого так подловить. Ну то есть почти любого. Меня — запросто, я слабачка, ничего особенного во мне нет, таким, как они, — не противник. Эти сволочи умеют получать свое, нельзя им давать шанс.

— Да уж... неплохой повод для того, чтобы снести себе башку, не затягивая с этим делом.

— Ага, что-то мне не очень хочется здороваться с Ромео.

— Вообще-то, если подумать, это твой шанс...

— Ты о чем вообще?

— О том, что ты нужна ему живой и твоя жизнь — товар. Можно попробовать договориться.

— Я тебя не понимаю.

— А что тут понимать? Ты дашь Ромео то, чего он добивается, без шуток вроде пули себе в голову, но в обмен потребуешь оставить тебя в покое. Дальше живете мирно, друг друга не трогаете. Чем тебе не вариант? С ним реально о таком договориться?

— Ты это серьезно сказал? — с нотками брезгливости уточнила Няша.

— А что тебе опять не так?

— Мне показалось, что у тебя возникли определенные чувства, поэтому как-то странновато слышать совет предложить мое, блин, чистое и невинное тело какому-то озабоченному на всю голову извращенцу.

— Ты вроде как высказалась определенно, что ни твоя душа, ни это самое тело мне ни с какой стороны не светят, так что чувство собственника у меня умерло, даже не родившись, — невесело усмехнулся Рокки и спросил: — Бесшумно они работают для того, чтобы мертвяки не набежали?

— Ага. Город неподалеку, а любой город — опасное место. Здесь на что угодно можно нарваться, даже на элиту, а уж на рубера — вообще запросто.

— У нас есть граната и маленько патронов. Может, пошумим?

— Жизнь им осложнить хочешь?

— А ты разве против?

— Шутишь, что ли? Да я просто обожаю делать гадости.

Девушка опустила предохранитель винтовки, а Рокки при этом сказал:

— Не надо.

— Что не надо? — не поняла Няша. — Ты ведь сам предложил.

— Но зачем пули в небо выпускать? Судя по голосам, Глобус засел где-то за стоянкой, метров за сто, если не меньше. Ты не забыла, как я стреляю?

— Нет, но я тебе скажу, что с дырой в голове стрельбой заниматься будет непросто.

— Стены держат, а мне всего на секунду надо выглядывать, подловить не успеют. Держи на прицеле лестницу, а я попробую добраться до Глобуса или его шестерок.

— На всякий случай прощай, Рокки. Что-то мне не верится, что ты с такими выдумками долго проживешь.

— А я прощаться не буду, уходить не собираюсь.

Держа винтовку в расслабленно опущенных руках, Рокки на корточках подобрался к окну, резко приподнялся, бросил быстрый взгляд на стоянку и присел за миг до того, как пуля пробила стекло. Прикинув время, затраченное на маневр, и оценив расположение замеченных целей, зловеще ухмыльнулся. Похоже, козырной стрелок у них всего лишь один, это можно понять по тому, что он единственный залег на подступах к асфальтовому пятачку, расположив перед собой рюкзак, используя его в качестве упора под винтовку. Еще четверо кто сидели, кто стояли безо всякой системы, и Глобуса, увы, среди них не наблюдалось. Возможно, затихарился за одной

из машин, если так, достать его вряд ли получится.

Некритично, ведь и без Глобуса есть кем заняться.

Присев под стеной, Рокки выждал несколько секунд, морально готовясь, затем вскочил, одновременно разворачиваясь и выставляя ствол в разбитое пулями стекло, поймал взглядом лежащего на том же месте стрелка, потянул за спусковой крючок и подогнул ноги почти одновременно с жестким толчком отдачи.

Еще не присев до конца, понял, что подаренное Системой снайперское умение не подвело — он попал, несмотря на всю сложность выстрела. Ну да, понять это нетрудно, ведь впервые в ответ на появление головы в оконном проеме не прилетела пуля, а то и несколько.

А еще уши, даже оглушенные сильнейшим звуком, различили короткий, греющий душу вскрик.

— Готов, снайпер хренов, — удовлетворенно осклабился Рокки и, передернув затвор, поднялся парой метров левее, напротив соседнего окна, в точности повторив уже сделанное.

На этот раз целью выбрал автоматчика, присевшего на колени справа от кабины фуры. Его поза намекала о готовности открыть пальбу — таких деловых полагается валить в первую очередь.

Без последствий не обошлось — в ответ ударили сразу из нескольких стволов, причем о бесшумности уже не могло быть и речи, грохотало о-го-го, даже здесь, метрах в ста от стрелков и под частичной защитой стен с окнами, по ушам било хорошо, потому как в общем хоре выделялись отрывистые очереди из чего-то весьма и весьма солидного, вряд ли ручного. При этом внутрь залетали порции особо серьезных пуль, проделывавших громадные отверстия, их ничто не могло остановить.

Но вот что интересно — невидимый стрелок бил слишком высоко, и при этом его оружие дырявило стены, как бумагу. Что мешает перевести прицел пониже и зачистить этаж?

Да все то же.

— Няш, у них, по-моему, непростой пулемет нарисовался.

— Ага.

— Они по тебе боятся попасть. Берегут. Вон потише стрелять начали, сейчас еще одного сниму, чтобы не расслаблялись.

— Не лезь, они там наготове, сейчас все сюда целятся. Посмотри лучше в то окно, которое на реку выглядывает. Что там?

Рокки переполз к противоположной стене, резко поднялся, прикрываясь рамой от возможных наблюдателей, простоял секунду, затем присел и напряженным голосом доложил:

— На дамбе чисто, но парочка между нами и стоянкой маячит. Щит пожарный помнишь? Вот они возле него пристроились, на углу. Выход караулят, гады.

— Они одни или там еще кто-то есть?

— Других пока не видел. Скорее всего, есть, там ведь полно мест, чтобы скрыться с глаз, а долго все рассматривать я не могу, завалят наглухо. Уже девятых насчитал, из которых двоих привалил или зацепил, но, думаю, их побольше, ведь Глобуса не видел, а он, сволочь, где-то глотку рвет.

— Можно сделать так, чтобы они не подходили, чтобы подальше от нас держались. Выгадаем немного. Не знаю, зачем это надо, но выгадаем.

— Дай маленько времени, успокоятся, я опять о себе напомним.

— Нет, Рокки, не надо ничего ждать. Помоги мне.

— Ты что делаешь?! — опешил он, увидев, что Няша, выпрямившись во весь рост, ковыляет на фоне стены, значительная часть площади которой была представлена тянущимися сплошной полосой окнами. — Ложись бегом, ненормальная! Подстрелят ведь!

— Да уймись ты уже, ушами послушай, они, наоборот, стрелять перестали, я им убитая не нужна.

Няша сказала правду — пальба стихла, будто ее отключили одним нажатием на фантастическую кнопку, блокирующую процесс сгорания пороха в патронах по всей округе. Нетрудно додуматься до истинной подоплеку произошедшего — люди Глобуса внимательно следили за окнами, благо стекол в них почти не осталось, и появление девушки не пропустили. Надо отдать должное их выдержке — не палили во все, что попадалось на глаза, спусковые крючки жали лишь после идентификации цели.

Девушка нужна им живой, хотя, надо признать, их предшествующие действия могли запросто привести к обратному результату. Пуля имеет свойство непредсказуемо менять траекторию полета после соударения с твердым препятствием, бедолаг, пострадавших от рикошетов, не счесть, и ничего не стоит пополнить их ряды при таких обстоятельствах.

Получается, наповал валить не желают, однако своими действиями все же допускают немалый риск. Недисциплинированность? Глупость?

Возможно.

Няша, подойдя к окну, в которое перед этим выглядывал Рокки, попросила:

— Присядь сзади и поддержи меня. Крепко поддержи. Блин! За что ты хватаешься, придурок?! За талию держи, пока руки тебе не переломала!

Откровенно говоря, Рокки в этот момент даже не думал ни о чем скабрёжном, но оправдываться перед девушкой не стал — она не оценит, да и момент не тот. Молчаливо подчинился ее указаниям, а Няша, прислонив один костыль к стене и бесстрашно красуясь в оконном проеме, потянула кольцо, размахнулась, бросила гранату куда-то наружу и опять вызверилась:

— Куда ты меня тащишь?! Неприятностей хочешь?!

Помешкав с ответом из-за грохнувшего взрыва, почти спокойно ответил:

— Хватит уже, они могут и пальнуть после такого.

— Ну и пусть, так и так конец.

— Мы еще живы. Побарахтаемся.

— Перестань меня хватать! Убью!

— Ты совсем уже тронулась, что ли?! — не выдержал Рокки. — Я, конечно, все понимаю, но ты хотя бы попробуй подумать: вот на кой мне сейчас сдались твои плоские прелести? Совсем озабоченная стала, о другом даже думать не можешь?

— Это я озабоченная?!

— Ну а кто же еще? Уж точно не я. Хуже последней идиотки себя ведешь, честное слово. Скажи лучше, что ты там видела, пока стояла?

— Что-что... Их там человек десять только с этой стороны. И еще есть пикап с пулеметом, он стоит на пригорке за стоянкой.

— Я его не видел.

— Ботинки с глаз снимай, когда куда-нибудь смотришь. Там кусты, он в них стоит, и раскраска у него хитрая, придурки такую в упор не замечают.

— Наверное, это из него стреляли, — предположил Рокки, указывая на стену, в нескольких местах пробитую пулями крупного калибра.

— Ну надо же, он догадался, я потрясена.

— Няш, перестань уже, я тебе не враг.

Сказав это, Рокки поднялся, вскидывая винтовку, на миг решил было, что зря полез на рожон, ведь люди Глобуса, прежде маячившие вокруг автостоянки и на ней, куда-то запропастились. Но затем, вспомнив о словах девушки, перевел взгляд выше, разглядел пикап, и правда сливавшийся с ландшафтом, выстрелил, представляя, как пуля пронзает грудную клетку стоявшего во весь рост пулеметчика.

Попал или нет — не увидел. Присев, предусмотрительно отодвинулся метра на два. Стрелять в ответ на очередную выходку не стали, но кто знает, что у этих ублюдков на уме.

— Я вроде еще одного достал — пулеметчика на пикапе. А остальные

куда-то пропали. Попрятались, скоты.

— Может, отошли в кусты, — с безразличием предположила Няша, как-то нехорошо уставившись на винтовку, которую баюкала на коленях.

— Брось, — напрягся Рокки. — Говорю же, мы живы, мы еще побарахтаемся.

Снаружи донесся приглушенный увеличившимся расстоянием, но все еще хорошо различимый насмешливый рев Глобуса:

— Эй, голубки, тут к нам Ромео подъезжает! Няшка, милая, готовься встречать своего ненаглядного! Это не шутка, давай-давай, прихорашивайся в темпе!

— Похоже, барахтаться мы больше не будем, — как-то очень уж спокойно, едва слышно, ответила на это девушка. — Рокки, вот почему ты до сих пор здесь?

— А где мне еще быть?! — опешил тот.

— Тебе было сказано уходить.

— Ничего подобного.

— Нет, я тебе еще вчера это сказала. Вечером. Забыл?

— Может, ты не заметила, но с того момента кое-что изменилось.

— Но только не мое решение. Все, проваливай давай. Можешь даже винтовку забрать, я сейчас не в том состоянии, чтобы стрелять из этой гаубицы. Не бойся, они тебя, может быть, даже не убьют. — Зримо напрягая голосовой аппарат, Няша прокричала в сторону лишившегося стекол окна: — Эй, Глобус! Это дело мое и Ромео, лишние нам сейчас ни к чему! Я выгоняю этого нулевку, он сейчас выйдет к вам!

— Зачем он нам?! — без интереса уточнил Глобус.

— Если хотите, можете его убить! Делайте с ним все, что хотите, мне он точно не нужен!

Вновь нехорошо уставившись на винтовку, Няша безжизненно-тихим голосом добавила:

— Все, уходи. Максимум, что тебе сейчас грозит, — просто убьют. Это не так уж и страшно, у тебя еще много жизней.

— А у тебя с ними напряг.

— Тебе-то какое до этого дело? Все, Рокки, на этом мы попрощаемся.

— Прими назад в отряд.

— Зачем? — настороженно подобралась девушка.

Чем-то ее эта просьба напрягла.

— Так удобнее, связь будет.

— Не будет никакой связи, иди уже, скройся с глаз моих и забудь, что меня видел.

— Дай мне хотя бы пять минут.

— Не дам.

— Ты не поняла. Я уйду, если ты так хочешь. Но ничего не делай, не торопись себе мозги вышибать. Пять минут потерпи.

— И почему это я должна ждать?

— Потому что мы все еще барахтаемся.

Глава 28

Жизнь пятая. Нарекаю тебя...

Били Рокки недолго и без энтузиазма, будто выполняли работу, за которую премиальные не полагаются и к тому же платят смехотворные копейки, хоть ты из кожи лезь. Даже когда он, безуспешно пытаясь вырваться из захвата пары удерживающих его мордovorотов, сочно плюнул в рожу одного из них смесью слюны с кровью, градус рукоприкладства существенно не возрос.

Сочтя, что свою порцию карательных мер наказуемый получил, истязатели бесцеремонно проволокли его по добротной наезженной грунтовке и небрежно поставили на ноги перед тройкой мужчин. Одного, скалившегося с радостью шакала, наткнувшегося на никем до него не обнаруженную крепко пованивающую слоновью тушу, Рокки уже встречал — старый знакомец Глобус. Двоих остальных до этого видеть не доводилось. Первый — ничем не примечательный, обычный человек из толпы, серый, безликий, увидев такого, забываешь, как он выглядит, едва отведя взгляд. Больше о нем сказать нечего.

Второй — совершенно иной. Нет, про него не скажешь, что он выдающихся кондиций или писанный красавец с обложки глянцевого журнала. Ростом и сложением слегка уступает Рокки, но если последний выглядит массивным, слегка отесанным дикарем, этот похож на утонченного колонизатора, высадившегося на только что открытый тропический остров, который вот-вот станет собственностью его королевы. Эдакий породистый аристократ возрастом от тридцати до сорока, до синевы выбритый, с неестественно-белобрысой короткой прической, холеными тонкими усиками и уверенно-надменным взглядом. Пусть он и пониже, но за счет всего прочего создается впечатление, что смотрит сверху вниз, а не наоборот.

Чересчур староват для шекспировского Ромео и ни капли не похож на похотливого насильника, но Рокки с первого взгляда догадался — перед ним тот самый извращенец, который столь последовательно отравляет Няше существование.

Глобус, радостно оскалившись, произнес:

— Ну что, нулевка, рад встрече?

— Муж твой нулевка, — буркнул Рокки, напрягшись в ожидании

новой порции примитивных воспитательных мероприятий.

Но вместо этого громила искренне хохотнул, после чего серьезным тоном спросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Осмотрели его?

— Да, — ответил один из удерживающих Рокки громил.

— И что он таскал?

— Винтовка финская, путевая, такие везде в цене, пистолет и нож. Ну и патронов маленько.

— Даже так? Щедрая у тебя подруга, при не кислых стволах отпустила. Что там при ней осталось? Чем она сейчас занимается?

— Фильм смотрит. Порнографический.

— Да что ты говоришь? На нее не похоже, — насмешливо подыграл Глобус.

— Все меняется, и вкусы у людей меняются.

— Ну да, есть такое дело. И как фильм? Бабы хоть путевые, есть на что посмотреть или страшнее твоей жизни?

— Да так себе, вообще без баб, сплошная голубизна. Ты в нем, кстати, в главной роли. — Рокки упрямо продолжал нарываться на новые побои, интуиция, будто заразившись острым мазохизмом, настойчиво подсказывала, что это правильная линия.

А интуиции здесь принято доверять.

— Можно я этому клоуну башку оторву? — вновь ни к кому не обращаясь, попросил Глобус, не переставая радостно скалиться.

Белобрысый покачал головой и впервые за все время открыл рот, продолжая непрерывно сверлить Рокки пристальным умным взглядом:

— Нельзя. То есть пока что нельзя. Дальше видно будет.

— Как скажешь, мне не в падлу подождать, — покладисто согласился Глобус.

— Ты, наверное, уже понял, кто я, — продолжил Ромео. — Вот что тебе скажу, Рокки, — ты мне не нужен. Могу отпустить тебя прямо сейчас, а могу отдать этим милейшим ребятам, они любят забавляться с такими, как ты. Давай, сделай выбор, что тебе интереснее: стать полезным или познакомиться поближе с неприятными сторонами натуры этих затейников.

Уставившись в глаза Ромео и сражаясь с давлением во взгляде лощеного подонка, Рокки, чуть помедлив, угрюмо ответил:

— Я за любую движуху, лишь бы она меня грела.

— То есть, насколько я понял, страдать тебе не хочется?

— А разве я похож на того, кому это нравится?

— Некоторые люди мастерски умеют скрывать свои слабости.

Хорошо, мы друг друга поняли, достаточно уже лирики. Скажи мне, Рокки, что планирует Няша? Есть какие-то сюрпризы?

— Она планирует снести себе голову, пока твои быки не прищучили ее каким-нибудь хитрым способом, что уже однажды случилось. Не хочет она живой тебе попадаться.

Улыбнувшись во все тридцать два зуба, Ромео покачал головой:

— Время идет, все меняется, кроме Няши, — она такая же психованная недотрога. Или уже нет? У тебя с ней что-нибудь было? Чем вы с ней занимались? Как ночи проводили?

Рокки тоже покачал головой:

— Со мной она ночами в недотрогу играла. Да и днем тоже.

Безликий, доселе помалкивающий человек кивнул, голосом, таким же непримечательным, как и его внешность, произнес:

— Он сказал правду.

Это что же получается?! При Ромео подвизался один из тех типов, которых Няша называла ментатами? Особым образом одаренные Системой, много чего умеющие иммунные, в том числе способные определить — врет человек или говорит правду.

Похоже на то.

Неприятно, конечно, но не критично, потому как врать Рокки не планировал.

Это сейчас ни к чему и даже во вред.

— Да уж, Няша никогда себе не изменяет. — Голос Ромео был довольным, похоже, у него и правда бзик на почве жажды единоличного обладания строптивой беглянкой, рад тому, что предполагаемый конкурент отсеялся. — И зачем она послала тебя к нам?

— Она меня не посылала, она меня просто выгнала.

— Он сказал правду, — с той же невыразительной интонацией прокомментировал ментат.

— Ты ведь понимал, что здесь тебе не рады, тогда почему пошел?

— Мне нигде не рады, так почему бы не пройти, ведь это недалеко.

— Понимаю, — кивнул Ромео. — Получается, свой берег ты пока что не нашел. Мне тут Глобус про тебя рассказывал, что ты неплохо стреляешь. Говорил, очень даже ловко снял его ребят, а ведь они далеко не нулевки. Случайно получилось?

— Не совсем — я нормально стреляю, Няша хвалила.

— Он говорит правду, — вновь отозвался ментат.

Проигнорировав эти слова, Ромео приказал:

— Организуйте пареньку тир. По-быстрому организуйте. Хочу

посмотреть, на что он способен.

Не прошло и двадцати секунд, как в полста метрах дальше по дороге стояла грязная пластиковая бутылка, а один из мордоворотов протянул Рокки пистолет и недружелюбно-напряженным голосом заявил:

— У тебя только один патрон, чуть дернешь стволом в сторону, я тебе лично руку оторву.

Приняв оружие, Рокки повел взглядом в одну сторону, затем в другую. Слева, на пригорке, замер знакомый пикап с пулеметом. Пулеметчик на месте, не понять, тот же самый или встал за оружие вместо подстреленного. Справа машина посерьезнее — небольшой грузовик с кустарно бронированным открытым кузовом, в котором расположилась спаренная зенитная установка калибром миллиметров двадцать или чуть побольше. Стволы смотрят на край тянущейся дальше вдоль дороги лесополосы — ближайшее укрытие, из которого может выскочить кто-нибудь нехороший. На полпути к зеленке стояло два массивных черных внедорожника, чей внешний вид грубо изуродовали местные умельцы, пытаясь повысить защищенность машин при помощи стальных листов, решеток и заточенной арматуры.

Помимо четырех единиц техники наблюдалось порядка двух десятков мордоворотов. Кто-то расположился подальше, кто-то поближе, оружия у всех хватает, держат его наготове.

И что против такой толпы можно сделать с одним патроном в пистолете? Да Рокки даже навести оружие на цель не позволят, чуть ствол в сторону, и оторвут вместе с рукой, как и было обещано.

Уставившись на бутылку, с такого расстояния казавшуюся крайне мелкой целью, представил, как пуля бьет в ее середину, вскинул руку, потянул за спусковой крючок.

Попал.

— Браво, — послышалось за спиной одновременно с негромкими и редкими хлопками в ладоши.

Возвращая пистолет чуть расслабившемуся амбалу, Рокки обернулся и уверенно-равнодушным голосом знающего себе цену человека произнес:

— Твои люди какие-то слишком уж нервные. Этот пистолет пустой, а все равно волками смотрят.

— Бдят, — снисходительно заявил Ромео и спросил неожиданное: — Что случилось с твоей рукой? Почему она перевязана?

Ухмыльнувшись, Рокки выдал забавный, по его мнению, ответ:

— Ты не поверишь, но меня покусали зомби. Они и правда существуют.

Шутка пленника понравилась Ромео до такой степени, что он даже хохотнул. Да что там говорить, смешки и за спиной слышались. Сдерживаемые, ведь перед серьезным начальством вести себя приходилось тоже серьезно, но, похоже, в систему местного юмора сказанное уложилось чуть ли не идеально.

Все испортил ментат, тем же скучным голосом сообщив:

— Он говорит правду.

— Получается, у нас тут объявился честный человек, — продолжал улыбаться Ромео. — А ведь честные люди на дороге не валяются, они везде в большом дефиците. Скажи, Рокки, как бы ты отнесся к предложению поработать на меня?

— Что делать надо? Сколько платить будешь?

— Во облаглел! — изумился Глобус. — Слышь, ушлепок, да ты ноги целовать должен только за то, что до сих пор живой и с целым очком!

Ромео вскинул руку:

— Сейчас говорят только я и Рокки.

— Извиняюсь, не удержался, — резко стих Глобус, но взоры бросал красноречивые.

А его белобрысый босс вернулся к теме разговора:

— По поводу платы — для начала, как предложил наш общий друг, тебя не убьют и перестанут избивать. Такой аванс устраивает?

— Если это только аванс, почему бы и нет, — осторожно ответил Рокки, всем своим видом показывая, что предложение ему интересно куда больше перспективы немедленного полета на респ или обзаведения отбитыми почками, но и ухитряясь при этом держаться с достоинством.

— Значит, предварительно насчет оплаты мы с тобой договорились. Что касается должностных обязанностей, они бывают самыми разными, но в основном от тебя понадобится только то, что ты умеешь делать, — стрелять. Я так понимаю, с этим ты справишься. Многого от тебя поначалу никто не ждет, уж не взыщи за прямые слова, но ты слишком ничтожен по меркам Континента, тебе еще расти и расти. Однако ты перспективен, а перспективные у нас ценятся, глядишь, и меня когда-нибудь догонишь, а то и перегонишь.

Сидевший в сторонке на корточках щупленький паренек с массивными наушниками, выдававшими в нем радиста, чуть повернул голову и писклявым, почти женским голосом сказал:

— В лесополосе нечисто.

— Что там? — подбравшись, рявкнул Глобус. — Ловец подъезжает?

— О Ловце ничего не говорят, там что-то другое.

— Что?

— Джаба говорит, что не разглядел. Это что-то очень быстрое и большое, это точно не человек, это зараженный. Возможно, не один.

Чуть ли не бегом приблизившись к радисту, Глобус вырвал из его руки гарнитуру с такой силой, что парень едва не плюхнулся носом на накатанный грунт дороги, после чего, зажав тангенту, крайне неприязненным тоном бандит произнес:

— Джаба, что там у тебя за дела?

Радист, похоже, успел переключиться на громкую связь, из компактного рюкзака за его спиной послышался искаженный электроникой взволнованный ответ:

— А хрен его знает, не разглядел. Но это что-то очень быстрое. Охрененно быстрое. Здоровенное, а промчалось так, что ни веточки не потревожил. Это даже не рубер, это что-то покруче. Лучше прямо сейчас отъехать к вам, не знаю точно, что это, но оно нас видело.

— А где Ловец?

— Не знаю, сказал, что подъезжает, и с тех пор тишина. Может, не туда свернул.

— Куда не туда?! Сколько можно его ждать?!

— Глобус, оно нас видело, надо что-то делать.

— У тебя броня, а не коляска инвалида, стой там, где поставили, — тем же всем недовольным тоном ответил Глобус.

— Не надо, — вмешался Ромео. — Что-то здесь не так, Ловец не мог заблудиться. Вы сильно на шумели, на такой концерт кто угодно мог заявиться. Элита разная бывает, а у Джабы всего лишь бронетранспортер, это несерьезно. Пусть возвращается сюда, вместе мы с кем угодно разберемся. Не будем рисковать техникой, хорошую броню в наше время не так просто доставать.

Пока Глобус тем же недовольным голосом дублировал приказ, Ромео вновь обернулся к Рокки, слащаво улыбнулся и спросил:

— Значит, малышка планирует снести себе голову?

Рокки кивнул:

— Да. Она это не говорила, но по ней заметно.

— Ты, возможно, не все обо мне знаешь, но она очень мне нужна. Живой нужна, а не мертвой. Нравится она мне. Очень нравится.

— Я в курсе.

— Даже так. Она тебе обо мне рассказывала?

— Кое-что.

— Наверняка выставила меня в невыгодном свете. Я ведь прав?

— Есть такое.

— Думаю, девочка ни слова неправды обо мне не рассказала, я ведь действительно не слишком приятный человек. — Ромео после этих слов заулыбался за семерых.

— Нормальный босс таким и должен быть, — без эмоций ответил на это Рокки. — Его дело — хорошо платить, а не нравиться всем подряд.

— Хорошо говоришь — правильные слова. А скажи мне вот еще что — ты мог бы помочь мне взять девочку живой?

— И как же я это сделаю? Если пойду к ней, она меня завалит без разговоров.

— Это был теоретический вопрос.

— А это был теоретический ответ.

Глаза Ромео сузились.

— Ты слишком скользкий.

— Может, и так, зато живу ровно. Я как бы уже подписался с тобой работать, так зачем ходить вокруг да около, давай прямо говори, что надо сделать, тогда и...

Договорить Рокки не успел, пришлось замолчать после испуганного возгласа радиста:

— Это элита! Элита!

Со стороны лесополосы оглушительно затарахтел явно немаленький пулемет, при этих звуках все без исключения повернули головы в ту сторону, а оружие на машинах пришло в движение, явно намереваясь уставить туда же.

— Пусть возвращается! — рявкнул Глобус, успевший расстаться с тангентой.

— Джаба, бегом назад! Назад! — с испугом вскричал радист.

Пулемет, работая нескончаемой очередью, внезапно замолк, после чего с той же стороны донесся непонятный звук — похоже, связанный с работой по металлу, но определить, что именно там происходит, Рокки не смог. Очень напоминает шум разрушительной деятельности, вряд ли под столь скрежещущий и трещащий аккомпанемент можно заниматься созиданием.

— Твою мать! Джаба! — заорал Глобус, вновь отобрав тангенту у радиста. — Да что там у тебя такое?! Отвечай, мать твою!

Один из стрелков, засевший чуть в отдалении от пулеметного пикапа, громко выматерился и выпустил короткую очередь в направлении лесополосы. Что он там углядел и углядел ли что-то вообще, Рокки не знал, да и не сильно хотел знать.

Потому что наступил важный момент. Критически важный. Тот самый.

Все, абсолютно все уставились в направлении источника странных звуков, потеряв интерес ко всему прочему.

Рука скользнула по неряшливой плотной повязке, пальцы нырнули под бинт, ухватились за тонкий металл сразу пары арматурных прутков. Рокки для задуманного и одного достаточно, но раз судьба подсовывает два, нужно брать.

Глядишь, и успеет обоим найти применение.

Меткость у него работает с чем угодно, дистанция плевая, даже со столь смехотворным оружием вряд ли промахнется.

Хотя почему смехотворное? Выполнить свою задачу оно способно не хуже пули.

А то и лучше.

Прямо смотреть на Ромео поостерегся. Это будет выглядеть ненормально, ведь все прочие уставились в одном направлении. Просто чуть скосил взгляд и взмахнул рукой, отправив заточенную сталь в стремительный полет. И тут же замахнулся для нового броска, переводя взгляд уже на Глобуса.

А тот, не обращая внимания на происходящее слева от него, продолжая тарашиться туда, куда смотрели остальные, начал вскидывать автомат, одновременно вскрикнув:

— Да твою же мать! Это стая! Ром, глуши их! Глуши!!!

Что он этим хотел сказать, Рокки не знал, но предполагал, что под Ромом подразумевается Ромео. Возможно, у матерого обитателя этого непростого мира припасено какое-то особое умение, способное выручить при нападении группы опасных зараженных. Но в данный момент это не имело ни малейшего значения, потому что босс банды, получив свое, рухнул на колени и уже начал заваливаться на бок, закатывая глаза и вываливая язык из судорожно разверзнутого рта.

Да уж, Няша была права на все сто — яд из хлопьев, остающихся после процеживания, действует с дивной быстротой.

Глобус стоял заметно дальше, но это его не спасло, прутки встрял именно туда, куда Рокки его направил, — в шею.

Прекрасный результат, даже больше того, на какой можно было рассчитывать при самом благоприятном развитии событий. Рокки надеялся при удачном стечении обстоятельств достать одного лишь Ромео, но фортуна смиловилась, подарив еще одного негодяя, пусть и менее опасного, но тоже заслужившего свое.

Если и у этого урода местный лимит воскрешений исчерпан, вообще замечательно — пусть улетает подальше от кластера Няши.

Не глядя на заваливающегося Глобуса, Рокки рванул с места, проскочив под дернувшейся было в его сторону лапшей одного из амбалов, чьей задачей являлся присмотр за пленником. Может, уровнем тот и велик, вот только разинул рот, как простая нулевка, вот и прозевал важное событие.

Прутков у Рокки, увы, не осталось. Ну да, даже два припрятать под повязкой — та еще наглость, а то, что их не обнаружили при обыске, — удача всех удач, и шанс на нее мог существенно снизиться с повышением количества боеприпасов. При нем остались лишь голые руки, именно их он вытянул, прыгая на ментата. Кто знает, может, у того вся сила ушла в мозги и физически из себя ничего не представляет.

Рокки сильно заблуждался — еще как представляет. К сожалению, осознание этого факта пришло в тот момент, когда сдать назад не осталось возможности. Ментат развернулся с проворством вращающегося волчка, после чего его правая рука размазалась в пространстве, подавшись перед этим навстречу летящему телу. Встречный удар вышел столь стремительным, что зрение на пару с сознанием его не восприняли, зато очень даже восприняло тело — перед глазами мгновенно потемнело, в шее что-то нехорошо хрустнуло, позвоночный столб взорвался нестерпимой болью до самого копчика, заставив заорать с надрывом.

Спустя миг или почти вечность Рокки начал приходить в себя, смутно осознавая, что разлегся на пыльной обочине грунтовки, что до сих пор не подох, тело отвратительно слушается выше пояса и совершенно не ощущается ниже. Очень хотелось лечь и не шевелиться, уставившись в небеса, с которых равнодушно светит неправдоподобно-тусклое солнце.

А вокруг тем временем происходило множество интереснейших событий. На спусковые крючки жали, похоже, абсолютно все, слитный грохот стрельбы пробивался даже через чугунные пробки, непонятно каким образом обосновавшиеся в ушах. Ментат, устроивший столь эффектный нокаут, почему-то лежал рядом, причем смотрелся крайне плохо — у него отсутствовала левая рука, какая-то сила выдрала ее вместе с плечом, из чудовищной раны торчали обломки костей и свешивался окровавленный лоскут опавшего легкого. Пикап, стоявший чуть дальше, лишился пулемета, а его кабина выглядела так, будто над ней поработала банда вандалов с кувалдами, начисто разнеся крышу. Рядом с машиной валялась человеческая нога, в паре шагов от нее на скудной траве билась в агонии окровавленная туша зараженного, очень похожего на того серьезного мертвяка, которого в деревне получилось угомонить выстрелом в пасть.

Еще один зараженный, чуть уступающий умирающему, промчался

мимо, на ходу чуть припал к земле, повел левой лапой, легко вспоров Рокки живот, но дальше когти вести не стал, потому как задержался от попаданий пуль и, потеряв интерес к искалеченной добыче, рванул со всей прытью в направлении обидчиков.

Рокки даже не удивлялся тому, что все это происходило даже без намека на боль. Ничего удивительного, удар ментата, похоже, поставил точку в пятой жизни, тело уже мало на что способно, даже самые сильные повреждения не воспринимает.

Неплохо пожил — столь долгой и интересной жизни у него еще не было.

Ну что же, очень даже неплохой финиш, после такого можно улетать на возрождение с чувством выполненного долга.

И со злорадно-удовлетворенными мыслями. Спасибо Ромео — порадовал напоследок. Получив ударную дозу яда от коварного новичка, у которого на первый взгляд и поцарапать такую цель шанса не было, этот матерый иммунный исчерпал свой лимит здешних воскрешений и вскоре придет в себя неизвестно в каком регионе. Не исключено, что во многих тысячах километрах отсюда без малейшей возможности добраться до Няши. Не исключено, что со временем похотливый гад вновь найдет сюда лазейку, но даже в таком случае Рокки заработал для девушки ту еще фору.

Мертвяк, распоровший ему брюхо, немного не добежал до обидчиков, рухнул на выжженную солнечным жаром траву, заливая ее кровью, фонтанирующей из многочисленных ран. Всего-то метров двадцать не дотянул до центра очага сопротивления — грузовика с открытым кузовом, с которого гремел тяжелый пулемет. Стрелок за ним вращал свое оружие с невероятной ловкостью, мастерски успевая встречать набегающих со всех сторон развитых зараженных. Мелких он игнорировал, оставляя их жалкой четверке уцелевших автоматчиков. Те, грамотно расположившись на земле по углам машины, не жалели патронов. Вокруг все было усеяно павшими людьми и тварями, поголовье последних изрядно проредили, теперь Рокки видел, что это действительно стая, а не орда в тысячи и даже десятки тысяч монстров, что, по словам Няши, в далеких от океана регионах почти обычное дело, да и Побережье от такой напасти не застраховано.

Валяясь без сознания после удара ментата, Рокки пропустил основной этап бойни. Но сейчас рассмотрел, что, несмотря на колоссальные потери, люди выигрывают. Особо опасных мертвяков уже не видать, самые страшные из уцелевших пусть и выглядят кошмарно, но запросто валятся после одной-двух коротких очередей из крупнокалиберного пулемета. Остальные пусть и многочисленны, но слишком слабы и медлительны,

похоже, они просто опоздали к разгару битвы и теперь, лишенные массированной поддержки уже упокоенных старших собратьев, только и способны, что густо и бестолково падать от автоматного огня.

Изувеченное тело отказывалось умирать, сознание тоже не отключалось, так что Рокки сумел до конца досмотреть редкое по кровавому накалу представление. Люди и правда сумели отбиться, лишь однажды их судьба повисла на волоске, когда пулемет замолк, а к грузовику рвалась последняя серьезная тварь, все остальные с ней и рядом не стояли. Но один из автоматчиков, перекинув свое оружие за спину, бросился ей навстречу в самоубийственном порыве. За миг до гибели вскинул обе руки, что-то неестественно, мультяшно-цветасто сверкнуло, и монстр с воем прижал лапы к глазам, слепо пробежал несколько метров, врезался в тяжелую машину, заставив ее пошатнуться, а непонятно каким способом ослепивший его человек выхватил пистолет и дважды выстрелил в частично прикрытый костью бугор на затылке.

Что это было?

Что-что — одно из фантастических умений этого ненормального мира.

Для его носителя применение даром не прошло. Видимо, затратил слишком много сил, едва сумел вскинуть автомат перед мелким, но шустрым мертвяком — тому жалкой секунды не хватило, чтобы впиться в добычу зубами. Но на этом все — больше зараженным шанс не выпадал, не прошло и минуты, как их атака захлебнулась по причине отсутствия атакующих.

Бодро начали, плохо закончили.

Но стрельба на этом не затихла. Автоматчики деловито рассыпались по заваленному телами полю боя и принялись добивать искалеченных, но все еще шевелящихся тварей. В ход пошли пистолеты, а иногда хватало холодного оружия — у каждого имелся или меч, или топорик, а у одного странноватое оружие, похожее на изящную кирку. Бить старались по затылкам, если не получалось, просто по головам. Пулеметчик, перезарядившись, прикрывал эту деятельность, продолжая шустро крутить оружие во все стороны.

Пара автоматчиков приблизилась к Рокки на десяток или около того метров. Это позволило ему расслышать их немудреный диалог:

— Болт, давай шевелись, надо еще потроха успеть вырезать, и сваливаем.

— Спокуха, братан, успеем. Швед на пулемете, а с пулеметом Швед — бог. Две такие стаи рядом не слоняются, так что он решит любой вопрос.

— Джаба тоже решать умел, и где теперь Джаба?

Второй автоматчик напрягся, остановившись, и напряженным голосом произнес:

— Джаба? Слушай, тут ведь даже руберов не было, никого старше кусачей я не видел. Так кто же тогда броню Джабы разнес?

Ответ на вопрос Рокки как раз наблюдал во всей красе — тот нарисовался далеко за спинами парочки. Там, за грузовиком, в воздух взмыла тварь — всем тварям тварь. Описывать ее можно бесконечно, и ни одного приятного слова в этом описании не встретится. Габаритами с носорога-переростка и походившая на него благодаря массивным пластинам, прикрывающим тело и голову. Причем тяжелая на вид защита ничуть не сказывалась на стремительности и выглядела элегантно — там и сям торчащие из нее шипы казались посторонними украшениями, которые кто-то зачем-то навесил на самое кошмарное в мире чудовище.

Перелетая через машину, тварь небрежно взмахнула лапой, и у пулеметчика, почти успевшего развернуться навстречу невесть откуда взявшейся угрозе, середина туловища взорвалась фонтаном крови и багровых ошметков, верхняя часть тела улетела далеко в сторону, а нижняя так и осталась стоять, не успев осознать случившееся.

Вопреки всем законам физики, туша весом в несколько тонн двигалась с такой быстротой, что смыкающиеся в предсмертной слабости глаза за ней успевали не всегда. Никто из автоматчиков не успел пустить в ход свое оружие, хотя у одного, по мнению Рокки, шансы были.

Да только толку от этих шансов? Такой образине, наверное, даже крупнокалиберный пулемет нипочем, не говоря уже об оружии поскромнее.

Элита?

Очень даже может быть, потому как вообразить тварь посерьезнее этой — самого смелого воображения не хватит.

Несколько секунд стремительной резни, и автоматчики закончились. Замерев посреди начисто зачищенного поля боя, тварь выпрямилась, затем чуть пригнулась, поворачиваясь то влево, то вправо. Возможно, высматривает уцелевших, но это больше походило на составление меню обеда.

Точнее — на выбор первого блюда.

Из-за грузовика, оставшегося за спиной чудовища, выглянула Няша. Рокки понял, что пришло время предсмертных галлюцинаций, потому как он видел невообразимо невозможное — на ноге девушки виднелась все та же шина, но стояла она твердо, как здоровый человек.

И не захромала, резко сорвавшись с места.

Да нет, это называется — не сорвалась, это уже нечто принципиально

другое, чему непросто подобрать определение. Спутницей будто из пушки выстрелили, она на миг даже в пространстве размазалась, уподобившись по быстроте ничего не подозревающему чудовищу.

Кстати, оно все же успело что-то осознать, потому что характерно дернулось, явно намереваясь развернуться в сторону угрозы. Но нет, слишком поздно, девушка, не теряя темп, запрыгнула на гибкий, разбитый на колючие сегменты хвост и, ловко перебирая ногами по шипам, взлетела до загровка, одновременно замахиваясь. Клинок в ее руке вспыхнул ослепительно-голубым пламенем, которое потухло в тот же миг, как только волшебная сталь погрузилась в бугор на затылке.

Споровый мешок — самое уязвимое место любой твари. У этой оно надежно прикрыто почти со всех сторон, костяная броня развитых монстров даст фору любому другому материалу, даже легированная сталь в сравнении с ней — бумага. Но только не в том случае, когда в ход пустили Кусаку — волшебный меч, способный наносить всесокрушающие удары.

К сожалению, наносит он их редко, но в этом случае достаточно одного.

С той же ловкостью соскользнув с заваливающейся туши, Няша начала бабочкой порхать вокруг грузовика, лихорадочно осматриваясь по сторонам. Начиная осознавать, что вряд ли происходящее можно списать на галлюцинации, Рокки, борясь с непослушным телом и вялостью угасающих мыслей, сумел согнуть руку в локте, чуть ее приподняв.

Получилось — девушка заметила, поняла, что залитое кровью тело не настолько уж мертво, как кажется, и узнала спутника. Подскочила, упала на колени сбоку, вскинула ладони, лицо ее посерело, она только и смогла, что выдавить из себя:

— Рокки...

А тот, растрчивая последние капли жизни, растянул губы в бледной пародии на улыбку и хриплым, не своим голосом, торопясь высказать многое, произнес:

— Интересно получилось, мне ведь в тебе ничего не нравится. Вообще ничего, ты не няша, ты пугало огородное. И почему-то ты лучшая. Самая лучшая. Можешь называть меня придурком, но я его завалил. Твой Ромео улетел... далеко улетел. Как ты там говорила? Смена региона? Вот он и сменил. Пришлось сменить...

— У тебя сейчас тоже будет смена региона!

— Это того стоило. — Он так и продолжал улыбаться. — Ромео, потом Глобус, потом... Дальше хреново получилось, откуда мне было знать, что ментат такой резкий. Ты это видала? Да тут все на респ улетели, лучше не

придумаешь. Я так понял, что они слишком многого ждали от твоего Ромео, а когда я его завалил, тупо слились от первой же стаи дохлятины. Вот где настоящие придурки, куда уж мне до таких...

Рокки было хохотнул, но вместо смеха закашлялся с омерзительным бульканьем, а девушка, мрачней все больше и больше, что резко контрастировало с лихорадочно-наркотическим блеском ее глаз, кивнула:

— Нельзя так шуметь возле больших городов. Опасно это. Рокки, блин, я теперь даже не знаю, что сказать... Вот зачем ты это сделал? Зачем оно тебе было нужно? Зачем?..

— Что?

— Я о Ромео.

— Няш, я ведь тебе русским языком говорил, что я не такой, как некоторые. Расслабься, нет здесь больше твоего Ромео, я решил вопрос. Не знаю, на сколько, но решил.

— Как ты это сделал?! — Голос девушки повысился, в нем начали проскакивать слезливые нотки. — Зачем?! Вот только не надо говорить, что ради меня жизнь слил! Не нужно мне это!

— И ради кого еще мне ее сливать? Ты представляешь, этот неудачник мне зарплату предлагал. Да он придурок похуже меня, ухитрился убиться об полный ноль... — Чувствуя, что слов остается немного, Рокки поторопился направить разговор в куда более важное русло. — Няш, ты это... ты дождись меня.

— Что?!

— Что слышала. Жди, я вернусь за тобой.

— Как?! Зачем?!

— Ну и что тут такого непонятного? Я за тобой вернусь, дождись. И это... Ты со своей психикой к моему возвращению разберись. Просто не забывай, что мы не все такие уж козлы, есть одно исключение. Это я о себе сейчас сказал.

— Блин, опять ты за свои шутки взялся!

— Никаких шуток, все очень серьезно.

— Рокки, ну какое тут может быть возвращение?! Ты забыл?!

— Нет, подруга, я все помню. Да, возвращаться трудно. Невозможно трудно. Но я вернусь, даже не сомневайся. Просто подожди. Немного подожди. Пообещай. Пожалуйста. Мне это нужно. Очень нужно.

Лицо Няши стало очень серьезным, не сводя с Рокки необычного, никогда прежде не замеченного за ней взгляда, она едва заметно кивнула:

— Я дождусь.

Решив самый важный, по его мнению, вопрос, Рокки попытался

улыбнуться и почти неслышно поинтересовался:

— Ты что, спеком укололась?

— Ну а как бы я без него такое устроила?

— Выглядело ничего так. Но это ненадолго. Ты говорила, что эффект быстро проходит. Давай бегом дуй в машину, тут целых две осталось, тебе надо в темпе сваливать отсюда. Здесь нельзя оставаться, мало ли кто еще припрется, ползком ты далеко не уйдешь, а с одной ногой ехать можно. Водишь ты, конечно, как последняя дура, но справишься.

— Да, Рокки, я так и сделаю.

Тот, уже почти ничего не видя, но продолжая растягивать рот в тщетной попытке улыбнуться, задыхаясь, произнес:

— Вот теперь и помирать можно...

— Рокки! — изменившимся голосом вскрикнула Няша.

— Не надо, это не настоящая смерть... все нормально.

— Рокки! Блин! Да я не о том сейчас! Рокки, у погибших в одном бою повышенный шанс оказаться рядом после воскрешения. Понимаешь меня? Ты можешь попасть в один регион с Ромео. Не умирай, секундочку подожди, ну пожалуйста!

Няша предлагает вам сменить имя на Читер. Текущее имя — Рокки. Для согласия вслух произнесите «да», для отрицательного ответа «нет».

— Скажи «да», — умоляюще протянула девушка. — Он ведь знает твое имя, это может сбить его с толку. Меняй быстрее, без меня ты это сделать не сможешь. Я твоя крестная, у меня есть привилегия сменить имя в течение недели. Ну пожалуйста!

— Да... — сумел выдавить из почти одеревеневшего горла Рокки.

Или, вернее, уже Читер.

Няша предлагает вам вступить в ее отряд. Распределение добычи: свободное. Акустическая или внятно-мысленная команда «Вступить/отклонить».

— Это поможет тебе меня найти, — лихорадочно-торопливо пояснила девушка. — Или мне тебя. Между регионами чаты не работают, через черноту тоже, но можно иногда менять некоторые настройки отряда и видеть, что происходит друг с другом, — смерть легко заметить в показателях.

— Вступить... — совсем уж беззвучно, почти ничего не осознавая, скорее подумав, чем произнеся, скомандовал Читер, после чего, глотая окончания слов, добавил: — Улыбнись. Пожалуйста. У тебя хорошая улыбка, делай это чаще. Жаль, я уже ничего не вижу...

— Ради меня никто такое никогда не делал... никто, — замороженно прошептала Няша и, встрепенувшись, прокричала: — Рокки! Читер! Ну блин! Ну вот зачем ты это со мной делаешь?! Зачем?! Придурок, ну разве ты не мог сделать это и выжить?! Неужели так трудно было не дать себя убить?!

Тот, погружаясь во мрак, только и сумел, что едва пошевелить губами, в очередной раз на пределе слышимости произнеся все то же простое слово:

— Дождись...

А затем вслед за зрением отключился слух. Может, это и к лучшему, потому что он не видел и не слышал, как его ненормальная спутница вместо улыбки самым банальным образом позорно изменила своему имиджу сильной и независимой девушки.

Няша, стоя над бездыханным телом на коленях, просто-напросто рыдала, обливаясь потоками слез, некрасиво растягивая свой и без того широкий рот и судорожно заламывая тонкие руки.

А ведь это совершенно не в ее стиле.

Примечания

Героиня использует игровой сленг, где дебаффом называют негативные эффекты, ослабляющие цель путем снижения ее характеристик или негативно воздействуя другими способами. Антипод дебаффа — бафф (позитивный эффект). — *Примеч. авт.*